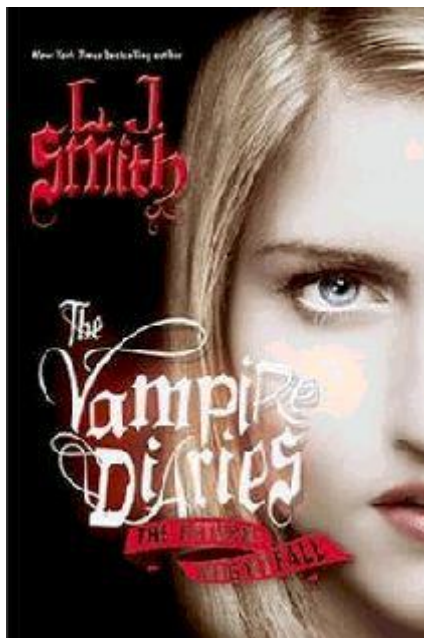

Лиза Джейн Смит
Возвращение: Наступление ночи (пер. Lidenn Husid)

Дневники вампира – 5

Пролог

– Стефан.

Елена была расстроена. Она не могла выдать мысленные слова из себя наружу.

– Стефан. – Добивался он, опершись на локоть и смотря теми глазами, которые каждый раз заставляли ее практически забыть все то, что она хотела сказать. Они сверкали, словно зеленые листья ранней весной в свете солнца.

– Стефан. – Повторил он. – Можешь сказать это, любовь моя?

Елена серьезно взглянула на него снова. Он был настолько красив, что ее сердце разбивалось на части. Бледная кожа, словно высеченное из мрамора лицо и темные волосы, небрежно спадающие на его лоб. Она хотела выразить словами все те чувства, которые были скрыты за ее неуклюжим языком и упрямым разумом. Было так много всего, о чем она должна была его спросить... и сказать ему. Но все не могла произнести ни звука. Слова запутывались на ее языке. Она даже не могла отправить это телепатически – все превращалось в отдельные картинки.

В конце концов, это был всего лишь седьмой день ее новой жизни.

Стефан сказал, что когда она впервые очнулась, вернувшись с того света, она была способна ходить, говорить и делать вещи, которые она, казалось, сейчас совершенно забыла. Он не знал, почему это вдруг произошло. Он никогда не встречал того, кто бы воскрес после смерти, кроме вампиров, разумеется, которым Елена была до гибели.

Стефан также взволнованно говорил, что она училась, словно бушующее пламя,

каждый божий день. Новые картинки, новые мысленные слова. Хотя иногда было проще общаться, чем другое. Стефан был уверен, что она снова станет самой собой когда-нибудь, возможно в ближайшее время. Тогда она опять будет вести себя как обычный подросток, которым она в действительности была. И она больше не будет молодой женщиной с детским умом. Мир духов явно хотел, чтобы она росла, глядя на мир другими глазами, глазами ребенка.

Елена же считала, что духи были немного несправедливы. Что если Стефан найдет себе кого-то нормального, кто может ходить, говорить и даже писать? Елена очень беспокоилась по этому поводу.

Вот почему, несколько ночей назад, Стефан, проснувшись, не обнаружил ее в постели. Он нашел ее в ванной, нервно сосредоточенной на какой-то газете, в попытке разобраться в маленьких закорючках, зовущихся словами, которые она когда-то узнавала. На газете виднелись заметки оставленные каплями слез. Каракули ни о чем ей не говорили.

– Но почему же, любимая? Ты научишься читать снова. Зачем спешить?

Это было, прежде чем он увидел кусочки карандаша, сломанного от слишком крепкого нажатия, и тщательно припрятанные бумажные салфетки. Она использовала их, чтобы пытаться имитировать слова. Ей казалось, что если она сможет писать так, как все нормальные люди, Стефан перестанет спать в кресле и будет обнимать ее на большой кровати. Он не будет искать кого-то старше или умнее. Он бы знал, что она взрослая.

Она видела, как Стефан медленно складывает все это в уме, и как слезы наворачиваются на его глаза. Он был воспитан, никогда не позволять себе плакать независимо от того, что произошло. Он повернулся к ней спиной, медленно и глубоко дыша, приводя чувства в равновесие, что показалось, длилось очень долго.

А потом он поднял ее на руки, и отнес на кровать в своей комнате. Стефан посмотрел ей в глаза и сказал: – Елена, прошу, скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал? Даже если это невозможно, я это сделаю. Я клянусь. Скажи мне.

Все слова, которые она хотела сказать, ему все еще упирались, застряв внутри ее. Ее глаза были залиты слезами, которые Стефан аккуратно вытирал легкими движениями пальцев, словно опасаясь испортить бесценную картину.

Елена подняла голову, закрыв глаза и слегка поджав губы. Ей хотелось поцелуя, но...

– Твой разум сейчас словно у дитя. – Мучительно произнес Стефан. – Как я посмею воспользоваться тобой?

У них был свой язык жестов, еще в той старой жизни. Его Елена до сих пор помнила. Она несколько раз похлопала рукой под подбородком, там, где кожа была самой мягкой. Что означало, что Елена чувствует себя неуютно. Словно переполненная горем. Это означало, что она хотела...

Стефан застонал.

– Я не могу...

Хлоп, хлоп, хлоп...

– Ты еще не пришла в себя...

Хлоп, хлоп, хлоп...

– Послушай, любовь моя...

ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! Она смотрела на него умоляющими глазами. Если бы она могла говорить, ее словами было бы: – Пожалуйста, доверься мне, я же не полная идиотка. Пожалуйста, услышь то, что я не могу сказать.

– Тебе больно. Тебе действительно больно, – Стефан расценил ее поведение, как потрясение из-за отказа. – Я... если я... если только я возьму немного...

И вдруг пальцы Стефана, такие прохладные и уверенные, начали нежно двигаться по ее голове, поднимая ее, и поворачивая под нужным углом, а затем она почувствовала двойной укол, который стал для Елены самым веским в мире доказательством того, что она жива. Того, что она больше не туманный призрак.

И тогда душа Елены наполнилась уверенностью, в том, что Стефан любит ее, и никого другого. И что она сможет сказать Стефану кое-что, что ей так хочется. Но у девушки вырывались только маленькие восклицания. Не от боли. Это было из-за падающих вокруг нее звезд и комет в лучах яркого света. И Стефан не был в состоянии передать ей какие-либо мысли. Он словно сам был немым.

Елена чувствовала, что это было прекрасно. После этого, Стефан обнимал ее всю ночь, и она была абсолютно счастлива.

Глава 1.

Деймон Сальваторе лениво развалился на ветке большого дерева, название которого он не знал. И с какой это спрашивается стати, он должен знать названия всей флоры этого мира? Какого такого черта? Оно было достаточно высокое, что позволяло Деймону заглянуть в спальню Кэролайн Форбс на третьем этаже ее дома, его ветки разрастались так, что на них можно было устроиться словно на скамейке в парке, и этого ему было вполне достаточно. Вампир удобно расположился в развилке чертового дерева, на расстоянии тридцати футов над землей. Руки сложены за головой, одна нога небрежно свисала. Ему было комфортно, как коту на солнышке. И также как у кота, глаза полузакрыты, но при этом тщательно наблюдают за обстановкой.

Он ждал наступления волшебного момента: 4:44 утра, когда Кэролайн будет выполнять свой странный ритуал. Он уже видел это два раза, и был в восхищении.

Вдруг, Деймон почувствовал легкий укол, словно его укусил комар.

Что было смешно, поскольку комары не охотятся на вампиров. Их кровь не представляла никакого интереса для этих насекомых в отличие от крови человека. Но Деймон определенно ощутил крошечный укус комара на своей шее сзади.

Он обернулся, и тщательно осмотрелся, но ничего особенного не увидел, ощущая лишь бальзамическую летнюю ночь окутывающую его.

Все что он видел, это иглы чертовых хвойных и все. Не было никаких букашек на них. Вокруг ничего не летало, и ничего не ползало.

Все было тихо. Да, скорей всего просто чертовы хвойные иглы. Но они, безусловно, доставляли боль. И боль со временем становилась только сильнее, а не наоборот.

Пчела-самоубийца? Деймон осторожно сконцентрировал ощущения в районе укуса. Ни

мешочка с ядом, ни жала. Всего лишь крошечная шишка, которая болела.

Через мгновение его внимание снова привлекло окно.

Он не был точно уверен в том, что происходит, но он смог почувствовать внезапное жужжание в спальне Кэролайн по силе подобное жужжанию высоковольтного провода. Несколько дней тому назад, это привлекло вампира в это место, но когда он прибыл, то никак не мог обнаружить источник.

На часах высветилось 4:40 и будильник издал сигнал. Кэролайн проснулась и ударила по нему так, что звук разлетелся по всей комнате.

Счастливица, злобно подметил Деймон. Если бы я был человеческим мерзавцем, а не вампиром, тогда бы твоя добродетель,... предполагаю, у тебя сколько-то да осталось,... могла бы быть в опасности. К счастью для тебя, мне пришлось бросить все, чем я занимался почти половину тысячелетия назад.

На лице Деймона промелькнула улыбка, посланная куда-то в пространство, она задержалась на пол секунды, а затем погасла, и глаза его вновь стали холодными. Он заглянул в открытое окно.

Да... он всегда чувствовал, что его младший брат Стефан – идиот, не оценивал Кэролайн Форбс должным образом. Не было сомнений в том, что у этой девушки есть на что посмотреть: длинные, загорелые ноги, красивое тело, а также бронзового цвета волосы, которые ниспадали волнами на плечи. А еще она была умна. Разве только, склонна к мести, злобе. Вкуснятина. К примеру, если он не ошибается, она «играет» с небольшими куклами voodoo валяющимися на ее столе.

Потрясающе.

Деймону нравилось видеть столько творчества на рабочем месте.

Чужеродная сила еще вибрировала, и он до сих пор не мог понять, откуда она исходила. Разве что из самой девушки? Конечно же, нет.

Кэролайн поспешно схватила то, что выглядело горсткой шелковистой зеленой паутины. Она сняла свою футболку при выключенном свете едва ли слишком быстро для вампирского глаза и осталась в нижнем белье, что позволяло ей выглядеть как принцесса джунглей. Она пристально смотрела на свое собственное отражение во весь рост в зеркале.

Чего же теперь ты можешь ожидать, малышка? Заинтересовался Деймон.

Хорошо, что он мог стать совсем небольшим и вовсе незаметным. Он вспорхнул темными крыльями, и одно угольное перо упало с дерева на землю, теперь уже на ветке сидел большой черный ворон.

Деймон внимательно смотрел зоркими глазами птицы, как Кэролайн вдруг направилась вперед, словно получила электрический толчок. Губы раскрылись, а взгляд был прикован к тому, что являлось ее собственным отражением.

Потом она приветственно улыбнулась.

Деймон наконец-то смог определить источник энергии. Он находился в зеркале. Не в зеркальном измерении, безусловно, но содержался в нем.

Кэролайн вела себя странно. Она распустила свои длинные бронзовые волосы, дабы они упали в красивом беспорядке обратно вниз, чмокнула губами и улыбнулась, словно любовнику. Когда она заговорила, Деймон слышал ее совершенно ясно.

– Спасибо. Но ты сегодня опоздал.

В спальне кроме нее больше никого не было, и вампир не смог услышать ответ. Но губы Кэролайн в зеркале двигались не синхронно с губами реальной девушки.

Браво! Подумал он, всегда готовый оценить новый трюк с людьми. Хорошо исполнено, кто бы ты ни был!

Читая по губам слова девушки в зеркале, он уловил что-то о жалости. И привлекательности.

Деймон поднял голову.

Кэролайн, в зеркале подумав, сказала: -... ты не должна... после сегодняшнего дня.

Реальная Кэролайн хрипло ответила.

– Но что, если я не смогу обмануть их?

А отражение: – ... помог. Не волнуйся, остальное легко...

– Хорошо. И никому, не будет причинен смертельный вред, да? Я хочу сказать, что мы не говорим о смерти... людей.

Отражение: – Почему мы должны...?

Деймон внутренне улыбнулся. Как много раз он уже слышал нечто, подобное? Он, словно паук, знал: сначала нужно поймать свою муху в паутину, затем успокоить ее, и прежде, чем та поймет, что на самом деле происходит, в ней уже не будет никакой нужды. И тогда, его черные глаза заблестели, пришло время новой мухи.

Теперь руки Кэролайн заламывались на ее коленях.

– До тех пор, пока ты действительно... ты знаешь. То, что ты обещал. Ты это серьезно о любви ко мне?

– ... доверься мне. Я позабочусь о тебе и твоих врагах тоже. Я уже начал...

Внезапно Кэролайн потянулась, и сделала это так, что парни высшей школы Роберта Ли выложили бы кучу денег, чтобы на это посмотреть.

– Это то, что я хочу видеть, – сказала она. – Просто мне так надоело постоянно слушать – Елена это, Стефан то,... и теперь все это может начаться снова.

Кэролайн внезапно замолчала, словно кто-то оборвал разговор по телефону, и она только что осознала это. На момент ее глаза сузились, и губы стали тоньше. Затем она снова успокоилась. Ее глаза глядели в зеркало, а одна рука поднималась к ее животу и улеглась на нем. Она смотрела на него, ее черты медленно, казалось, смягчаются, растворяясь в выражении опасения и тревоги.

Но Деймон не спускал глаз с зеркала ни на мгновение. Зеркало как зеркало, нормальное, обыкновенное зеркало – la ega! Буквально в последний момент, как только Кэролайн отвернулась, мелькнула вспышка чего-то красного.

Пламя?

Что же будет дальше? Подумал он томно, когда взмахнул крыльями, превращаясь из гладкого ворона в чертовски привлекательного молодого человека, лениво развалившегося в разветвлении высокого дерева. Определенно, зеркальное существо не из окрестностей Феллс Черч. Но все это звучало таким образом, что могло означать лишь одно – у братишки неприятности. И хрупкая красивая улыбка на секунду коснулась губ Деймона.

Не было ничего, что он любил бы больше, чем самодовольно наблюдать, как из-за ханжеского Я-лучше-чем-ты-ведь-я-не-пью-человеку-кровь Стефан попадает в передрыгу.

Здесьние подростки и некоторые взрослые рассказывали историю о Стефане Сальваторе и их местной красавице Елене Гилберт, как историю о современных Ромео и Джульетте Феллс Черч. Она отдала свою жизнь, чтобы спасти его, когда они оба были в плену у маньяка, а потом он умер от разбитого сердца. Некоторые даже шептались о том, что Стефан был не совсем человеком... ну или что-то в этом роде. Одержимая любовью Елена умерла, спасая их. Однако Деймон знал истину. Стефан был мертв, задолго до этого, в течение сотен лет. Да, он является вампиром, с этим не поспоришь, но назвать его демоном... тут же на ум приходит призыв Тинки «вооружен и опасен».

Тем не менее, не похоже, чтобы Кэролайн перестала говорить в пустой комнате.

– Ну, погоди у меня, – прошептала она, по пути к неопрятной куче документов и книг, которые были в беспорядке на ее письменном столе.

Она рылась в документах, пока не нашла миниатюрную видеокамеру, которая сияла зеленым светом своего не мигающего глаза. Изящно она подсоединила камеру к компьютеру, и начала вводить пароль.

Деймон обладал зрением многим лучше человеческого, и он ясно видел загорелые пальцы с длинными ногтями сверкающими бронзой: КФПРАВИТ. Кэролайн Форбс правит, подумал он. Жалкая.

Потом девушка обернулась, и он увидел, как ее глаза наполнились слезами. В следующий момент, она неожиданно разрыдалась.

Кэролайн сидела на кровати, сильно плача и раскачиваясь взад и вперед, иногда сжимая яркий матрас в кулаках. Но в основном она просто рыдала и рыдала.

Деймон был поражен. Однако быстро пришел в себя и пробормотал,

– Кэролайн? Кэролайн, я могу войти?

– Что? Кто? – Она бешено осмотрелась вокруг.

– Это Деймон. Могу ли я войти? – Спросил он, с просочившейся в его голос поддельной симпатией, одновременно используя контроль над ней.

Все вампиры обладали такими способностями контроля над смертными. Мощь их Силы, зависит от многих факторов, таких как питание вампира (кровь человека является самой питательной), численность жертв, взаимоотношения между вампиром и жертвой, смена дня и ночи, и еще довольно много всего другого, чего даже Деймон не понимал. Он знал лишь, когда чувствовал, что его собственная Сила оживлялась, так же как в данный момент.

А Кэролайн ждала.

– Я могу войти? – Произнес он своим самым мелодичным и привлекательным голосом, и в то же время вся решительность Кэролайн сокрушилась под его Силой.

– Да, – ответила она, быстро вытирая глаза, по-видимому, не заметив ничего необычного в его появлении в окне спальни на третьем этаже. Их глаза встретились. – Входи Деймон.

Она выдала необходимое для вампира приглашение. Одно изящное движение, и он уже внутри. В ее комнате пахло духами... к тому же отнюдь не тонкими. Теперь он действительно почувствовал себя дико... Это была поразительная кровавая лихорадка, пришедшая, так неожиданно и так неотразимо. Его верхние клыки вытянулись, примерно до половины длинны, а их края были невероятно острыми.

Не было времени для разговоров, не было сил ходить вокруг да около, обхаживая жертву, как он обычно это делал. Для гурманов, разумеется, частью удовольствия является ожидание, однако он нуждался в ней сейчас. Он обратил преобладающую часть своей Силы на контроль над человеческим мозгом и одарил Кэролайн ослепительной улыбкой.

Этого было достаточно.

Кэролайн, которая двигалась к нему, сейчас остановилась. Ее губы, приоткрытые в желании задать вопрос, так и застыли, а ее зрачки внезапно расширились, словно она оказалась в темной комнате, а затем снова сузились, после такими же и остались.

– Я... я... – Она путалась в словах. – Оххх...

Сейчас. Она принадлежала ему. И так легко... даже слишком.

Его клыки пульсировали приятной болью, это чувство предлагало ему нанести удар такой же быстрый, как бросок кобры, по самым деснам вонзив свои зубы в артерию. Он был голоден,... нет, он умирал от голода,... все его тело горело желанием выпить залпом, как он любил. В конечном итоге, там были и другие на выбор, если он осушит этот сосуд до дна.

Осторожно, не отрывая от нее взгляд, он приподнял голову Кэролайн, оставляя незащищенным ее горло со сладкой пульсацией в артериях. Это наводнило все его чувства: биение ее сердца, запах экзотической крови прямо под кожей, густой, спелой и сладкой крови. Его голова кружилась. Он никогда не был так взволнован, так нетерпелив...

Так нетерпелив, что это привело его в замешательство. В конце концов, эта девушка была также хороша, как и другие, не так ли?

И тогда он понял.

Я верну свой собственный разум, благодаря тебе.

В один миг мысли Деймона похолодели, и чувственная аура, которой он был окружен как ловушкой, замерзла моментально. Он отпустил подбородок Кэролайн и замер.

Он почти подвергся влиянию чего-то, что использовало Кэролайн. Оно пыталось поймать его в ловушку, заставить нарушить слово данное Елене.

И снова он смог зафиксировать едва уловимый красный проблеск в зеркале.

Это было одно из тех существ, привлеченных Новой Силой, возникшей в Феллс Черч –

он знал, это. Оно использовало его, поощряя его желания, пытаясь заставить выпить Кэролайн до дна. Взять всю ее кровь, убить человека, то чего он ни разу не сделал после встречи с Еленой.

Почему?

Холодная ярость, он собрался и исследовал все директории своим разумом, чтобы найти паразита. Оно все еще было здесь, зеркало являлось всего лишь порталом для его небольших путешествий. И оно контролировало его,... его – Деймона Сальваторе,... значит, оно должно находиться действительно очень близко.

Тем не менее, он не нашел ничего. Это разозлило его еще больше. Рассеянно потирая шею, он послал прямое сообщение:

«Я предупреждаю тебя один единственный раз. Только один. Держись от МЕНЯ подальше!»

Он послал мысль с мощным потоком Силы, которая сверкала молниями в его собственных ощущениях. Оно должно было замертво грохнуться неподалеку... с крыши, с воздуха или с ветки,... а может даже с соседнего дома. Откуда-то на землю должно было упасть существо, и ему следовало быть в состоянии зафиксировать это.

Деймон чувствовал, как на небе сгущаются тучи, в ответ на его настроение, и ветер сильнее шелестит ветвями деревьев. Но не было ни падения мертвого тела, ни попытки умирающего совершить возмездие.

Он ничего не мог обнаружить на близком расстоянии, достаточном дабы нечто могло внедриться в его разум. И ничего на более дальнем, что он проверил на случай, если это существо настолько сильно. Деймон мог потешаться, иногда делая самодовольный вид, но под этой маской пряталась холодная, логическая способность к самоанализу. Он был сильным. И знал это. Пока он поддерживал себя полноценным питанием, и был свободным от жалких сантиментов, на свете было только несколько существ, которые могли бы ему противостоять,... по крайней мере, в этом измерении.

Два из них уже побывали здесь, в Феллс Черч, прозвучал насмешливый контрапункт в его голове, но Деймон пренебрежительно пожал плечами. Безусловно, поблизости не может быть никаких других Древних вампиров, иначе он почувствовал бы их. Обычные вампиры, да, они уже стекаются сюда. Но все они были слишком слабы для того, чтобы проникнуть в его разум.

Определенно в округе не было равных Деймону существ, способных бросить ему вызов. Он бы это ощутил, равно как пылающие энергетические линии «Лей» сверхъестественной магической природы, пересекающиеся в Феллс Черч.

Деймон вновь взглянул на Кэролайн, по-прежнему неподвижную, по-прежнему в трансе, в который он ее ввел. Она выйдет из него постепенно, не самый худший опыт,... из того что сделал с ней он, по крайней мере.

Вампир повернулся и изящно, как пантера, качнулся из окна на дерево, а затем с высоты тридцати футов легко приземлился на землю.

Глава 2

Деймону пришлось провести в ожидании несколько часов, дабы появилась иная возможность довольствования пищей, – слишком много девушек пребывало в глубоком сне, и он был в ярости. Голод, который это существо пробудило в нем, был реален. Даже если это нечто не преуспело в том, чтобы сделать Деймона своей марионеткой. Он нуждался в крови, и он нуждался в ней немедленно.

Только тогда он подумает о последствиях появления странного гостя в зеркале Кэролайн. Этого поистине демонического духа любовника, который передал девицу Деймону, дабы тот убил ее. Даже когда притворялся, что имеет с ней дело.

Девять утра он ехал вниз по главной улице города, мимо антикварного магазина, кафе, лавочки с поздравительными открытками.

Стоп. Вот оно. Новый магазин, в котором продавались темные очки. Он припарковался и вышел из машины с элегантностью движений, рожденной в столетиях небрежной ходьбы, не затрачивающей и капли энергии. Еще одна мгновенная ослепительная улыбка, вспыхнула и погасла на лице Деймона, когда он, восхищаясь своим отражением в темном стекле окна, подходил к двери. «Да, независимо от того как Вы на это смотрите, я великолепен», думал он рассеянно.

Висящий над дверью колокольчик звякнул, когда вампир вошел. Внутри была пухлая и очень симпатичная девочка, с каштановыми волосами, собранными сзади и большими голубыми глазами.

Она увидела Деймона и застенчиво улыбнулась.

– Привет. – И хоть он и не спросил, она добавила дрожащим голосом: – Я Пейдж.

Деймон окинул ее долгим и неторопливым взглядом, который закончился в улыбке, медленной, блестящей, и соучаствующей. – Привет, Пейдж, – сказал он, растягивая каждое слово.

Пейдж сглотнула: – Могу я вам чем-нибудь помочь?

– О да, сказал Деймон, удерживая ее взгляд: – Я думаю да.

Он стал серьезным. – Знаете ли Вы, – сказал он, – что производите впечатление хозяйки Средневекового Замка? – Пейдж побледнела, а затем густо покраснела, ... от чего смотрелась все лучше и лучше... – Я... я всегда хотела родиться в те времена. Но как вы узнали это?

Деймон лишь улыбнулся.

Елена смотрела на Стефана широкими глазами, которые были темно-синими как лазурит с вкраплениями золота. Он только что сказал ей, что у нее будут посетители! За все семь дней после возвращения из загробной жизни, у нее еще ни разу... ни единого... не было посетителя.

Перво-наперво, она решила узнать, кто же этот визитер.

Уже спустя пятнадцать минут после входа в магазин темных очков, Деймон насвистывая что-то, шел по тротуару. Совершенно новая пара солнцезащитных очков Ray-Bans украшала его и без того прекрасное лицо.

Пейдж прилегла немного вздремнуть на полу. Позже, ее босс будет угрожать вычесть стоимость очков из ее зарплаты. Но прямо сейчас ей было тепло, она чувствовала себя безумно счастливой, и у нее были воспоминания об экстазе, который она никогда не забудет.

Деймон рассматривал витрины. Однако, не совсем так как стал бы это делать обычный человек. Сладкая пожилая женщина позади прилавка с поздравительными открытками... нет. Парень в магазине электроники... нет.

Но... что-то тянуло его в магазин электроники. Такие умные устройства они изобретают в эти дни. У него было сильное желание приобрести маленькую видео камеру размером с ладонь. Деймон привык удовлетворять свои желания, и не был придиричив к донорам в чрезвычайных ситуациях. Кровь есть кровь, независимо от того, откуда ты ее берешь. Спустя несколько минут после того, как ему показали, как работает эта маленькая игрушка, он уже шел по тротуару с ней в кармане.

Он просто наслаждался прогулкой, не смотря на то, что его клыки опять болели. Странно, он должен быть сытым. Хотя, вчера-то он ничего не ел. Видимо, это и есть причина его никак не утихающего голода; это и Сила, которую он использовал против чертового паразита в комнате Кэролайн. Но тем временем он наслаждался работой своих мышц: гладко и без усилий, как добротно смазанный механизм, делая каждое движение восхитительным.

Он потянулся разок, получая от этого чистейшее животное удовольствие, а затем снова остановился, чтобы рассмотреть себя в витрине магазина антиквариата. Немного более взъерошенный, но в остальном так же красив, как и всегда. И он был прав; очки Ray-Bans выглядели на нем угрожающе. Магазин антиквариата принадлежал вдове с довольно милой и весьма юной племянницей, он определенно знал это.

Внутри помещения было несколько тускло, и работал кондиционер.

– Знаете, – обратился он к девушке, когда та вышла к нему в ожидании, – Вы встретили меня как человек очень любознательный. Хотели бы увидеть много разных стран?

Некоторое время спустя Стефан объяснил Елене, что посетители являются ее друзьями, ее хорошими друзьями. Он хотел, чтобы она оделась. Елена не понимала почему. Было жарко. Она согласилась носить ночную сорочку (в течение, по крайней мере, большинства ночей), но днем было еще жарче, и у нее не было дневного платья.

Кроме того, одежда, которую он предлагал ей,... была пара его джинсов, подкатанных снизу, и рубашка поло, которая будет слишком большой... Это было... неправильно, как-то. Когда она коснулась рубашки, в ее голове возникли картины сотен женщин в маленьких комнатах с плохим освещением, отчаянно работающих за швейными машинами.

– Из подпольного цеха? – произнес, пораженный Стефан, когда она показала ему картинку в своем разуме. – Эти? – Он торопливо бросил одежду на пол в туалете.

– Как насчет этого? – Стефан вручил ей другую рубашку.

Елена рассудительно изучила ее, поднеся к щеке. Никаких потных, отчаянно шьющих женщин.

– Хорошо? – сказал Стефан. Но девушка замерла. Она подошла к окну и выглянула.

– Что случилось?

На сей раз, Елена послала ему только одну картинку. Которую он узнал сразу же.

Деймон.

Стефан чувствовал сжатие в его груди. Старший брат делал существование Стефана настолько несчастным, насколько это было возможно, в течение почти половины тысячелетия. Каждый раз, когда Стефану удавалось бежать, Деймон разыскивал его, в поисках... чего? Мести? Немного заключительного удовлетворения? Они убили друг друга в такой же ситуации, далеко в прошлом. Их боевые мечи проникли в сердца друг друга почти одновременно, в поединке из-за девушки вампира. И теперь все только усугубилось.

Но он также несколько раз спасал твою жизнь, внезапно подумал Стефан в замешательстве. И вы обещали, что будете присматривать друг за другом, будете заботиться друг о друге.

Стефан пристально посмотрел на Елену. Она была тем, кто заставил их обоих дать эту клятву, когда она умирала. Девушка оглянулась, ее глаза были прозрачными, темно-синими, озерами невинности.

В любом случае, ему придется иметь дело с Деймоном, который теперь парковал свой Феррари около Порше Стефана перед пансионом.

– Оставайся здесь и,... и держись подальше от окна. Пожалуйста, – торопливо сказал Стефан Елене. Он выскочил из комнаты, закрыл дверь, и почти побежал вниз по лестнице.

Он нашел Деймона, прислонившимся к Феррари, и изучающим экстерьер обветшалого пансиона... сначала через солнцезащитные очки, затем приспустив их. Выражение его лица говорило о том, что ему нет никакого дела и никакой разницы, с какой бы стороны вы не пытались на это взглянуть.

Но не это было первостепенной задачей Стефана. Этим была аура Деймона и разнообразие различных ароматов, находившихся на нем – которые никакой человеческий нос никогда не сможет обнаружить, и тем более распутать.

– Чем ты занимался? – Сказал Стефан, слишком потрясенно, даже для небрежного приветствия.

Деймон выдал ему улыбку на 250 Ватт. – Антиквариат, – сказал он, и вздохнул. – О, и я устроил небольшой шопинг. – Он пробежался пальцами по новому кожаному ремню, коснулся кармана с видео камерой, и подтолкнул обратно свои Ray-Bans. – Можешь в это поверить, – сей пыльный маленький городишко, позволяет прилично отовариться? Обожаю покупки.

– Любишь красть, ты имеешь в виду. И все это не составляет даже половины тех запахов, которые я могу почувствовать на тебе. Ты умираешь или просто с ума сошел? – Иногда, когда вампир был отравлен или уступил одному из немногих таинственных проклятий или болезней, которые сокрушают их вид, они питались бы лихорадочно, неудержимо, бесконтрольно нападая на всех людей,... животных,... какие только подвернутся под руку.

– Всего лишь голоден, – Деймон ответил учтиво, все еще рассматривая пансион. – И кстати, что приключилось с твоей любезностью? Я проделал сюда такой путь, и что я получил «Привет, Деймон» или «Рад тебя видеть, Деймон»? Нет. Вместо этого я слышу, «Чем это ты занимался, Деймон?» Он выдал имитацию нытья, с дразнящим подъездом. – Интересно, что Синьор Марино подумал бы об этом, братишка?

– Синьор Марино, – сказал Стефан сквозь зубы, удивляясь, как Деймону удастся всякий раз задевать его за живое... сегодня реверанс их старому наставнику этикета и танцев... – является прахом уже в течение сотен лет, и по сей день,... как и мы должны были бы. Но он сейчас не имеет никакого отношения к разговору, брат. Я спросил тебя, чем ты занимался, и ты знаешь, что я имел в виду,... ты, должно быть, пустил кровь половине девочек в городе.

– Девочки и женщины, – упрекнул Деймон, шутливо поднимая палец. – Мы должны быть политкорректными, в конце концов. А может, тебе стоило бы поближе рассмотреть собственную диету. Если бы ты пил больше, возможно начал бы полнеть. Кто знает?

– Если бы я пил больше...? – было много вариантов закончить предложение, но ни одного хорошего. Вместо этого он сказал стройному, компактному и не такому высокому Деймону: – Какая жалость, что ты никогда не вырастешь даже на пару миллиметров, как долго бы ни жил. А теперь, почему бы тебе не рассказать, зачем ты явился сюда, после посещения такого количества закусовых, в которых мне придется прибраться,... насколько я тебя знаю.

– Я здесь, потому что я хочу назад свою кожаную куртку. – Отрезал Деймон.

– Почему бы просто не украсть дру...? – Стефан замолк, поскольку он внезапно полетел назад и затем оказался прижатым к стене пансиона, лицом к лицу с Деймоном.

– Я не крал эти вещи, мальчик. Я отплатил за них – своей собственной монетой. Мечтами, фантазиями, и удовольствиями далекими от этого мира. – Деймон сказал последние слова с акцентом, так как знал, что это еще больше приведет Стефана в бешенство.

И Стефан был в бешенстве... и перед дилеммой. Он знал, что Деймон пришел полюбопытствовать на счет Елены. Это было плохо. Но еще прямо сейчас Стефан увидел странный блеск в глазах брата. Как будто зрачки, на мгновение, отразили пламя. И все, что Деймон делал сегодня, было ненормальным, не свойственным. Стефан не понимал что происходит, но он знал, как Деймон собирается заканчивать это.

– Настоящему вампиру не приличествует платить, – говорил Деймон своим наиболее дразнящим тоном. – Де-факто, мы столь нечестивы, что с нас причитается быть прахом. Не так ли, братец? – Он поднял руку, на пальце которой он носил кольцо с лазуритом, не позволяющее ему превращаться в прах в золотых лучах солнца. И затем, поскольку Стефан сделал попытку движения, Деймон этой же рукой, прижал запястье Стефана к стене.

Младший вампир совершил обманный маневр влево и затем сделал выпад вправо, чтобы выбраться из захвата Деймона. Но Деймон был быстр как змея... нет, быстрее. Намного быстрее, чем обычно. Быстрый и сильный со всей энергией жизненной силы, которую он поглотил.

– Деймон, ты... – Стефан был так зол, что на время потерял способность мыслить здраво, и попытался сбросить с себя ногу Деймона.

– Да, это я, Деймон, – ликующе сказал старший брат с ядом в интонации. – И я не плачу, если не склонен к этому; я лишь беру. Я беру то, что желаю, и ничего не даю взамен.

Стефан смотрел в те горящие черным на черном глаза и снова увидел крошечное

мерцание пламени. Он попытался собраться с мыслями. Деймон всегда спешил напасть, и нанести обиду. Но не так как сейчас. Стефан знал брата достаточно долго, чтобы понять, что что-то в нем отключилось; что-то было не так. Деймон казался слишком возбужденным... лихорадочным. Стефан послал маленькую волну Силы вроде разведывательного зонда к своему брату, пытаясь дотронуться до того, что было другим.

– Да, я вижу, что ты удумал. Вот только ничегошеньки ты не добьешься, во всяком случае, таким путем. – Сказал Деймон перекошено, и затем внезапно внутренности Стефана, и все его тело было в огне. Оно было в агонии, поскольку Деймон набросился на него с карательным кнутом своей Силы.

И сейчас, какой бы ни была боль, он должен быть холодно рациональным, он должен был продолжать думать, не только сопротивляться. Он сделал маленькое движение, поворачивая голову в сторону, смотря на двери пансиона. Только бы Елена осталась внутри...

Но думать было трудно, ведь Деймон все еще хлестал его. Он дышал быстро и тяжело.

– Вот именно, – сказал Деймон. – Мы вампиры берем – это урок, который тебе следует усвоить.

– Деймон, мы, вообще-то должны заботиться друг о друге... мы обещали...

– Да, и я собираюсь позаботиться о тебе прямо сейчас.

И Деймон укусил его.

Он пил его кровь.

Это было еще более болезненным, чем порка Силой, и Стефан тщательно держал себя в руках, чтобы не сопротивляться. Острые как бритва зубы не должны были причинить боль, когда ворвались в его сонную артерию, но Деймон держал его под углом, – схватив за волосы – сознательно именно таким образом, что они причинили ее.

Вот тогда прибыла реальная боль. Мука вытягивания крови против Вашего желания, через Ваше сопротивление. Это была такая пытка, которую люди бы сравнили с выкорчевыванием их душ из их живых тел. Они сделали бы что угодно, лишь бы избежать этого. Это была одна из величайших физических мук, которые Стефан когда-либо испытывал. Слезы боли навернулись на его глаза, и покатались вниз по вискам в волнистые темные волосы.

Худшее оскорбление для вампира, это когда другой вампир, относится к тебе как к человеку, обращается как с мясом. Сердце Стефана стучало у него в ушах. Он корчился под двумя лезвиями разделочных клыков Деймона, пытаясь смириться с тем, что его используют таким образом. По крайней мере – слава Богу – Елена послушала его и осталась в комнате.

Стефан уже начал задаваться вопросом, не сошел ли Деймон действительно с ума, и хочет убить его. Когда, наконец, Деймон освободил брата с толчком, который выбил младшего из равновесия. Стефан споткнувшись упал, прокатившись при этом по земле и поднял глаза вверх, лишь для того чтобы обнаружить Деймона, стоящим на нем снова. Затем он сжал пальцами рваную плоть на своей шее.

– А сейчас, – сказал Деймон холодно, – ты поднимешься и принесешь мне мою куртку.

Стефан медленно поднялся. Он знал, что Деймон должно быть смакует все это: унижение Стефана, то как его опрятная одежда помялась и испачкалась в траве и грязи с клумбы миссис Флауверс. Он приложил все усилия, чтобы стряхнуть их одной рукой, другую он все еще прижимал к шее.

– Ты тих, – заметил Деймон, прислоняясь к Феррари, пробегаясь языком по губам и деснам, глаза немного прикрыты от удовольствия. – Никакой дерзости в ответ? Даже словечка? Полагаю, мне стоит чаще преподавать тебе этот урок.

У Стефана была проблема с передвижением ног. Ну, все происходит так, как и следовало ожидать – думал он, возвращаясь к пансиону. Затем он остановился.

Елена высунулась из открытого окна с курткой Деймона в руках. Выражение ее лица было очень сдержанным, если учесть, что она все видела.

Для Стефана это был шок, но он подозревал, что еще большим шоком это было для

Деймона.

И затем Елена свернула куртку и, размахнувшись, бросила ее с такой точностью, что та упала прямиком на ноги Деймона, обернувшись вокруг них.

К удивлению Стефана, Деймон побледнел. Он взял куртку так, словно по-настоящему не хотел к ней прикасаться, при этом, не сводя глаз с Елены. Затем сел в свою машину.

– До свидания, Деймон. Не могу сказать, что было приятно.

Без единого слова, как обиженный на весь мир непослушный ребенок, которого отшлепали, Деймон включил зажигание.

– Просто оставь меня в покое. – Невыразительно произнес он низким голосом, и пропал в облаке пыли и гравия.

Глаза Елены не были безмятежными, когда Стефан закрывал за собой дверь в комнату. Они сияли светом, который почти остановил его в дверном проеме.

«Он причинил тебе боль».

– Он всем причиняет боль. Кажется, он ничего не может с этим поделать. Но было что-то странное в нем сегодня. Я не знаю что. Сейчас, мне все равно. Но посмотри-ка на себя, ты говоришь предложениями!

«Он...», Елена сделала паузу, и впервые с того времени, как она открыла свои глаза на поляне, где она возродилась, на ее лбу появилась морщина хмурого взгляда. Она не могла вывести картинку. Она не знала правильные слова. «Что-то внутри него. Растет в нем. Как... холодный огонь, темный свет», сказала она, наконец. «Но скрытый. Огонь, который горит на изнанку».

Стефан пытается сопоставить это со всем, что он слышал, но вышел белый лист. Он был все еще унижен тем, что Елена видела произошедшее. – Все что я знаю, это то, что в нем моя кровь. Наряду с кровью половины девушек города.

Елена закрыла глаза и медленно покачала головой. Тогда, словно решив пойти другим путем, она похлопала по кровати рядом с собой.

«Подойди» добавила она уверенно, глядя вверх. Золото в ее глазах казалось особенно блестящим. «Позволь мне... снять... боль»

Когда Стефан не подошел немедленно, она протянула свои руки. Стефан знал, что он не должен подходить, но он пострадал... особенно его гордость.

Он пошел к ней и наклонился, чтобы поцеловать ее волосы.

Глава 3

Позднее в тот же день Кэролайн Форбс сидела с Мэттом Ханикаттом, Мередит Салез и Бонни Маккалоу, и все они слушали Стефана по мобильному телефону Бонни (в режиме видео звонка).

– Позже, вечером будет лучше, – сказал Стефан Бонни. – Она ненадолго задремала после обеда,... и в любом случае, через пару часов будет прохладней. Я сказал Елене, что вы зайдете, и она с нетерпением ждет вас. Но запомните две вещи. Во-первых, с ее возвращения прошло только семь дней, и она пока... немного не в себе. Я думаю, она избавится от своих... «симптомов»... через несколько дней, но пока ничему не удивляйтесь. И, во-вторых, никому не говорите о том, что вы здесь увидите. Никому.

– Стефан Сальваторе! – Бонни была возмущена и обижена, – После всего того, через что мы все вместе прошли, ты думаешь, мы разболтаем?

– Не разболтаете, – голос Стефана стал мягче. Но Бонни продолжала.

– Мы вместе прошли через негодных вампиров и городское привидение, и оборотней, и Древних, и тайные склепы, и серийные убийства и... и... Деймона... и мы когда-нибудь рассказывали людям об этом? – сказала Бонни.

– Прости, – ответил Стефан, – Я просто имел в виду – Елена не будет в безопасности, если кто-нибудь из вас расскажет даже одному человеку. Все закончится тем, что в газетах

немедленно появятся заголовки: ДЕВУШКА ВЕРНУЛАСЬ К ЖИЗНИ. И что мы тогда будем делать?

– Я это понимаю, – кратко сказала Мередит, наклоняясь вперед так, чтобы Стефан мог ее увидеть, – Тебе не нужно волноваться. Каждый из нас даст обет никому не рассказывать. Взгляд ее темных глаз резко метнулся к Кэролайн и затем снова от нее.

– Мне нужно спросить вас, – Стефан использовал все свои манеры воспитанные в эпоху Ренессанса, вежливость и галантность, особенно учитывая, что трое из четверых человек, наблюдающих за ним по телефону – девушки. – У вас действительно есть какой-то способ привести ритуал в исполнение?

– О, я думаю да, – весело сказала Мередит, на этот раз, смотря Кэролайн прямо в глаза. Кэролайн залилась краской, ее бронзовые щеки и шея покраснели. – Давайте этим займемся, а во второй половине дня, мы придем.

Бонни, которая держала телефон, произнесла: – Кто-нибудь хочет что-то еще сказать?

Мэтт хранил молчание на протяжении почти всего разговора. Сейчас он кивнул головой, заставляя взлететь копну его светлых волос. Затем, точно не мог больше сдерживать себя, выпалил:

– А мы можем поговорить с Еленой? Просто сказать ей «привет»? Я имею в виду – прошла уже целая неделя...

Его загорелая кожа пылала в солнечном свете почти так же ярко, как у Кэролайн.

– Я думаю, вам лучше просто зайти. Вы поймете почему, когда придете сюда. – Стефан положил трубку.

Они были в доме Мередит, сидели на заднем дворе вокруг старого садового столика.

– Ну, по крайней мере, мы можем принести им немного еды, – предложила Бонни, резко поднимаясь с места. – Бог знает, какую еду им там готовит Миссис Флауэрс – и если вообще готовит.

Она замахала на остальных руками, как будто пыталась поднять их со стульев с помощью левитации.

Мэтт начал подчиняться, но Мередит осталась сидеть на месте. Она тихо сказала:

– Мы же только что пообещали Стефану. Так что обет в первую очередь. И последствия.

– Я знаю, ты думаешь обо мне, – произнесла Кэролайн – Почему бы тебе не сказать это прямо?

– Хорошо, – сказала Мередит, – Я думаю о тебе. Почему ты так внезапно снова заинтересовалась Еленой? Как мы можем быть уверены, что ты не станешь распространять новости по всему Феллс Черч?

– Да зачем мне это?

– Внимание. Тебе бы хотелось быть в центре толпы, предоставляя ей каждую пикантную подробность.

– Или месть, – добавила Бонни, внезапно снова усаживаясь на место – Или зависть. Или просто от скуки. Или...

– Ладно, – прервал Мэтт – Я думаю, достаточно уже с указанием причин.

– Только еще одна деталь, – тихо сказала Мередит – Почему ты так сильно беспокоишься о том, чтобы увидеть ее, Кэролайн? Вы обе не могли вместе ужиться почти целый год, с тех самых пор, как Стефан приехал в Феллс Черч. Мы позволили тебе присоединиться к телефонному разговору со Стефаном, но после того, что он сказал...

– Если вам действительно нужна причина, почему я так беспокоюсь об этом, после всего что произошло неделю назад, ну... ну, я думала вы все поняли и без слов! – Кэролайн сфокусировала свои сверкающие кошачьи зеленые глаза на Мередит.

Мередит посмотрела в ответ со своим лучшим ничего не говорящим выражением лица.

– Хорошо! – сказала Кэролайн – Она убила его ради меня. Или представила его перед Судом, или как-то так. Того вампира, Клауса. И после того похищения и... и... и... пользования, как игрушкой... когда бы Клаусу не захотелось крови...или... – Ее лицо

перекосилось, а дыхание участилось.

Бонни почувствовала жалость, но она все равно была осторожной. Ее интуиция ныла, предупреждая ее. И она заметила, что хоть Кэролайн и говорила о том вампире, Клаусе, она странно промолчала о другом своем похитителе, Тайлере Смоллвуде, оборотне. Может быть потому, что Тайлер был ее парнем до тех пор, пока он и Клаус не захватили ее в заложники.

– Извини, – сказала Мередит тихим голосом, в котором действительно звучало сожаление – Значит, ты хочешь поблагодарить Елену.

– Да, я хочу поблагодарить ее. – Кэролайн тяжело дышала – И я хочу убедиться, что она в порядке.

– Хорошо. Но обет займет некоторое время, – спокойно продолжила Мередит – Ты можешь передумать завтра, на следующей неделе, или месяц спустя... мы даже еще не думали о последствиях.

– Послушай, мы ведь не можем угрожать Кэролайн, – сказал Мэтт – Не физической расправой.

– Или заставлять других людей угрожать ей, – тоскливо произнесла Бонни.

– Нет, мы не можем, – сказала Мередит – Но в самой ближайшей перспективе... ты будешь давать обещание о вступлении в женскую общину предстоящей осенью, не так ли, Кэролайн? Я всегда смогу рассказать твоим предполагаемым сестрам, что ты нарушила свою торжественную клятву касательно кого-то, кто бессилен навредить тебе... кто, я уверена, и не желает навредить тебе. И что-то мне подсказывает, что им не будет до тебя никакого дела после этого.

Лицо Кэролайн снова густо покраснело. – Ты не сделаешь этого. Ты не будешь вмешиваться в дела моего колледжа...

Мередит оборвала ее всего двумя словами: – Испытай меня.

Кэролайн, казалось, потеряла присутствие духа.

– Я никогда не говорила, что не буду давать обет, и я никогда не говорила, что не выполню его. Просто дайте мне шанс, почему нет? Я... я многое поняла этим летом.

Хотелось бы надеяться. И хоть эти слова, никто не сказал вслух, они словно нависли над всеми. Хобби Кэролайн весь последний год заключалось в поисках способов навредить Стефану и Елене.

Бонни сменила позу. Было что-то... темное... за тем, что говорила Кэролайн. Она не понимала как, но она это знала; работа шестого чувства, с которым она родилась. Но возможно, это просто связано с тем, насколько сильно Кэролайн изменилась, от того, что она узнала, говорила себе Бонни.

Взять только то, сколько раз на прошлой неделе она спрашивала у ведьмы о Елене. Как она себя чувствовала? Могла ли Кэролайн послать ей цветы? Могла ли Елена уже принимать посетителей? Когда ей станет лучше? Кэролайн действительно была надоедливой, хоть у Бонни и не хватило духу сказать ей об этом. Все остальные с таким же нетерпением ждали встречи с Еленой, увидеть как она там... после возвращения с Того Света.

Мередит, у которой всегда были ручка и бумага, набросала какие-то слова. Затем сказала: – Как насчет этого? – И они все наклонились вперед, чтобы посмотреть на планшет.

Я клянусь никому не говорить ни о каких сверхъестественных событиях, касающихся Стефана или Елены, если не получу на это специальное разрешение от самих Стефана или Елены. Я также буду помогать наказывать любого, кто нарушит данную клятву, если так решат остальные члены группы. Этот обет дается навечно, моя кровь – мой свидетель.

Мэтт кивал головой.

– «Навечно» – превосходно, – сказал он – Звучит так, будто это написал прокурор.

То, что происходило дальше, в суде никогда не практиковалось. Каждый из присутствующих вокруг стола, брал этот лист бумаги, прочитывал его вслух, и затем торжественно подписывал. Потом каждый прокалывал палец булавкой, которую Мередит носила в дамской сумочке, и добавлял каплю крови после подписи. Бонни закрыла глаза, когда прокалывала свой палец.

– Сейчас это действительно скреплено, – сказала она решительно, тоном знатока – Я бы не стала пытаться нарушить эту клятву.

– С меня уже хватит крови, причем надолго, – сказал Мэтт, сжимая свой палец и мрачно смотря на него.

И именно тогда это произошло. Контракт Мередит покоился на середине стола, так, чтобы все могли любоваться им, когда с высокого дуба, где задний дворик граничил с лесом, внезапно спикировал ворон. Он приземлился на стол с сырым гортанным криком, от чего закричала и Бонни. Ворон взвел глаз на четырех людей, которые поспешно отодвигали назад свои стулья, чтобы убраться с его дороги. Затем он взвел голову в другую сторону. Это был самый большой ворон, которого они когда-либо видели, а солнце радугой отблескивало от его оперенья.

Казалось, ворон точно так же изучает соглашение. И затем он сделал что-то так быстро, что заставило Бонни метнуться за Мередит, спотыкнувшись об ее стул. Ворон расправил крылья, наклонился вперед, и яростно клюнул бумагу, словно целясь в два определенных места.

И после этого он улетел, сперва взмахивая крыльями, а затем высоко парил, пока не стал крошечным, черным пятном на солнце.

– Он испортил всю нашу работу! – завопила Бонни, все еще находясь в безопасности за спиной Мередит.

– Я так не думаю. – Сказал Мэтт, который был ближе к столу.

Когда они осмелились придвинуться вперед и посмотреть на листок бумаги, Бонни почувствовала себя так, словно на нее накинули покрывало из льда. Ее сердце заколотилось.

Невозможно, однако, места, куда ворон яростно клевал, были красными, будто он срыгнул кровь, чтобы раскрасить их. И красные знаки, удивительно тонкие, напоминали витиеватый почерк:

Д

И под этим:

Елена моя.

Глава 4

С подписанным контрактом, благополучно скрывшимся в сумочке Бонни, они подъехали к пансиону, в котором Стефан поселился снова. Ребята искали миссис Флауэрс, но, как обычно, не могли ее найти. Поэтому они шли медленно по протертому ковру, громко оповещая о своем прибытии.

– Стефан! Елена! Это мы!

Дверь на самом верху открылась и из нее показалась голова Стефана. Он выглядел... как-то по-другому.

– Счастливее, – мудро прошептала Бонни Мередит.

– Разве?

– Конечно. – Бонни была потрясена. – У него снова есть Елена.

– Да, есть. Только она такая, какой была при их самой первой встрече. Зуб даю. Ты видела ее в лесу. – Тон Мередит был тяжелым и многозначительным.

– Но... это... о, нет! Она снова человек!

Мэтт посмотрел вниз с лестницы и прошепел, – Вы две, может, хватит? Они же нас слышат.

Бонни была смущена. Естественно Стефан слышал их, но если вы собираетесь беспокоиться о том, что Стефан мог услышать, то вы должны были бы побеспокоиться и о

том, какими были ваши мысли. Ведь Стефан всегда сумеет уловить то, о чем вы думали, даже постфактум, если не конкретные слова, то форму точно.

– Мальчики! – протянула Бонни. – В смысле, я знаю что они совершенно необходимы и все такое, но иногда они Просто Не Догоняют.

– Подожди, пока попробуешь мужчин, – прошептала Мередит, и Бонни подумала об Аларихе Зольцмане, студенте колледжа, который более или менее интересовал Мередит.

– Я могла бы рассказать вам пару вещей, – добавила Кэролайн, рассматривая свои длинные ухоженные ногти с видом вселенской скуки.

– Думаю, Бонни рано знать даже одну из них. И у нее достаточно времени, чтобы учиться, – по-матерински твердо сказала Мередит. – Давайте уже войдем.

– Садитесь, садитесь, – поощрил Стефан, когда они вошли. Прекрасный хозяин. Но никто не мог сесть. Все глаза были устремлены на Елену.

Она сидела в позе лотоса перед единственным открытым окном комнаты, ветер волновал ее длинную белую ночную сорочку. Ее волосы снова были истинным золотом. Не опасным белым золотом, которым они стали, когда Елена превратилась в вампира. Она выглядела точно также, какой помнила ее Бонни.

За исключением того, что девушка парила на расстоянии трех футов от пола.

Стефан увидел, как все таращатся.

– Это лишь немного, из того что она делает, – сказал он почти извиняющимся тоном. – Она проснулась на следующий день после нашей борьбы с Клаусом и начала парить. Я думаю, что гравитация еще не совсем овладела ею.

Он повернулся к Елене. – Смотри, кто пришел, к тебе, – сказал он соблазнительно.

Елена смотрела. Ее испещренным золотом синим глазам, было любопытно, она улыбалась, но не было никакого признания, поскольку она скользила взглядом от одного посетителя к другому.

Бонни протянула к ней руки.

– Елена? – сказала она. – Это я, Бонни, помнишь? Я была там, когда ты вернулась. Я так рада тебя видеть.

Стефан попробовал еще раз. – Елена, помнишь? Это твои друзья, твои хорошие друзья. Высокая, темноволосая красотка это Мередит, пламенный маленький эльф это Бонни, а парень со всеамериканским видом это Мэтт.

Что-то промелькнуло в лице Елены, и Стефан повторил, – Мэтт.

– А как на счет меня? Или я невидимка? – сказал Кэролайн, с порога. Ее голос звучал достаточно добродушно, но Бонни отлично знала, как вид того что Стефан и Елена снова вместе и вне опасности, заставляет Кэролайн скрежетать зубами.

– Ты права. Извини, – сказал Стефан, и он сделал то, что никакой обычный восемнадцатилетний, возможно, не осуществил, не будучи при этом похожим на идиота. Он взял руку Кэролайн и поцеловал ее так изящно и легкомысленно, словно он был неким графом почти половину тысячелетия назад. Что в принципе не так уж далеко от истины, подумала Бонни.

Кэролайн выглядела немного самодовольной, так как Стефан не торопился, целуя ее руку. Потом он сказал, – И последняя, но последняя не по значимости, вот эта загорелая красота Кэролайн. – Тогда, очень мягко, тоном, который Бонни слышала только несколько раз, за все время, что она знала Стефана, он сказал: – Неужели ты не помнишь их, любимая? Они почти умерли за тебя – и за меня. – Елена легко парила, теперь в положении стоя, качаясь как пловец, пытающийся держаться на одном месте.

– Мы сделали это, потому что нам не все равно, – сказала Бонни, и снова подняла руки для объятий. – Но мы никогда не думали, что ты вернешься к нам, Елена. – Ее глаза наполнились слезами. – Ты вернулась к нам. Разве ты нас не знаешь?

Елена поплыла вниз, пока не оказалась непосредственно перед Бонни.

Не было все еще никакого признака признания на ее лице, но было что-то другое. Своего рода безграничное благословение и спокойствие. Елена излучала успокаивающий

мир и безусловную любовь, которая заставила Бонни сделать глубокий вдох и закрыть глаза. Она словно чувствовала солнце на лице, и океан в ушах. В следующий момент Бонни поняла, что сейчас заплачет от абсолютного чувства благодетели – слово, которое почти никогда не используется в наши дни. Некоторые вещи все еще могут быть недостижимо благими.

Елена была такой.

И затем, нежно прикоснувшись к плечу Бонни, Елена подплыла к Кэролайн и протянула к ней руки.

Кэролайн выглядела растерянной. Алая волна промчалась выше ее шеи. Бонни видела это, но не понимала. У них у всех был шанс вызвать ответные вибрации в Елене. А Кэролайн и Елена были близкими подругами – до появления Стефана, их соперничество было дружественным. Это было добро Елены выбрать Кэролайн первой для объятий.

И тогда Елена вошла в круг торопливо поднятых рук Кэролайн и только та начала говорить – Я... -, Елена поцеловала девушку, полностью обняв ее рот. Это был не просто чмок. Елена обвила руками вокруг шеи Кэролайн и буквально повисла на ней. В течение долгих мгновений Кэролайн стояла как вкопанная, словно все еще в шоке. Но потом она отпрянула назад и начала бороться, сначала слабо, а затем с такой силой, что Елена катапультировалась обратно в воздух, широко открыв глаза.

Стефан поймал ее как бейсболист инфилдер, готовившийся к высокому мячу.

– Какого черта...? – брезгливо терла рот Кэролайн.

– Кэролайн! – Голос Стефана был пронизан жесткими защитными нотами. – Это не означает ничего такого, о чем ты подумала. И не имеет ничего общего с сексом вообще. Она просто идентифицирует тебя, изучает, кто ты есть. Она умеет это делать с того момента как вернулась к нам.

– Луговые собачки, – сказала Мередит прохладным, немного отдаленным голосом, который она часто использует для понижения температуры в обстановке. – Поцелуй луговых собачек, когда они пересекаются. Это помогает им распознавать определенных субъектов... В общем, именно то о чем ты говорил, Стефан.

Однако, Кэролайн была далеко за пределами способностей Мередит, чтобы остыть. Она старательно вытирала губы, что было плохой идеей, так как девушка просто размазала красную помаду по всему лицу, и стала похожа на одну из невест Дракулы. – Вы что, совсем больные? Я, по-вашему, кто? Если так делают какие-то хомяки, то значит все отлично? – Она вспыхнула ярко красным, от шеи до корней волос.

– Луговые собачки. А не хомяки.

– Ой, кто тут... – Кэролайн прервалась, поскольку лихорадочно шарила в сумочке, пока Стефан не предложил ей коробку салфеток. Он уже вытер красные мазки с уст Елены. Кэролайн ворвалась в маленькую ванную, пристроенную к мансардной спальне Стефана, и сильно хлопнула дверью.

Бонни и Мередит переглянулись, одновременно вздохнули и забились в приступе смеха. Бонни воспроизвела выражение лица Кэролайн, как та вытирала рот и как сейчас вытирается кучей салфеток. Мередит с упреком покачала головой, но и она сама и Мэтт, и даже Стефан, издавали сдавленные смешки, в стиле «мы не должны смеяться». Много из этого было просто снятием напряжения – они видели Елену, снова живую, после шести долгих месяцев без нее – но они не могли удержаться от смеха.

Или, по крайней мере, они не могли, пока коробка салфеток не вылетела из ванной, едва не ударив Бонни по голове. И они все поняли, что дверь, которой Кэролайн хлопнула, отскочила, а в ванной было зеркало. Бонни поймала выражение отраженного лица Кэролайн и затем встретила ее саму в ярком свете.

Да, она видела, что они смеялись над ней.

Дверь снова закрылась, но на сей раз, так словно ее пнули. Бонни опустила голову, схватившись за свои короткие клубничные кудри, с желанием провалиться сквозь землю.

– Я извинюсь, – сказала она после большого вздоха, пытаясь быть взрослой в этой ситуации. Тогда она оглянулась и поняла, что все остальные были более обеспокоены

Еленой, которая явно расстроилась из-за этого неприятия.

Хорошо, что мы заставили Кэролайн отметить в клятве на крови, подумала Бонни. И хорошо, что «сами знаете кто» тоже подписал ее. Если там и было что-то, о чем Деймону стоило знать, то это последствия.

Размышления Бонни об этом, не помешали ей присоединиться к скоплению около парящей подруги. Стефан пытался удержать Елену; та пыталась последовать за Кэролайн; а Мэтт и Мередит помогали Сальваторе и говорили подруге, что все в порядке.

Когда Бонни присоединилась к ним, Елена отказалась от попыток добраться до ванной комнаты. Ее лицо было страдающим, а синие глаза бассейнами со слезами. Спокойствие ее было нарушено болью и сожалением, а под всем этим было удивительно глубокое опасение. Интуиция Бонни встрепенулась.

Но она погладила локоть Елены, единственное до чего могла дотянуться, и добавила свой голос к хору: – Ты не знала, что она так расстроится. Ты ей ничего не сделала.

Кристаллики слез пролились на щеки Елены и Стефан поймал их салфеткой, словно каждая из слезинок была бесценной.

– Она думает, что Кэролайн пострадала, – сказал Стефан, – и она беспокоится за нее,... но я не могу понять почему.

Бонни поняла, что Елена все-таки могла общаться – мысленно.

– Я это тоже почувствовала, – сказала она. – Вред. Но скажи ей,... то есть... Елена, я обещаю, что извинюсь. Если надо, буду ползать.

– Тут может потребоваться ползание всех нас, – сказала Мередит. – А пока я хочу удостовериться что этот «ангел несведущий» узнает меня.

С выражением спокойной изысканности она вытянула Елену из рук Стефана в свои объятия и поцеловала ее.

К сожалению, в этот момент из ванны вышла Кэролайн. Нижняя часть ее лица была бледнее верхней, поскольку лишилась всей косметики: помады, бронзового тонального крема, румян, в общем, всего. Она остановилась, словно ее заклинило и смотрела на разворачивающееся действие.

– Мне просто не верится, – сказала она резким тоном. – Вы все еще делаете это! Это омерз...

– Кэролайн. – Голос Стефана был предупреждением.

– Я приехала сюда, увидеться с Еленой. – Кэролайн... красивая, гибкая, с бронзовой кожей Кэролайн... скручивала руки вместе, точно в ужасном конфликте с собой. – Прежнюю Елену. И что я вижу? Она как ребенок... она не может говорить. Она похожа на некого ухмыляющегося гуру, парящего в воздухе. А теперь она как какая-то извращенная...

– Лучше не продолжай, – сказал Стефан спокойно, но твердо. – Я говорил вам, что ее первые симптомы пройдут уже через несколько дней, судя по ее прогрессу, – добавил юноша.

И все-таки он какой-то другой – подумала Бонни. Не только счастливее от того что снова обрел Елену. Он был... сильнее как-то, в своем ядре. Стефан всегда был тих внутри. С помощью своих способностей, Бонни определяла его силу, как пруд с чистой водой. Теперь она видела, что та же самая чистая вода поднялась подобно цунами.

Что, могло настолько изменить Стефана?

Ответ немедленно пришел к ней, хоть и в форме удивительного вопроса. Елена была все еще отчасти духом – сказала интуиция Бонни. Что бы случилось, если вы выпили бы кровь кого-то, кто был в подобном состоянии?

– Кэролайн, давай просто забудем об этом, – сказала она. – Я сожалею, я действительно, действительно сожалею, что... ты знаешь. Я была неправа, и я сожалею.

– О, ты сожалеешь. О, теперь значит все в порядке типа, да? – Голос Кэролайн был чистой кислотой, она повернулась к Бонни спиной, намекая на окончание диалога. И Бонни была удивлена, увидев жало слез в ее глазах.

Елена и Мередит все еще стояли в обнимку, их щеки были залиты слезами обеих. Они

смотрели друг на друга, и Елена сияла.

– Теперь она будет знать тебя, в любом случае, – сказал Стефан Мередит. – Не только твое лицо, но и... в общем, и внутреннюю часть твоего «Я», тоже. Или его форму, по крайней мере. Мне следовало упомянуть об этом прежде, чем все началось, но я единственный, с кем она «пересеклась», и я не задумывался...

– Ты должен был! – Кэролайн вышагивала как тигр.

– Ну поцеловалась ты с девочкой, и что? – взорвалась Бонни. – Ты думаешь, что у тебя теперь борода вырастет?

Как будто приведенная в действие конфликтом вокруг нее, Елена внезапно взлетела. Она проносилась вокруг комнаты, словно пуля, выпущенная из ружья; ее волосы потрескивали электричеством, когда она делала внезапные остановки или повороты. Девушка взлетала, носясь вокруг комнаты дважды, и так как она остановилась напротив пыльного старого окна, Бонни подумала, «О, мой Бог! Мы должны были принести ей какую-нибудь одежду!» Она посмотрела на Мередит и увидела, что та разделяла ее осознание. Да, они должны были захватить одежду для Елены... и в первую очередь... нижнее белье.

Поскольку Бонни подходила к Елене, так застенчиво, словно ее никогда не целовали прежде, Кэролайн взорвалась.

– Вы только продолжаете это делать, делать и делать! – теперь она практически визжала. Бонни подумала: «Что с тобой не так? Разве у тебя вообще нет никакой нравственности?»

Это, к сожалению, вызвало другую проблему – «не смеяться, не смеяться» – душившую Бонни и Мередит. Даже Стефан резко отвернулся, его галантность по отношению к госте, терпела поражение.

Не только гостя, подумала Бонни, но и девушка, с которой он зашел чертовски далеко, поскольку Кэролайн никогда не стеснялась дать людям знать, что она положила на его лапу. На счет того, насколько далеко могут зайти вампиры, Бонни вспомнила, что не весь пикантный путь. Обмен кровью, заменяет им... ну, в общем, ЭТО. Но Стефан был далеко не единственный, кем хвасталась Кэролайн. У нее была довольно скверная репутация.

Бонни посмотрела на Елену, и увидела, что та наблюдала за Кэролайн со странным выражением. Нет, Елена не боялась ее, она скорее сильно переживала за нее.

– Ты в порядке? – прошептала Бонни. К ее удивлению, Елена кивнула, затем посмотрела на Кэролайн и покачала головой. Она тщательно осмотрела мисс Форбс с головы до ног, и выражение ее лица было, как у недоумевающего врача, осматривающего очень больного пациента.

Тогда она подплыла к Кэролайн, протянув одну руку.

Кэролайн уклонилась, словно ей была отвратительна даже сама мысль о том, что Елена дотронется до нее. Нет, это не отвращение, подумала Бонни, это испуг.

– Откуда я знаю, что она сделает потом? – затрещала Кэролайн, но Бонни знала, что это не была реальная причина ее страха. Что у нас здесь происходит? Спросила она саму себя, видя Елену, испуганную за Кэролайн и Кэролайн, напуганную Еленой. Чему это равно?

Психические чувства Бонни вызвали у нее мурашки по коже. Было что-то не так с Кэролайн, она чувствовала, кое-что, с чем никогда не сталкивалась прежде. И воздух... он сгустился, как перед грозой.

Кэролайн сделала крутой поворот, чтобы держать свое лицо подальше от Елены и переместилась за стул.

– Только держите ее на фиг подальше от меня, ладно? Я не позволю ей дотронуться до меня снова... – начала она, когда Мередит изменила ситуацию двумя тихими словами.

– Что ты мне сказала? – произнесла Кэролайн, вытаращив глаза.

Глава 5

Деймон бесцельно вел машину, когда увидел девушку.

Она была одна, шла вдоль по улице, ее золотисто-каштановые волосы цвета тициан раздувал ветер, а ее руки были нагружены пакетами.

Деймон немедленно совершил рыцарский жест. Он позволил машине проскользнуть до полной остановки, подождал, пока девушка сделает несколько шагов, и поравняется с ним... «*che gambe!* [какие ножки!]»... а затем выпрыгнул из машины и поспешил открыть перед ней дверцу со стороны пассажирского сиденья.

Ее имя, как выяснилось, было Дамарис.

Через мгновение Феррари вновь мчался по дороге, так быстро, что золотисто-каштановые волосы Дамарис развевались позади нее словно знамя. Она была молодой женщиной, которая в полной мере заслуживала склоняющих к экстазу комплиментов, раздаваемых вампиром так свободно весь день... «и это хорошо», лаконично подумал он, поскольку его воображение практически иссякло.

Но лесть этому милому созданию, с ее нимбом волос красного золота и чистой молочной кожей, не потребовала бы никакого воображения вообще. Он не ожидал, что с ней могут возникнуть какие-либо проблемы и планировал оставить ее на ночь.

«*Veni, vidi, vici* [пришел, увидел, победил]» – подумал Деймон и сверкнул грешной улыбкой на середине спортивной дистанции. И тогда он поправил себя, – «Ну, возможно я еще не победил, но я ставлю на это свой Феррари».

Они остановились на живописной объездной дороге, а когда Дамарис уронила свою дамскую сумочку и наклонилась, дабы ее подобрать, он увидел заднюю часть ее шеи, где те тонкие тициановые волоски выглядели поразительно изысканно на фоне белизны ее кожи.

Он немедленно импульсивно поцеловал ее туда, обнаружив, что кожа у нее мягкая, как у ребенка... и теплая под его губами. Он позволил ей полную свободу действий, любопытно было посмотреть, даст ли она ему пощечину. Однако вместо этого девушка просто выпрямилась, сделав несколько слабых вздохов, прежде чем позволила этому пылкому неопределенному созданию заключить себя в объятия и поцеловать до дрожи, ее темно-голубые глаза умоляли и пытались сопротивляться одновременно.

– Мне... не следовало позволять вам этого. Я не позволю снова. Я хочу домой сейчас.

Деймон улыбнулся. Его Феррари был в безопасности.

«Ее окончательная покладистость будет чрезвычайно приятной», – подумал юноша, когда они продолжили свой путь. Если она справится так же хорошо, как это, кажется, у нее получается, он мог бы оставить ее на пару дней, мог бы даже обратиться к ней.

Вот только, сейчас вампира донимало необъяснимое беспокойство внутри. Разумеется, им являлась Елена. Быть так близко к ней в пансионе и не осмелиться потребовать войти, по причине того, что может сделать. «О, дьявол, что мне уже давно следовало сделать», – внезапно всплыв, подумал он. Стефан был прав,... сегодня с ним что-то не так.

Деймон был расстроен до такой степени, которую даже не мог себе представить возможной. То, что ему следовало сделать – это зарыть в грязь лицо своего младшего брата, свернуть ему шею, как индюку, и затем подняться по тем узким липким лестницам дабы заполучить Елену, желает она того или нет. Он не сделал этого раньше ввиду какого-то сентиментального вздора, переживая о том, что она будет кричать без умолку, когда бы он поднял ее бесподобный подбородок, и погрузил свои набухшие, ноющие клыки в ее белоснежную шею.

В машине продолжался какой-то шум.

– ... ты не думаешь? – говорила Дамарис.

Раздраженный и слишком занятый своей фантазией, дабы перейти к тому, что его разум, возможно, слышал из монолога девушки, он заткнул ее, и та немедленно затихла. Дамарис была привлекательной, но такой... легкомысленной. Сейчас она сидела абсолютно спокойно, ее тициановые волосы развевались на ветру, но глаза с сузившимися зрачками, были пусты и абсолютно неподвижны.

И все впустую. Деймон издал шипящий звук раздражения. Он не мог снова вернуться в

свои грезы, даже в тишине, воображаемые звуки рыданий Елены препятствовали ему.

Но рыданий больше не будет, если он однажды обратит ее в вампира, – предложил тихий голос в его сознании. Демон вскинул голову и отклонился назад, держа руль тремя пальцами.

Некогда он уже пытался сделать ее своей принцессой тьмы, так почему бы вновь не попытаться счастья? Она принадлежала бы ему всецело, и если дело станет за отказом от ее смертной крови... ну, сейчас он точно ничего с этого не имеет, верно? – сказал вкрадчивый голос. Елена, бледная и пылающая аурой вампирской Силы, ее волосы почти снежный блонд, черное платье на бархатистой коже... Это была картина, которая заставила бы сердце любого вампира биться быстрее.

Он хотел ее больше чем когда-либо, именно сейчас, когда она была духом. Даже став вампиром она сохранит большую часть своей природы, и он мог себе только представить: ее свет для его тьмы, ее мягкая белизна в его крепких руках, облаченных в черную кожу. Он остановил бы этот совершенный рот поцелуями, заставил бы задышаться от них...

О чем это он думает? Вампиры так не целуют, не ради удовольствия... тем более других вампиров. Кровь и охота были всем. Поцелуи, исключая те необходимые, что требуются для завоевания жертвы, абсолютно бессмысленны, и ни к чему не могли бы привести. Только сентиментальные идиоты, вроде его братца, заботятся о таких глупостях. Сопреженная пара вампиров могла бы разделить кровь смертной жертвы, вместе нападая, вместе контролируя ее разум,... и также объединяя свои разумы в мысленной связи. Вот в чем они находят удовольствие.

Тем не менее, Демон обнаружил, что взволнован мыслью о поцелуе с Еленой, когда он силой вырывает ее поцелуи, чувствуя ее отчаяние и желание вырваться от него, затем внезапно пауза... немного сомнения пришедшего как раз накануне ее ответа на его поцелуй, перед тем как она полностью поддается ему...

«Возможно, я схожу с ума», озадаченно подумал Демон. Он никогда не сходил с ума раньше, насколько он мог помнить, и в этой идее была своя привлекательность. Прошли века, с тех пор как он чувствовал подобное возбуждение.

«Тем лучше для тебя, Дамарис», – подумал вампир. Он проезжал место, где Яворовая Улица заканчивается, переходя в Старый Лес, и дорога там извилистая и опасная. Не смотря на это, он повернулся к Дамарис дабы снова ее разбудить, с удовлетворением отмечая что натуральный цвет ее губ нежно-вишневый даже без помады. Он легко поцеловал девушку, затем подождал, оценивая ее реакцию.

Удовольствие. Он видел, как ее мысли смягчились, и она залилась румянцем.

Демон взглянул вперед на дорогу и затем дерзнул вновь, на этот раз, задержав поцелуй. Его воодушевил ее ответ, оба их ответа. Это было изумительно. Вероятно, это каким-то образом связано с тем количеством крови в нем сегодня, большим, чем когда-либо прежде в один день, или с ее сочетанием...

Внезапно ему пришлось перебросить свое внимание с Дамарис на вождение. Какое-то маленькое красновато-коричневое животное появилось перед ним на дороге, словно по мановению волшебной палочки. Обычно Демон не менял свой курс, чтобы давить кроликов, дикобразов и прочую живность, но эта особь достала вампира в самый ключевой момент. Он сжал руль обеими руками, его глаза были черными и холодными, как кристаллы льда в глубине пещеры, и он направил машину прямо на это существо.

Не такое уж и маленькое... это будет почти столкновение.

– Держись, – прошептал он Дамарис.

В последний миг красноватое создание увернулось. Демон выкрутил руль, дабы настигнуть его и оказался перед рвом. Только сверхчеловеческие рефлексy вампира и невероятная приемистость тонко настроенного и очень дорогого автомобиля могли бы удержать их от попадания в канаву. К счастью, у Демона было и то, и другое. Вывернутые в минимальный радиус поворота колеса, протестующе завизжали и задымились.

И никакого столкновения.

Деймон перемахнул через дверцу машины одним плавным движением и огляделся вокруг. Но что бы это ни было, оно бесследно исчезло, так же таинственно, как и появилось.

Sconosciuto (неведомо). Очень странно.

Желал бы Деймон не связываться с солнцем; яркий дневной свет серьезно снижал остроту его зрения. Однако он смог мельком взглянуть на то существо когда проносился рядом, и оно представлялось обезображенным. Остроконечным с одной стороны и веерообразным с другой.

Ох, ладно.

Вампир повернулся обратно к машине, где у Дамарис случилась истерика. Он был не в настроении нянчиться, с кем бы то ни было, поэтому просто вновь ее усыпил. Девушка резко откинулась на сиденье, слезы остались высыхать на ее щеках без какого-либо внимания.

Деймон сел в автомобиль, с чувством огорчения. Но теперь он точно знал, чего ему хотелось сегодня. Он желал найти бар... обветшалый и грязный, либо безукоризненно чистый и дорогой... и отыскать другого вампира. В Феллс Черч, который был горячей точкой на карте энергетических линий, это не составило бы труда. Вампиры и другие порождения тьмы буквально липли к таким местам, как шмели к жимолости.

А затем он хотел драку. Конечно, она будет абсолютно нечестной, ведь Деймон был сильнейшим вампиром, оставшимся из всех, кого он знал, плюс ко всему его переполнял коктейль из крови лучших девушек в Феллс Черч. Однако ему было плевать. Он уже чувствовал, как выпускает пар своей неудовлетворенности на некоторых, и... он блеснул своей неподражаемо ослепительной улыбкой...какой-нибудь оборотень, вампир или вурдалак обретет вечный покой. А может даже и не один, если только ему повезет найти их. После чего – вкуснейшая Дамарис на десерт.

«И все-таки жизнь прекрасна. А нежизнь...», подумал Деймон, и его глаза опасно вспыхнули за стеклами солнечных очков, «...даже лучше».

Он не собирался просто сидеть и хандрить, поскольку не мог получить Елену немедленно. Он намеревался выходить в свет, развлекаться и стать сильнее,... а затем как ни будь намерен навестить к своему жалкому братцу молокососу и получить ее.

Он случайно взглянул в зеркало заднего вида, на какой-то миг. То ли из-за игры света то ли изменения в атмосфере, Деймону показалось, что он увидел, как его глаза за стеклами очков... вспыхнули красным.

Глава 6

– Я сказала, пошла вон, – по-прежнему тихо повторила Мередит, обращаясь к Кэролайн. – Ты сказала то, что никогда не должно звучать в любом цивилизованном месте. А тут уж так случилось, что это комната Стефана... и, да, это его комната, чтобы выставить тебя отсюда. Но я сделаю это за него, поскольку он никогда не позволит себе вытолкнуть в шею девушку,... тем более свою бывшую. Я бы еще добавила – чтобы выставить преисподнюю из его комнаты.

Мэтт откашлялся. Он отошел в угол, и все на время о нем забыли. Но сейчас он сказал: – Кэролайн, я знаю тебя слишком давно, чтобы миндальничать, и Мередит права. Хочешь высказать кое-что из того что ты уже говорила о Елене, делай это подальше от нее. Я знаю одно. Не имеет значения, что Елена делала, когда она была... была здесь внизу до... – Его голос на удивление понизился, и Бонни поняла, что он имел в виду, когда Елена была здесь, на Земле до... – Сейчас она настолько близка к ангелу, насколько ты можешь себе представить. Сейчас она... она... полностью... – Он колебался, чтобы подобрать правильные слова.

– Чиста, – легко произнесла Мередит, заполнив пустоты в его мысли.

– Да, – согласился Мэтт. – Да, чиста. Все, что она делает непорочно. Не то что бы твои отвратительные слова могли запятнать ее, но, тем не менее, нам очень не нравится выслушивать твои попытки.

– Спасибо, – последовало от Стефана.

– Я уже собиралась, – сквозь зубы процедила Кэролайн. – И не смей проповедовать мне чистоту! Со всем тем, что здесь происходит! Вы, вероятно, просто хотите наблюдать за происходящим, за поцелуем двух девчонок. Вы, наверное..."

– Довольно – сказал Стефан почти невыразительно, но Кэролайн была внезапно увлечена за дверь, словно вынесена туда невидимыми руками так, что сумочка девушки просвистела после нее.

Затем дверь тихо закрылась.

Короткие волоски на затылке Бонни стали дыбом. Она ощутила Силу, причем в таких количествах, что ее психические чувства были потрясены и временно парализованы. Переместить Кэролайн... а она не была маленькой девочкой... используя Силу.

Возможно, Стефан изменился настолько же, насколько изменилась Елена. Бонни взглянула на подругу, бассейн спокойствия которой покрылся рябью усилиями Кэролайн.

Не плохо бы отвлечь ее, и возможно сделать достойной освобождения от пут Стефана, – подумала Бонни.

Она шлепнула Гилберт по коленке, а когда Елена повернулась, Бонни поцеловала ее.

Елена прекратила поцелуй очень быстро, опасаясь снова побудить негодование. Но Бонни сразу поняла, что имела в виду Мерedit. В этом не было ничего сексуального. Ощущения были такие, словно на тебя обрушивают все чувства в полной мере. Когда Елена отошла от Бонни, ее лицо сияло так же, как после контакта с Мерedit, все горе растворилось... да, в чистоте поцелуя. И Бонни почувствовала, как спокойствие Елены впиталось в нее.

– ... следовало узнать лучше, а тогда привозить Кэролайн, – сказал Мэтт Стефану. – Извини за вмешательство, но я знаю Кэролайн, и она могла продолжать трепаться еще на протяжении получаса, даже и не думая затыкаться.

– Стефан позаботился об этом – сказала Мерedit, – или это тоже была Елена?

– Это был я, – сказал Стефан. – Мэтт прав: она могла продолжать говорить бесконечно. А оскорблять Елену, никому не позволено, не в моем присутствии.

И зачем они говорят об этом? поинтересовалась Бонни сама у себя. Из них из всех, Мерedit и Стефан были менее склонны к болтовне, а тут вдруг решили побеседовать, причем на абсолютно ненужную тему. Потом она поняла, что это было из-за Мэтта, который медленно, но решительно подходил к Елене.

Бонни как мотылек вспорхнула с места, так же быстро и легко, и сумела пройти мимо Мэтта, даже не взглянув на него. А затем присоединилась к разговору Мерedit и Стефана о том, что только что произошло. Кэролайн стала врагом, все согласилось с тем, что здесь уже ничего не поделаешь. Ее планы в отношении Елены всегда были обратными ее словам. Бонни могла бы поспорить, что сейчас она продумывала новый план против каждого из них.

– Она чувствует себя одинокой, – сказал Стефан, словно пытаясь оправдаться вместо нее. – Она хочет быть принятой, кем угодно, на любых условиях... она чувствует себя... обособленно. Так словно никто действительно узнав Кэролайн, не стал бы ей доверять.

– Она защищается, – согласилась Мерedit. – Но думаю, что ей стоило бы показать свою благодарность. В конце концов, мы спасли и сохранили ее жизнь, всего неделю назад.

Нет, было что-то большее во всем этом, думала Бонни. Ее интуиция подсказывала, что возможно, случилось нечто перед тем, как они спасти Кэролайн. Но маленькой ведьме было настолько обидно за Елену, что она отмахнулась от нытья своего внутреннего голоса.

– Почему кто-то должен ей доверять? – парировала Бонни. Она бросила быстрый взгляд через плечо. Елена, несомненно, собиралась «узнать» Мэтта, и он выглядел так, будто с минуту на минуту готов был рухнуть в обморок. – Кэролайн красивая, кто бы спорил, но это все. Она и одного слова не может сказать, чтобы не оскорбить кого-нибудь. Она постоянно ведет грязные игры... и... и я понимаю, что мы сами неоднократно занимались тем же... но она всегда ставит целью выставить других в плохом свете. Конечно, она может заполнить чуть ли не любого парня, – внезапно ее охватила тревога, и она стала говорить

громче, чтобы прогнать это чувство, – но если ты девушка, то она просто пара длинных ног и большая...

Бонни остановилась, потому что Мередит и Стефан замерли с одинаковым выражением на лицах «О Боже, только не снова».

– А еще она имеет хороший слух, – раздался трясущийся угрожающий голос позади Бонни. Сердце ведьмы подпрыгнуло к горлу.

Вот что получается, когда игнорируешь предчувствия.

– Кэролайн... – Мередит и Стефан старались ради «защиты от повреждений», но было слишком поздно. Кэролайн вышагивала своими длинными ногами так, словно не хотела касаться ногами пола в комнате Стефана. Странно, однако, она несла свои высокие каблуки в руках.

– Я вернулась, чтобы забрать свои очки, – сказала она, по-прежнему дрожащим голосом. – И вот услышала что так называемые «друзья» думают обо мне.

– Нет, не так – красноречиво начала Мередит, поскольку Бонни была ошеломлена и не могла произнести не звука. – Ты всего лишь услышала некоторых очень сердитых людей, которые выпускают пар, после твоих оскорблений.

– Кроме того, – вдруг Бонни удалось заговорить снова, – признайся Кэролайн, ты надеялась услышать что-нибудь. Вот почему ты сняла обувь. Ты стояла прямо под дверью и подслушивала, разве не так?

Стефан закрыл глаза. – Это моя вина. Я должен был...

– Нет, не должен, – сказала ему Мередит, и для Кэролайн она добавила: – И если ты сможешь сказать мне, что хоть одно слово, из тех которые мы высказали – неправда, или преувеличение – за исключением, возможно, того что сказала Бонни, но Бонни это... просто Бонни. Во всяком случае, если ты сможешь указать хотя бы на одно неправдивое слово из сказанных нами, тогда я принесу извинения.

Кэролайн не слышала. Она вся дрожала. Ее красивое лицо, стало темно-красного цвета, и перекосилось от ярости.

– Ох, вы по очереди, будете просить моего прощения, – сказала она, указывая пальцем на каждого из них. – Вам действительно будет жаль. И если ты попробуешь использовать на мне это... эту штуку, типа вампирское колдовство, – сказала она Стефану, – у меня есть друзья... настоящие друзья... которые захотят узнать об этом.

– Кэролайн, только сегодня днем ты подписала контракт...

– О, кто предоставляет проклятие?

Стефан встал. Было темно внутри небольшой комнаты с пыльным окном, его тень упала перед ним от прикроватной лампы. Бонни проследила за ней взглядом и ткнула Мередит в бок, волосы на ее руке и шее буквально звенели. Тень была темная и на удивление длинная. А тень Кэролайн была слабой, прозрачной и короткой имитацией весьма реальной тени Стефана.

Предгрозовое ощущение вернулась. Бонни вся тряслась, будто нырнула в ледяную воду, и не могла остановить дрожь, как не старалась. Холод проникал в ее кости, разрывая слои тепла в них, и проникая все глубже, подобно жадному зверю. Она начинала трястись еще сильнее...

Что-то происходило с Кэролайн в темноте... что-то исходило от нее... или шло к ней... а может и то и другое одновременно. В любом случае, все это творилось вокруг нее, и вокруг Бонни. Напряжение было настолько густым, что ведьма почувствовала удушье, ее сердце начало бешено колотиться. Рядом с ней, Мередит... практически всегда уравновешенную Мередит... колотило от тревоги.

– Что...? – шепотом начала она.

Вдруг что-то, проплесало в темноте, и дверь в комнату Стефана захлопнулась... лампа, обычная электрическая, взорвалась... древняя ролетная штора над окном с грохотом упала во внезапно погрузившуюся в темноту комнату.

Кэролайн закричала. Это был ужасный сырой звук, так может кричать только человек,

с которого живьем сдирают мясо, и вырывают позвоночник через горло.

Бонни тоже кричала. Она ничего не могла с собой поделать. Однако, ее крик был слишком задышающимся и слишком слабым, словно эхо крика Кэролайн. Слава Богу, Форбс кричала не долго. Бонни смогла подавить следующую волну ора в собственном горле, даже когда ее трясло, как никогда. Мередит крепко обхватила ее руками, но потом, так как тьма и тишина не отступали, и дрожь Бонни продолжалась, Мередит встала и безжалостно передала ее Мэтту, который оказался удивленным и смущенным, но неуклюже попытался держать девушку.

– Это не та темнота, к которой глаза смогут привыкнуть, – сказал он. Голос парня был скрипучим, словно у него пересохло в горле. Но это было лучшее, что он мог сказать, потому что из всех опасных и жутких вещей в мире, больше всего Бонни боялась именно темноты. Было там что-то, что могла видеть только она. Несмотря на ужасную дрожь, ей удалось удержаться на ногах с его помощью, и вдохнуть. Затем она услышала, как вздохнул Мэтт.

Елена сияла. Но это не все. Свет простирался позади и по обе стороны от нее в паре того, что было прекрасным по определению, и, несомненно, это были... крылья.

– У нее е-есть к-крылья, – прошептала Бонни, заикаясь скорее от тряски, чем от страха или благоговения. Мэтт вцепился в нее, как ребенок, и не смог ничего ответить.

Крылья двигались вместе с дыханием Елены. Она уверенно парила в воздухе, одна рука выставлена вперед с расставленными пальцами в отрицательном жесте.

Девушка заговорила. Это был язык, который Бонни никогда прежде не слышала, она даже сомневалась, что он вообще используется на Земле. Слова были острыми, тонкими, как расколотый на множество осколков кристалл, которые падали откуда-то свысока.

Форма слов почти имела смысл, в голове Бонни, ведь ее собственные психические способности подхлестывала огромная Сила Елены. Эта была Сила, стоящая высоко над тьмой в противостоянии, и сметала ее в сторону, заставляя «нечто» в темноте убираться, прежде чем оно выпустило когти во всех направлениях. Острые как лед слова следовали за ним попятая, теперь уже освободительные...

А Елена... Елена была душераздирающе прекрасна, также как в то время, когда была вампиром, и такой же бледной.

Но Кэролайн тоже кричала. Она произносила сильные слова из Черной магии, и для Бонни это было, словно ужасные тени всех темных сортов исходили из ее рта: ящерицы, змеи, и многоногие пауки.

Это был поединок, с вбрасыванием магии. Только каким образом Кэролайн узнала столько о колдовстве? Она даже не была ведьмой по наследственной линии, как Бонни.

За пределами комнаты Стефана, был странный звук, почти как звук вертолета. Вип-вип-вип-вип-вип... Это ужасало Бонни.

Но она должна что-нибудь сделать. Она была Кельтским друидом по наследию, и не могла отказаться от этого. Она должна была помочь Елене. Медленно, словно двигаясь против штормового ветра, Бонни подошла к Елене, и положила руку на руку подруги, предложив свою Силу.

Когда Елена приняла помощь и их руки сомкнулись, Бонни поняла, что Мередит стоит по другую сторону от нее. Свет рос. Ящерицы со скребущим звуком и истошным воплем, уносились прочь, раздирая друг друга на пути к спасению.

В следующий момент Елена резко отодвинулась. Крылья исчезли. Темные царапающие «нечто» тоже ушли. Елена прогнала их, используя при этом огромное количество энергии, подавляя их с помощью Белой Силы.

– Она упадет, – прошептала Бонни, смотря на Стефана. – Она использовала магию такую сильную...

Как только Стефан начал обращаться к Елене, очень быстро произошло несколько вещей, комната вспыхнула столбом света.

Вспышка. Ролетная штора, неистово гремя, подскочила обратно.

Вспышка. Лампа, каким-то образом, оказавшаяся в руках Стефана снова вспыхнула.

Он, должно быть, пытался ее исправить.

Вспышка. Дверь в комнате Стефана медленно со скрипом открылась, словно в знак компенсации за предыдущий хлопок.

Вспышка. Кэролайн тяжело дыша, униЗИтельно сидела на полу на четвереньках. Елена победила...

И упала.

Поймать ее помогла бы только нечеловечески быстрая реакция, особенно с другого конца комнаты. Но Стефан бросил лампу Мередит и слишком быстро, для того чтобы глаза Бонни смогли проследить, отдалился от нее. И в следующее мгновение он уже держал Елену, оборонительно склонившись над ней.

– О, черт, – проговорила Кэролайн. Слезы катились по ее лицу, оставляя черные линии от туши и делая ее взгляд не совсем человеческим. Она посмотрела на Стефана с нескрываеМой ненавистью. Он трезво оглянулся назад, ... нет, строго.

– Не поминай черта, – сказал он тихим голосом. – Не здесь. Не сейчас. Потому что, черт может услышать и отозваться.

– Как будто это не произошло только что, – сказала Кэролайн, в этот момент, она выглядела жалкой и подавленной. Так, словно начала что-то, что не знала, как остановить.

– Кэролайн, что ты такое говоришь? – Стефан встал на колени. – Ты хочешь сказать, что уже... заключила какую-то сделку...?

– Ой-ой, – вдруг невольно произнесла Бонни, разрушая зловещую обстановку в комнате. Один из обломанных ногтей Кэролайн оставил кровавый след на полу. И она продолжала сидеть там, делая малоприятные вещи. Бонни почувствовала, симпатическую пульсацию боли в пальцах, пока Кэролайн махала своей окровавленной рукой перед Стефаном. И затем сочувствие обратилось тошнотой.

– Хочешь облизать? – сказала она. Ее голос и лицо полностью изменились, и она даже не пыталась скрыть это. – Ой, да ладно, Стефан, – продолжила она насмешливо – Ты же пил кровь человека все эти дни, разве не так? Человек или... кем бы она ни была, кем бы ни стала. Вы оба летаете как летучие мыши, вместе, разве нет?

– Кэролайн, – прошептала Бонни, – Разве ты не видела их? Ее крылья...

– Как у летучей мыши... или уже другого вампира. Стефан сделал ее...

– Я тоже видел их, – сказал Мэтт за Бонни. – Это не крылья летучих мышей.

– Ни у кого глаз нет, что ли? – сказала Мередит, оттуда, где она все еще держала лампу. – Посмотрите сюда. Она наклонилась. А когда выпрямилась, то держала в руках длинное белое перо, которое сияло в свете лампы.

– Тогда может быть, она белая ворона, – сказала Кэролайн. – Это вполне уместно. И я не могу поверить в то, как вы все... все... лебезите перед ней, словно она принцесса. Всегда всем маленькая дорогая, не так ли, Елена?

– Перестань, – сказал ей Стефан.

– Слово «всем» является ключевым, – выплюнула Кэролайн

– Прекрати.

– То, как ты целовала людей, одного за другим, – она театрально содрогнулась. – Все, кажется, забыли, но это было больше похоже...

– Стоп, Кэролайн.

– На настоящую Елену. – Голос Кэролайн стал притворно жеманным, но она не смогла сдержать в нем яд, подумала Бонни. – Потому что каждый, кто знает тебя, в курсе кем ты действительно являлась до того как Стефан благословил нас своим неотразимым присутствием. Ты была...

– Кэролайн остановись сейча...!

– Шлюхой! Вот и все! Просто дешевой шлюхой!

Глава 7

Все открыли рты от изумления. Стефан ходил бледный, плотно сжав губы в жесткую линию. Бонни чувствовала себя так, словно она задыхается от слов, от объяснений, в форме взаимных обвинений о поведении Кэролайн. У Елены, возможно, было так много парней как звезд на небе, но потом она отдала все это,... потому что влюбилась,... а Кэролайн скорей всего никогда не поймет этого.

– Что, теперь нечего сказать? – Дразнящим тоном спросила Кэролайн. – Не можешь найти остроумный ответ? Летучая мышь твой язык съела? – Она начала смеяться, но это был подавленный смех, стеклянный. А затем словесный поток полился из нее неудержимо, и он состоял из слов, которые предположительно не произносят на публике. Бонни и сама употребляла большинство из них в тот или иной момент, но здесь и сейчас, они сформировались в поток ядовитой силы. Слова Кэролайн выстраивались в крещендо,... что-то скоро должно было случиться,... этот вид силы не мог сдерживаться...

Резонанс. Подумала Бонни, поскольку звуковые волны начали возрастать.

«Стекло», подсказала ей интуиция, «прочь от стекла».

У Стефана было время только на то, чтобы броситься к Мередит, крича:

– Избавься от лампы.

А Мередит, которая не только быстро соображала, но и была бейсбольным питчером с 1.75 ERA, схватила лампу и метнула в... нет сквозь...

...– взрыв, словно фарфоровая лампа рассыпалась на мелкие осколки -...

... открытое окно.

Аналогичное сокрушение произошло и в ванной. За закрытой дверью взорвалось зеркало.

Затем Кэролайн наотмашь ударила Елену по лицу.

Оставив кровавый мазок, который девушка неуверенно погладила, и белый отпечаток руки, обращающийся в красный. Выражение лица Елены могло выжать слезы из камня.

А потом Стефан сделал то, что Бонни назвала бы самой удивительной вещью из всех. Он очень мягко повалил Елену на пол, поцеловал ее в приподнятое личико, и повернулся к Кэролайн.

Он положил руки ей на плечи, не встряхнул, просто держал, вынуждая девушку смотреть на него.

– Кэролайн. – Сказал он, – Останови это. Вернись. Ради твоих старых друзей, которые заботятся о тебе, вернись. Ради семьи, которая любит тебя, вернись. Ради собственной бессмертной души, вернись. Вернись к нам!

Кэролайн лишь воинственно на него смотрела.

Стефан развернулся в пол оборота к Мередит и наморщился.

– Для меня это действительно не легкая задача. – Сказал он удрученно. – Не у каждого вампира это сильная сторона.

Тогда он повернулся к Елене, его голос был нежным: – Любимая, ты можешь помочь? Ты можешь помочь своей старой подруге снова?

Елена уже пыталась помочь, и как раз старалась добраться до Стефана. Она поднималась очень неуверенно, сначала по креслу-качалке, а затем по Бонни, которая пыталась помочь подруге под бременем тяжести. Елена была так же устойчива как новорожденный жираф на роликах, и Бонни,... которая почти на пол головы ниже,... находила ее тяжелой в управлении.

Стефан потянулся, чтобы подхватить Елену, но Мэтт опередил его, поддерживая девушку с другой стороны.

Тогда Стефан развернул Кэролайн, и держал, не позволяя ей вырваться, вынуждая стоять лицом к лицу с Еленой.

Елена, удерживаемая за талию, чтобы руки ее были свободны, сделала несколько любопытных движений, похожих на вытягивающие узоры в воздухе все быстрее и быстрее прямо перед лицом Кэролайн, в то же время, сжимая и разжимая кисти и пальцы в различных позициях. Казалось, она точно знала, что делает. Глаза Кэролайн следили за

движениями рук Елены, словно по вынуждению, но ей это было ненавистно, о чем свидетельствовало ее рычание.

«Магия», подумала Бонни, совершенно очарованная. «Белая Магия. Она взывает к ангелам, также как Кэролайн призывает демонов. Но действительно ли она достаточно сильна, чтобы вытащить Кэролайн из Тьмы?»

И, наконец, словно в завершение церемонии, Елена наклонилась и невинно поцеловала Кэролайн в губы.

Весь ад вырвался на волю. Кэролайн каким-то образом выкрутилась из хватки Стефана и попыталась вцепиться ногтями в лицо Елены. Предметы в комнате взвились в воздух, приводимые в движение инородной силой. Мэтт попытался схватить руку Кэролайн и схлопотал удар в живот, от которого согнулся пополам, вслед за чем, получил резкий удар ребром ладони по затылку.

Стефан отпустил беснующуюся фурию, чтобы схватить Елену и забрать ее и Бонни от греха подальше. Он решил, что Мередит сможет сама о себе позаботиться,... и оказался прав. Кэролайн кинулась к Салез, но та была готова. Она перехватила кулак Кэролайн и, пользуясь инерцией, кинула ее на кровать. Приземлившись, та развернулась, и снова кинулась на Мередит, на сей раз, схватив ее за волосы. Мередит резко высвободилась, оставив клочок волос в руке напавшей. Затем она пробила защиту Форбс и попала прямо в челюсть. Кэролайн рухнула в обморок.

Бонни обрадовалась и отказалась чувствовать себя виноватой из-за этой радости. Только тогда, поскольку Кэролайн лежала неподвижно, Бонни заметила, что все ее ногти были снова... длинные, сильные, изогнутые, и совершенные; ни один из них не был с изъяном или сломан.

Сила Елены? Должно быть. А что же еще могло это сделать? Только несколькими движениями и поцелуем, Елена смогла излечить руку Кэролайн.

Мередит массировала свою кисть.

– Я никогда не думала, что бить людей так больно. – Сказала девушка. – Они никогда не показывают этого в фильмах. Для парней это также?

Щеки Мэтта вспыхнули.

– Я... ну..., я на самом деле никогда...

– Для всех одинаково, даже для вампиров. – Кратко ответил Стефан. – Ты как, в порядке, Мередит? В смысле, Елена могла бы...

– Нет, все отлично. И у Бонни и у меня есть работа. – Она кивнула Бонни, и та слабо кивнула ей в ответ. – На нас лежит ответственность за Кэролайн, мы должны были понять, почему она в действительности вернулась в этот последний раз. У нее нет машины. Бьюсь об заклад, что она воспользовалась телефоном внизу и попробовала вызвать кого-нибудь, кто бы забрал ее, но не вышло, и поэтому она опять поднялась вверх. Так что теперь мы должны отвезти ее домой. Стефан, извини. Не очень долгим был визит.

Стефан выглядел мрачным.

– Все равно это возможно столько, сколько Елена смогла бы выдержать. – Сказал он. – Если честно, это больше чем я думал, что она вообще сможет выдержать.

– Что ж, я единственный кто с машиной, и Кэролайн моя проблема тоже. – Сказал Мэтт. – Я не девочка, но я человек.

– Может, мы могли бы прийти завтра? – Спросила Бонни.

– Да, я полагаю, что так будет лучше. – Ответил Стефан. – Мне почти ненавистно ее отпускать. Совсем. – Добавил он, посмотрев на лежащую без сознания Кэролайн. И на его лицо тенью легло беспокойство. – Я боюсь за нее. Очень боюсь.

Бонни встрепелась: – Почему?

– Я думаю... ну, может быть слишком рано об этом говорить, но она, кажется, почти одержима чем-то,... но я понятия не имею чем. Думаю, что я должен провести некоторое серьезное исследование.

И вот опять, словно ледяная вода струится вниз по спине Бонни. Ощущение того, что

холодный океан страха становится все ближе, и он уже поднялся над ее головой, готовый обрушиться вниз, и быстро увлечь девушку за собой на самое дно.

Стефан добавил: – Но она, бесспорно, вела себя очень странно,... даже для Кэролайн. И я не знаю, что услышали вы, когда она выкрикивала проклятья, но я слышал другой голос, который побуждал ее. – Он повернулся к Бонни – А ты?

Бонни задумалась. Было ли там что-то,... только шепот,... просто пульсация до того как Кэролайн начала говорить? Меньше чем пульсация, просто слабый свистящий шепот?

– И то, что случилось здесь, возможно, сделало все еще хуже. Она взывала к Аду в момент, когда эта комната наполнилась его Силой. И сам Феллс Черч находится на пересечении большого количества энергетических линий, это не шутки. При всем том, что происходит... ну, в общем, хотел бы я, присутствия рядом с нами хорошего парапсихолога.

Бонни знала, что они все подумали об Аларихе.

– Я попытаюсь вынудить его приехать. – Сказала Мередит. – Но скорее всего он где-нибудь в Тибете или Тимбукту, проводит исследования как обычно. Потребуется время даже на то, чтобы сообщение дошло ему.

– Спасибо. – Стефан вздохнул с облегчением.

– Как я уже сказала, она наша проблема. – Спокойно произнесла Мередит.

– Мы сожалеем, что привели ее. – Громко сказала Бонни, как будто надеялась, что что-то внутри Кэролайн могло услышать ее.

Они сказали «пока» отдельно Елене, не уверенные в том, что могло произойти. Но та просто улыбнулась каждому и коснулась их рук.

По удаче или благословию, которое было далеко за пределами понимания ркбят, Кэролайн проснулась. Она даже казалась в основном рациональной, но немного потерянной, когда автомобиль подъехал к ее дому. Мэтт помог девушке выйти из машины и довел, держа за руку до двери, где ее мать открыла дверь после звонка. Это была тихая, робкая, устало выглядящая женщина, которая, казалось, не была удивлена, увидев свою дочь в таком состоянии поздним летним вечером.

Мэтт высадил девочек около дома Бонни, где они провели ночь во взволнованных размышлениях. Бонни заснула со звуком проклятий Кэролайн, отзывающихся эхом у нее в голове.

«Дорогой Дневник,

Что-то должно случиться сегодня вечером.

Я не могу говорить или написать, и я не помню, как напечатать на клавиатуре, но я могу послать мысли Стефану, и он может записать их. У нас нет никаких тайн друг от друга.

Так что это теперь мой дневник. И...

Этим утром я снова проснулась. Я снова проснулась! На дворе все еще лето, и все в зелени. Распустились нарциссы в саду. Ко мне приходили гости. Я не знаю точно, кем они были, но трое из них – сильные, яркие цвета. Я поцеловала их, и поэтому я не забуду их снова.

Четвертый был другим. Я могла только видеть раздробленный цвет, янтарный с черным. Мне пришлось использовать сильные слова Белой Магии, чтобы не допустить попадания тьмы в комнату Стефана.

Я становлюсь сонной. Я хочу быть со Стефаном и чувствовать, что он обнимает меня. Я люблю Стефана. Я бы все бросила, чтобы остаться с ним. Он спросил меня, «Даже свои полеты?» Даже их, чтобы быть с ним и чтобы он был в безопасности. Да все что угодно, только чтобы он был в безопасности. Даже свою жизнь.

Сейчас я хочу пойти к нему.

Елена».

«(А Стефан извиняется за записи в новом дневнике Елены, но он должен записать некоторые детали, потому что когда-нибудь, возможно, она захочет прочесть их, чтобы

вспомнить). Я записал ее мысли в предложения, но на самом деле она мыслит не так. Я предполагаю, что она мыслит фрагментами. Вампиры привыкли переводить каждодневные мысли людей как согласованные предложения, но мысли Елены нуждаются в более усердном переводе, чем у большинства. Обычно она мыслит яркими картинками, с одним или двумя разрозненными словами.

«Четвертый», о котором она говорит, это Кэролайн Форбс. Я думаю, Елена знала эту девушку почти с младенчества. Меня ставит в тупик то, что сегодня Кэролайн нападала на нее любыми вообразимыми способами, но все же, когда я ищу разум Елены, я не могу найти ни гнева, ни даже какую-то боль. Сканирование подобного разума, пугает.

Вопрос, на который мне действительно хотелось бы найти ответ: Что случилось с Кэролайн в течение того короткого промежутка времени, когда она была похищена Клаусом и Тайлером? И по собственной ли воле она сделала то, что она сделала сегодня? Остался ли осадок ненависти Клауса как вредные испарения, заражающие атмосферу? Или у нас есть другой враг в Феллс Черч?

И наиболее важно: что мы будем со всем этим делать?

Стефан, который в настоящее время встает из-за компьютера».

Глава 8

Старомодные наручные часы показывали три утра, когда Мередит внезапно пробудилась от беспокойного сна.

И затем она закусила губу, сдерживая крик. Над ней склонилось чье-то лицо, вверх тормашками. Последнее что она помнила, было то, как она лежала на спине в спальном мешке и разговаривала с Бонни об Аларихе.

Сейчас Бонни склонилась над ней, ее глаза были закрыты. Она стояла на коленях у подушки Мередит, нависая над ней сзади, и ее нос почти касался носа девушки. Вдобавок к этому, странная бледность на щеках Бонни и ее частое теплое дыхание, которое щекотало лоб Мередит, и кто угодно... кто угодно, утверждала Салез,... имел бы полное право закричать.

Она ждала, когда Бонни заговорит, уставившись в уныние этих устрашающих закрытых глаз.

Но вместо этого Бонни села, встала, и безупречно двигаясь, пошла спиной вперед к столу Мередит, где на подзарядке лежал ее же мобильный телефон, и взяла его. Должно быть, она включила на нем запись видео, потому что открыла рот и начала жестикулировать и что-то говорить.

Это было ужасно. Звуки, которые издавала Бонни, едва ли можно было различить: обратная речь, перевернутая. Запутанные, горловые или высокие шумы и все это с каденцией, которую фильмы ужасов сделали такой популярной. Но способность говорить в такой манере намеренно... это было невозможно для нормального человека или нормального человеческого разума. У Мередит было зловещее чувство, будто что-то пытается раскрыть перед ними свой собственный разум, пытается добраться до них сквозь невообразимое пространство.

«Может быть, оно живет обратно», – подумала Мередит, пытаясь отвлечь себя, пока пугающие звуки продолжались. – «Может быть, оно думает, что и мы тоже. Может быть, мы просто не... пересекаемся...»

Мередит думала, что не сможет больше этого вынести. Она начала воображать, что смогла расслышать слова, и даже фразы в этих перевернутых звуках, и ни одна из них не была приятной. Пожалуйста, пусть все закончится... сейчас.

Причитания и бормотание...

Рот Бонни закрылся, клацнув зубами. Звуки немедленно прекратились. И затем, словно в замедленной съемке на прокручиваемой назад кинопленке, она прошла спиной вперед к ее спальному мешку, опустилась на колени, заползла в него, и легла, положив руку на

– Нет! – сказала Мередит, вымещая свой гнев на яичнице пластиковым шпателем. – Нет, Бонни, это не то, что ты сказала, и я не думаю, что мы сможем это сделать в любом случае. Мы можем научить ее некоторым вещам, как это делал Стефан. Как завязывать шнурки. Как расчесывать волосы. Но из того что ты сказала, Пробуждение будет внезапным и шокирующим – и ты ничего не говорила о том, что мы будем принимать участие в этом.

Ты сказала только, что мы должны быть там для нее, потому что после этого каким-то образом нас там не будет.

Бонни размышляла над этим в мрачной тишине.

– Не будет там? – сказала она, наконец, – То есть, не будет с Еленой? Или не будет там... типа, не будет нигде?

Мерedit устала на свой завтрак, который ей вдруг расхотелось есть.

– Я не знаю.

– Стефан сказал, мы можем снова зайти сегодня, – убеждала Бонни.

– Стефан будет вежлив, даже если подопрется колом насмерть.

– Я знаю, – вдруг сказала Бонни. – Давай позвоним Мэтту. Мы можем пойти навестить Кэролайн,... если она примет нас, я имею в виду. Мы сможем увидеть, есть ли какие-то изменения сегодня. Затем мы можем подождать до полудня, а потом позвонить Стефану и спросить, можем ли мы снова зайти, увидеть Елену.

Дома у Форбсов, мама Кэролайн сказала, что сегодня ее дочери плохо, и она останется в постели. И все трое – Мэтт, Мерedit и Бонни – вернулись обратно в дом Мерedit без нее. Но Бонни продолжала закусывать губу, время от времени поглядывая назад, на улицу Кэролайн. Ее мама и сама выглядела больной, под ее глазами залегли тени. И предчувствие грозы, чувство давления, практически раздавили дом Кэролайн.

У Мерedit, Мэтт возмется со своим автомобилем, которому постоянно нужно было работать, в то время как Мерedit вместе с Бонни изучала свой гардероб в поисках одежды, которую могла бы носить Елена. Она будет ей великовата, но это лучше, чем одежда Бонни, которая будет слишком ей мала.

В четыре часа дня они позвонили Стефану. Да, они могут прийти. Они спустились вниз и забрали Мэтта.

В пансионате, Елена не стала повторять ритуал с поцелуями, как в предыдущий день... к очевидному разочарованию Мэтта. Но она была восхищена новой одеждой, хотя для прошлой Елены не было бы никаких причин ей восхищаться. Она парила в трех футах над полом, подносила одежду к лицу и делала глубокий радостный вдох, а затем просияла в сторону Мерedit, хотя когда Бонни подобрала одну из футболок, она не смогла почувствовать ничего, кроме запаха смягчителя ткани. Ни даже пляжного одеколона Мерedit.

– Извини, – беспомощно сказал Стефан, когда Елена внезапно чихнула, обнимая небесно-голубой топ в ее руках, словно это был котенок. Но лицо Стефана было таким ранимым, и Мерedit, будучи несколько смущенной, заверила его, что ей приятно, что ее так высоко ценят.

– Она может сказать, откуда одежда, – объяснил Стефан, – она не будет носить ничего из подпольных цехов.

– Я покупаю вещи только в местах, перечисленных на сайте Sweatshop-Free Clothing (одежда не подпольного производства), – просто сказала Мерedit. – Нам с Бонни нужно тебе кое-что сказать, – добавила девушка.

Пока она подробно пересказывала пророчество Бонни, та отвела Елену в ванную комнату и помогла ей переодеться в шорты, которые той подошли, и небесно-голубой топ, который почти подошел, но был лишь немного длинноват.

Цвет превосходно подчеркивал спутанные, но все еще прекрасные волосы Елены, а когда Бонни попыталась помочь ей взглянуть в ручное зеркальце, которое она принесла,... осколки старого зеркала все уже были убраны,... Елена выглядела озадаченной, как щенок, которому показали его собственное отражение. Бонни продолжила держать зеркальце перед ее лицом, и Елена заглядывала в него то с одной, то с другой стороны, как ребенок, играющий в прятки.

Бонни осталось довольствоваться только тщательным расчесыванием этой спутанной золотой массы, с которой Стефан, безусловно, не знал как справиться. Когда, наконец, волосы Елены стали гладкими и шелковистыми, Бонни с гордостью вывела ее в комнату,

чтобы похвастаться перед остальными

И сразу же пожалела. Эти трое были глубоко поглощены, казалось, очень мрачным разговором. С неохотой, Бонни отпустила Елену, которая буквально порхнула на колени к Стефану, и сама присоединилась к беседе.

– Конечно, мы понимаем, – говорила Мередит – Даже перед тем, как Кэролайн слетела с катушек, какой другой выбор мог бы быть, в конце концов? Но...

– Что еще за «другой выбор»? – спросила Бонни, когда села на кровать Стефана позади него, – О чем вы, ребята, говорите?

Была долгая пауза, а затем Мередит поднялась и обхватила Бонни рукой. – Мы говорили о том, почему Стефану и Елене нужно покинуть Феллс Черч... нужно уехать подальше.

Сперва Бонни никак не отреагировала... она знала, что должна была что-то почувствовать, но она была слишком шокирована, чтобы понять, что это было. Когда речь вернулась к ней, единственное что ведьма услышала, был ее глупый вопрос – Уехать? Почему?

– Ты видела почему – здесь, вчера, – произнесла Мередит, ее темные глаза наполнились болью, на ее лице в кои-то веки отразилось неконтролируемое страдание, которое она должно быть чувствовала. Но в тот момент ничьи страдания не значили для Бонни больше, чем ее собственные.

И сейчас они пришли, как лавина, которая засыпала ее раскаленным снегом. Льдом, который горел. Она достаточно долго пыталась выбраться из этого, чтобы сказать:

– Кэролайн ничего не сделает. Она дала обет. Она знает, что нарушить его... особенно когда... когда «вы знаете кто» тоже поставил подпись...

Мередит, должно быть, рассказала Стефану про ворона, потому что он вздохнул и покачал головой, нежно отодвигая Елену, которая пыталась заглянуть ему в лицо. Она ясно осознавала несчастье в группе, но так же ясно она не могла понять, что послужило тому причиной.

– Последний человек, которого я хотел бы видеть рядом с Кэролайн, это мой брат, – он раздраженно откинул с глаз темные волосы, точно они напомнили ему, насколько они с братом были похожи. – И я также не думаю, что угроза Мередит насчет сестер женской общины сработает. Она слишком далеко зашла в темноту.

У Бонни внутри все сжалось. Ей не нравились мысли, которые вызвали эти слова: далеко в темноту.

– Но... – начал Мэтт, и Бонни поняла, что он чувствовал то же самое, – потрясение и дурноту, словно они слезли с какой-нибудь дешевой карусели.

– Послушайте, – сказал Стефан, – есть и другая причина, по которой мы не можем остаться.

– Какая другая причина? – медленно произнес Мэтт. Бонни была слишком подавлена, чтобы говорить. Она думала об этом, где-то глубоко в подсознании. Но каждый раз она отгоняла от себя эти мысли.

– Я думаю, Бонни это уже поняла, – Стефан посмотрел на нее. Она посмотрела в ответ глазами, в которых плескались слезы.

– Феллс Черч, – медленно и печально объяснял Стефан, – был построен на пересечении энергетических линий. Линий чистейшей Силы в земле, помните? Я не знаю, было ли это намеренно. Знает ли кто-нибудь, что Смоллвуды имели отношение к выбору местоположения?

Никто не знал. В старом дневнике Онории Фелл не было ничего о выборе этого места для основания города семьей оборотней.

– Ну, если это и была случайность, то очень несчастливая. Этот город... я должен сказать, точнее городское кладбище... было построено прямо на той территории, где пересекается множество линий «Лей». Вот почему это место стало маяком для сверхъестественных существ, плохих... или не настолько плохих. – Он выглядел

смущенным, и Бонни поняла, что он имел в виду себя. – Я был притянут сюда. Так же, как и другие вампиры, как вы знаете. И с каждым, имеющим Силу, кто приходил сюда, этот маяк становился сильнее. Ярче. Привлекательнее для других людей, обладающих Силой. Это порочный круг.

– В конце концов, некоторые из них собираются увидеть Елену, – сказала Мередит, – Бонни, помни, это такие люди, как Стефан, но у этих людей нет его нравственности... Когда они увидят ее...

Бонни почти расплакалась от этой мысли. Ей показалось, она увидела снегопад из белых перьев, каждое из которых медленно кружилось и падало на землю.

– Но... она не была такой, когда она впервые пробудилась, – медленно и упрямо сказал Мэтт. – Она разговаривала. Она была рациональной. Она не летала.

– Разговаривает или нет, ходит или летает, но она все равно обладает Силой, – ответил Стефан, – достаточной, чтобы свести с ума обычных вампиров. Свести с ума, в довольной мере, чтобы навредить ей, дабы заполучить эту Силу. Но Елена не убивает... и не ранит. По крайней мере, я не могу представить, чтобы она это делала. На что я надеюсь, – сказал он, и его лицо потемнело – так это на то, что я смогу забрать ее туда, где она будет... под защитой.

– Но ты не можешь забрать ее, – сказала Бонни, и она услышала вопль в собственном голосе, будучи не в силах контролировать его. – Разве Мередит не рассказала тебе о том, что я тогда произнесла? Она собирается пробудиться! И мне и Мередит нужно быть с ней для этого!

«Потому что после этого нас не будет там». Внезапно это фраза обрела смысл. И это было даже хуже, чем «вообще нигде не быть», это было больше чем плохо.

– Я не думал забирать ее, по крайней мере, пока она не начнет нормально ходить, – сказал Стефан и удивил Бонни тем, что быстро обнял ее рукой за плечи. Это было похоже на объятие Мередит, такое же родственное, только более сильное и недолгое. – И вы не представляете, как я рад, что она пробудиться. И что вы будете там, чтобы поддержать ее.

– Но... «Но нечисть все еще будет появляться в Феллс Черч?» – подумала Бонни, – «И вас не будет рядом, чтобы защитить нас?»

Она посмотрела на Мередит и поняла, что та точно знала, о чем думала ведьма.

– Я бы сказала, – произнесла Мередит своим самым сдержанным, осторожным тоном, – что Стефан и Елена уже вынесли достаточно ради спасения города.

Ну. С этим не поспоришь. И кажется, со Стефаном не поспоришь тоже. Он принял свое решение.

И все равно, они проговорили до наступления темноты, обсуждая различные варианты и сценарии, размышляя над предсказанием Бонни. Друзья так ничего и не решили, но, по крайней мере, они тщательно обсудили все возможные варианты. Бонни настаивала на том, что у них должны быть какие-то способы связи со Стефаном, и она уже собиралась потребовать немного его крови и волос для вызывающего заклинания, когда юноша мягко заметил, что у него теперь есть мобильный телефон.

Наконец, настало время уходить. Ребята умирали от голода, и Бонни заметила, что Стефан, возможно, тоже. Он выглядел неестественно бледным, когда сидел с Еленой у него на коленях.

Когда все прощались на верху лестницы, Бонни продолжала напоминать себе обещание Стефана о том, что Елена будет рядом, чтобы она и Мередит поддерживали ее. И что он никогда не заберет их подругу, не предупредив девушек.

Это было не настоящее прощание.

Тогда почему же чувства говорили обратное?

Глава 9

Мэтт, Мередит и Бонни, наконец-то оставили Стефана с Еленой, теперь уже прилично одетой с помощью ведьмы Маккалоу в «ночное платье». Темнота снаружи была приятна для

воспаленных глаз Стефана, ставших такими не из-за яркого дневного света, а по причине того, что пришлось сообщать друзьям столь грустные новости. Многим хуже рези в глазах, было слегка удушающее чувство голода вампира, который достаточно давно не питался. «Но скоро он это исправит», сказал себе юноша. Как только Елена заснет, он отправится в лес и найдет белохвостого оленя. Больше никто не может преследовать свою жертву так как вампир, никто не мог бы конкурировать со Стефаном, в умении охотиться. И даже если потребуется несколько оленей, чтобы утолить его голод, ни один из них не погибнет.

Однако, у Елены были другие планы. Она не хотела спать, ей никогда не было скучно рядом с ним. Как только рев двигателя автомобиля их посетителей затих вдалеке, девушка сделала то, что делала всегда, находясь в таком настроении. Она подплыла к своему вампиру, подняла лицо, закрыв глаза, и немного поджав губы. Затем просто ждала.

Стефан поспешил к не зашторенному окну, потянул вниз занавес, избавляясь от нежелательных взглядов любопытных ворон, и вернулся обратно. Елена, все еще находясь в том же положении, и слегка покраснела. Ее глаза по-прежнему были закрыты. Стефан иногда думал, что она может ожидать вот так вечно, если захочет его поцелуя.

– Я действительно пользуюсь преимуществом над тобой, любимая, – сказал он, вздыхая. Он наклонился к ней, и поцеловал ее нежно и невинно.

Елена издала звук разочарования, напоминающий мурлыканье котенка, заканчивающееся на вопросительной ноте. Она чуть толкнула его носом в подбородок.

– Прекрасная любимая, – сказал Стефан, поглаживая ее волосы. – Бонни расплела все узелки, не повредив ни волоска?

Он наклонился вниз, покорный ее теплу, беспомощный перед ним. Отдаленная боль в его верхней челюсти, уже прибыла.

Елена снова подтолкнула его, требуя. И тогда он целовал ее немного дольше. Следуя логике, он знал, что она достаточно взрослая. Сейчас Елена была старше, и намного опытней, чем девять месяцев назад, когда они только начинали терять голову от поцелуев. Но чувство вины всегда присутствовало в его мыслях, и он не переставал беспокоиться о ее полнейшем согласии.

На сей раз, мурлыканье было раздражительным. Терпение Елены подошло к концу. Внезапно, она повисла на Стефане, вынуждая поддерживать ее мягкое, теплое, женственное тело, и в то же время ее «Пожалуйста?» звенящее так ясно, словно ногтем царапало по стеклу.

Это было одно из первых слов, которое она научилась думать, когда проснулась немой и невесомой. И ангел или нет, она точно знала, что это слово делало с ним... внутри.

«Пожалуйста?»

– О, маленькая любимая, – простонал он, – Прекрасная маленькая любимая...

«Пожалуйста?»

Он поцеловал ее.

Долгое время было тихо, когда юноша почувствовал, что его сердце бьется все быстрее и быстрее. Елена, его Елена, которая когда-то отдала за него свою собственную жизнь, была теплой и приятно тяжелой в его руках. Она была только его, и они принадлежали друг другу, и он ничего не хотел менять с этого момента, никогда. Даже неуклонно нарастающая боль в верхней челюсти приносила ему некоторую радость. Боль сменилась удовольствием от того, что теплые губы Елены были накрыты его губами, и трепетали, словно крылья бабочки, поддразнивая его.

Иногда ему казалось, что она гораздо более активна, когда в полусне, как сейчас. Она всегда была инициатором, и он беспомощно следовал за ней повсюду, куда бы она его не повела.

В один миг он вдруг решил остановиться, и прервал поцелуй на середине. Тогда она перестала мысленно разговаривать с ним и уплыла в угол, где затем села прямо в пыль с паутиной... и заплакала.

Он ничего не мог сделать, никак не мог утешить ее, не смотря на то, что встав на

колени, упершись в твердые деревянные половицы, просил, уговаривал и сам почти что плакал. Затем он снова взял ее на руки.

Стефан пообещал себе больше никогда не совершать подобной ошибки. Но, тем не менее, боль вины точила его изнутри, хоть и становилась все более отдаленной, и более запутанной, поскольку Елена внезапно изменила давление своих губ и мир вокруг покачнулся. Ему пришлось отступить назад, к кровати, и присесть. Мысли его спутались. Он думал только о том, что Елена вернулась, сидит на его коленях, такая взволнованная, такая живая, пока не произошел некий шелковый взрыв внутри юноши, и его не нужно было больше принуждать.

Он знал, что Елена наслаждается приятной болью в его зубах, также как и он сам.

Больше не было времени и причин для размышлений. Елена таяла в его руках, ее волосы от его ласк приобрели шелковую мягкость. Мысленно, они уже растаяли вместе. Боль в зубах Стефана, наконец-то привела к неизбежному. Клыки удлинились и стали очень острыми. Их соприкосновение с нижней губой Елены вызвало у Стефана сильную вспышку удовольствия, почти заставившую его задохнуться.

А затем Елена сделала кое-что, чего никогда прежде себе не позволяла. Очень изящно и аккуратно она взяла один из клыков Стефана губами. И затем, мягко и преднамеренно просто удерживала его.

Весь мир вокруг Стефана закружился.

И только по милости своей любви к ней, и их связанных разумов, он не прокусил ее нижнюю губу. Древний вампир, который никогда не был изгнан из его крови, кричал на него, убеждая сделать именно это.

Но он любил ее, они были одним целым, ... и кроме того он не мог сдвинуться даже на дюйм, поскольку застыл от удовольствия. Клыки Стефана никогда еще не были такими длинными или такими колкими, поэтому даже без его помощи, острый как лезвие край его зуба вонзился в полную нижнюю губу Елены. Кровь очень медленно сочилась вниз, в его горло. Кровь Елены, которая изменилась, вернувшись из мира духов. Когда-то, она была удивительной, полной юной жизненной энергии и сущности самой Елены.

Сейчас... это было нечто особенное. Нечто неопишемое. Он никогда не испытывал ничего подобного ощущениям от крови возрожденного духа. Она была заряжена Силой, и это отличало ее от человеческой крови настолько, что это сравнение было сродни противопоставлению людской крови и крови животных.

Для вампира ощущение человеческой крови, текущей вниз, в его горло, было необыкновенно острым, несравнимым с какими-либо другими эмоциями.

Сердце Стефана бешено билось в его груди.

Елена слегка дернула клык, захваченный ее губами.

Стефан понимал, что от этой жертвенной боли она чувствует удовлетворение. Некое удовольствие. Потому что она связана с ним, и потому что она принадлежала к редчайшей породе людей, кому нравится насыщать вампира, кто наслаждается процессом его кормления, и его потребностью в ней. Это была высшая элита, и она принадлежала к ней.

Жаркая дрожь прошла по его спине, кровь Елены побежала по его венам.

Девушка освободила его клык, сосущий кровь из ее нижней губы. Она откинула голову назад, подставляя для него свою шею.

Ее горячая шея, выставленная напоказ прямо перед ним – это было чересчур, чтобы сопротивляться, даже для него. Он знал узоры вен Елены точно так же, как знал ее лицо. И все же...

«Все правильно. Все хорошо...» – прозвучал голос Елены у него в голове.

Он погрузил свои ноющие клыки в маленькую вену на ее шее. К этому времени они стали настолько острыми, что Елена, привыкшая к укусам подобным жалящей змее, этот практически не заметила. Для него, для них обоих, это было насыщением. Неопишемая сила свежей крови Елены заполнила горло и вены Стефана, а она сама погрузилась в счастливое и бессвязное состояние.

Для него всегда существовала опасность взять слишком много, или не дать ей достаточное количество своей крови, дабы она хорошо себя чувствовала и не погибла. Не то, чтобы ему нужно было слишком много крови, однако торговля ею с вампирами всегда может быть чревата. Но темные мысли уплыли далеко в абсолютное блаженство, которое овладело ими обоими.

Мэтт выловил из кармана ключи, когда он с Бонни и Мередит уселись вместе на широкое переднее сидение его грохочущего драндулета. Парень смутился от того, что вынужден был поставить свою машину рядом с роскошным Порше Стефана. Мягкая обивка салона автомобиля Мэтта была в клочья, которые приходилось поддерживать, когда кто-нибудь садился на сиденье. Бонни легко уместилась в откидном кресле кое-как оснащенном ремнем безопасности, между Мэттом и Мередит. Парень украдкой наблюдал за ней: когда она была расстроена, то иногда забывала пристегиваться. Дорога назад, через Старый Лес, была слишком ухабистой, с крутыми поворотами, которые стоит принимать всерьез, даже если они будут единственными на дороге.

«Больше никаких смертей» – думал Мэтт, пока они отъезжали от пансиона. «И больше никаких удивительных воскрешений». Мэтт уже увидел достаточно много сверхъестественного, на остаток жизни ему точно хватит. Сейчас он чувствовал себя, так же как Бонни: хотел, чтобы все стало нормальным, таким, как было всегда, а жизнь шла своим чередом.

«И без Елены», – насмешливо прошептал голосок у него внутри. – «Отказаться от нее даже без борьбы?»

«Эй, я в любом случае не смог бы победить Стефана, в любой борьбе, даже если бы ему связали обе руки за спиной и надели мешок на голову. Забудь об этом!... Все кончено, как бы она там меня не поцеловала! Сейчас она для меня просто друг».

Но он все еще чувствовал вчерашнее прикосновение теплых губ Елены к его губам. Эти мягкие прикосновения не являются социально приемлемыми для двух «просто друзей». Но она пока не знает об этом. А он чувствовал теплоту и покачивание ее танцевально стройного тела.

«Черт, она вернулась совершенной,... физически, по крайней мере». – Думал он.

Жалобный голос Бонни прорезался в его приятные воспоминания,

– Как только я начала думать, что все будет хорошо, – вопила она, едва не плача, – Как только я начала думать, что все наладится,... в конце концов, все пошло так, как оно должно было идти!

Мередит, очень мягко, ответила:

– Это трудно, я знаю. Кажется, мы все больше теряем ее. Но мы не можем быть эгоистами!

– Я могу! – категорично заявила Бонни.

«И я тоже» – шепнул Мэтту внутренний голос. – «По крайней мере, в душе, где никто не сможет увидеть мой эгоизм. Старый добрый Мэтт... Мэтт никогда не будет возражать! Какой же молодчина Мэтт! Что ж, наступило время, когда старый добрый Мэтт против! Но она выбрала другого, и что я могу поделать? Похитить ее? Запереть на замок? Попытаться взять ее силой?»

Эта мысль вдруг отрезвила Мэтта подобно холодному душу, и он стал внимательнее следить за дорогой. Как-то автоматически он уже проехал несколько поворотов разбитой однополосной дороги, бегущей сквозь Старый Лес.

– Мы все вместе планировали поступить в колледж, – упорствовала Бонни, – Затем мы хотели вернуться сюда, в Феллс Черч. Вернуться домой. Да мы с самого детского сада планировали все это, и теперь, когда Елена снова человек, я думала, что наши планы осуществляются. Но сейчас уже понятно, что ничто не будет таким, каким мы задумали, так ведь? – она закончила свой вопрос более спокойно, и вздохнула, – Так ведь? – Это уже не было вопросом.

Мэтт и Мередит переглянулись, удивленные жалостью, одновременно промелькнувшей в их взглядах, и беспомощно попытались успокоить Бонни, которая обняла себя руками, отделяваясь от прикосновений Мередит.

«Это Бонни... актриса драм театра», мелькнула у Мэтта мысль, но его природная честность не позволяла ему поддразнить ее.

– Я считаю, что, – медленно начал он, – это именно то, о чем на самом деле подумали мы все, когда она только-только вернулась. – «Когда мы танцевали в лесу, как чокнутые», подумал парень. – Вероятно, все мы думали, что они могут жить где-то неподалеку от Феллс Черч, и что все у них будет, как раньше... До того как Стефан...

Мередит покачала головой, смотря вдаль сквозь ветровое стекло,

– Не Стефан.

Мэтт понял, что она имеет в виду. Стефан приехал в Феллс Черч, чтобы воссоединиться с миром людей, а не для того, чтобы потянуть человеческую девушку за собой, в неизвестность.

– Ты права, – ответил он, – Я тоже думал об этом. Она и Стефан, возможно, смогли бы найти способ жить здесь, вместе, в спокойствии. Ну, или поблизости... Это все из-за Дэймона. Он приехал, чтобы взять Елену против ее воли, и все поменялось.

– И теперь, Елена и Стефан уезжают. И если они уедут, они больше не вернутся! – завывала Бонни. – Зачем? Для чего Дэймон начал все это?

– Стефан однажды сказал мне, что он любит вмешиваться в разные события из полнейшей скуки. На сей раз, вероятно, все началось из-за ненависти к Стефану, – ответила Мередит. – Но мне хочется, чтобы сейчас он смог, просто, оставить нас в покое.

– Да какая теперь разница? – рыдала Бонни. – Ну была это вина Дэймона. Мне уже плевать! Чего я действительно не понимаю, так это – почему что-то нужно менять?

– Нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Или даже однажды, если ты достаточно сильный вампир, – проговорила Мередит искаженным голосом. Никто не засмеялся. Тогда она добавила очень мягко, – возможно, ты спрашиваешь не того человека. Возможно, Елена та, кто может ответить тебе, почему что-то нужно менять, если она помнит, что случилось с ней там, на Другой Стороне.

– Я не подразумевала, что все действительно должно измениться...

– Но изменится, – сказала Мередит грустно и еще более мягко. – Разве ты не видишь? И в этом нет ничего сверхъестественного. Это жизнь. Все должны расти...

– Я знаю! У Мэтта есть футбольная стипендия, ты собираешься в колледж, а затем, наверняка, выйдешь замуж! Потом вероятно появятся дети! – Бонни сказала это так, словно это было чем-то неприличным. – Я же собираюсь застрять в среднем колледже навсегда. Все вы повзрослеете, и забудете о Елене со Стефаном... и обо мне. – Закончила она тоненьким голоском.

– Эй, – Мэтт всегда был защитником обиженных и игнорируемых. И даже сейчас, когда он думал только о Елене,... размышлял, сможет ли он когда-нибудь избавиться от воспоминаний об этом поцелуе,... он обратил внимание на Бонни, которая казалась сейчас такой маленькой и хрупкой. – О чем это ты говоришь? Я собираюсь вернуться после колледжа домой и жить здесь. Я возможно умру прямо здесь, в Феллс Черч. И буду думать о тебе. В смысле, если ты хочешь.

Он похлопал Бонни, и она не уклонилась от его прикосновений, как от рук Мередит. Она наклонилась к нему и прижалась лбом к его плечу. Когда ведьма вдруг слегка вздрогнула, он обнял ее, даже не задумываясь.

– Мне не холодно, – сказала Бонни, но не делала попыток сбросить его руку. – Сегодня вечером довольно тепло. Я только... мне не понравилось, когда ты сказал «я вероятно умру прямо... Осторожно!

– Ё...! – Мэтт вдавил тормоза, бранясь в три этажа, обеими руками сражаясь с рулевым управлением, Бонни совершила нырок, а Мередит пыталась зафиксироваться сама. Теперешний автомобиль Мэтта, в отличие от старого, утонувшего в реке, был очень

потрепанным и не имел подушек безопасности. Он являл собой свалку различных запчастей уже развалившихся автомобилей, собранных вместе.

– Держитесь! – завопил Мэтт, когда машину занесло, шины завизжали, после чего автомобиль развернуло, задняя часть слетела в кювет, и передний бампер врезался в дерево.

Когда все замерло, Мэтт резко выдохнул и ослабил мертвую хватку на руле. Он начал было поворачиваться к девушкам и замер. Парень шарил в темноте, пытаясь включить свет, но то, что он увидел, заставило его вновь застыть не двигаясь.

Бонни, как и всегда в моменты глубоких потрясений, оказалась у Мередит. Ее голова лежала на коленях у подруги, пальцами она вцепилась в руку и рубашку девушки. Сама Мередит сидела, зафиксировано, откинувшись назад, насколько это было возможно, а ее ноги упирались в пол под приборной панелью. Все ее тело было сильно отклонено назад на спинку сидения, голова запрокинута, руки удерживали Бонни, с силой прижимая ее вниз.

Пробившая окно, узловатая, подобно широкому копыю в цепкой руке, ветвь гигантского дикого дерева упиралась прямо в основание шеи Мередит, более низкие ветви были поверх маленько тела Бонни. Если бы ремень безопасности не позволил ей пригнуться, если бы она не бросилась вниз, если бы Мередит не держала ее...

Мэтт смотрел прямо на расколотый и узловатый, но очень острый конец копья. Если бы его собственный ремень безопасности позволил ему наклониться вниз...

Парень услышал свое собственное затрудненное дыхание. Запах хвои заполнил весь автомобиль. Он даже мог почувствовать большую концентрацию этого запаха там, где более молодые ветви преломились и источали сок.

Очень медленно Мередит потянулась пальцами, чтобы сломать острый прут, указывающий ей прямо в горло, словно стрела. Она не смогла этого сделать. Оцепенев, Мэтт потянулся к ней, чтобы помочь. Но, несмотря на то, что прут был не намного толще его пальца, он оказался очень жестким и даже не гнулся.

«Как закаленная сталь» – ошеломленно подумал он. – «Но ведь это смешно. Это – живое дерево, я могу чувствовать его ветки и его запах».

– Ой.

– Могу я, пожалуйста, встать уже? – тихо спросила Бонни. Ее голос приглушало колено Мередит. – Пожалуйста. Прежде, чем это схватит меня. Оно этого хочет.

Мэтт смотрел на нее, вздрогнул, и оцарапал щеку расколом одной из веток.

– Оно не собирается хватать тебя, – но его желудок сжался, пока он пытался вслепую снять ремень безопасности. Почему у Бонни вдруг появилась та же мысль, что и у него: что эта ветвь похожа на огромную, изогнутую, косматую руку? Она ведь даже не видит ее.

– Ты знаешь, что оно этого хочет, – прошептала Бонни, и легкая дрожь охватила все ее тело. Она потянулась назад, пытаясь снять ремень безопасности.

– Мэтт, мы должны выскользнуть отсюда, – сказала Мередит. Она тщательно поддерживала свою болезненного вида отброшенную назад позицию, но Мэтт слышал ее тяжелое дыхание. – Нам нужно скользнуть к тебе, оно пытается приблизиться к моему горлу.

– Это невозможно. – Однако, он тоже это видел. Расщепленные концы более тонкой ветви переместились совсем немного, но она имела разлом в виде скобы, и осколки уже касались горла Мередит.

– Возможно лишь то, что никто не может оставаться в таком немыслимом положении вечно, – сказал он, зная, что это бред, – Там в бардачке есть фонарь.

– Бардачок полностью заблокирован ветками. Бонни, ты сможешь дотянуться и отстегнуть мой ремень безопасности?

– Попробую. – Бонни потянулась вперед, не поднимая головы, и протянула руку, пытаясь на ощупь отыскать кнопку спуска.

Для Мэтта это выглядело так, словно косматые, зеленые и пахучие ветви захватили ее, и потянули на свои иглы.

– У нас здесь целая долбанная Новогодняя елка. – Он отвернулся к окну со своей стороны, и прислонил к нему руки сложенные чашей, чтобы лучше видеть в темноте,

прижимаясь лбом к удивительно холодному стеклу.

Он почувствовал какое-то прикосновение к затылку. Парень подскочил и тут же замер. Прикосновение не было ни холодным, ни теплым, скорее как девичий ноготь.

– Черт возьми, Мередит!...

– Мэтт...

Мэтт злился на себя за тот подскок. Но прикосновение было... колючим.

– Мередит? – он медленно пошарил руками в темноте, пока не увидел отражение в темном окне. Мередит не трогала его.

– Не... двигайся... влево, Мэтт. Здесь где-то длинный и острый обломок дерева. – Голос Мередит, холодный и всегда слегка отдаленный, обычно напоминал Мэтту картины из тех, что зачастую печатают на календарях – горные синие озера, окруженные снегами. Сейчас он показался ему каким-то придавленным и напряженным.

– Мередит! – произнесла Бонни, прежде, чем Мэтт успел собраться с мыслями. Голос Бонни звучал как из-под перины.

– Все в порядке. Я просто должна... держать это подальше. Не волнуйся, я не отпущу тебя.

Мэтт почувствовал острый конец обломка. Что-то вновь коснулось его шеи справа, очень аккуратно. – Бонни, перестань! Ты тянешь дерево! Ты тянешь дерево прямо на нас с Мередит!

– Мэтт, заткнись!

Мэтт заткнулся. Его сердце дико колотилось. Сейчас он ощущал только, что что-то происходит за его спиной. «Но это глупо», – подумал он, – «потому что, если Бонни тянет дерево, то я могу попытаться сдержать его».

Он потянулся руками позади себя, вздрагивая, и пытаясь разглядеть в отражении окна, куда именно он двигается. Его руки сомкнулись над толстым узлом коры и щепок.

Он подумал, «не припоминаю, чтобы там был такой узел, когда эта штука целилась мне в горло».

– Есть! – прозвучал приглушенный голос, сопровождаемый щелчком отстегнутого ремня. Чуть погодя голос очень неуверенно сказал, – Мередит? Иглы прокалывают мою спину.

– Так, Бонни, Мэтт, – проговорила Мередит с усилием, но с большим терпением, подобно тому, как они разговаривали с Еленой. – Мэтт, ты должен открыть свою дверь, сейчас.

В голосе Бонни прозвучала паника, – За моей спиной не только иглы, но и небольшие ветви. Они похожи на колючую проволоку. Я... застряла...

– Мэтт! Тебе нужно прямо сейчас открыть дверь...

– Я не могу.

Тишина.

– Мэтт?

Мэтт уперся, обхватив руками чешуйчатую кору дерева, и отталкивался ногами. Он резко дернул ствол, изо всех своих сил.

– Мэтт! – Мередит почти кричала, – Оно режет мое горло!

– Я не могу открыть дверь! Снаружи она прижата деревом!

– Как там может быть дерево? Это же дорога!

– Как там может быть дерево, растущее у нас здесь?

Снова в машине повисла тишина. Мэтт чувствовал, как поломанные ветки и иголки прижимаются все ближе к его спине и шее. Если он как можно быстрее не увернется куда-нибудь, то больше никогда не сможет этого сделать.

Глава 10

Елена была невероятно счастлива. Сейчас была ее очередь.

Стефан использовал острый деревянный нож для писем из своего стола, чтобы порезать себя. Елена всегда ненавидела смотреть, как он делает это, используя самое эффективное оружие, которое проткнуло бы кожу вампира. Поэтому она закрыла глаза и взглянула снова, когда кровь текла из маленького надреза на его шее.

– Тебе не нужно брать много,... и тебе не следует. – Прошептал Стефан, и Елена понимала, что он говорит это, пока еще может хоть что-то сказать. – Я не слишком крепко тебя обнимаю, тебе не больно?

Он всегда так беспокоился. Сейчас, она его поцеловала.

И девушка видела, как странно он задумался, он хотел больше чем поцелуй, он хотел, чтобы она взяла его кровь. Смеясь, Елена толкнула его и нависла над ним, снова приближаясь к области раны, и зная, что он подумает, будто она собирается дразнить его. Но вместо этого, она прижалась к его ране как присоска, и начала высасывать все настойчивее и настойчивее, пока не вынудила Стефана умолять ее телепатически. Но она не была удовлетворена, пока не вынудила его умолять вслух.

В это время в машине, Мэтту и Мередит пришла в голову одна и та же идея. Девушка была быстрее, но они заговорили почти одновременно.

– Я идиотка! Мэтт, где откидывается спинка?

– Бонни, ты должна опустить свое сидение назад! Там есть маленькая ручка, ты должна добраться до нее и потянуть вверх!

Голос Бонни екал от икоты. – Мои руки... они все истыканы... мои руки...

– Бонни. – жестко сказала Мередит, – Я знаю, ты сможешь сделать это. Мэтт ручка справа... под ним... под передним сиденьем или...

– Да. С краю,... один, нет два часа [1]. – Мэтт не мог больше дышать. Как только он схватил дерево, то обнаружил, что если ослабит давление хоть на мгновение, ствол сильно придавит его шею.

[1][Примечание: имеется в виду направление по часовым стрелкам, в основном используется военными.]

Нет другого выбора, думал парень. Он вздохнул глубоко, как только мог, оттолкнулся назад на ветки, и услышал крик Мередит. Мэтт крутился, чувствуя зубчатые обломки, которые подобно тонким деревянным ножам царапали его горло, ухо и череп. Сейчас он освободился от давления на его затылок, и ужаснулся, сколько еще дерева было в машине, намного больше чем вначале. Вокруг него все было забито ветками, вечнозеленые иглы были плотно навалены повсюду.

«Не удивленная, а безумная Мередит», думал он, поворачиваясь к ней, и ощущая головокружение. Она была почти похоронена под ветками, одной рукой борясь с чем-то возле ее горла, но она все же увидела его.

– Мэтт... возмись... за свое сиденье! Быстро! Бонни, я знаю, ты можешь!

Мэтт разрыв и разорвал ветки, затем нащупал ручку, которая опустила бы спинку его сидения. Ручка не двигалась. Тонкие жестокие, упругие усики обмотали ее, и было трудно разорвать их. Но он крутил и рвал.

Его спинка рухнула. Парень нырнул под огромную еловую лапу, если это вообще можно было так назвать. Сейчас машина была битком набита огромными ветками. Тогда он потянулся и помог Мередит, ее сидение тоже резко откинулось.

Она упала назад вместе с ним, подальше от вечнозеленых веток, хватая воздух ртом. Мередит продолжала лежать там еще мгновение. Затем она перебралась на специфическое заднее сиденье, волоча за собой окутанную иглами фигуру. Когда девушка заговорила, ее голос был хриплым, а речь по-прежнему медленной.

– Мэтт. Благословляю тебя... за наличие... такого сложного механизма... в твоей машине. – Она пнула переднее сидение, чтобы оно вернулось в обратную позицию, и Мэтт

сделал то же самое.

– Бонни. – сказал одеревеневший Мэтт.

Бонни не двигалась. Много маленьких ветвей все еще оплетали ее, некоторые попали в ткань ее майки, а некоторые в ее волосы.

Мерedit и Мэтт оба начали потягиваться. Везде где ветки касались кожи, были царапины и маленькие раны от проколов.

– Как будто они хотели врасти и нее, – сказал Мэтт, так как длинные, тонкие ветки тянулись назад, оставляя кровавые проколы после себя.

– Бонни? – Позвала Мерedit. Она выпутала прутья из ее волос. – Бонни? Ну, давай же. Посмотри на меня.

Ведьма вся тряслась, но позволила Мерedit поднять свое лицо вверх. – Я не думала, что у меня получится это сделать.

– Ты спасла мне жизнь.

– Мне было так страшно...

Бонни продолжала плакать, но уже на плече у Мерedit.

Мэтт посмотрел на Салез, как на мерцающую светом карту, которая поможет найти выход. Но все что он увидел, это ее темные глаза, выражение которых внезапно заставило его чувствовать узел в животе. Находясь на заднем сидении, он смотрел во все три окна, которые были в его поле зрения.

Тяжело было вообще что-либо разглядеть. Но то, что он искал, находилось прямо перед его лицом, прижатое к стеклу. Иглы. Ветки. На каждом дюйме окна.

Однако, он и Мерedit без лишних слов, потянулись к ручке дверцы. Раздался щелчок, и дверь открылась на дюйм, а потом снова захлопнулись.

Друзья переглянулись. Мерedit посмотрела вниз и снова начала срывать прутья окутывающие Бонни.

– Тебе от этого больно?

– Нет. Немного...

– Ты дрожишь.

– Холодно.

Было действительно холодно. Не смотря на то, что открытое окно было целиком закупорено растением, снаружи Мэтт смог услышать ветер. Он свистел, будто через огромное количество ветвей. Был также звук лесного скрипа, поразительно громкий и до смешного высокий. Все это напоминало шторм.

– Что, черт возьми, это было? – взорвался он, злобно пиная переднее сидение. – Та хрень, из-за которой я отклонился от дороги?

Темноволосая голова Мерedit медленно поднялась. – Я не знаю. Я как раз поднимала окно. И глянула мельком.

– Оно просто появилось посреди дороги.

– Волк?

– Это было не там, а вон там.

– Волки не такого цвета. Оно было красным. – Сказала Бонни решительно, поднимая свою голову с плеча Мерedit.

– Красным? – Мерedit покачала головой. – Оно было слишком большим для лисы?

– Я думаю, оно действительно было красным. – Сказал Мэтт

– Волки не бывают красными... как насчет оборотней? У Тайлера Смоллвуда есть какие-то родственники с рыжими волосами?

– Это не волк. – Сказала Бонни. – Оно было обратное.

– Обратное?

– Его голова была не с той стороны. Или же у него были головы с обеих сторон.

– Бонни ты реально меня пугаешь. – Сказала Мерedit

Мэтт бы никогда этого не сказал, но она действительно напугала и его тоже. Потому что увиденное им животное, казалось таким же деформированным, как сейчас описывала его

Бонни.

– Может мы просто увидели его под странным углом, – сказал он, когда заговорила Мередит. – Может, это было какое-то животное, отпугивающее с помощью...

– С помощью чего?

Мередит посмотрела на потолок машины. Мэтт последовал за ее взглядом. Очень медленно, со скрежетом металла, крыша прогнулась. И еще немного. Как будто нечто очень тяжелое давило на нее.

Мэтт сыпал проклятия на свою голову. – Пока я был на переднем сидении, почему не вдавил педаль...? – Он пристально посмотрел через ветви, пытаясь разглядеть педаль газа и зажигание. – Ключи все еще там?

– Мэтт мы наполовину в канаве. К тому же, если бы это хоть как-то помогло, я сказала бы тебе газовать.

– Тогда бы эта ветка сняла тебе голову!

– Да. – Просто сказала Мередит

– Это убило бы тебя!

– Если бы это помогло выбраться вам двоим, я бы подумала. Но ты оказался в ловушке, смотря в сторону. Я, смотря вперед. Они были здесь,... деревья, со всех сторон.

– Это... не... возможно! – Мэтт лупил сиденье перед собой, подчеркивая каждое слово.

– Это возможно?

Крыша, заскрипела снова.

– Вы двое, хватит ругаться! – сказала Бонни, ее голос надломился из-за рыдания.

Прогремел взрыв, подобный выстрелу и машина просела вниз.

– Что это было? – начала Бонни.

Молчание.

– ...шина лопнула. – Наконец отозвался Мэтт. Он не доверял собственному голосу. Он посмотрел на Мередит.

Как и Бонни. – Мередит,... ветки заполняют переднее сидение. Я едва вижу лунный свет. Становится темно.

– Я знаю

– Что мы будем делать?

Мэтт чувствовал страшное напряжение и расстройство на лице Мередит, как будто она говорила сжав зубы. Но голос Салез был тихим.

– Я не знаю.

Стефан все еще содрогался, Елена извивалась как кошка, паря над кроватью. Она улыбнулась ему. Ее улыбка сияла, словно после употребления наркотика, удовольствием и любовью. Он подумывал схватить ее за руки, потянуть вниз и начать все заново.

Это было безумие, она вынудила его. Потому что он слишком хорошо знал, из собственного опыта, насколько опасен их флирт. Даже слишком, и Елена была первым вампиром-духом, поскольку она единственный вампир-дух которого он знал.

Но посмотрите на нее! Он выскользнул из-под Елены, как он иногда делал и просто смотрел, чувствуя, как сердце начинало бешено биться только при виде ее. Волосы Елены, настоящее золото, как шелк разметались по постели. Ее тело, в свете одной маленькой лампы, было словно очерчено золотым контуром. Казалось, будто она плывет, движется и спит в золотой дымке. Это пугало. Для вампира, она была словно живое солнце, лежащее на его кровати.

Он обнаружил, что сдерживает зевок. Это тоже она сделала с ним, как Далила забирающая силу Самсона. Его «ракетным топливом», возможно, была ее кровь, но сейчас он был безнадежно сонным. Он провел бы ночь в ее объятиях.

В машине Мэтта стало еще темнее, потому что деревья продолжали закрывать лунный свет. Они пытались звать на помощь. Это была не очень хорошая идея, Мередит

обосновывала это тем, что им необходимо сохранить кислород в машине. Так они снова смирно сели.

Наконец, Мередит полезла в карман джинсов и начала перебирать ключи с очень маленькой цепочкой, где висел брелок с фонариком, который светил синим светом. Когда она включила его, все наклонились вперед. Очень маленькая штука, чтобы столько значить, подумал Мэтт.

Чувствовалось давление на передние сидения.

— Бонни? — сказала Мередит. — Никто все равно, не услышит нас, даже если вопить. Если кто-то что-то и услышал, то это только лопнувшую шину, и подумал что это выстрел.

Бонни трясла головой, точно не желала это слушать. Она все еще вытаскивала сосновые иглы из своей кожи.

Она права. Мы в милях от людей, подумал Мэтт.

— Здесь что-то очень плохое. — Сказала Бонни. Она говорила это тихо, но каждое слово было вытолкнуто одно за другим, так же как камешки бросают в пруд.

Мэтт внезапно почувствовал тревогу. — Насколько... плохое?

— Насколько плохое, что... я никогда, ничего подобного не чувствовала до этого. Ни когда Елена умерла, ни от Клауса, ни от чего бы то ни было еще. Я никогда не чувствовала нечто настолько злое, как сейчас. Оно настолько плохое, и такое сильное. Я не думаю, что что-либо вообще может быть настолько сильным. Это давит на меня, и я боюсь...

Мередит прервала ее — Бонни, я знаю, мы обе можем думать только об одном выходе из этого...

— Из этого нет выхода.

— ... Я знаю, ты боишься...

— Кого бы можно было позвать? Я могла бы сделать это, ... если там есть, кого звать. Я могу попробовать представить, что твой фонарик, это пламя и сделать это...

— Транс? — Мэтт остро взглянул на Мередит. — Она больше, не занимается этим.

— Клаус мертв.

— Но...

— Здесь некому меня услышать! — завизжала Бонни и разразилась рыданиями. — Елена и Стефан сейчас слишком далеко, и наверно уже спят! А больше никого нет!

Все трое начали сдвигаться вместе, потому что ветки давили на них. Мэтт и Мередит были достаточно близко, чтобы посмотреть друг на друга прямо через голову Бонни.

— Оу, — сказал Мэтт и вздрогнул. — Хм... мы уверены?

— Нет, — сказала Мередит. Она говорила мрачно, но с надеждой. — Помните это утро? Мы вовсе не уверены. Но я убеждена, что он все еще где-то поблизости.

Теперь Мэтт чувствовал недомогание, Мередит и Бонни выглядели болезненно в странно-горящем голубом свете. — И... прямо перед тем как это все случилось, мы говорили о том, как много всего...

— ...по большому счету, все, что случилось с Еленой...

— ... все было его виной...

— И мы по уши в лесу.

— И с открытым окном.

Бонни зарыдала.

Мэтт и Мередит, заключили безмолвное соглашение, только одним взглядом. — Бонни, ты сказала, что сделала бы... ну, тебе придется сделать это. Старайся думать о Стефане или разбуди Елену или... или извинись перед... Демоном. Я боюсь, что скорей всего последнее. Но мне кажется, он никогда не хотел нашей смерти, и он должен понимать, что убийство друзей Елены, не поможет ему с ней. — Нежно сказала Мередит.

Мэтт скептически хмыкнул — Он, возможно, и не хочет смерти всех нас, но он может подождать, пока кое-кто из нас умрет, чтобы спасти остальных. Я никогда не доверяю...

— Ты никогда не желал ему вреда. — Перекричала его Мередит.

Мэтт заморгал, глядя на нее, а потом замолчал, чувствуя себя идиотом.

– Так, вот фонарик, держи, – сказала Мередит, даже в критической ситуации, ее голос оставался устойчивым, ритмичным и гипнотизирующим. Жалкий маленький клочок света, но такой ценный. Он был всем, что они имели, для противостояния крошечной тьме.

Но скоро станет бесконечно темно, – думал Мэтт – ведь они были отрезаны от света и воздуха, деревьями, и они давили. И это давление сломает им кости.

– Бонни? – голос Мередит был голосом старшей сестры, которая всегда придет на помощь младшему. Нежным. Контролируемым. – Ты можешь представить, что это пламя свечи... это пламя свечи... это пламя свечи... попробуй войти в транс.

– Я уже в транс. – Голос Бонни был каким-то отдаленным, совсем далеким, почти как эхо.

– Тогда, обратись за помощью. – Тихо проговорила Мередит.

Бонни начала шептать снова и снова, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг. – Пожалуйста, приди, спаси нас. Демон если ты слышишь, прошу, прими наши извинения, и приди. Ты нас очень испугал, и я уверена, что мы это заслужили, но пожалуйста, пожалуйста, помоги. Это больно, Демон. Это настолько больно, так плохо, что хочется кричать. Но вместо того я трачу всю эту энергию, вызывая к тебе. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, помоги.

Пять, десять, пятнадцать минут она держалась. Ветки росли, прижимая троих друзей, источая сладкий смолистый запах. Она держалась слишком долго, дольше чем Мэтт от нее ожидал.

Затем свет погас. После этого не было никакого звука, кроме шелеста сосен.

Тебе стоит восхищаться техникой.

Демон снова развалился на ветвях, даже выше, чем в тот раз, когда вел наблюдение за окном Кэролайн. Он все еще, не имел ни малейшего понятия о названиях деревьев, но это отнюдь не мешало ему. Эта ветка была подобна ложу над разворачивающейся ниже драмой. Он уже начал немного скучать, так как ничего нового не происходило. Вампир оставил Дамарис ранее вечером, когда она стала наскучивать разговорами о браке и другой ерунде, которую он желал избежать. Как, впрочем, и ее нынешний муж. Ску-ко-та. Он покинул ее даже не удостоверившись, станет ли та вампиром,... он склонился к положительному ответу...и будет ли это сюрпризом для муженька, когда тот вернется? Уголки его рта подрагивали, на грани улыбки.

Ниже него, игра почти достигла кульминации.

И тебе действительно нужно восхищаться техникой. Упаковочная охота. Он понятия не имел, что это за отвратительные маленькие существа, умело манипулируют деревьями. Они работали подобно волкам или львицам, ведущим охоту в стаях. И были достаточно искусны для того, чтобы схватить добычу,двигающуюся с большой скоростью. В данном случае, автомобиль.

Очень творческое объединение. Жаль что вампиры по своей сути отшельники, продолжал размышлять Демон. Если бы мы могли сотрудничать, мы бы владели миром.

Он томно моргнул, и на его лице молнией вспыхнула бриллиантовая улыбка, тут же погаснув. Конечно, если бы мы смогли сделать это,... скажем, захватить город и поделить обитателей... Мы бы прикончили всех, одного за другим. Зубы, когти и Сила, были бы как лезвие меча в умелых руках, до тех пор, пока не осталось бы ничего кроме, кусков трепещущей плоти и крови бегущей по водосточным желобам.

«Милая образная мысль», подумал он, позволяя своим векам опуститься, чтобы представить это во всех красках. Художественно. Бассейны алой крови, волшебные, все еще достаточно жидкой, дабы стекать по белым мраморным ступеням. О, допустим, Каллимармарон в Афинах [1]. Весь город погрузится в тишину, избавленный от шума, беспорядка и лицемерных людишек. Можно было бы оставить лишь нескольких. Всего парочку артерий, дабы выкачивать красное сладкое вещество в необходимом количестве. Вампирская версия земли молока и меда.

[1][Примечание: Каллимармарон – античный греческий стадион огромных размеров, практически весь из мрамора. Само название, Каллимармарон, означает «красиво украшен мрамором».]

Он с досадой открыл глаза. Происходящее внизу стало очень шумным. Люди вопили.

«И зачем? Какой смысл?»

«Кролик тоже всегда визжит в пасти лисы, но когда это другие кролики бросались ему на помощь?»

«Вот вам новая пословица, доказывающая, что люди столь же глупы, как кролики», думал вампир, однако его настроение было испорчено. Его разум ускользал от действительности, но это был не просто шум внизу беспокоивший его. Молоко и мед, это было бы... ошибкой. Думать об этом было, грубейшей ошибкой.

Кожа Елены была как молоко, той ночью неделю назад. Теплого белого оттенка, несколько не холодного, даже в лунном свете. Ее яркие волосы, в тени были подобны пролитому меду. Елена не была бы довольна результатом этой ночной упаковочной охоты. Она заплачет, и слезы как хрустальные росинки пахнущие солью, будут падать вниз.

Внезапно Деймон застыл. Он послал один скрытый поток Силы вокруг себя, как радар.

Но ничего не резонировало, кроме деревьев у его ног. Что бы ни оркестровало эту оперу, оно было невидимым.

«Тогда ладно... давай-ка попробуем это». – Он сконцентрировался на всей выпитой за последние несколько дней крови, и выплеснул поток чистой Силы, словно Везувий извергнул ее со смертоносным пирокластическим взрывом. Поток рванул во все стороны, со скоростью пятьдесят миль в час и Сила, подобно пузырю раскаленного газа окружила его.

Все потому, что эта дрянь вернулась. Невероятно, этот паразит снова попытался проникнуть в разум Деймона. И ему это почти удалось.

Убаюкивал его, нашептывая заманчивые и красочные фантазии, все для того чтобы держать в стороне, пока его упаковщики заканчивают со своей добычей в машине. Рассуждал юноша, с рассеянной яростью потирая затылок. Паразит крал его темные мысли, а обратно подсовывал уже обращенные во мрак. И этот цикл обещал кончиться тем, что вампир сломя голову понесся бы прочь одолеваемый жаждой убивать, убивать и еще раз убивать, простого ради чистого бархатно-черного удовольствия.

Теперь разум Деймона был, словно ночь холодным и мрачным от неистовства. Он встал, вытянув болевшие руки и плечи тщательно прочесывая все вокруг. Он посылал мощный поток Силы, волну за волной, исследуя все своим разумом, дабы найти паразита. Оно должно быть там, ведь деревья все еще занимаются своим делом. Но Деймон не смог ничего найти, не смотря на то, что использовал самый быстрый и эффективный метод сканирования, какой только знал: тысяча произвольных ударов за секунду в хаотичном движении искали «нечто». Вампир должен был найти труп этого гада немедленно. Вместо этого он обнаружил пустоту.

Это лишь взбесило Деймона окончательно, и теперь в его ярости было легкое возбуждение. Он хотел драки, возможности убить, где убийство будет иметь смысл.

И здесь как раз был достойный противник, отвечающий всем требованиям, но Деймон не мог убить его, поскольку не мог найти. Он послал сообщение, жестокое и с колкостью, во всех направлениях:

«Я уже предупреждал тебя один раз. Теперь я тебя ВЫЗЫВАЮ. Покажись, ИЛИ ЖЕ ДЕРЖИСЬ ОТ МЕНЯ ПОДАЛЬШЕ!»

Вампир начал концентрировать свою Силу, думая обо всех тех смертных, которые способствовали ей. Он удерживал ее, подпитывал и подгонял под нынешнее назначение, увеличивая ее мощь с помощью всех своих знаний об искусстве борьбы и военных навыков. Деймон концентрировал Силу до тех пор, пока не появилось ощущение того, что в руках он держит ядерную бомбу. А затем вампир выпустил ее всю в один миг. Скорость этой

взрывной волны, приближаясь к скорости света.

Теперь-то уж точно, он почувствует смертельную агонию кого-то чрезвычайно мощного и хитрого, того кому удалось выжить после предыдущей вспышки ярости вампира, предназначенной исключительно для сверхъестественных существ.

Деймон подстегнул свои чувства, обострив их, максимально расширяя границы области, которую они охватывали, ожидая услышать или почувствовать, как что-то сокрушительно летит вниз, полыхает, ... что-то ослепленное собственной кровью падающей отовсюду. Где-то это существо должно было рухнуть на землю, или же рыхлить ее своими огромными безобразными когтями, ... существо полупарализованное и полностью обреченное, вывернутое наизнанку. Он чувствовал как в ответ на его настроение, поднялся ветер, свист которого перерастал в рев. И как огромные черные тучи сгущались над его головой. Однако он все еще не чувствовал никакого потустороннего существа достаточно близко, для внедрения в мысли вампира.

Насколько же сильна эта дрянь? Откуда она вообще взялась?

В голове Деймона начали мелькать мысли. Круг. Круг с точкой в центре. Волна взрыва унеслась далеко во всех направлениях, и центральная точка была единственным недостижимым местом. Внутри него у...

Щелк! Внезапно его мысли стали пустыми. И тогда, слегка растерянный, он начал медленно пытаться сложить все разлетевшиеся осколки в единое целое. Так, он думал о волне Силы, которую он направил извне, да? И он ожидал, почувствовать, как что-то падает и умирает.

Дьявол, он даже не мог уловить присутствие в лесу обычного животного крупнее лисицы. Не смотря на то, что его разведка Силой была скрупулезно настроена, воздействовать сугубо на существ его рода тьмы, обычные животные были так напуганы, что удирали с этой территории, как ошпаренные. Юноша взглянул вниз. Хм. Деревья вокруг машины исключаются, ... не они стоят за всем этим. Чем бы ни являлась агрессивная флора, она была лишь пешкой в руках невидимого убийцы. Едва ли обремененные разумом пеньки, ... во всяком случае, не в пределах границ, которые вампир обработал так тщательно.

Мог ли он ошибаться? Половина ярости Деймона теперь была направлена на самого себя, за то, что был таким беспечным, обожравшимся и уверенным, что ослабил собственную защиту.

Обожравшимся... «Эй, так может, я пьян!» Внезапно подумал вампир и снова блеснул улыбкой в пустое пространство, даже не задумываясь об этом.

«Пьяный, психованный, параноик. Упитый и убитый».

Деймон расслабился, и небрежно рухнув на ствол дерева, прислонился к нему спиной. Ветер кричал, пробирая насквозь ледяными вихрями. Небо заволокли непроглядные черные тучи, сквозь толщу которых ни за что не прорезаться лунному свету. Просто праздник какой-то.

Он был все еще раздражен, но не мог найти причину этому. Единственным что нарушало ауру леса, был очень слабенький мысленный крик внутри автомобиля, словно писк пойманной птички, но только с одним примечанием. Этой малюткой была рыжеволосая ведьма с нежной шейкой. Та, которая слишком много скулит о переменах в жизни.

Деймон приложился к дереву с силой немного большей своего веса, и мысленно проследовал за автомобилем, без всяческого интереса. Это не было его виной, что он застукал людей за разговором о нем, но это несколько ухудшило их шансы на спасение.

Вампир томно моргнул.

Странно, что они попали в аварию, пытаясь не переехать какое-то существо, приблизительно в том же месте где он чуть было не разбил свой Феррари, стараясь одно переехать. Жаль он не увидел их экземпляр, однако деревья были слишком густыми.

Рыжеволосая птичка снова плакала.

Так ты желаешь перемен сейчас или нет, маленькая ведьма? Подумай. Тебе придется хорошенько попросить.

И тогда, безусловно, мне придется решить, какие именно перемены ты обретишь.

Глава 11

Бонни никак не могла вспомнить хоть одну изощренную молитву, а потому, словно уставший ребенок, повторяла старую: «...я прошу, чтобы Господь взял мою душу...».

Она истратила всю свою энергию на то, чтобы позвать на помощь, но не получила никакого ответа, только отдаленный шум. Сейчас ей так хотелось спать. Боль ушла, и теперь Бонни просто лежала в оцепенении. Единственное, что ее беспокоило это холод. Но и от него тоже можно уберечься. Она может просто натянуть на себя одеяло, толстое, мягкое одеяло, и тогда она согреется. Она знала это, хоть и не понимала откуда, но точно знала.

Единственное, что удерживало ее от мыслей об одеяле, это воспоминания о маме. Ее мама расстроится, если она перестанет бороться. Об этом она тоже точно знала, не понимая, откуда. Если бы только она могла послать ей сообщение, объяснить, что она боролась так сильно, как только могла, но бой с ледяным холодом и оцепенением бесполезен. Она знала, что умирает, но, в конце концов, это было совсем не больно, поэтому маме не стоит плакать. И в следующий раз она будет учиться на своих ошибках, она обещает... в следующий раз...

Появление Деймона было довольно драматичным, подобно вспышке молнии и раскату грома, в момент состыковки поверхности автомобиля с его ботинками. Одновременно с этим он послал еще одну волну Силы, на сей раз направленную на деревья-марионетки, которыми руководил невидимый мастер. Удар был такой мощный, что он чувствовал шокированный ответ Стефана на протяжении всего пути назад в пансионат. А деревья... медленно растаяли в темноте. «Они вскрыли верх машины, как огромную банку сардин», размышлял он, стоя на капоте. Но это было очень кстати. Меньше возни для него.

Затем вампир обратил внимание на человеческую девчонку по имени Бонни, ту, что с кудряшками, которая должна была сейчас валяться у него в ногах и, задыхаясь, причитать «Спасибо тебе!».

Однако она не благодарила его. Она так и продолжала лежать в объятиях деревьев. Раздраженный, Деймон подошел к ней, дабы схватить за руку, но увидев ее, замер в шоке. Он почувствовал это даже прежде, чем успел прикоснуться к ней, учуял запах до того, как это измазало его пальцы. Сотню маленьких ранок, и из каждой сочилась кровь. Должно быть, это из-за иголок хвойных деревьев, которые вытягивали ее кровь или... нет, они вливали какую-то смолистую жидкость внутрь. Некий анестетик, дабы она была спокойна и неподвижна, потому как следующий этап охоты, явно должен был быть отнюдь не приятным для жертвы, судя по манерам этого существа. Вероятней всего, это впрыскивание пищеварительных соков.

«Или, возможно, что-то, чтобы просто поддерживать ее жизнь, как антифриз для автомобиля», – подумал он и испытал еще одно чувство шока, когда почувствовал, насколько холодной была девушка. Ее запястье было словно лед. Деймон мельком взглянул на двух других смертных, темноволосую девушку с тревожным, рассудительным взглядом и светловолосого парня, который всегда пытался спровоцировать драку. Он может просто выдрать из этого кубла вот эту, самую мелкую. Это конечно не самая радужная перспектива для двух других. Однако он собирался спасти только ее. Такова была его прихоть. Поскольку она так жалобно просила его о помощи. Поскольку те создания, те малахи, пытались заставить его смотреть с полужакрытыми глазами, как она умирает, унося его сознание от реальности, погружая в восхитительное видение. Малах – слово, отличающее созданий тьмы: сестер или братьев ночи. Но сейчас Деймону подумалось, что если само слово означает что-то злое, то и звучать оно должно как шипение, или плевок.

У него не было намерения позволить им победить. Вампир поднял Бонни, словно пушинку одуванчика, закинул ее на плечо и затем оттолкнулся от машины. Полет без изменения облика поначалу был для него неким вызовом. Но Деймон любил вызовы.

Он решил перенести ведьму к ближайшему источнику теплой воды, и это был пансион. Ему даже не придется беспокоить Стефана. Ведь в этой кроличьей норе есть еще полдюжины комнат, что обеспечивает ей благородный упадок в добротной вирджинской грязи. Разве только Стефан любит совать нос в чужие дела. Но он вряд ли станет шататься по чужим ванным комнатам.

Как оказалось, Стефан был не только чрезмерно любопытным, но еще и весьма быстрым. Это было едва ли не столкновение. Не успел Деймон, со своей ношей, завернуть за угол, как чуть было не врезался в Стефана, который ехал по темной дороге с Еленой, как и Деймон парящей в воздухе и подпрыгивающей за автомобилем, точно она была детским воздушным шариком.

Их первый обмен словами не был ни блестящим, ни остроумным.

– Что, черт возьми, ты делаешь? – воскликнул Стефан.

– Что, черт возьми, ты делаешь? – сказал Деймон, или начал говорить, когда заметил огромные перемены в братишке,... и невероятную Силу, которой была Елена. Когда значительная часть его рассудка содрогнулась от шока, остальная его доля немедленно начала анализировать ситуацию, стараясь понять как Стефан из ничего превратился в... в...

Елки-палки! Ох, ладно, неплохо бы натянуть сверху хорошую мину.

– Я почувствовал битву, – сказал Стефан, – И когда это ты у нас стал Питером Пенем?

– Тебе следует радоваться, что тебя не было в той битве. И я могу летать, поскольку обладаю Силой, мальчик.

Это была чистой воды бравада. Но в любом случае, в те времена, когда они родились, это было совершенно корректно, обращаться к своему младшему родственнику «tagazzo», то есть – мальчик.

Однако сейчас это таковым не являлось. Тем временем, та часть его мозга, которая не отключилась, все еще анализировала ситуацию. Он мог видеть, чувствовать, делать что угодно, кроме как коснуться ауры Стефана. Это было... невообразимо. Если бы Деймон не был так близко и не чувствовал этого лично, он бы никогда не поверил, что один человек вообще может обладать таким количеством Силы.

Но он рассматривал сложившуюся ситуацию, используя свою способность бесстрастно и логически рассуждать, и это дарование говорило ему, что его собственная Сила, даже после всего того разнообразия выпитой за последние дни девичьей крови, была ничем по сравнению с Силой Стефана. И его холодная и трезвая рассудительность также подсказывала ему, что Стефан был вытаскен из постели происшествием, и что ему не хватило времени,... или ума,... спрятать свою ауру.

– Взгляни-ка на себя, – сказал Деймон, со всем сарказмом, который только мог призвать,... и оказалось его довольно много. – Это нимб? Тебя что, причислили к лику святых, а я не видел? Мне теперь обращаться к тебе «Святой Стефан»?

Мысленный ответ брата был нецензурным.

– Где Мередит и Мэтт? – свирепо добавил он.

– Или, – продолжал Деймон, словно Стефан ничего и не говорил, – может быть, ты заслужил поздравления с тем, что в кой-то век научился искусству обмана?

– И что ты делаешь с Бонни? – спросил Стефан, игнорируя, в свою очередь, комментарии Деймона.

– Однако, похоже, ты все еще не имеешь представления о многосложном Английском, что ж изволь, я объясню это так просто, как только сумею. Ты пропустил битву.

– Я пропустил битву, – сказал Стефан без всякого выражения, видя, что его брат, очевидно, не собирается отвечать ни на один его вопрос, пока не услышит правды. – Я просто благодарил Бога за то, что ты, как показалось, был слишком обезумевшим или пьяным, чтобы быть наблюдательнее. Я хотел, чтобы ты и весь остальной мир не догадались, какой силой обладает кровь Елены. И ты уехал, даже не попытавшись как следует взглянуть на нее. Ты даже не подозревал, что я с самого начала мог прихлопнуть тебя, как блоху.

– Я никогда не думал, что это есть в тебе, – Деймон оживил в памяти их небольшой

«поединок» во всех самых ярких подробностях. Это было правдой. Он никогда бы не заподозрил, что действия Стефана в действительности могли быть представлением, в то время как тот мог повергнуть Демона в любую минуту и сделать с ним все, что угодно.

– А это твоя благодетельница, – Демон кивнул в сторону парящей Елены, привязанной с помощью... непостижимо, но факт... с помощью веревки для сушки белья. – Всего лишь немного ниже, чем ангелы, увенчанная честью и славой, – заметил старший Сальваторе, не в силах сдержаться, когда взглянул на девушку. Елена действительно была такой яркой, что смотреть на нее, с Силой направленной в глаза, было равнозначно взгляду, устремленному прямо к дневному светилу.

– Кажется, она тоже запомнила, как нужно скрываться; она сияет как звезда по имени Солнце.

– Она не умеет лгать, Демон, – было ясно, что гнев Стефана неуклонно возрастал. – А сейчас скажи мне, что вокруг происходит и что ты сделал с Бонни.

Импульсивный ответ: «Ничего. Почему ты считаешь, что я должен был?» был почти непреодолим... почти. Однако Демон стоял лицом к лицу с совершенно другим Стефаном, которого прежде никогда не видел. «Это не тот маленький братец, которого ты знал и любил втоптывать в грязь», – подсказал ему голос логики, и он внял ему.

– Двое других лююю-дей, – сказал Демон, растягивая слово до самой неприличной длины, – в своей машине. И, – вдруг добродетельно произнес он, – я забрал Бонни в твою берлогу.

Стефан стоял рядом с машиной, на идеальном расстоянии, чтобы осмотреть свисающую руку Бонни. Следы от укусов превратились в кровавые мазки там, где он прикоснулся к ним, и Стефан с ужасом осмотрел свои пальцы. Но он продолжал повторять эксперимент. Скоро Демон начал бы пускать слюни – весьма недостойное поведение, которого тому хотелось бы избежать.

Однако, вместо этого, Демон сконцентрировал внимание на близлежащем астрономическом явлении.

Полная луна, не слишком высокая, белая и чистая, как снег. И Елена, парящая перед ней, на которой была надета старомодная ночная рубашка с высоким воротничком... и вряд ли что-то еще. Пока он смотрел на нее, не применяя Силу для различения ауры, он мог рассматривать ее как девушку, а не как ангела в центре ослепляющего свечения.

Демон вскинул голову для лучшего обзора ее силуэта. Да, это определенно был правильный наряд для нее, и ей всегда следует стоять в лучах сверкающих огней. Если он...

Удар.

Он отлетел назад и ударился в дерево, тут же пытаясь выяснить, не стукнулась ли Бонни... она могла разбиться. На мгновение потрясенный, он воспарил, но тут же резко оказался на земле.

Стефан был на нем.

– Ты, – несколько невнятно произнес Демон сквозь кровь во рту, – был непослушным мальчиком, мальчик.

– Она заставила меня. В буквальном смысле. Я думал, она умрет, если я не возьму у нее немного крови, ее аура была непомерной! А сейчас ты расскажешь мне, что случилось с Бонни...

– Значит, тыпил ее кровь, несмотря на свое неослабевающее героическое сопротивление...

Удар.

Это новое дерево пахло смолой. «Я никогда особо не горел желанием ознакомиться с внутренним миром деревьев», – подумал Демон, выплюнув глоток крови. – «Даже будучи вороном я использую их только лишь по необходимости».

Стефану как-то удалось схватить Бонни в воздухе, пока Демон совершал этот полет. Теперь Стефан был очень быстрым. Невероятно быстрым. Благодаря феномену Елены.

– Ну, теперь у тебя появились подержанные идеи о том, на что похожа кровь Елены. –

И Стефан слышал сокровенные мысли брата. Обычно Деймон всегда был готов ввязаться в драку, но прямо сейчас он почти слышал рыдания Елены над ее смертными друзьями, и что-то внутри него почувствовало невероятную усталость. Глубокую старость,... столетнюю,... и очень большую усталость.

Но что касается вопроса, что ж, да. Елена все еще бесцельно подпрыгивала в воздухе, словно качаясь на волнах, иногда вытянувшись, а иногда свернувшись клубочком, как котенок. Ее кровь была словно ракетное топливо для вампира, по сравнению с неэтилированным бензином в большинстве девушек.

А Стефан хотел драться. И даже не пытался это скрывать.

«Я был прав», – подумал Деймон, – «для вампиров жажда дебоша сильнее, чем любое другое желание, даже сильнее жажды крови или, в случае Стефана, сильнее заботы о его... как там это слово? Ах, да. Друзьях».

Однако сейчас Деймон старался избежать потасовки, пытаясь перечислить свои активы, которых насчитал немного, поскольку Стефан все еще прижимал его к земле. Мышление. Речь. Склонность к грязным разборкам, которую Стефан просто никак не мог понять. Логика. Инстинктивная способность находить прорехи в броне противника... (!)

Хммм...

– Мередит и,... «Черт! Как же зовут того мальчишку?»... и ее спутник сейчас уже мертвы, я думаю, – невинно произнес он, – Мы можем остаться здесь и драться, если ты желаешь так это окрестить, учитывая что я тебя даже пальцем не тронул... или мы можем попытаться реанимировать их. Интересно, каким же будет выбор? – Ему действительно было любопытно, насколько Стефан сейчас мог себя контролировать.

И тут резко, Стефан взлетел вверх фута на три, от чего визуально стал казаться меньше, словно Деймон уменьшил масштаб изображения на фотоаппарате. А затем он приземлился и в изумлении огляделся вокруг, очевидно не понимая, что он только что находился в воздухе.

Деймон заполнил эту паузу, пока Стефан был наиболее уязвим. – Я не был тем, кто совершил это с ними, – добавил он, – Если ты согласишься на Бонни,... хорошо хоть он знал ее имя,...ты увидишь, что ни один вампир не способен сделать такое. Я полагаю, – дополнил он бесхитростно, для ударной ценности, – что нападение совершили деревья, которыми руководили малахи.

– Деревья? – Стефану едва ли нужно было время, чтобы взглянуть на исколотую руку Бонни. Затем он сказал, – Надо внести их в дом и уложить в теплую воду. Ты возьмешь Елену...

«О, с удовольствием. На самом деле, я бы отдал что угодно, что угодно...»

– ... и в этой машине вместе с Бонни поедешь прямо к пансиону. Разбуди миссис Флауэрс. Сделай для Бонни все, что сможешь. А я пойду и заберу Мередит и Мэтта...

«Точно! Мэтт. Нужно как ни будь предать этому имени символичность»

– Они впереди у дороги, верно? Это там, где ты произвел первый атакующий поток Силы, так ведь?

«Атакующий поток, разве...? Почему бы не быть честным и не назвать это просто незначительным промыванием?»

И пока это не вылетело у него из головы... «М» от Мелкий, «Э» от Экзальтированный, «Т» от Тинейджер. Получите, распишитесь. К сожалению, это можно отнести к ним ко всем, но не всех их зовут МЭТ. О, черт, разве там не должна быть еще одна буква «Т» в конце? Мелкий, Экзальтированный, Трудный, Тин? Экзальтированный, Тупой, Тин?»

– Я спросил, порядок, так пойдет?

Деймон вернулся к реальности. – Нет, не порядок. Их машина развалилась. Ты не сможешь на ней уехать.

– Я полечу, и буду тянуть ее за собой. – Стефан не хвастался, а просто констатировал факт.

– Она даже не одним куском.

– Я скреплю все части. Ну же, Деймон. Прости, что я набросился на тебя. У меня было

абсолютно неправильное представление о том, что произошло. Но Мэтт и Мередит, должно быть, сейчас действительно умирают, и даже со всей моей новой Силой, и Силой Елены, не факт что мы сможем спасти их. Я повысил температуру тела Бонни на несколько градусов, но я не могу остаться здесь и продолжать медленно повышать ее и дальше. Пожалуйста, Деймон. – Он уложил Бонни на пассажирское сиденье.

Вот теперь это больше походило на прежнего Стефана, однако исходя из уст ядерного реактора, коим являлся новый Стефан, эти слова имели другой оттенок. Тем не менее, пока Стефан будет считать себя мышью, он и будет мышью. Конец дискуссии.

Раньше Деймон чувствовал себя сильным и опасным, как действующий вулкан Везувий. Теперь он вдруг почувствовал себя так, словно стоял подле Везувия, и гора яростно грохотала. Черт! Он чувствовал этот жар, просто находясь вблизи Стефана.

Деймон призвал все свои значительные ресурсы, мысленно упаковывая себя в лед, и надеялся, что, по крайней мере, дыхание прохлады ляжет в основу его ответа. – Я пойду. Увидимся позже,... надеюсь, те люди еще не умерли.

Как только они разошлись, Стефан мысленно направил Деймону мощное порицающее сообщение. На этот раз он не причинял ему физической боли, просто ясно выразил свое отношение к брату, каждым словом.

Деймон же, послал удаляющемуся Стефану ответное сообщение:

«Я не понимаю», – подумал он невинно, – «Что неправильного в моей фразе о том, что я надеюсь, те люди еще живы? Знаешь, я был в магазине почтовых карточек...», – он не упомянул, что пришел туда не за открытками, а за молоденькими кассиршами, – «...и в них есть надписи, наподобие «Надеюсь, у вас все в порядке» и «Соболезную», которые я полагаю, означают, что предыдущая карточная аффирмация была недостаточно сильна. Так что же неправильного в выражении «Надеюсь, они не мертвы»?»

Стефан даже не потрудился ответить. Но Деймон все равно блеснул быстрой и ослепительной улыбкой, когда сел в Порше и отправился к пансиону.

Он потянул за собой бельевую веревку, которой была привязана дрейфующая над ним Елена. Она балансировала в воздухе,... ночная рубашка вздымалась,... прямо над головой Бонни,... или точнее, над тем местом, где должна была быть голова ведьмы. Бонни всегда была маленькой, но из-за этой замораживающей болезни она еще и свернулась в позу эмбриона. Елена практически могла сидеть на ней.

«Привет, принцесса. Выглядишь великолепно, как всегда. А ты не слишком плоха собой».

Это была одна из худших начальных линий разговора в его жизни, подумал он уныло. Но он почему-то не чувствовал себя собой. Преобразование Стефана поразило его... должно быть все дело в этом, решил вампир.

– Дей...мон.

Деймон положил начало. Голос Елены был тихий и нерешительный... и абсолютно прекрасный: патока сочащаяся сладостью, мед, вытекающий прямо из пчелиных сот. Он был уверен, что ее голос стал ниже, чем до превращения, и что она стала действительно знойно растягивать слова. Вампиру это напоминало сладкое «кап-кап» из только что вскрытой человеческой вены.

– Да, ангел? Я называл тебя «ангелом» раньше? Если нет, то это было просто грубейшим упущением с моей стороны.

И когда юноша сказал это, он понял, что в ее голосе присутствовал еще один компонент, который он не учел раньше: чистота. Пронзительная чистота ангела или херувима. Это должно было оттолкнуть его, однако оно наоборот напомнило вампиру, что Елена была человеком, кого следует принимать всерьез, и никогда не относиться легкомысленно.

«Я относился бы к тебе серьезно, или легкомысленно, или как бы ты только пожелала», – подумал Деймон, – «если бы ты не была так заиклена на этом идиоте, моем младшем брате».

Два фиалковых солнца повернулись к нему: глаза Елены. Она услышала его.

Первый раз в жизни Деймон был окружен людьми, которые были ментально сильнее его. А для вампира Сила означала все: материальные блага, положение в обществе, трофеи, комфорт, секс, деньги, сладости.

Это было странное чувство. Однако совсем не неприятное... в отношении Елены. Ему нравились сильные женщины. И он искал одну достаточно сильную на протяжении веков.

Но взгляд Елены эффективно вернул его мысли обратно к сложившейся ситуации. Он криво припарковался возле пансиона, схватил умирающую Бонни, и взлетел по узкой винтовой лестнице в комнату Стефана. Это было единственное место, в котором, он точно знал, находилась ванна.

В крошечной ванной комнате едва ли хватило бы места для троих, и Деймон внес девушку внутрь один. Он наполнил старинную ванну на четырех ножках водой, которая, как ему подсказали его тонко настроенные чувства, была на пять градусов выше ледяной температуры тела Бонни. Он пытался объяснить Елене, что он делает, но она, казалось, потеряла к этому всякий интерес и кружила по спальне Стефана, как большая копия феи Тинкербелл, посаженная в клетку. Она натыкалась на закрытое окно, а затем подлетала к открытой двери, выглядывая наружу.

Какая дилемма. Попросить Елену раздеть и искупать Бонни и пойти на риск, что она может окунуть ее в воду не той стороной? Или попросить Елену сделать всю работу, а самому присмотреть за ними обеими, не прикасаясь – пока не случится какая-нибудь катастрофа? Еще, кто-то должен найти миссис Флауэрс, дабы она сделала горячие напитки. Написать записку и послать с ней Елену? Сейчас здесь в любой момент может оказаться больше потерпевших.

Деймон поймал взгляд Елены, и все незначительные заботы, кажется, отпали. Слова появились у него в голове, даже не побеспокоив его уши.

«Помоги ей. Пожалуйста!»

Он вернулся обратно в ванную, положил Бонни на плотный коврик, лежавший там, и стал освобождать ее от одежды, как креветку от панциря. Сначала снял толстовку, а затем летний топ, который был под ней. Следом маленький бюстгальтер,... чашечки размера А,... печально заметил он, отбрасывая его в сторону и стараясь не смотреть прямо на Бонни. Однако он не мог не заметить, что следы от укусов, оставленные деревом, были повсюду.

Следующими должны были последовать джинсы, но возникла небольшая заминка, поскольку ему пришлось сесть и положить ее ноги к себе на колени, дабы стянуть с нее туго зашнурованные высокие кеды, прежде чем с ее лодыжек можно будет снять джинсы. А затем и носки.

Ну, вот и все. Бонни лежала обнаженная, если не брать во внимание следы ее собственной крови на теле и розового шелкового белья. Он поднял и погрузил ее в ванну, при этом тоже вымокнув. Вампиры ассоциируют ванны с кровью девственниц, но только лишь по-настоящему сумасшедшие пробовали это на самом деле.

Когда он уложил Бонни в ванну, вода в ней стала розовой. Он не стал закрывать кран с водой, поскольку емкость была довольно большой. Сам Деймон присел рядом, дабы обдумать сложившуюся ситуацию. Дерево ввело Бонни какую-то жидкость через иглы. И чем бы ни являлась эта субстанция, она была явно не во благо. Значит, следует от этого избавиться. Самым разумным решением было бы высосать это, как змеиный яд, однако он не мог решиться проделать это, пока не был бы уверен в том, что Елена не проломит ему череп, если найдет методично обсасывающим верхнюю часть тела Бонни.

Ему нужно было придумать что-то более пристойное. Кровавая вода едва ли скрывала миниатюрные формы Бонни, но она помогла сделать детали размытыми. Одной рукой Деймон поддерживал голову девушки у края ванны, а другой начал выдавливать и соскабливать яд с ее руки.

Он понял, что делает все верно, когда почувствовал смолистый сосновый запах. Яд был настолько густым и вязким, что даже еще не успел раствориться в организме Бонни. Деймон

смог бы таким образом очистить ее тело от некоторого количества этой мерзости, но было ли этого достаточно?

Осторожно, наблюдая за дверью и взвинтив все свои чувства до покрытия ими широкого спектра, Деймон поднес руку Бонни к своим устам, словно намереваясь поцеловать ее. Но вместо этого, он обхватил губами ее запястье и, подавляя желание укусить, начал просто высасывать яд.

Он почти немедленно сплюнул. Его рот был полон смолы. Выдавливанию яда определенно будет недостаточно. И высасывания тоже. Даже если бы он отыскал еще пару десятков вампиров и прилепил их всех к маленькому тельцу Бонни, как пиявок, это тоже мало бы чем помогло.

Он вновь присел на корточки и взглянул на нее, на эту смертельно отравленную женщину-ребенка, которую давал слово спасти. И только сейчас он понял, что промок до самой талии. Он поднял негодующий взгляд к небесам и стянул с себя черный кожаный бомбер.

Что еще он может сделать? Бонни была необходима терапия, однако у него не было ни малейшего понятия о том, какая специфическая терапия ей нужна. И он не знал ни единой ведьмы, к которой можно было бы обратиться. Знакома ли миссис Флауэрс с тайными знаниями? Поделится ли она ими с Деймоном, если ответ «да»? Или она просто сумасшедшая старая леди? Что именно является характерной медициной – для людей? Он мог бы отвезти ее к таким же смертным, как она и позволить им попытаться применить свою невежественную науку и некомпетентные знания... доставить ее в больницу,... но тогда врачи будут иметь дело с пациенткой, отравленной Потусторонними Силами из таких темных мест, которые им никогда не будет позволено увидеть или постичь.

Рассеяно, он вытирал полотенцем руки, ладони и свою черную рубашку. Теперь, он взглянул на полотенце и решил, что Бонни заслуживает, по крайней мере, капельку благопристойности, особенно сейчас, когда он больше ничего не мог придумать, дабы ей помочь. Он опустил полотенце в воду, растянул его и подоткнул концы под тело девушки, прикрыв ее от ног до горла. В некоторых местах полотенце всплывало, в других тонуло, но в целом, исполнило свое предназначение.

Он вернул ванне нужную температуру, добавив горячей воды, однако это уже не играло никакой роли. Бонни была в объятиях истинной смерти, такая юная...

Его сверстники в старой Италии, были правы, называя таких как она, девицами, уже не девочка, но еще не женщина, подумал он. Это было особенно уместно, ибо любой вампир мог бы сказать, что она была девицей в обоих смыслах.

И ведь все это произошло прямо перед его носом. Приманка, упаковка, блестящая техника и синхронность – они убили эту девушку, пока он просто сидел и смотрел. Аплодисменты.

Деймон чувствовал, как что-то медленно набухает у него внутри. Это вспыхнуло огнем, когда он подумал о дерзости малахов, которые охотились на его людей прямо перед его носом. Он даже не задавался вопросом, когда эта группка в машине успела стать его людьми,... он полагал, причина тому их крайне близкое нахождение в последнее время, и, казалось, он мог ими распоряжаться, говорить кому жить, а кому умирать, или стать таким же, как он сам. Что-то внутри разбухло еще больше, когда он подумал о том, как этот малах манипулировал его мыслями, погружая его в блаженное созерцание смерти в общих чертах, пока сама смерть хозяйничала прямо у его ног. А теперь это что-то в нем достигло испепеляющего уровня, потому что вампир слишком много увидел за этот день. И это было действительно невыносимо...

... И это была Бонни...

Бонни, которая никогда не причиняла вреда... безобидному существу по злому умыслу. Бонни, которая была, как котенок, лишь махала лапкой с коготками в воздухе, но никогда бы никого не оцарапала. Бонни, с распущенными волосами, в которых было что-то клубничное, однако выглядели всегда так, словно пылали огнем. Бонни, с прозрачной кожей, с

нежно-фиолетовыми реками и устьями вен на ее шее и внутренней стороне рук. Бонни, которая еще совсем недавно украдкой смотрела на него своими большими невинными глазами, карими, сверкавшими как звезды из-под ресниц...

Его челюсть и клыки болели, и ему казалось, что рот его горел огнем из-за отравленной смолы. Но все это можно было игнорировать, ибо он был поглощен другой мыслью.

Бонни просила его о помощи почти целых полчаса, прежде чем уступить темноте.

Вот что имело значение. Что следовало проанализировать. Бонни звала Стефана,... который был слишком далеко и чересчур занят своим ангелом,... но ведь она звала и Дэймона. И она умоляла его о помощи.

А он закрыл глаза на это, пренебрег ею. Трое друзей Елены лежали у его ног, и он не обратил внимания на их агонию, пропустил мимо ушей неистовые мольбы Бонни не дать им умереть.

Обычно, такого рода вещи только подтолкнули бы вампира сорваться в другой город. Однако по не ведомой причине он все еще был здесь и пробовал на вкус горькие последствия своего поступка.

Дэймон отклонился назад с закрытыми глазами, пытаясь отключиться от подавляющего аромата крови и затхлого запаха... чего-то.

Он нахмурился и огляделся вокруг. Маленькая комнатка была чиста даже по углам. Здесь не могло быть плесени. Но запах не исчезал.

И тогда он вспомнил.

Глава 12

Все это вернулось к нему, все: тесные проходы, маленькие окна и затхлый запах старых книг. Он был в Бельгии около 50 лет назад, и очень удивился, когда нашел все еще существующую книгу на такую тему, да к тому же Англоязычную. Однако, она там была, старая потертая обложка, твердая изъеденная ржавчиной, которую пытались полировать, а учетных записей, если они когда-то были, не осталось вовсе. Страницы внутри отсутствовали, так что никто никогда не узнает автора, если таковой вообще когда-либо был там напечатан. Каждая запись в ней,... рецепт, заговор или заклинание,... несла в себе запрещенное знание.

Дэймон мог легко вспомнить самое простое заклятие из всех: «Ты, кровь твоего Аира или твоего Вампира нет... лучше... многогранной эликсира от недугов сего мира... иль беды тем лишь подлитой, кто в Лесу пляшет со свитой... в ночь пред всемогущей Литой».

Эти Малахи, безусловно, творили зло в лесу, и сейчас месяц Литы или же Moonspire – месяц "Летнего солнцестояния" на Старом языке. Дэймон не хотел оставлять Бонни и конечно не желал, дабы Елена застала его за тем, что он собирался делать дальше. Все еще держа голову Бонни над теплой розовой водой, он расстегнул свою рубашку. Специальный нож, сделанный из твердой породы дерева, висел в ножнах у его бедра. Он вытащил его одним быстрым движением и сделал разрез около своего горла.

Из пореза быстро пошла кровь. Но проблема состояла в том, как заставить ее пить. Вернув кинжал обратно в ножны, он вытащил девушку из воды и попробовал приложить ее губы к порезу.

«Нет, это глупо», – подумал он с непривычным для себя самоуничижением. – «Она замерзнет снова, и тебе никак не заставить ее глотать». Юноша позволил Бонни опуститься назад в воду и стал думать. Тогда он снова вытащил нож и сделал себе другой порез, уже на запястье. Вампир прошелся вдоль вены, дабы кровь не просто капала, но устойчиво струилась. Тогда он поднес запястье ко рту Бонни, придерживая ее голову другой рукой, и регулируя уровень ее наклона. Губы девушки были приоткрыты, и темно-красная жидкость красиво стекала в ее горло. Периодически девушка сглатывала. В ней еще теплилась жизнь.

«Все равно, что кормить птенца», – думал он, чрезвычайно довольный своей памятью, изобретательностью и... что ж, просто самим собой.

Он ослепительно улыбнулся, без видимой на то причины.

Теперь, только бы это сработало.

Деймон немного изменил положение Бонни, чтобы было удобнее, и снова поднял температуру, добавив горячей воды. Все это во время того как поддерживал девушку не прерывая ее кормления, и все это,... он знал,...грациозно и без лишних движений. Это было смешно. Это апеллировало к его чувству нелепости. Здесь, прямо сейчас, вампир не ужинал человеком, а пытался спасти ее от верной смерти, вспаивая своей вампирской кровью.

Более того. Он пытался следовать всем человеческим традициям и обычаям, пробуя раздеть Бонни, не поставив под угрозу ее девичью скромность. Это было захватывающе. Естественно, он видел ее тело, не было никакого способа избежать этого. Однако было действительно более волнующе попытаться следовать правилам. Прежде Деймон никогда этого не делал.

Возможно, именно так Стефан получает свой кайф. Нет, у Стефана есть Елена, которая была человеком, вампиром и невидимым духом, а теперь оказалась живым ангелом, если они вообще существуют. Елена сама по себе была кайфом, она будоражила, и то, что он не думал о ней последние несколько минут, можно было считать рекордом.

Ему лучше было бы позвать ее, возможно, привести сюда и объяснить, что именно он делал, и что нет причин проламывать ему череп. Да, так вероятно было бы лучше.

Деймон внезапно осознал, что не может почувствовать ауру Елены в спальне Стефана. Но прежде чем вампир смог поразмыслить, он услышал шум, затем быстрые шаги, следом другой грохот. И затем дверь ванной была пинком открыта Мелким Экзальтированным Трудным...

Мэтт угрожающе переступил порог, но запутал в чем-то ноги, и ему пришлось посмотреть вниз, чтобы их распутать. Его загорелые щеки всполохнули румянцем. Он поднял маленький розовый бюстгальтер Бонни. И затем бросил так, словно тот его укусил, но снова поднял, раскрутил и швырнул в Стефана входящего в ванну. Деймон наблюдал за этим, развлекаясь.

– Как ты их убиваешь, Стефан? Тебе нужен только кол? Можешь подержать его пока... Кровь! Он поит ее кровью! – Мэтт прервался, глядя так, словно собрался напасть на Деймона самостоятельно. «Плохая идея», – подумал вампир.

Мэтт сцепился с ним взглядом. «Противостоять монстру», – подумал Деймон, – «все интересней и интересней».

– Отпусти... ее... – Медленно проговорил Мэтт, надеясь передать словами угрозу. Но прозвучало это так, что у Деймона сложилось впечатление, будто тот считает его умственно отсталым.

Мелкий Утратил Талант Трепа, – размышлял Деймон. А затем сложил:

– Мутт [mutt – дурак], – произнес он вслух, слегка качнув головой в стороны. Хотя, возможно это послужило бы ему уроком на будущее.

– Мутт? Ты назвал меня... Боже, Стефан, пожалуйста, помоги мне убить его! Он убил Бонни. – Слова, сказанные Мэттом, неслись из него сплошным потоком на одном дыхании. Прискорбно. Деймон видел, как горит в огне его последний аргумент.

Стефан был на удивление спокоен. Он перетянул Мэтта за себя, и сказал: – Иди, посиди с Еленой и Мередит, – произнес он без каких-либо намеков, и затем повернулся обратно к брату. – Ты не пил ее, – сказал он, и это предложение не было вопросом.

– Это ядовитое пойло? Не мой вид развлечений, братец.

Уголок рта Стефана дернулся, изобразив улыбку. Он ничего не ответил, а просто смотрел на брата глазами полными... осознания. Деймон возмутился.

– Я сказал правду!

– Это будет твоим новым хобби?

Деймон начал выпускать Бонни, полагая, что ее погружение обратно в кровавую воду,

будет надлежащим предшественником его выхода прочь из этой свалки, но...

Но она была его птенцом. Она выпила довольно крови, дабы та начала ее Менять серьезным образом. А если все то, количество, что он дал ей, окажется тщетным, то в первую очередь сие будет означать, что она попросту не являлась лекарством. Кроме того, чудотворец был здесь.

Он заживил порез на своей руке достаточно для того, чтобы остановить кровотечение, затем заговорил...

В этот момент дверь снова с шумом распахнулась.

На сей раз это была Мередит, держащая в руках бюстгальтер Бонни. И Стефан с Демоном оробели. «Мередит довольно жуткая личность», – подумал Демон. Но, по крайней мере, она не была столь скоропалительна, в отличие от Мутта, и медленно осмотрела истоптанную одежду на полу ванной комнаты. Затем спросила Стефана: – Как она? – Чего так же не соизволил сделать Мутт.

– С ней все будет в порядке, – ответил Стефан, и Демон удивился нахлынувшему на него чувству... не облегчения конечно, но гордости за хорошо выполненную работу. Плюс, теперь он может избежать молотильни с точностью до полусмерти от Стефана.

Тогда Мередит глубоко вздохнула и закрыла глаза пугающе быстро. После чего ее лицо буквально засветилось. Возможно, она молилась.

Прошли столетия с тех пор, как Демон молился, и он никогда не получал ответа на свои молитвы.

Затем Мередит открыла глаза, встрепенулась, и снова начала сурово искать взглядом. Она подтолкнула грудю одежды, валяющуюся на полу, и произнесла медленно и убедительно. – Если элемент, который соответствует этому, не находится все еще на теле Бонни, будут неприятности.

И теперь она махала злополучным бра, словно флажком.

Стефан выглядел озадаченным. «Как он может не понимать вопроса, об отсутствии могучего дамского белья?» – Изумился Демон. – «Как кто-то может быть таким... таким невнимательным болваном? Разве Елена не носила такого всег... когда-либо?» – Демон сидел застывший, он был полностью заключен изображениями в собственном внутреннем мире, чтобы даже чуток пошевелиться.

Затем он заговорил, выдавая ответ на «загадку» Мередит.

– Хочешь подойти проверить? – Спросил он, добродетельно отворачивая лицо.

– Да, хочу.

Он оставался к ней спиной, когда та подошла к ванне и погрузила руку в теплую розовую воду. Мередит слегка поплескалась, взяась с полотенцем Бонни. И Демон услышал ее облегченный вздох.

Когда он обернулся, она сказала. – У тебя там кровь на губах, – Ее темные глаза казались темнее, чем когда-либо.

Демон был удивлен. Он не ушел и проткнул рыжеволосую по привычке, а после забыл об этом, так что ли? Но затем он понял причину.

– Ты пробовал высосать яд? – Спросил Стефан, бросая белое полотенце ему в лицо. Демон вытер ту сторону, на которую смотрела Мередит, и взглянул на кровавый мазок. Неудивительно, что его рот горел огнем. Этот яд был довольно мерзкой дрянью, хотя он явно не действовал на вампиров, так как на людей.

– И еще там, на горле кровь, – продолжала Мередит.

– Неудачный эксперимент, – сказал Демон, и пожал плечами.

– Ты порезал свое запястье довольно серьезно.

– Для человека, возможно. Пресс-конференция окончена?

Мередит откинулась назад. Он легко прочитал выражение ее лица и улыбнулся про себя. Сверх! Сверх! ЖУТКАЯМЕРЕДИТ!

ОБЛОМ. Он знал этот взгляд тех, кто отчаялся расколоть орешек по имени Демон.

Мередит встала. – Могу я что-то сделать, чтобы остановить его кровотечение изо рта?

Дать что-нибудь выпить, может?

Стефан просто был поражен. Проблемой Стефана,... ну, частью одной из великого множества проблем Стефана,... было то, что он мнил кормление грехом. Даже разговор об этом.

Возможно, воистину оно так больше вставляет. Людям веками нравилось все, что относилось к пороку. Даже вампирам приходилось по вкусу. Деймон потух. «Как ты вернулся обратно к тому времени, когда почти все было греховным?» Поскольку, сам он был в стороне кайфа.

Со спины Мередит была менее жуткой. Деймон рискнул ответить на вопрос о том, что он мог бы выпить.

– Тебя, милая... Ты милая.

– Слишком уж много милых, – загадочно сказала Мередит. И прежде чем Деймон смог вычислить, что она говорила о лингвистике, а не комментировала его личную жизнь, девушка ушла вместе с путешествующим лифчиком Бонни.

Братья остались одни. Стефан подошел на шаг ближе к ванне, не сводя с нее глаз. «Ты так много пропустил, ты чурбан», – подумал Деймон. Да, это было именно то слово, которое он искал. Чурбан.

– Ты много сделал для нее, – сказал Стефан, и казалось, что на Деймона ему смотреть так же тяжело, как и на бадью с розовой водой. Это оставляло ему очень мало вариантов для упорного взгляда. И он выбрал стену.

– Ты сказал, что поколотишь меня, если я этого не сделаю. Я никогда не хлопотал ради избиения, – сказал он и включил свою ослепительную улыбку Стефану, пока тот не повернулся и не взглянул на него, а затем как всегда быстро выключил.

– Ты вышел за рамки своих обязанностей.

– С тобой, братишка, никто не знает, где обязанности заканчиваются. Скажи мне, на что похожа вечность?

Стефан вздохнул. – По крайней мере, ты не из тех задир, которые терроризирует только тогда, когда у них есть перевес.

– Это ты приглашаешь меня «выйти за рамки», как они говорят?

– Нет, я пою тебе дифирамбы за спасение жизни Бонни.

– Не представлял, что у меня был выбор. Как, кстати вам удалось исцелить Мередит и... и... как это вам удалось?

– Елена поцеловала их. Ты что, даже не заметил, что она ушла? Я принес их сюда, и Елена спустилась вниз. Она исцелила их своим дыханием во время поцелуя. Исходя из всего, что я видел, думаю, она постепенно превращается из духа в полноценного человека. Скорей всего, это займет еще пару дней, судя по ее прогрессу, с того момента как она открыла глаза, и заканчивая сегодняшним днем.

– По крайней мере, она говорит. Правда, не много, но не можешь же ты просить всего. – Деймон вспоминал вид из Порше снизу вверх и Елену подпрыгивающую, словно воздушный шар. – Эта рыжая малявка, не проронила ни слова. – Ворчливо добавил он и пожал плечами. – Что соевой об сосну, что сосной об сову.

– Почему, Деймон? Почему бы просто не признать, что она тебе не безразлична? По крайней мере, достаточно, чтобы сохранять ей жизнь,... и даже без приставаний. Ты знал, что она не может позволить себе терять кровь...

– Это был эксперимент, – усердно объяснил Деймон. И теперь он закончился. Бонни может проснуться или же дальше спать, может жить или умереть, на руках Стефана,... не на его. Он был мокрым, он чувствовал дискомфорт, ему было достаточно этого ночного вскармливания, дабы быть голодным и крест. Его рот болел. – Ее голова теперь в твоих руках, держи. – Сказал он резко. – Я ухожу. Ты, Елена и... Мутт можете закончить...

– Его зовут Мэтт, Деймон. Не трудно запомнить.

– Трудно, если кто-то настолько тебе не интересен. Вокруг слишком много прекрасных дам, что ставит его в самый конец списка моего меню.

Стефан ударил по стене, довольно сильно. Его кулак проломил старую штукатурку. – Черт возьми, Деймон, это не все для чего нужны люди.

– Это все что я от них прошу.

– Ты не просишь, в том-то и проблема.

– Это был эвфемизм. Это все что я собираюсь брать у них, в таком случае. Несомненно, все, что меня интересует. Не стоит прикидываться, что в этом есть нечто большее. Бессмысленно пытаться найти доказательства прелестной лжи.

В этот момент вылетел кулак Стефана. Это был его левый, и Деймон придерживал голову Бонни именно с той стороны, и стало быть не мог по обыкновению грациозно уклониться. Она была без сознания, и могла набрать полные легкие воды, тут же умерев. Кто их знает этих людей, особенно когда они отравлены?

Вместо этого, он сосредоточился на посыле всего своего экранирования к правой стороне подбородка. Он полагал, что может держать удар, даже нового улучшенного Стефана со вкусом Силы, не выпустив девочку из рук, ... даже если тот сломает ему челюсть.

Кулак Стефана остановился в нескольких миллиметрах от лица Деймона.

Повисла пауза. Братья смотрели друг на друга с расстояния двух фунтов.

Стефан глубоко вздохнул, и откинувшись назад спросил: – Теперь ты это признаешь?

Деймон был искренне озадачен: – Признаю, что?

– То, что они тебе не безразличны, в некоторой степени. Достаточной для того, чтобы принять удар вместо того, чтобы позволить Бонни погрузиться в воду.

Деймон уставился на него, затем рассмеялся и понял, что не может остановиться.

Стефан уставился в ответ. Затем закрыл глаза и полуотвернулся с болью.

Деймон все еще бился в приступе хихиканья. – И ты дух-думал, что я зах-заботился об этом маленьком че-хе-хе-хе...

– Почему тогда ты это сделал? – Спросил устало Стефан.

– Зах-зах-отел. Я ска-ха-ха-зал...ух-уху-же... просто прихо-хо-хо-ха-ха-ха... -

Деймон ослабел, все поплыло перед глазами от недостатка пищи и слишком большого количества меняющихся эмоций.

Голова Бонни ушла под воду.

Оба вампира нырнули за ней, боднув друг друга головами, когда столкнувшись прямо над центром ванны. И оба грохнулись назад, ошеломленные.

Деймон больше не смеялся. Он сражался, как тигр, дабы вытащить девочку из воды. Как и Стефан, который с его новыми рефлексам выглядел близким к победе. Но как думал Деймон, всего на мизер, «час или того раньше», – ни один из них даже не рассматривал возможности сотрудничества, чтобы вместе вытащить девушку. Каждый пытался сделать это сам и препятствовал другому.

– Проваливай с дороги, шкет. – Зарычал Деймон, почти переходя на опасное шипение.

– Говоришь тебе плевать на нее? Черта с два. Ты уберешься с дороги...

Вдруг вода в ванне забурилась, и Бонни вырвалась на поверхность самостоятельно. Она выплюнула жидкость изо рта и закричала: – Что происходит? – Тонами, способными растопить каменное сердце.

Что они и сделали. Созерцая свою растрепанную птичку с огненными волосами, прилипшими к голове и большими карими глазами, выглядывающими из-за мокрых прядок, инстинктивно прижимающую к себе полотенце – Деймон почувствовал, как в нем что-то набухло. Стефан побежал к двери, чтобы сообщить остальным хорошие новости. На какой-то момент были только они двое, Деймон и Бонни.

– Это ужасно на вкус, – горестно сказала ведьма, выплевывая оставшуюся воду.

– Я знаю, – сказал Деймон, уставившись на нее. Новое нечто, которое он чувствовал, разбухало в нем, в его душе, пока это давление стало едва ли не слишком сильным, дабы выстоять. Когда Бонни воскликнула: – Но я жива! – Ее настроение совершило поворот на 180 градусов, ее лицо в форме сердечка вспыхнуло радостью. Взыгравшее чувство гордости, которое Деймон ощутил в ответ, опьянило его. Он и только он, вырвал ее из ледяных рук

смерти. Ее заполненное ядом тело, было исцелено им. Это его кровь поспособствовала рассеиванию токсина. Его кровь.

А потом разбухшее нечто, взорвалось.

Если Деймон и не услышал этого, то почувствовал, как огромный камень, заковавший душу вампира, дал трещину и массивный его кусок откололся.

С каким-то невероятным душевным подъемом, он прижал Бонни к себе, ощущая влажное полотенце, через шелковую рубашку, и хрупкое тело Бонни под ним. – «Определенно девушка, а не ребенок», – подумал он головокружительно, – «что бы там ни утверждала бирка на том постыдном клочке розового нейлона». – Он схватился за нее так, словно нуждался в ее крови,... точно они были в центре урагана бушующего в океане, и отпустить ее, будет означать потерять.

Его шея отчаянно болела. Но все больше трещин покрывало камень, и он уже готов был взорваться полностью, позволяя тому Деймону которого валун удерживал внутри вырваться наружу... и он был слишком пьян от гордости и радости, да, радости, и заботы. Трещины распространялись во всех направлениях, куски камня отлетали прочь...

Бонни оттолкнула его.

Она была удивительно сильной, для кого-то с таким хрупким строением.

Она самостоятельно и полностью вырвалась из его рук. Выражение ее лица снова радикально изменилось: теперь оно выражало страх, отчаяние... и, да, отвращение.

– Помогите! Кто-нибудь, помогите, пожалуйста! – Ее карие глаза, казались огромными, а ее лицо вновь побледнело.

Стефан влетел внутрь. То, что видел он, видела и Мередит, проскользнувшая под его рукой из другой комнаты, и Мэтт, пытающийся заглянуть в маленькую ванную, переполненную людьми: Бонни, отчаянно сжимающая свое полотенце, пытаясь закрыться им, и Деймон, стоящий на коленях возле ванны, с ничего не выражающим лицом.

– Пожалуйста, помогите. Он слышал, как я звала на помощь,... я чувствовала его там, на другом конце,... но он просто наблюдал. Он стоял и смотрел, как мы умираем. Он хочет смерти всех людей, чтобы их кровь текла по каким-то белым мраморным лестницам. Пожалуйста, уберите его от меня!

Итак. Маленькая ведьма оказалась более опытной, чем он мог себе представить. Не было ничего необычного в принятии того, что кто-то получал твои трансляции,... ты обладаешь обратной связью,...однако идентификация индивидуума, требует незаурядного таланта. Плюс, она, возможно, слышала отголоски некоторых его мыслей. Она была одаренной, его птенец... нет, не его птенец, не с ее взглядом, близким к ненависти, с которой Бонни не могла справиться.

Воцарилась тишина. У Деймона был шанс отрицать обвинение, но зачем беспокоиться? Стефан будет способен измерить правду в этом. Возможно и Бонни тоже.

Отвращение передавалось от лица к лицу, как какая-то заразная болезнь.

Наконец Мередит поспешила вперед, захватив другое полотенце. Во второй руке она держала горячий напиток,... какао, по запаху. Оно было достаточно горячим, дабы послужить эффективным оружием,... никак не увернуться от всего этого, не усталому вампиру.

– Держи, – сказала она Бонни. – Ты в безопасности. Стефан здесь, я здесь и Мэтт. Возьми это полотенце, давай просто накинем его тебе на плечи.

Стефан стоял тихо, наблюдая за всем этим,... нет, наблюдая за своим братом. Теперь его лицо застыло в утвердительности, он сказал одно слово.

– Вон.

Вышвырнутый как собака, Деймон нащупывал кожаную куртку позади себя, нашел ее, и пожелал, дабы нащупывание собственного чувства юмора, оказалось столь же успешным. Выражения на лицах окружающих оставались неизменными. Словно они были высечены из камня.

Однако эти камни были щебнем по сравнению с той скалой, которая вновь заточала его

душу. И скала эта срослась удивительно быстро, ... вдобавок наращивая сверху новый слой, также как жемчуг наращивает перламутр. Вот только выглядело это далеко не так мило.

Их лица не изменились, и когда Деймон попытался покинуть маленькую комнатку, забитую людьми. Некоторые из них говорили: Мередит с Бонни, Мутт... нет, Мэтт... фонтанировал жгучей как кислота ненавистью, ... но Деймон, в действительности, не слышал ни слова. Его мозг был парализован густым запахом обилия крови. У всех были небольшие сочащиеся раны. И кровь каждого обладала индивидуальным ароматом, ... разные животные в стаде, ... и он был замкнут среди них. Эти ароматы кружили голову. Он должен был убраться отсюда, или же схватит ближайший теплый сосуд и осушит его до дна. Сейчас было нечто большее, нежели просто головокружение. Жар. Он был безумно измучен... жаждой.

Очень, очень хотелось пить. Вампир провел много времени без пищи, и сейчас был окружен добычей. Они кружились перед ним. Как он мог сдержать себя, и не схватить одного из них? Разве можно было упустить одного?

И там была та, которой он еще не видел, и не хотел видеть. Поскольку засвидетельствовать прекрасное лицо Елены, искаженное той же самой маской отвращения, которую он видел на других человеческих лицах, присутствующих здесь, будет... неприятно, подумал он, и его любимое бесстрашие наконец-то возвращалось к нему.

Однако этого нельзя было избежать. Как только Деймон вышел из ванной, Елена оказалась прямо перед ним, парящая, словно гигантская бабочка. Его глаза были обращены на то, чего он не желал видеть: ее выражение.

Но лицо Елены, было другим. Она выглядела взволнованной и расстроенной. Не было ни следа отвращения или ненависти, которое было у других.

Она даже говорила весьма странной речью, которая была чем-то подобна телепатии, однако позволяла ей выходить на два уровня связи одновременно.

– Дей-мон.

«Расскажи мне о малахах. Пожалуйста».

Деймон только поднял бровь. Рассказать этой кучке людей о себе? Она нарочно пытается быть смехотворной?

Кроме того, малах действительно не имеет к этому отношения. Они отвлекли его на некоторое время, вот и все. Какой смысл обвинять малахов, когда вся их вина лишь в том, что они укрепили его собственные убеждения. Он задался вопросом, имела ли Елена хоть какое-то понятие о содержании его маленькой ночной фантазии.

– Дей-мон.

«Я могу видеть это. Все. Но, тем не менее, пожалуйста».

«О, что ж, возможно духи привыкли видеть чужое грязное белье». Елена ничего не ответила на эту мысль, и он остался в темноте.

В темноте. Той самой, которую использовал и откуда был родом. Все они шли разными дорогами, люди в свои сухие теплые дома, а он к дереву в лес. Елена останется со Стефаном, разумеется.

«Разумеется».

– При данных обстоятельствах, я не буду говорить «au revoir» [прощай]. – Сказал Деймон, сверкнув ослепительной улыбкой Елене, которая серьезно на него смотрела. – Мы только скажем «до свидания», и оставим все как есть.

Никто не ответил ему.

– Дей-мон. – Теперь уже Елена плакала.

«Пожалуйста. Пожалуйста».

Деймон начал удаляться в темноту.

«Пожалуйста...»

Потирая свою шею, он продолжал идти.

Позднее той же ночью, Елена не могла уснуть. Она не хочет находиться в Высокой Комнате, как сказала девушка. Стефан же, в тайне переживал, что она хотела выйти наружу, чтобы отследить малаха, который напал на машину. Однако он не думал, что сейчас она была в состоянии лгать. Елена продолжала биться в закрытое окно, твердя, что просто хочет подышать свежим воздухом. На улице.

– Сначала мы должны что-то на тебя надеть.

Елена растерялась... и заупрямилась. – Сейчас Ночь... А это мое Ночное Платье, Тебе же не понравилось мое Дневное Платье.

Она снова ударилась в окно.

Ее «Дневным Платьем» была его синяя рубашка. Подпоясанная, она выглядела на ней как короткая (до середины бедра) женская сорочка.

То, чего она сейчас хотела, настолько полностью вписывалось в его собственные желания, что Стефан заранее почувствовал себя... немного виноватым. Но все же поддался на уговоры.

Они дрейфовали в летней ночи, взявшись за руки. Елена как призрак или ангел в белой длинной ночной рубашке, а Стефан весь в черном, чувствовал себя растворяющимся каждый раз, когда он ступал в тени от деревьев освещенных лунным светом. Каким-то образом они забрели в Старый Лес, где скелеты деревьев были смешаны с живыми ветвями. Стефан прощупал местность своими не так давно обострившимися чувствами настолько далеко, насколько смог, но нашел только обычных лесных жителей, медленно и нерешительно возвращающихся, после того как их спугнула волна Силы Деймона. Ежи. Олень. Лис и одна жалкая лисица с двумя детенышами, которая не была в состоянии быстро бежать из-за них. Птицы. Все животные, которые и сделали лес таким поразительным местом, которым он является.

Ничто в нем не напоминало по ощущениям малаха, и ничто не вызывало подозрений в том, что может причинить какой-нибудь вред.

Он начал задумываться над тем, не выдумал ли Деймон байку о существе, которое якобы на него влияло. Деймон был чрезвычайно убедительным лжецом.

«Он сказал правду», прозвенела колокольчиком Елена. «Оно или невидимо, или ушло. Из-за тебя. Из-за твоей Силы».

Он взглянул на девушку и встретился с ее взглядом, в котором читалась смесь гордости и другой эмоции, которую было легко определить, но поразительно было увидеть на открытом воздухе.

Она подняла лицо к небу, и ее чистые классические черты лица осветил лунный свет.

Ее щеки пылали розовым румянцем, а губы были немного поджаты.

«О,... дьявол», мысленно выругался Стефан.

– В конце концов, ты справишься, – начал он, и сделал свою первую ошибку. Он взял ее за руки. В результате, возникло какое-то взаимодействие между его и ее Силой, и они начали медленно возноситься вверх по спирали.

Он смог почувствовать ее теплоту. Сладостную мягкость ее тела. Ее глаза все еще были закрыты в ожидании поцелуя.

«Мы можем начать все заново», с надеждой предложила она.

И это было довольно правдиво. Стефан хотел вернуть ей те чувства, которые она подарила ему в его комнате. Он хотел ее крепко обнять и целовать ее до тех пор, пока она не начнет трепетать. Хотел заставить ее таять в его объятиях, почти теряя сознание от этого.

Он мог сделать и это. Не только потому, что он изучил одну или две вещи о женщинах, за свою вампирскую жизнь, но потому что он просто знал Елену. У них действительно было единое сердце, единая душа.

«Пожалуйста?» прозвенела Елена.

Но она была так молода сейчас, так уязвима в своей белоснежной длинной ночной рубашке, с ее сливочно-белой кожей, покрывшейся нежно-розовым румянцем в ожидании.

Было бы не правильным воспользоваться кем-то вроде нее.

Елена распахнула свои фиолетово-синие глаза, посеребренные лунным светом, и посмотрела прямо на него.

– Ты хочешь проверить, сколько раз сможешь заставить меня произнести «пожалуйста»? – Рассудительно сказала она, но с озорным блеском в глазах.

«Боже, нет». Но это прозвучало настолько по-взрослому, что Стефан беспомощно обнял девушку. Он поцеловал ее шелковистую макушку. Поцелуями проложил дорожку вниз по ее лицу, старательно избегая ее маленького рта, который подобно бутону розы был сложен в одинокой мольбе. «Я люблю тебя. Люблю». Он заметил, что с сокрушительной силой сжимает ее ребра, и попытался отпустить, но Елена схватила его руки так сильно, как только смогла, удерживая их на месте.

– Ты хочешь проверить, сколько раз я смогу заставить тебя сказать «пожалуйста»? – прозвенела она все тем же чистым и бесхитростным голосом.

Стефан на мгновение устался на нее. Потом, с какой-то дикостью в его сердце он припал к нежному бутону ее губ и поцеловал их задыхаясь, пока сам не почувствовал такое сильное головокружение, что ему пришлось отстраниться от нее, но только на пару дюймов.

Затем он снова посмотрел ей в глаза. Любой мог потеряться в таких глазах, мог навсегда упасть в их звездные фиолетовые глубины. И он хотел. Но больше всего на свете, он хотел чего-то другого.

– Я хочу целовать тебя, – прошептал он прямо в ее правое ушко, легонько ущипнув его губами.

Да. В этом она была уверена.

– Пока ты не потеряешь сознание в моих объятьях.

Стефан почувствовал, как сладостный трепет прошел по ее тело. Он увидел, что она прикрыла свои удивительные фиолетовые глаза, затуманенные от наслаждения. Но к своему удивлению он получил ответ немедленно. Немного запыхавшееся, произнесенное вслух – да.

Так он и сделал.

Просто короткий обморок с легким трепетом, пронесившимся сквозь нее, и маленькими вскриками, которые он пытался остановить своим ртом, целуя ее. И затем, потому что пришло время, и потому что дрожь начала становиться болезненной, а дыхание Елены стало затрудненным и учащенным, когда он давал ей отдышаться, и он действительно испугался, что она может упасть в обморок, Стефан ногтем вскрыл вену на своей шее для нее.

А Елена, которая когда-то была просто человеком, и была бы в ужасе от мысли о питье чужой крови, прижалась к нему с приглушенным звуком радостным. Затем он почувствовал ее теплый рот на своей шее, ее сильную дрожь, и его заполнило пьянящее ощущение вытягивания из него крови той единственной девушкой, которую он любил. Он хотел отдать Елене всего себя, каким он был или когда-либо будет. И он знал, что она чувствовала то же самое, позволяя ему пить свою кровь. Это была духовная связь, которую они разделяли.

Он чувствовал, будто они любили друг друга с самого возникновения вселенной, начиная с самой первой зари самой первой звезды появившейся во тьме. Это было чем-то первобытным, и очень глубоко укоренившимся в нем. Едва почувствовав, как она пьет его кровь, он уткнулся ей в макушку, чтобы заглушить вскрик удовольствия. Затем он неистово шептал ей о том, как он любит ее, что они всегда будут вместе, шептал на дюжине разных языков что-то ласковое и глупое. А потом не было больше слов, а были только чувства.

И таким образом они медленно по спирали поднимались все выше в лунном свете. Ее длинная белая ночная рубашка, иногда оборачивалась вокруг его черных брюк, пока они не достигли верхушек деревьев, живых и засохших, но все еще стоящих.

Это был очень важный, очень личный их обряд, и они были слишком ослеплены счастьем, чтобы беспокоиться об опасностях, которые могут их подстергать. Но ведь Стефан уже проверял всю местность, и знал, что Елена тоже проверяла ее. Не было никакой опасности, были только они вдвоем, дрейфующие и покачивающиеся в лунном свете,

который освещал все вокруг.

Одной из самых полезных вещей, которые Деймон освоил за последнее время,... даже более пригожая, чем полет, хоть он и доставлял удовольствие,... была его новая способность полностью скрывать свое присутствие.

Безусловно, ему пришлось скинуть все свои щиты. Поскольку их можно было бы обнаружить даже при обычном сканировании. Впрочем, в них и не было никакой нужды, ибо если никто не сможет его засечь, то найти никто не сможет тем паче. Следовательно, он был в безопасности. Q.E.D. [Quod Erat Demonstrandum – что и требовалось доказать.]

Однако этим вечером, после того, как вышел из пансиона, Деймон отправился в Старый Лес, на поиски дерева, в кроне которого будет беситься, ударяться в амбицию, точить зубы и гневаться.

И какого такого дьявола его вдруг волнует, что невесть какой человеческий хлам там о нем подумает. Злобно размышлял Деймон. Равно как беспокоиться о том, что подумает о тебе курица перед тем, как ты свернешь ей шею. А уж мнение его горячо любимого братца стояло на первом месте, в списке вещей, на которые ему было плевать.

Но там была Елена. И даже если она понимала... и предприняла попытку так же заставить понять остальных,... это являлось просто в высшей мере унижительным, быть вышвырнутым у нее на глазах.

И вследствие этого ему пришлось удалиться в единственное место, которое он мог назвать домом, с горечью думал вампир. И это было забавно, поскольку он мог бы провести ночь в лучшей гостинице Феллс Черч (единственной гостинице города) или в компании любого количества сладких юных девиц, которые могли бы предложить усталому путнику войти и выпить... воды. Волной силы усыпить их родителей, и у него было бы пристанище с теплой и исполнительной закуской до самого утра.

Однако вампир был в отвратительнейшем настроении, и хотел только побыть в одиночестве. Охотиться он несколько опасался, поскольку вряд ли будет способен контролировать как себя так и жертву в нынешнем взбесившемся, нелюдимом состоянии разума. Все, о чем он мог сейчас думать, это о желании рвать и метать, и охоте сделать кого-то очень-очень несчастным.

Животные возвращались, однако, для фиксации этого, Деймон использовал только лишь свои естественные чувства, но ничего такого, что могло бы выдать его присутствие. Та ужасная ночь давно миновала, а у них у зверушек, как правило, крайне короткая память.

И затем, как только Деймон полулежа растянулся, прислонившись к ветке, желая дабы оказалось, что Мутт, по крайней мере, схлопотал некоторые весьма болезненные и медленно заживляющиеся травмы, появились они. Казалось бы из ниоткуда. Стефан и Елена плыли, взявшись за руки не иначе как пара счастливых и окрыленных Шекспировских влюбленных, словно лес был их домом.

Сначала вампир просто не мог в это поверить.

И только он собрался обрушить на них весь свой сарказм, парочка начала свою любовную сцену.

Прямо у него на глазах.

Даже взвились вверх до его уровня, словно желая втереть ему это. Они начали целоваться, ласкать друг друга и... более того.

Они сделали из него вуайериста поневоле. Но Деймон стал еще более сердитым и менее невольным, поскольку с течением времени в их ласках появилось больше страсти. Он с невероятной силой стиснул зубы, когда Стефан предложил Елене свою кровь. Возникло желание крикнуть, что было время, когда эта девочка находилась в его власти. Тогда он мог выпить ее досуха, и та с радостью умерла бы у него на руках. Когда она инстинктивно подчинялась его голосу, и вкус его крови вознес бы ее на небеса в его объятьях.

Очевидно так же как сейчас в объятьях Стефана.

Дальше было хуже. Деймон впился ногтями в ладони, когда Елена завернулась вокруг

его братца подобно длинной, изящной змее и плотно прижалась ртом к его шее, а Стефан запрокинул голову с закрытыми глазами.

«Ради любви всех демонов ада, почему они не могут просто покончить с этим?!»

И тут он почувствовал, что не один в просторной кроне своего несомненно удачно выбранного дерева.

Кто-то еще спокойно сидел на большой ветке, прямо около него. Должно быть, он появился в тот момент, как Деймон был всецело поглощен любовной сценой и собственной яростью, но, тем не менее, сделал это весьма, весьма достойно. Никто не мог подкрасться к вампиру настолько незаметно, вот уже двести лет как. Триста, возможно.

В шоке он свалился с ветки и полетел вниз, не воспользовавшись своей вампирской способностью летать.

Но длинная худая рука схватила его и подняла назад в укромное место. Деймон встретился с парой смеющихся золотых глаз.

– «Кто ты, черт возьми?» – спросил он мысленно. Его не тревожило, что это могли услышать влюбленные, плавающие в лунном свете. Ничего кроме дракона или атомной бомбы не привлекло бы их внимания сейчас.

– «Я, черт возьми, Шиничи», – ответил рядом сидящий юноша, волосы которого были самыми эксцентричными из всех, что Деймон когда-либо видел. Гладкие, блестящие, и черные за исключением кончиков, которые неравномерной линией были темно-красного цвета. Когда тот небрежно отбросил челку с глаз, полыхнуло малиновым и его несколько длинноватые волосы, маленькими прядями распределились вокруг воротника. Выглядело это таким образом, словно пляшущие языки пламени лизали их кончики, придавая странный акцент его ответу: я, черт возьми, Шиничи. Если кто и мог подлезть, как дьявол, пришедший из самого Ада, то как раз этот парень.

С другой стороны, его глаза были чистыми золотыми едва ли не ангельскими. «Большинство людей, зовут меня просто Шиничи», добавил он, позволив Деймону увидеть в своих глазах смешинки, будто это была шутка. – «Теперь ты знаешь мое имя. А кто ты?»

Деймон просто молча смотрел на него.

Глава 14.

На следующее утро Елена проснулась в узкой кровати Стефана. Она поняла это еще до того как полностью проснулась и молила небеса, чтобы оказалось, что она предоставила тете Джудит несколько разумных оправданий прошлой ночью. Вчерашняя ночь,... само представление о ней было крайне нечетким. Мечтала ли она о пробуждении, которое сейчас выглядит таким чрезвычайным? Она не могла ничего вспомнить,... черт подери, она ничего не помнит!

А потом внезапно она вспомнила все.

Елена резко поднялась и села в кровати; она пыталась собрать свои воспоминания вместе.

Дневной свет. Она вспомнила дневной свет, падающий на нее,... и у нее не было кольца. Она бросала безумный взгляд то на одну, то на другую руку. Никакого кольца. На нее падал луч солнечного света, не причиняя боль. Но это невозможно. Она знала, она помнила, и это знание проникло в каждую клеточку ее тела,... дневной свет убьет ее. Она навсегда запомнила тот единственный контакт солнечного луча с ее рукой. Она никогда не забудет ту жгучую боль,... то прикосновение останется в ее памяти навечно. Никуда нельзя ходить без кольца с лазуритом. Оно само по себе было красивым, но становилось еще прекрасней от осознания того, что это ее спаситель. Без него она должна... она была бы...

Ох-ох.

Но ведь она уже,... не так ли?

Она умерла.

Не просто изменилась, как тогда, когда она стала вампиром, но умерла настоящей

смертью, откуда не возвращаются. По ее личной философии она должна была распасться на безымянные атомы или отправиться напрямик в ад.

Вместо этого она и правда не исчезла. У нее был сон о людях, с отеческой или материнской заботой дающих ей советы,... и очень желающих помочь людям, которых вдруг стало легче понимать. Школьный хулиган? Она печально наблюдала, как его пьяный отец вымещает на нем злобу каждую ночь. Девочка, которая никогда не делала домашнее задание? Как и ожидалось, она заботится о трех маленьких братьях и сестрах, пока ее мать целый день лежит в постели. Покормить детей и убратся в доме, это занимало все ее время. За любым поступком скрывалась причина, и теперь Елена понимала это.

Она даже общалась с людьми через их сны. А затем один из Древних прибыл в Феллс Черч и все, что она могла сделать, это смотреть на его вторжение во сны, и не убегать. Он вынудил людей призвать на помощь Стефана,... и Деймон тоже был случайно вызван. И Елена помогала, чем могла. Даже когда это было почти невыносимо из-за того, что Древние знали о любви, знали за какие рычаги дергать, чтобы заставить своих врагов убегать в нужном направлении. Но они боролись с этим, и они победили. И Елена, в попытках исцелить смертельные раны Стефана, в конечном итоге, сама стала смертной: беззащитная, она лежала на земле в Старом Лесу, накрытая курткой Деймона, который исчез, не дожидаясь благодарности.

Этому пробуждению сопутствовали такие привычные вещи: осязание, вкус, слух и зрение,... все чувства шли от сердца, не от разума. Стефан был так добр к ней.

– Так что же я теперь? – сказала Елена громко, наблюдая за тем, как двигаются ее руки, поражаясь своему телу, смертная плоть которого повиновалась законам гравитации. Она однажды сказала, что лишится крыльев ради него. И кто-то поймал ее на слове.

– Ты красавица, – не двигаясь, рассеянно сказал Стефан. Затем он внезапно взмыл вверх:

– Ты говоришь!

– Да я знаю.

– Со смыслом!

– Ты очень любезен.

– В предложениях!

– Я заметила.

– Продолжай, скажи что-нибудь подлиннее, пожалуйста, – сказал Стефан, не веря происходящему.

– Ты слишком долго общался с моими друзьями. В твоих словах есть наглость Бонни, любезность Мэтта, а от Мередит тебе досталась настойчивость на фактах.

– Елена, это ты!

Вместо того, чтобы продолжить глупый диалог со Стефаном словами «Да, это я!» Елена остановилась, чтобы подумать. Она встала с кровати и сделала шаг вперед. Стефан торопливо отвел взгляд, вручая ей одежду. – «Стефан?» «Стефан?»

Тишина.

Когда через минуту Стефан обернулся, он увидел как Елена стоит на коленях в луче света и держит в руках одежду.

– Елена? – она знала, что сейчас в его глазах выглядит очень юным ангелом в медитации.

– Стефан...

– Ты плачешь.

– Я снова человек, Стефан, – она подняла руку и та упала по всем законам физики. – Я снова человек. Ни больше, ни меньше. Думаю, возвращение на верный путь заняло несколько дней.

Она посмотрела ему в глаза. Они как всегда были зелеными-зелеными. Как изумруд со странным внутренним блеском. Как лист, на который падали лучи солнца.

– Я могу читать твои мысли.

– Но я не могу читать твои, Стефан. Я могу только приблизительно угадывать общий смысл, и может немного больше... но мы не можем на что-либо рассчитывать.

– Елена, все чего я хочу, есть в этой комнате, – он похлопал по кровати. – Сядь рядом со мной и тогда я смогу сказать тебе, что все чего я хочу, находится на этой кровати.

Вместо этого она встала, и бросилась к нему на шею, ее ноги запутались в его ногах.

– Я все еще очень молода, – прошептала она, крепко его обнимая. – И если ты посчитаешь это в днях, у нас было не так много времени, в которое мы были вместе как сейчас.

– Я все еще слишком стар для тебя. Но у меня есть возможность смотреть на тебя и видеть как ты оглядываешься на меня.

– Скажи, что ты будешь любить меня всегда.

– Я буду любить тебя всегда.

– Независимо от того, что случится.

– Елена, Елена... Я любил тебя как смертную, как вампира, как духа, как ребенка-духа и теперь снова как человека.

– Обещай, что мы всегда будем вместе.

– Мы всегда будем вместе.

– Нет. Стефан, это я, – она указала на свою голову, словно хотела подчеркнуть, что за ее золотисто-синими глазами скрывается яркий активный ум, вращающийся в ускорении. – Я знаю тебя. Даже если я не могу читать твои мысли, я вижу все по твоему лицу. Все старые страхи вернулись, не так ли?

– Я никогда не оставлю тебя, – сказал он, отводя взгляд.

– Ни на день? Ни на час?

Он колебался, а потом снова взглянул на нее. – «Если это действительно то, что ты хочешь... я не оставлю тебя ни на час», – теперь он проектировал свои мысли, чтобы она смогла услышать.

– Я освобождаю тебя от всех обещаний.

– Но Елена, их я и имею в виду.

– Я знаю. Но когда ты все же уйдешь, я не хочу, чтобы ты себя плохо чувствовал от того, что нарушил их.

Даже без телепатии она могла рассказать о том, что он думал в мельчайших нюансах: нужно угодить ей. В конце концов, она только что проснулась. Возможно, она немного сконфужена. Но она не пыталась как-то уменьшить свое смущение или сделать менее смущенным его. Должно быть, поэтому она нежно потрепала его за подбородок. И поцеловала. Естественно, Елена думала, что один из них чувствовал себя неловко...

Поначалу, было ощущение, что время растягивается, а потом вдруг и вовсе остановилось. И затем никто больше не смущался. Елена знала, что Стефан был посвящен в ее желания, и он хотел дать все, что она захочет.

Бонни заинтересованно уставилась на цифры, высвечивающиеся на экране ее мобильного телефона. Это звонил Стефан. Тогда она поспешно поправила волосы, распушив завитки, и ответила на видеозвонок.

Однако вместо Стефана она увидела Елену. Бонни, хихикая, сказала ей не играть со взрослыми игрушками Стефана... и затем понеслось.

– Елена?

– Меня будут так встречать каждый раз? Или только моя сестра-ведьма?

– Елена?

– Проснувшаяся и хороша, как новенькая, – сказал Стефан, появляясь на экране. – Мы позвонили, как только проснулись.

– Еле... Но сейчас полдень! – выпалила Бонни.

– Мы были заняты тем да сем... – мягко вмешалась Елена, и, ох, разве не приятно было слушать, как она разговаривает в таком тоне! Чутьочку невинно и совершенно самодовольно,

заставляя как следует потрясти ее и умолять о деталях.

– Елена, – взволнованно произнесла Бонни, придерживаясь за ближайшую стену, а затем начала сползать вниз, позволяя охапке носков, рубашек, пижам, и нижнего белья падать на ковер, в то время как слезы полились из глаз. – Елена, они сказали, что вы должны покинуть Феллис Черч, вы сделаете это?

Елена негодовала. – Что они сказали?

– Что ты и Стефан должны покинуть это место для вашего же блага.

– Никогда в жизни!

– Маленькая прекрасная лю..., – начал Стефан, но вдруг резко остановился, открывая и закрывая рот.

Бонни уставилась на него. Это происходило в нижней части экрана, и это невозможно было увидеть. Но Бонни могла поклясться, что маленькая прекрасная любимая Стефана, только что ткнула его локтем в живот.

– Эпицентр, два часа? – спросила Елена.

Бонни вернулась в реальность. Елена никогда не давала времени на размышления.

– Я буду там! – воскликнула она.

– Елена! – Мередит взволнованно дышала. – Елена! – точно сейчас разрыдается. – Елена!

– Мередит. О, Мередит не заставляй меня плакать, эта блузка из чистого шелка.

– Это чистый шелк, потому что это моя шелковая блуза сари.

Елена вдруг посмотрела на нее невинно, как ангел. – Ты знаешь, Мередит, кажется, я немного подросла за последнее время...

– Если концовка этого предложения «мне это больше идет» – сказала Мередит угрожающе. – То я предупреждаю тебя, Елена Гилберт... – она замолкла, и обе девочки начали смеяться и плакать. – Ты можешь оставить ее себе! О, ты можешь ее оставить!

– Стефан? – Мэтт взмахнул телефоном, сначала осторожно, а потом треснул им по стене гаража. – Я не вижу... – Он остановился и нервно сглотнул. – Е-ле-на? – Мэтт проговорил ее имя медленно, с паузой между каждым слогом.

– Да, Мэтт. Я вернулась. Даже здесь, – она указала на свой лоб. – Ты присоединишься к нам?

Мэтт, опираясь на его новенький автомобиль, бормотал – «Слава Богу, слава Богу» – снова и снова.

– Мэтт? Я тебя не вижу. Ты в порядке? – из трубки слышались шоркающие звуки. – Кажется, он упал в обморок.

Голос Стефана: – Мэтт? Она правда очень хочет тебя увидеть.

– Да, да, – Мэтт поднял голову и заморгал, глядя в телефон. – Елена, Елена...

– Мне так жаль, Мэтт. Ты не обязан это делать.

Мэтт коротко рассмеялся:

– Ты уверена, что ты – Елена?

Елена улыбнулась улыбкой, которая в прошлом разбила тысячи сердец:

– В таком случае, Мэтт Ханикатт, я настаиваю, чтобы ты приехал и встретился с нами в Эпицентре в два часа. Если так тебе больше подходит?

– Я думаю, ты меня почти заполучила. Старая добрая Елена Величественные Манеры, – он театрально закашлял, зафыркал и сказал, наконец. – Прости, я кажется простыл... или может это аллергия.

– Не будь глупым, Мэтт. Ты ведешь себя как ребенок, да и я тоже, – сказала Елена. – И так себя вели Бонни и Мередит, когда я позвонила им. Я плакала почти весь день... и по этой причине я должна собраться, устроить вам замечательный пикник и не опоздать. Мередит планирует подбросить тебя. Захвати что-нибудь выпить или перекусить. Люблю ты!

Елена, тяжело дыша, положила трубку.

– Сейчас это было трудно.

– Он до сих пор любит тебя.

– Он что, предпочел бы, чтобы я осталась ребенком всю мою жизнь?

– Может, ему понравилось то, как ты говорила «привет» и «пока».

– А теперь ты меня дразнишь, – подбородок Елены задрожал.

– Никогда в жизни, – мягко произнес Стефан. Затем он вдруг схватил ее за руку. – Пошли, ... мы идем за покупками для пикника и еще новой машиной, – сказал он, поднимая девушку.

Елена поразила их обоих тем, что взлетела вверх так быстро, что Стефану пришлось схватить ее за талию, чтобы помешать врезаться в потолок.

– Я думал, что на тебя действует сила тяжести!

– Я тоже! Что мне делать?

– Подумай о чем-нибудь тяжелом!

– А если это не сработает?

– Тогда мы купим тебе якорь!

В два часа Стефан и Елена приехали на кладбище Феллс Черч в совершенно новом красном Ягуаре. На Елене были темные очки, ее волосы были заколоты под шарфом, обернутым вокруг ее шеи, а на руках черные кружевные перчатки, довольно поношенные, которые она позаимствовала из времен молодости миссис Флауэрс.

– Она выглядит как картинка, – сказала Мередит. – С ее фиолетовым сари и джинсами. Бонни и Мередит уже расстелили коврик для пикника, а муравьи уже успели полакомиться сэндвичами, виноградом и легким салатом.

Елена рассказала им о том, как она проснулась этим утром, а затем было столько объятий, поцелуев и слез, что редкий мужчина смог бы вынести.

– Ты не хочешь осмотреть лес? На всякий случай, проверить, нет ли здесь малахов.

– Лучше бы им не быть здесь, – сказал Стефан. – Если деревья далеко от того места, где с тобой случился несчастный случай.

– Все так плохо?

– Это серьезная неприятность.

Парни уже собрались уходить, когда Елена позвала их назад.

– Вы можете перестать вести себя как вышестоящие мужчины, – добавила она. – Скрывать эмоции плохо для вас же самих. А их выражение держит вас в норме.

– Слушай, ты жестче, чем я думал, – сказал Стефан. – Пикники на кладбище?...

– Раньше мы постоянно находили Елену здесь, – сказала Бонни, указывая сельдереем на соседнее надгробие.

– Это могилы моих родителей, – просто объяснила Елена. – После несчастного случая, я чувствовала себя ближе к ним, находясь здесь, чем где-либо еще. Я приходила сюда, когда мне было плохо, или когда мне нужны были ответы на вопросы.

– Ты когда-нибудь получала ответы? – спросил Мэтт, беря домашний маринад в стеклянной банке и передавая ее другим.

– Я даже сейчас не уверена, – сказала Елена. Она сняла очки, шарф и перчатки. – Но я всегда чувствовала себя лучше. А что? У тебя есть вопрос?

– Вообще-то да, – неожиданно сказал Мэтт. Затем он вспыхнул, поскольку внезапно оказался в центре внимания. Бонни обернулась и уставилась на него, жуя сельдерей, Мередит подбежала ближе, Елена присела, а Стефан, прислонявшийся к надгробию, с изяществом вампира сел.

– Говори, Мэтт.

– Знаешь, ты выглядишь странным сегодня, – сказала Бонни с тревогой.

– Спасибо, – осекся Мэтт.

Глаза Бонни наполнились слезами: – Я вовсе не имела в виду...

Но она не успела закончить. Мередит и Елена решительно встали рядом с ней, чтобы ее защитить.

– Это означает, что если кто-то обидел одну из нас, он обидел всех.

– Сарказм вместо галантности? Это едва ли тот Мэтт, которого я знаю, – сказала Мередит, приподнимая одну бровь.

– Она всего-то побеспокоилась о тебе, – спокойно сказала Елена. – И вот что она получила за это.

– Хорошо, хорошо! Мне жаль, мне действительно жаль, Бонни, – он повернулся к ней, и выглядел пристыженным. – Я поступил по-свински, знаю, что ты всего-то пыталась быть милой. Я просто... Я просто не знаю, что я делаю или говорю. В общем, как-то так. Вы собираетесь меня слушать, – весь его вид говорил о том, что он занял оборонительную позицию. – Или нет?

Конечно же, все собирались.

– Хорошо. Так вот. Я пошел проводить Джима Брайса сегодня утром, вы помните его?

– Конечно. Я встречалась с ним. Капитан баскетбольной команды. Хороший парень. Немного молоденький, но... – пожала плечами Мередит.

– С Джимом все хорошо, – сглотнул Мэтт. – Ну, просто... Я не хочу болтать, но...

– Болтай! – Три девочки скомандовали ему в унисон, как греческий хор.

Мэтт спасовал: – Ладно, ладно! Ну... я должен был приехать к нему в 10 часов, но я приехал немного раньше, и... ну, Кэролайн была там. Она как раз уезжала.

После этой своей фразы, Мэтт взглянул в три потрясенных лица и поймал острый взгляд Стефана.

– То есть, ты думаешь, она провела с ним ночь?

– Стефан! – начала Бонни. – Так сплетни не распускаются. Ты никогда не должен прямо говорить, что ты думаешь.

– Нет, – сказала Елена ровно. – Дайте Мэтту сказать. Я могу вспомнить достаточно всего, что отобьет у меня охоту беспокоиться о Кэролайн.

– Больше, чем просто беспокоиться, – сказал Стефан.

Мередит кивнула. – Это не сплетня, это необходимая информация, – сказала она.

– Ладно, добро, – сглотнул Мэтт. – В общем, да, именно это я и подумал. Он сказал, что она приходила так рано, чтобы повидать его маленькую сестренку. Но Тамре всего 15. И он покраснел, когда говорил это.

Все переглянулись.

– Кэролайн всегда была... ну, подлой... – начала Бонни.

– Но я никогда не слышала, чтобы она взглянула на Джима даже мимоходом. – Заключила Мередит.

Они посмотрели на Елену, ожидая ответа. Елена медленно покачала головой: – Я определенно не вижу ни одной веской причины, по которой она стала бы посещать Тамру. И, кроме того, – она быстро взглянула на Мэтта. – Ты что-то от нас скрываешь. Что еще произошло?

– Что-то еще произошло? Кэролайн засветила нижним бельем? – Бонни смеялась до тех пор, пока не увидела красное лицо Мэтта. – Эй, да ладно тебе, Мэтт. Это же мы. Ты можешь рассказать нам все что угодно.

Мэтт глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– Ладно, хорошо... Когда она вышла... Я думаю... Мне кажется... Кэролайн предложила мне себя.

– Что она сделала?

– Она бы никогда...

– Как, Мэтт? – спросила Елена.

– Ну... Джин думал, что она уехала, и пошел в гараж за баскетбольной корзиной. Я повернулся и оказалось, что Кэролайн вернулась. И она сказала... ну, в общем, не важно, что именно она сказала, смысл был такой: она любит футбол больше баскетбола, и не хочу ли я

заняться спортом.

– И что ты сказал? – спросила Бонни разинув рот.

– Я ничего не говорил. Я просто уставился на нее.

– А потом вернулся Джим? – предположила Мередит.

– Нет! Потом Кэролайн ушла. Но перед тем она бросила мне этот взгляд – ну, знаете, такой, который сделал вещи предельно ясными относительно того, что она подразумевала. А потом вошла Тами. – Честное лицо Мэтта запылало. – И затем... я не знаю как это сказать. Может Кэролайн сказала что-то обо мне, что заставило ее сделать это, потому что она... она...

– Мэтт. – Стефан молчал до этого времени, но теперь наклонился вперед и спокойно сказал. – Мы спрашиваем не из-за того, что хотим посплетничать. Мы пытаемся выяснить, не происходит ли что-то очень серьезное в Феллс Черч. Поэтому, пожалуйста, просто расскажи нам, что случилось.

Глава 15

Мэтт кивнул, покраснев до кончиков волос, – Тами... прижалась ко мне.

Возникла пауза.

Мередит уточнила уравновешенным тоном, – Мэтт, ты имеешь в виду, она обняла тебя? Крееееепо обняла? Или она... – девушка остановилась, потому что Мэтт покачал головой.

– Это были не невинные крееееепкие объятия. Мы стояли в дверном проеме одни, и она просто... ну... Я не мог поверить в это. Ей всего лишь 15, но она вела себя как взрослая женщина. В смысле... не то чтобы какая-нибудь взрослая женщина делала со мной такое.

Чувствуя себя смущенным и в то же время радостным от того, что рассказал все, Мэтт смотрел то на одно лицо, то на другое.

– Ну и что же вы думаете? Совпадение то, что Кэролайн была там? Или она что-то наговорила Тамре?

– Нет, это не совпадение, – просто сказала Елена. – Это уж слишком для совпадения: Кэролайн подкатывает к тебе, а потом Тамра так же себя ведет. Я знаю... по крайней мере, я думала, что знаю Тами Брайс. Она милая маленькая девочка... Или была ею.

– Она до сих пор такая, – сказала Мередит. – Говорю вам, я встречалась с Джимом какое-то время. Она очень милая девочка, совсем не созревшая для своего возраста. Я не думаю, что она, находясь в здравом уме, сделала бы что-нибудь этакое, если только... – Она остановилась и пожала плечами, так и не закончив предложение.

Теперь Бонни выглядела серьезно.

– Мы должны остановить это, – сказала она. – Что если Тами начнет вытворять такое с парнем, не таким хорошим и застенчивым как Мэтт? Она играет с огнем!

– Да, это проблема, – снова краснея, сказал Мэтт. – Я имею в виду, это довольно трудно. Если бы она была другой девочкой, с которой я ходил на свидания... Не то чтобы я ходил на свидания с другими девушками. – Торопливо добавил он, глядя на Елену.

– Но ты должен ходить. – Твердо сказала та. – Мэтт, я вовсе не хочу, чтобы ты вечно был мне верен. Я ничего не хочу сильнее, чем видеть тебя, встречающимся с милой девочкой. – Как бы случайно Елена твердо взглянула на Бонни, которая вдруг стала есть сельдерей спокойно и аккуратно.

– Стефан, ты единственный, кто может посоветовать нам, что делать, – сказала Елена, поворачиваясь к нему.

Юноша нахмурился: – Я не знаю. Сложно сделать вывод, опираясь на странное поведение только двух девочек.

– Так мы, собираемся просто сидеть и ждать, что там еще натворят Кэролайн или Тами? – спросила Мередит.

– Не просто ждать, – сказал Стефан. – Мы собираемся выяснить больше об этом. Вы

ребята, можете следить за Кэролайн и Тамрой Брайс, а я тем временем проведу исследование.

– Черт! – сказала Елена, стукнув кулаком по траве. – Я почти... – она вдруг остановилась и посмотрела на своих друзей. Бонни закашлялась и уронила свой сельдерей, Мэтт поперхнулся колой. Даже Мередит и Стефан уставились на нее. – Что? – безучастно спросила Елена.

Мередит очнулась первой: – Ну, просто вчера ты была... В общем, молоденькие ангелочки не ругаются.

– Просто потому что я умирала несколько раз, я должна остаться всю жизнь проклятой? – покачала головой Елена. – Нет, я – это я, и я останусь собой кем бы я ни была.

– Ну и молодец, – сказал Стефан, наклоняясь, чтобы поцеловать ее макушку. Мэтт отвел взгляд, и Елена пренебрежительно хлопнула Стефана по плечу, думая: «Я буду любить тебя всегда». И знала, что он понял это, не смотря на то, что сама не могла читать его мысли. Хотя Елена заметила, что все же может понимать его в общих чертах, ей помогало теплое розовое сияние вокруг юноши.

Что если это то, что видела Бонни и называла аурой? Девушка поняла, что большую часть дня она видела Стефана, окруженным прохладным изумрудным светом с тенью... если тень могла быть со светом. И сейчас изумрудный свет возвращался, ибо розовое сияние исчезало.

Тотчас же она посмотрела на остальных участников пикника. Бонни была окружена розовым светом, цвета бледной гвоздики. Мередит была абсолютно фиолетовой. Мэтта окружал ясный синий свет.

Это напомнило Елене, что до вчерашнего дня – только до вчерашнего? она видела много вещей, недоступных глазу других. Включая что-то, что напугало ее.

Что же это было? Перед ее глазами мелькали картинки – даже маленькие детали были достаточно страшны. Это нечто могло быть таким же маленьким как ноготь, или таким же большим как рука. Подобная коре дерева кожа, по крайней мере, на теле. Что-то подобное усикам насекомых, но их было слишком много, и они двигались слишком быстро, быстрее, чем это могли бы сделать насекомые. У нее было ощущение, гусиной кожи всякий раз, когда она думала о насекомых. Но это была ошибка. И ошибка, основанная на другом строении тела, не таком как у любого насекомого, которое она когда-либо видела. Это больше было похоже на пиявку или кальмара. У него был круглый рот с острыми зубами и слишком много щупалец, копошащихся у него на спине.

«Оно может напасть на человека» – думала она. Но у нее было неприятное ощущение, что оно способно на гораздо большее.

«Оно могло стать прозрачным и войти в тебя, а ты почувствуешь не больше, чем булавочный укол».

«А потом... Что случится потом?»

Елена повернулась к Бонни. – Как думаешь, если я покажу тебе образ чего-то, ты сможешь узнать это потом? Не с помощью зрения, а с помощью твоих психических способностей?

– Думаю, это зависит от того, каково оно из себя это «что-то», – осторожно ответила Бонни.

Елена взглянула на Стефана. Тот коротко кивнул.

– Тогда закрой глаза, – сказала Елена.

Бонни опустила веки, и Елена дотронулась кончиками пальцев висков ведьмы, мягко поглаживая большими пальцами ее ресницы. Она пыталась пробудить ее Белые Силы... это было так легко до сегодняшнего дня. А сейчас, это было как тереть два камня между собой, в попытке получить огонь и надеяться, что один из них был кремнем. Наконец она почувствовала маленькую искру и Бонни дернулась назад.

Ведьма распахнула глаза. – Что это было? – Выдохнула она, задыхаясь.

– Это то, что я видела вчера.

– Где?

– Внутри Деймона, – медленно произнесла Елена.

– Но что это значит? Он контролировал это? Или... Или... – Бонни остановилась, и ее глаза расширились.

Елена закончила предложение за нее: – Контролировало ли оно его? Я не знаю. Но в одном я абсолютно уверена. Когда он проигнорировал твой зов, Бонни, он был под влиянием малаха.

– Вопрос не в этом. Если не Деймон контролирует это, то кто? – беспокойно вставая, спросил Стефан. – Я понял, что существо, которое показала тебе Елена, из вида не имеющих своего разума. Есть что-то, что управляет им.

– То есть, другой вампир? – спокойно спросила Мередит.

Стефан пожал плечами: – Вампиры обычно игнорируют их, так как и без этого могут получить все чего хотят. Это должен быть очень сильный разум, чтобы заставить малаха управлять вампиром. Сильный... и злой.

– Вот, – сказал Деймон с колкой грамматической точностью, сидя на ветке высокого дуба, – это они. Мой маленький братец и его... приятели.

– Изумительно, – пробормотал Шиничи. Он раскинулся на дубе даже грациознее и непринужденнее чем Деймон. Это превратилось в невысказанное соперничество. Вампир видел, как золотые глаза Шиничи вспыхнули, когда тот смотрел на Елену и когда упомянули имя Тами.

– Даже не пытайся отрицать свою связь с теми двумя шумными девчонками, – сухо произнес Деймон. – От Кэролайн к Тамре и так далее, вот твой план, не так ли?

Шиничи покачал головой. Он смотрел на Елену, и начал мягко петь народную песню:

«Щеки как роз цветущих зарница...

Волосы как золотая пшеница...»

– Я бы не стал пробовать это на тех девочках, – Деймон улыбнулся без капли юмора. Его глаза сузились. – Согласен, на первый взгляд они представляются не крепче влажной салфетки – однако они сильнее, чем ты думаешь. И они становятся тем паче крепче, когда ода из них в опасности.

– Я уже говорил тебе, что не я это делаю, – сказал Шиничи. Он впервые чувствовал себя неловко. Потом он сказал. – Хотя, возможно я знаю, кто за этим стоит.

– Валяй, говори, – предложил Деймон, все еще прищуривая глаза.

– Что ж... я никогда не упоминал мою младшую сестру-близнеца? Ее зовут Мисао, – он обаятельно улыбнулся. – Это значит «дева».

Деймон почувствовал инстинктивное возбуждение аппетита. Но он проигнорировал это ощущение. Вампир чувствовал себя слишком расслабленным, чтобы думать об охоте, и был не вполне уверен, что в существовании китсунов – духов-лис, коими являлись Шиничи и Мисао, охота вообще имела место. – Нет, ты не упоминал ее, – сказал Деймон, рассеянно почесывая шею. Укус давно прошел, но оставил о себе на память невыносимый зуд. – Наверное, как-то выскочило у тебя из головы.

– Ну, как бы то ни было, она где-то здесь. Она пришла, в одно время со мной, привлеченная вспышкой Силы, что вернула... Елену.

Деймон был уверен, что заминка перед упоминанием имени Елены, являлась фальшью.

Он взглянул на лиса, наклонив голову под углом называемым: «Не обольщайся на тот счет, что ты пудришь мне мозги», и стал ждать.

– Мисао любит играть в игры, – просто сказал Шиничи.

– Что ты, да? Нарды, шахматы, Очко и все такое?

Шиничи театрально кашлянул, однако Деймон поймал красный проблеск в его глазах. Ба, он действительно более чем защищает ее, не так ли? Деймон подарил ему одну из своих самых ослепительных улыбок.

– Я люблю ее, – сказал молодой человек с черными волосами облизываемыми

пламенем, и на этот раз в его голосе прозвучало открытое предупреждение.

– О, конечно, – успокаивая его, сказал Деймон. – Я вижу.

– Ну, так вот, ее игры, как правило, влекут за собой разрушение города. В конечном счете. Не все сразу.

Деймон пожал плечами. – Очевидно, эту жалкую деревеньку она не пропустит. Но прежде я, бесспорно, выведу своих девочек отсюда живыми, – теперь открытое предупреждение звучало в голосе Деймона.

– Это как тебе понравится, – Шиничи вернулся к своему обычному тону. – Мы союзники и мы держим наше слово. В любом случае, это был бы позор просто спустить... все это, – он снова скользнул взглядом к Елене.

– Кстати, мы так и не собираемся обсуждать твоё маленькое фиаско со мной и малахом? Или точнее её фиаско – если ты настаиваешь... Я вполне уверен, что уничтожил, по крайней мере, трех из них. Но если я увижу ещё хотя бы одного, нашим деловым отношениям наступит конец. Я плохой выбор врага, Шиничи. Поверь, ты не хочешь узнать насколько плохой.

Шиничи выглядел соответствующим образом впечатленным, когда кивал. Но в следующую секунду он уже смотрел на Елену и пел:

«... Волосы как золотая пшеница

Вниз по молочным раменам струятся,

Тени на щеки спускают ресницы...»

– И я захочу встретиться с этой Мисао, из твоих. Для её же безопасности.

– И я знаю, что она хочет встретиться с тобой. Сейчас она захвачена игрой, но я постараюсь оторвать её от этого, – Шиничи с наслаждением потянулся.

Деймон взглянул на него. Затем, рассеянно потянулся сам.

Шиничи наблюдал за ним. И улыбался.

Деймона озадачила эта улыбка. Он заметил, что даже когда Шиничи улыбался, два небольших малиновых огонька мелькали в его глазах.

Однако он право слишком устал, дабы обдумывать это сейчас. Просто слишком расслаблен. В сущности, он вдруг почувствовал себя очень сонным...

– Мы собираемся искать малахов в таких девочках как Тами? – спросила Бонни.

– Именно, – ответила Елена.

– Вы думаете, – сказала Мередит, пристально глядя на Елену, – что Тами подцепила это от Кэролайн?

– Да. Знаю, знаю – вопрос в том, откуда это взяла Кэролайн? Но я понятия не имею. Но, опять-таки, мы не в курсе, что с ней произошло, когда она была похищена Клаусом и Тайлером Смоллвудом. Мы не знаем ничего о том, что она делала последнюю неделю,... кроме того, что она действительно никогда не переставала нас ненавидеть.

Мэтт схватился за голову: – И что же мы будем делать? Ох, я чувствую себя ответственным.

– Нет,... если кто и ответственен, то это Джим. Если он,... ну вы знаете, позволил Кэролайн провести с ним ночь,... а потом разрешил ей обсудить это с его 15-летней сестрой... Ну, это конечно не делает его виновным, но он, однозначно, должен был быть более внимательным, – проволчил Стефан.

– Вот тут ты ошибаешься, – сказала Мередит. – Мы знаем Кэролайн много лет, и знаем, на что она способна. Если кто-то и должен защищать его сестру – так это мы. Я думаю, что мы действительно обязаны это сделать. Я голосую за то, чтобы проникнуть в её дом.

– И я, – печально сказала Бонни. – Но я не в восторге от этого. Кроме того, что если в ней нет никакого малаха?

– Это и нужно проверить, – сказала Елена. – Мы должны выяснить, кто стоит за всем этим. Кто-то достаточно сильный, чтобы влиять на Деймона.

– Замечательно, – мрачно сказала Мередит. – С учетом мощности силовых линий, мы

можем ткнуть в любого человека в Феллс Черч.

Пятьюдесятью ярдами западнее и тридцатью футами выше, Деймон отчаянно боролся со сном.

Шиничи, пристально смотря на вампира, поправил свои черно-красные волосы, прилизывая их назад.

Деймон намеревался отвесить лису такой же пристальный взгляд в ответ, однако ему непомерно хотелось спать. Он медленно скопировал движение Шиничи, убирая несколько прядей шелковых черных волос со лба. Его веки непроизвольно опускались все ниже. Шиничи продолжал улыбаться, наблюдая за ним.

– Ну что ж, уговор такой. – Пробормотал китсун. – Мисао и я получаем город, а ты не вмешиваешься. Мы получаем право на силовые линии. Ты получаешь своих девочек в целости и сохранности... и ты сможешь отомстить.

– Моему братцу-ханже и этому... Мутту!

– Мэтту, – у Шиничи был тонкий слух.

– Без разницы. Я просто не хочу причинить боль Елене. Или маленькой рыжеволосой ведьме.

– Ах да, милая Бонни. Я бы не возражал против двух таких как она. Одна для Самайн и одна для Солнцестояния.

Деймон сонно фыркнул: – Нет двух таких как она и мне плевать, куда ты клонишь. Я не желаю ей вреда, равным образом.

– А как насчет высокой темноволосой красотки... Мередит?

Деймон очнулся: – Где?

– Не волнуйся она не идет сюда по твою душу, – успокаивающе произнес Шиничи. – Что ты хочешь сделать с ней?

– О, – Деймон в облегчении снова развалился на ветке, расслабив плечи. – Позволю ей ступать своей дорогой,... до той поры пока эта дорога находится как можно дальше от моей.

Шиничи, казалось, намеренно томно прислонился к своей ветке.

– С твоим братом проблем не будет. Так что остался еще всего один парень, – пробормотал он.

У него был очень вкрадчивый шепот.

– Да. Но мой брат... – Деймон почти спал в том же положении, которое занял Шиничи.

– Говорю тебе, я позабочусь о нем.

– Мм... то есть, хорошо.

– Так по рукам?

– Мм-хм...

– Да?

– Да.

– По рукам!

На сей раз Деймон не ответил. Он спал. Ему снилось, что золотые ангельские глаза Шиничи внезапно открылись и посмотрели на него.

– Деймон.

Он слышал свое имя, однако в его сне было невероятно тяжело разомкнуть веки. Хотя, он мог видеть все вокруг не подымая их.

В этом сновидении Шиничи наклонился над ним, зависая прямо над лицом вампира так, чтобы их ауры смешались, и они дышали бы одним воздухом, если бы Деймон дышал. Шиничи оставался в таком положении долгое время, словно сканировал ауру Деймона. Вампир чувствовал постороннее вторжение на всех каналах и частотах. Шиничи все нависал над ним в его сне, словно пытался запомнить полукруг темных ресниц на бледной щеке Деймона или тонкий изгиб его рта.

Наконец, Шиничи из сна положил руку на голову вампира, а затем погладил место, где был комариный укус.

– О, молодец малыш, расти. Расти большим и сильным. – Сказал лис чему-то, чего Деймон не видел... чему-то внутри него. – Ты сможешь взять полный контроль на себя, несмотря на его сильную волю, правда? Ты сможешь.

Шиничи замер на мгновение, наблюдая за падением цветка вишни, а после закрыл глаза.

– Я думаю, – прошептал он. – Это то, что мы должны постараться сделать. Ждать осталось недолго. Скоро. Очень скоро. Но сначала мы должны заполучить его доверие... избавиться от своего соперника. Держать его в тумане, злости, тщеславии, лишить равновесия. Заставить его думать только о брате, о его ненависти к Стефану, который украл его ангела, пока я буду заканчивать с делами здесь.

Потом он заговорил непосредственно с Деймоном.

– Союзники, неужели! – засмеялся он. – Не тогда, когда я могу залезть пальцем в самую твою душу. Сюда. Чувствуешь? Что я могу заставить тебя сделать...

Следом он обратился к существу, которое находилось внутри Деймона: – А сейчас... Небольшой банкет, чтобы помочь тебе вырасти быстрее и стать сильнее.

Во сне Шиничи сделал некий жест и откинулся назад, приглашая ранее незаметных созданий на дерево. Они подползали словно слизняки, и ползли вверх по шее Деймона. А потом, отвратительно, они проскальзывали в него один за другим через свежий порез. Чувствовать их мягкие, дряблые, подобно медузе тела было почти невыносимо... они копошились в нем...

Шиничи мягко запел:

«О, придите-придите, вы милые девы
Троньте грудь мою, девоньки страстные,
Троньте ношным иль денным светом.
Пока розы в цвету темно-красные...»

Во сне Деймон был взбешен. Не из-за чепухи о малахе внутри него. Это нелепо. Вампир разозлился, ибо знал, что Шиничи из сна наблюдает как Елена собирает остатки пикника. Он с одержимостью наблюдал за каждым совершаемым ею движением.

«Всюду, где ступят ноженьки босы,...

Взойдут как кровь красные дикие розы,...»

– Твоя Елена – чрезвычайная девушка, – сказал Шиничи из сна. – Если она из плоти и крови, я думаю, она будет моей за ночь или около того, – он, мягко поглаживая, убрал остальные черные пряди со лба Деймона. – Необычная аура, ты не находишь? Я прослежу, чтобы ее смерть была прекрасной.

Но Деймон был в одном из тех сновидений, где ты не можешь двигаться или говорить. И он не ответил.

Тем временем существа из сновидения, принадлежащие Шиничи из сна, продолжали заползать на дерево, заполняя прозрачными тельцами тело вампира, собираясь внутри него в один большой сгусток. Один, второй, третий, дюжина, две дюжины. Больше...

И Деймон не мог пробудиться, даже при том, что он чувствовал, как все больше и больше существ прибывало из Старого Леса. Бесполое, ни живые, ни мертвые, суцая оболочка Силы, которая позволит лису управлять разумом Деймона на большом расстоянии. Им не было конца, они все прибывали.

Шиничи продолжал наблюдать за этим потоком, он видел, как ярко искрятся внутренние органы Деймона. Через некоторое время он снова запел:

«Не растрчивай дни, они драгоценны,
Опадают цветы, завянешь и ты.
Придите ко мне, прекрасные девы,
Пока вы красивы, пока молоды...»

Деймону грезилось, что он услышал слово «забудь» прошептанное сотнями голосов. И когда он попытался вспомнить, что именно забыть, оно рассыпалось и исчезло.

Он проснулся в одиночестве на дереве с болью, которая заполнила все его тело.

Глава 16.

Стефан удивился, когда увидел миссис Флауэрс, ожидающую их возвращения с вылазки.

И также, необычным было то, что она хотела им сказать что-то не о ее садах.

– Наверху тебя ждет письмо, – сказала она, кивая головой в сторону узкой лестницы. – Его принес темный молодой человек, немного похожий на тебя. Он не сказал мне ни слова. Кроме как спросил, где оставить записку.

– Темный молодой человек? Деймон? – спросила Елена.

Стефан покачал головой: – Зачем ему оставлять мне записку?

Он оставил Елену с миссис Флауэрс и быстро поднялся по сумасшедшей зигзагообразной лестнице. Наверху он нашел листок бумаги, просунутый под дверь.

Это была открытка, без конверта. Стефан, который прекрасно знал своего брата, сомневался, что за нее было заплачено,... по крайней мере, деньгами. Внутри толстым черным маркером были написаны слова:

**«ТЫ НЕ НУЖДАЕШЬСЯ В ЭТОМ.
МЫСЛЬ О СИЛЕ СВЯТОГО СТЕФАНА.
ПРИХОДИ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ К ДЕРЕВУ,
ГДЕ ПОПАЛИ В АВАРИЮ ЛЮДИ.
НЕ ПОЗЖЕ ЧЕМ 4:30 УТРА.
У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ СЕНСАЦИОННАЯ НОВОСТЬ.
Д. »**

На этом все заканчивалось... если не считать какого-то интернет адреса.

Стефан уже собрался выбросить записку в корзину, но его любопытство взяло верх. Он включил компьютер, ввел тот адрес и ждал. Сначала ничего не происходило. Потом темно-серые буквы появились на черном экране. Человеку показалось бы, что это просто темный экран. Но вампиры, обладающие острым зрением, могли увидеть темно-серое на черном, хоть слабо, но вполне понятно.

«Устали от лазурита?

Хотите устроить каникулы на Гавайях?

Тошнит от однообразной жидкой кухни?

Приходите и посетите Ши но Ши.»

Стефан уже хотел закрыть страницу, но что-то остановило его. Он сидел, уставившись на маленькое объявление чуть ниже рекламы, пока не услышал Елену в дверях. Он быстро выключил компьютер и пошел забирать у нее корзину для пикника. Он ничего не сказал о записке или о том, что он видел на экране компьютера. Но когда наступила ночь, он все больше и больше об этом думал.

– Ох! Стефан, ты ломаешь мне ребра! Я не могу дышать!

– Прости, мне просто нужно обнять тебя.

– Ну, мне тоже это нужно.

– Спасибо, мой ангел.

В комнате с высоким потолком было тихо. Одно окно было не зашторено, впуская лунный свет. Луна, казалось, украдкой ползала по небу, и луч лунного света следовал за ней по деревянному покрытию пола.

Деймон улыбнулся. У него был долгий, преспокойный день и теперь он желал, дабы ночь была захватывающей.

Пробраться через окно оказалось не так легко, как он того ожидал. Когда вампир прилетел в образе лоснящегося черного ворона, он планировал приземлиться на подоконник,

принять человеческий облик, и открыть окно. Однако здесь была западня... и она была связана с Силой одного из дремлющих внутри. Деймон ломал над этим голову и злобно чистил перья, боясь передать любое напряжение в ту тончайшую Силую мембрану в оконном проеме. Когда, не зная что село рядом с ним, хлопая крыльями.

Оно не было похоже ни на одну приличную ворону из справочника орнитолога. У нее были достаточно гладкие перья, но крылья отливали красным и у нее были яркие золотые глаза.

«Шиничи?» – послал вопрос Деймон.

«А кто же еще?» – в ответ золотые глаза уставились на него. – «Вижу, у тебя проблемы. Не волнуйся. Я усилю их сон, так что ты сможешь прорвать защиту».

«Нет!» – рефлекторно вырвалось у Деймона. – «Если ты слишком усилишь контакт с ними, Стефан...»

Шиничи ответил, пытаясь успокоить вампира: – «Стефан просто мальчик, помнишь? Доверяй мне. Ты же мне доверяешь, правда?»

И это сработало, как и говорила дьявольски окрашенная птица. Спящие внутри уснули крепче, а затем еще крепче.

В следующую секунду окно было распахнуто, и Деймон в собственном облиии находился внутри. Его брат и... И она... Та, которую он всегда вынужден был наблюдать... Она лежала спящая, ее золотые волосы рассыпались по подушке и по телу его брата.

Деймон отвел взгляд. В комнате стоял небольшой и несколько устаревший компьютер на столе в углу. Он подошел к нему и без малейшего колебания включил. Двое на кровати даже не пошелохнулись.

Файлы... Аха. Дневник. Какое оригинальное название. Деймон открыл его и начал исследовать содержание.

Дорогой Дневник,

Я проснулась сегодня утром и... о чудо! Я... это снова я. Я хожу, разговариваю, пью, потею в кровати (ну, я еще не пробовала, но я уверена, у меня получится).

Я вернулась.

Это было одно из чертовых путешествий.

Я умерла, дорогой Дневник, я правда умерла. А потом я умерла как вампир. И не жди, что я опишу то, что случилось... поверь, ты просто должен был быть там.

Самая важная вещь, это то, что я ушла, но сейчас я снова вернулась... и, о, дорогой терпеливый друг, который хранил мои секреты с самого детского сада... Я действительно рада вернуться.

С другой стороны, я больше не могу жить с тетей Джудит и Маргарет. Они думают, что я «отдыхаю с миром» с ангелами. Но я могу жить со Стефаном.

Это компенсация за все, что я прошла. И я не знаю, каким образом восполнить все тем, кто прошел через ад ради меня. Ох, я устала и... не плохо бы это сказать... в нетерпении жду ночи с моим любимым.

Я очень счастлива. У меня был прекрасный день, проведенный в смехе и любви, и я видела лица друзей, когда они увидели меня живой! (Безумие, но я обдумала то, как я вела себя последние несколько дней. Честно, ты подумаешь, что Великий Дух Инны Скай выбросит меня с моей бесчувственностью. Ну что ж.)

Люблю тебя,

Елена.

Глаза Деймона нетерпеливо скользили по строчкам. Он искал нечто совсем другое. О, да. Это подходило больше:

Моя дорогая Елена,

Я знаю, что ты прочтешь это рано или поздно. Я надеюсь, что ты вообще никогда это

не увидишь. Но если ты читаешь это, значит Деймон предатель, или что-то пошло не так...

«Предатель? Не слишком ли сильно сказано», – подумал Деймон, – «больно», – однако он все еще горел желанием продолжить свою задачу.

...Я собираюсь пойти в лес, чтобы поговорить с ним сегодня вечером,... если я не вернусь, ты знаешь, кому задавать вопросы.

Правда в том, что я сам не понимаю сложившуюся ситуацию. Утром Деймон послал мне карточку с интернет адресом. Я положил ее под твою подушку, любимая...

«О, черт», – подумал Деймон. – «Однако нелегко будет вытянуть карточку, не разбудив ее. Но я должен сделать это».

...Елена, пройди по этой ссылке. Сделай что-нибудь с регулировкой яркости, потому что это было сделано только для глаз вампира. Кажется, там говорится о том, что есть место, под названием Ши но Ши, если буквально перевести – Смерть Смерти, где могут снять проклятие, которое преследовало меня веками. Они используют и магию, и науку, чтобы превратить вампиров в простых мужчин и женщин, парней и девушек.

Если они действительно могут сделать это, Елена, мы сможем прожить жизнь вместе как обычные люди. Это все, чего я прошу от жизни.

Я хочу этого. Я хочу, чтобы у меня был шанс стоять перед тобой как обычный, дышащий, употребляющий нормальную еду человек.

Но не волнуйся. Я просто хочу поговорить с Деймоном обо всем этом. Тебе не нужно просить меня остаться. Я не оставлю тебя одну перед событиями, происходящими в Феллс Черч. Это слишком опасно для тебя, особенно с твоей новой кровью и аурой.

Я осознал, что я доверял Деймону больше, чем возможно следовало. Но в одной вещи я уверен: он никогда не причинит тебе зла. Он любит тебя. Что он может поделать с этим?

Все же, я должен встретиться с ним на его условиях, один в особом месте в лесу. А там посмотрим.

И, как я сказал раньше, если ты читаешь это письмо, значит что что-то пошло радикально не так. Береги себя, любимая. Не бойся. Доверяй себе. И доверяй своим друзьям. Они все могут помочь тебе.

Я доверяю Мэтту с его инстинктивными попытками защитить тебя, реальным взглядом на вещи Мередит и интуиции Бонни. Скажи им запомнить это.

Все еще надеюсь, что ты никогда не прочтешь это,
с любовью, сердцем и душой,
Стефан.

P.S. Просто на всякий случай. Под второй половицей от стены через кровать лежат 20000 долларов в стодолларовых купюрах. Сейчас там стоит кресло-качалка. Ты сразу увидишь трещину, если сдвинешь кресло с места.

Деймон аккуратно очистил файл.

После, улыбаясь одним уголком рта, тихо и осторожно напечатал новый текст, уже с другим смыслом. Вампир еще раз его перечитал, и засиял победной улыбкой. Он всегда мнил себя потенциальным писателем, и пусть формально юноша этому не обучался, он чувствовал, что обладает инстинктивным чутьем в этом деле.

«Это был Первый Шаг», – подумал Деймон, сохраняя файл со своим произведением, вместо записки Стефана.

Потом, как можно тише, он подошел к спящей Елене, лежащей рядом с братом на узкой кровати.

«А теперь Второй Шаг».

Медленно, очень медленно, Деймон просунул пальцы под подушку, на которой покоилась голова Елены. Он ощущал ее волосы там, где они пролились на подушку в лунном свете, и боль, пробужденная ими в его груди, была значительнее, чем в клыках.

Неспешно перемещая пальцы под подушкой, он искал кое-что гладкое.

Девушка забормотала во сне и неожиданно перевернулась. Деймон едва не отпрыгнул назад, в полумрак, однако глаза Елены были закрыты, он видел полукруг темных ресниц на ее бархатных щеках.

Теперь она была повернута к нему лицом, но что удивительно, Деймон поймал себя не на отслеживании голубых вен под ее светлой гладкой кожей, а на том, что с жадностью уставился на ее чуть приоткрытые уста. Им было... почти невозможно противиться. Даже во сне они были цвета лепестка розы, слегка влажные и разведенные словно...

«Я смог бы сделать это очень легко. Она никогда не узнает. Я могу, я знаю, я могу. Сегодня ночью я чувствую себя непобедимым».

Он склонился над ней и тут его пальцы коснулись картона.

Похоже, это вытолкнуло его из мира грез. О чем он только думает? Ставить на кон все, рисковать всеми планами ради поцелуя? Будет предостаточно времени для поцелуев... и для многим более важных моментов... позже.

Он вытащил небольшую карточку из-под подушки и положил к себе в карман.

Затем обернулся вороном и исчез с подоконника.

Стефан давно усовершенствовал искусство сна до нужного момента пробуждения. Он взглянул на часы, стоящие на каминной полке, чтобы убедиться, что сейчас действительно 4 часа утра.

Он не хотел будить Елену.

Юноша тихо оделся и покинул дом так же как и его брат... только сделал это, обернувшись ястребом. Каким-то образом, Стефан был уверен, что Деймона одурачил некто, кто использует малахов, для управления им как марионеткой. И Стефан, все еще наполненный кровью Елены чувствовал, что должен остановить их.

В записке Деймон велел ему идти к дереву, где разбились люди. Деймон также хотел повторно посетить это дерево, пока он не выследил кукол-малахов и их кукловода.

Стефан устремился вниз и летел по ветру, и один раз даже почти помог мышке заработать сердечный приступ тем, что завис над ней, прежде чем ракетой взмыть вверх.

А потом, в воздухе, как только он увидел свидетельства того, что машина врезалась в дерево, ястреб тут же превратился в молодого человека с черными волосами, бледным лицом и ярко-зелеными глазами.

Он как снежинка спустился на землю и оглядел окрестности, используя свои вампирские чувства, чтобы проверить область. Он не чувствовал никакой ловушки; никакой враждебности, только безошибочные признаки нападения деревьев. Оставаясь человеком, он поднялся на дерево, которое хранило психический отпечаток его брата.

Стефану не было зябко, пока он карабкался на дуб, где его брат бездельничал в то время, как прямо под его ногами произошел несчастный случай. В нем было слишком много крови Елены, чтобы чувствовать холод. Но, юноша знал, что эта часть леса была особенно холодной; что что-то поддерживало здесь такой холод. Почему? Стефан уже заявил права на леса и реки, которые текут через Феллс Черч, как на свою территорию, так почему оно селится здесь, не ставя его в известность? Чтобы это ни было, оно должно представиться ему, в конце концов, если хочет остаться в Феллс Черч.

«Чего же ты ждешь?» – поинтересовался юноша, сидя на корточках в широкой кроне.

Он почувствовал приближение к нему Деймона намного раньше, чем сделал бы это до дня трансформации Елены... и он сдержал себя от вздрагивания. Вместо этого Стефан повернулся спиной к стволу дерева и осмотрелся. Он чувствовал, что Деймон направляется к нему быстрее и быстрее, сильнее и сильнее... Деймон уже должен быть здесь, стоять перед ним, но он не стоял.

Стефан нахмурился.

– Всегда полезно смотреть вверх, братишка, – осведомил чарующий голос над ним, а затем Деймон, цепляющийся за дерево подобно ящерице, сделал сальто вперед и приземлился на ветке младшего.

Стефан ничего не сказал, а просто разглядывал брата. Наконец он произнес: – Ты в хорошем расположении духа.

– У меня был поистине роскошный день, – сказал Деймон. – Неужели я называю их тебе? Это была девочка из магазина поздравительных открыток... Элизабет, и моя прелестная подруга Дамарис, чей муженек работает в Бронстоне, и маленькая Тереза, которая добровольно работает в библиотеке, и...

Стефан вздохнул. – Иногда я думаю, что ты мог бы вспомнить имя каждой девушки, которой однажды пустил кровь в своей жизни, но ты регулярно забываешь мое имя, – сказал он.

– Вздор,... братишка. Теперь, поскольку Елена, несомненно, растолковала тебе, что произошло, когда я пытался спасти твою миниатюрную ведьмочку... Бонни,... я чувствую, мне задолжали извинения.

– А так как ты послал мне записку, которую можно расценивать только как провокацию, я думаю, мне задолжали объяснения.

– Сначала извинения, – отчеканил Деймон и затем добавил многострадальным тоном. – Я убежден, ты полагаешь, что это предельно плохо, пообещать Елене, когда она была на смертном одре, что будешь заботиться обо мне... вечно. Однако ты никогда, похоже, не осознавал, что я вынужден был пообещать то же самое, а я не вполне заботливого типа. Теперь, когда она больше не мертва, может, нам следует просто забыть об этом.

Стефан снова вздохнул: – Хорошо, хорошо. Прости. Я был неправ. Я не должен был выставить тебя. Этого достаточно?

– Не уверен, что ты действительно это имеешь в виду. Попробуй еще разок, с чувством...

– Деймон, ради Бога, о чем был тот сайт?

– О, я подумал, что это довольно умно, выбрать настолько близкие цвета, дабы только вампиры или ведьмы могли различить их, тогда как люди видели бы лишь пустой экран.

– Но как ты узнал о нем?

– Расскажу через мгновение. Просто подумай об этом, братишка. Ты и Елена на прекрасном медовом месяце, просто еще два человека в мире людей. Чем быстрее ты отправишься, тем скорее сможешь спеть: «Динг-донг, труп мертв».

– Я все еще хочу знать, как случилось, что ты столкнулся с этим сайтом.

– Ладно. Признаю: в конце концов, меня развели в эру высоких технологий. У меня есть собственный сайт... И весьма полезный молодой человек связался со мной, просто дабы узнать, действительно ли я имею в виду то, о чем писал там, или же я всего лишь разочарованный идеалист. Я подогнал это описание под тебя.

– Ты... и сайт? Я не верю.

Деймон проигнорировал его: – Я написал это сообщение, поскольку мне уже доводилось однажды слышать о месте, называемом Ши но Ши.

– Смерть Смерти, в смысле.

– Так это мне перевели, – Деймон скучая, зажег Стефану улыбку в тысячу киловатт, сияя ею до той поры, пока Стефан не ощутил себя так, словно сидел под прямыми солнечными лучами без своего кольца.

– По сути дела, – Деймон перешел на прямоту. – Я пригласил своего приятеля, дабы он объяснил тебе все лично.

– Что ты сделал?

– Он будет здесь ровно в 4:44. Не вини меня в выборе времени, оно какое-то особенное для него.

А затем, немного суетливо и, конечно же, абсолютно без какой-либо Силы, которую

Стефан мог бы засечь, что-то приземлилось на дерево над ними и спустилось на их ветку, меняя форму.

Это был, несомненно, молодой человек, с огнем на кончиках черных волос и безмятежными золотыми глазами. Так как Стефан двинулся к нему, он поднял руки вверх, в жесте «я беспомощен и сдаюсь».

– Кто ты, черт возьми?

– Я, черт возьми, Шиничи, – просто ответил юноша. – Но, как я уже сказал твоему брату, большинство людей зовут меня просто Шиничи. Конечно, выбор за тобой.

– И ты знаешь все о Ши но Ши?

– Никто не знает всего о нем. Это место... и организация. Я немного предвзят, поскольку, – сказал Шиничи, смотрясь застенчивым, – ну, я думаю, мне просто нравится помогать людям.

– И теперь ты хочешь помочь мне.

– Если ты действительно хочешь стать человеком... я знаю как.

– Я, наверное, оставлю вас двоих поболтать об этом, можно? – спросил Деймон. – Три это уже толпа, в особенности на этой ветке.

Стефан резко на него посмотрел: – Если у тебя есть хотя бы намек на мысль заглянуть в пансион...

– С Дамарис, уже ожидающей меня? Честно, братишка.

И Деймон обернулся вороном прежде, чем Стефан успел попросить его поклясться.

Елена повернулась в кровати, автоматически пытаясь найти теплое тело рядом с ней. Но всем, что нашли ее пальцы, был холод. Вместо Стефана была пустота. Ее глаза открылись. – Стефан?

Милый. Они были так созвучны, что иногда казались одним человеком. Он всегда знал, когда она вот-вот проснется. Наверняка спустился вниз за завтраком... миссис Флауэрс всегда подавала ему горячий, когда он спускался (еще одно доказательство того, что она была ведьмой из белой братии)... и Стефан приносил поднос.

– Елена, – сказала она, проверяя ее старо-новый голос просто, чтобы слышать как она говорит. – Елена Гилберт, девочка моя, у тебя было слишком много завтраков в постель, – она погладила свой живот... Да, она определенно нуждается в гимнастике.

– Тогда ладно, – сказала она, все еще громко. – Начнем с разминки и дыхания. Потом умеренная растяжка.

«Все это», – подумала она, – «тут же прекратится, как только появится Стефан».

Но Стефан не появился, даже когда она лежала разбитая в руины после целого часа упражнений.

И он не поднимался по лестнице с чашкой чая в руках.

Где он?

Елена посмотрела в окно и мельком увидела миссис Флауэрс.

Сердце Елены начало сильно биться во время выполнения упражнений, и оно никак не замедлялось должным образом. Ни смотря на то, что практически невозможно было начать беседу с хозяйкой из-за сильного сердцебиения, она закричала:

– Миссис Флауэрс?

И, чудо из чудес, дама прекратила вешать простыню на бельевую веревку и посмотрела вверх.

– Да, Елена, дорогая?

– Где Стефан?

Простыня парусом вздымалась вокруг мисс Флауэрс, полностью ее закрывая. Когда парус опустился, она исчезла.

Но Елена смотрела на корзину для белья. Она все еще была там. Елена закричала: «Не уходите!» и быстро надела джинсы с новым синим топом. Затем она сбежала вниз по лестнице, одновременно застегиваясь, и выбежала в задний двор.

– Миссис Флауэрс!
– Да, Елена, дорогая?
Елена могла видеть ее между вздымающимися полотнами белой ткани:
– Вы видели Стефана?
– Не в это утро, дорогая.
– Совсем?
– Я регулярно встаю с рассветом. Его автомобиль уехал как раз в это время, и он еще не вернулся.

Теперь сердце Елены забилося всерьез. Она всегда боялась чего-то подобного. Девушка глубоко вздохнула и мигом взбежала по лестнице.

Записка, записка...

Он никогда не ушел бы, не оставив записки. Но никакой записки не было на его подушке. Тогда она подумала о своей.

Ее руки отчаянно царапали простынь под ее и его подушками. Сначала Елена их не переворачивала, потому что боялась содержимого записки.

Наконец, когда стало ясно, что под подушками ничего нет, кроме простыни, она отбросила их и уставилась на пустое чистое белое место. Затем она отодвинула кровать от стены, на случай, если письмо упало туда.

В любом случае, она чувствовала, что если будет продолжать искать – она найдет. В конце концов, девушка вытряхнула все постельные принадлежности, обвиняющим взглядом уставившись на бессмысленный хаос, и часто водила по ним руками.

Должно быть это хорошо, потому что это значит, что Стефан не ушел,... если не считать того, что она оставила дверь шкафа открытой и не желая этого, видела кучу пустых вешалок...

Он забрал всю свою одежду.

... и пустоту внизу шкафа.

Он забрал всю свою обувь.

Не то, что бы у него было много одежды. Но все, что пригодились бы ему в поездке, пропало,... как и он.

Почему? Куда? Как он мог?

Даже если окажется, что он уехал, чтобы подыскать им новое жилье, как он мог? Она устроит ему такой скандал, когда он вернется...

Если он вернется.

Продрогшая до костей, ощущая, как слезы самовольно бегут по ее щекам, она собиралась позвонить Мередит и Бонни, когда подумала кое о чем.

Ее дневник.

Глава 17

В первые дни после того, как она вернулась из загробной жизни, Стефан укладывал ее спать пораньше, хорошенечко укрывал и тогда позволял ей «работать за его компьютером» вместе с ним, оставляя записи в своего рода дневнике, рассказывая о том, что произошло сегодня, и всегда добавлял его собственные впечатления.

Сейчас она открыла этот файл, отчаянно и безнадежно прокручивая его до конца.

И вот оно:

Моя дорогая Елена,

Я знаю, что ты рано или поздно это прочтешь. Я надеюсь что рано.

Дорогая, Я верю, что сейчас ты можешь сама о себе позаботиться, я никогда прежде не видел такой сильной и независимой девушки.

И это означает, что время пришло. Пришел то час, когда я должен уйти. Я не могу больше оставаться рядом, не обращая тебя в вампира, снова. А мы оба знаем, что это не

должно произойти.

Пожалуйста, прости меня. Пожалуйста, забудь меня. Я не хочу уходить, но я должен.

Если тебе понадобится помощь, я вынудил Деймона дать слово, что он защитит тебя. Он никогда не причинит тебе боли, и все то зло, которое сейчас творится в Феллс Черч, не посмеет прикоснуться к тебе рядом с ним.

Моя дорогая, мой ангел, я всегда буду любить тебя...

Стефан

P.S

Чтобы помочь тебе влиться в нормальную жизнь, я внес деньги, за аренду комнаты в течение следующего года. Кроме того, я оставил тебе \$20,000 сто долларовыми купюрами под второй половицей от стены, пересекающей кровать. Используй их на будущее с тем, кого бы ты ни выбрала.

И снова, если тебе что-нибудь потребуется, Деймон поможет. Доверяй его решениям, если тебе нужен будет совет. О, моя прекрасная маленькая любимая, как я могу уйти? Даже ради тебя?

Елена закончила читать письмо.

А затем просто сидела около компьютера.

После всех поисков, она наконец-то нашла ответ.

И она не знала, что ей теперь делать, кроме как кричать.

Если тебе понадобится помощь – иди к Деймону... Доверяй его решениям... Письмо бы так вопиюще не рекламировало Деймона если бы его написал сам Деймон.

И Стефан исчез. И его одежда исчезла. И его обувь исчезла.

Он оставил ее.

Начать жить заново...

Именно в таком состоянии, ее нашли Бонни и Мередит, которых встревожило то, что Стефан не отвечал на их телефонные звонки в течение часа. Это был первый раз, когда девочки не смогли дозвониться к нему с тех пор как юноша приехал по их просьбе, для ликвидации монстра. Но сейчас монстр был мертв и Елена...

Елена сидела напротив шкафа Стефана.

– Он даже туфли свои забрал, – мягко, но бесчувственно сказала она. – Он забрал все. Но заплатил за год проживания в комнате. И вчера утром он купил мне Ягуар.

– Елена...

– Ты что не видишь? – заплакала она. – Это мое пробуждение. Бонни предсказывала, что оно будет внезапным и шокирующим, и что я буду нуждаться в вас обеих. И в Мэтте?

– Он не упоминался по имени, – уныло сказала Бонни.

– Но я думаю, что мы будем нуждаться в его помощи, – мрачно возразила Мередит.

– Когда мы со Стефаном были вместе, прежде чем я стала вампиром, я всегда это знала, – прошептала Елена. – Что придет тот момент, когда он попытается уйти от меня для моего же блага. – Внезапно она ударила кулаком об пол, достаточно сильно, чтобы пораниться. – Я знала, но думала, что смогу его отговорить! Он такой благородный, такой самоотверженный! И теперь он ушел!

– Тебе и в правду все равно, – спокойно сказала Мередит, наблюдая за Еленой, – станешь ли ты вампиром или останешься человеком.

– Ты права – мне все равно! Мне на все наплевать до тех пор, пока я могу быть с ним. Когда я была духом, я знала, что ничто меня не изменит. Теперь я человек, и так же как и все люди, готова измениться... но это не важно.

– Может быть, это и есть пробуждение, – тихо предположила Мередит.

– О, возможно то, что он не принес ей завтрак и есть пробуждение! – сердито сказала Бонни. Она смотрела на пламя больше чем полчаса, пытаясь установить психический контакт со Стефаном. – Либо он не будет... либо не может, – сказала она, не заметив как

Мерedit яростно качала головой, пока слова не вылетели наружу.

– Что ты хочешь сказать «не может», – потребовала ответа Елена, резко оторвав спину от пола, садясь.

– Я не знаю! Елена, ты мне больно делаешь!

– Он в опасности? Думай, Бонни! Он плохо себя чувствует из-за меня?

Бонни посмотрела на Мерedit, которая телеграфировала «нет». Затем она посмотрела на Елену, требующую правды. И закрыла глаза. – Я не уверена, – сказала Бонни.

Она медленно разлепила веки, ожидая, когда Елена взорвется. Однако Елена не собиралась. Она просто медленно закрывала глаза сама и сжала губы.

– Давным давно, я поклялась, что буду с ним, даже если это убьет нас обоих, – тихо сказала она. – Если он думает, что достаточно просто уйти от меня, потому что мне так будет лучше или еще по какой причине... он ошибается. Для начала я пойду к Деймону, так как Стефан, похоже, этого очень хотел. А затем я пойду за ним. Кто-нибудь да скажет мне, где начать поиски. Он оставил мне двадцать тысяч долларов. Я использую их, чтобы найти его. И если машина сломается, я пойду пешком; и когда я больше не смогу идти, я поползу. Но найду его.

– Только не одна, – уверила ее Мерedit. – мы пойдем с тобой, Елена.

– И потом, если он сделал это добровольно, то будет получать пощечины всю его жизнь.

– Как пожелаешь, Елена, – все еще успокаивающе сказала Мерedit. – Давайте для начала его найдем.

– Один за всех и все за одного! – воскликнула Бонни. – Мы вернем его назад и заставим извиниться... или нет, – быстро сказала она наперекор качающей головой Мерedit. – Елена, нет.

Не плачь, – добавила она прежде чем Елена разрыдалась.

– Итак, Деймону только и оставалось, что пообещать заботиться о Елене, и Деймон, должно быть последний кто видел Стефана сегодня утром, – сказал Мэтт, которому только что объяснили ситуацию, вырвав его из дома.

– Да, – с тихой уверенностью подтвердила Елена. – Но Мэтт, ты ошибаешься, если думаешь, что Деймон сделает все, чтобы Стефан был подальше от меня. Деймон не такой, как ты о нем думаешь. Он действительно пытался спасти Бонни той ночью. И ему по-настоящему было больно, когда все вы его возненавидели.

– Я думаю, это как раз то, что называют «подтверждением мотива», – заметила Мерedit.

– Нет, как раз подтверждение тому, что у Деймона есть чувства, что ему свойственно все человеческое, – возразила Елена. – И он никогда бы не навредил Стефану из-за... ну, из-за меня. Он знает, как бы я себя тогда чувствовала.

– Ну, тогда почему он мне не ответит? – проворчала Бонни.

– Может быть потому, что когда он в последний раз видел нас всех вместе, мы смотрели на него так, словно ненавидим, – справедливо заметила Мерedit.

– Скажи ему, что я прошу прощения, – произнесла Елена. – Скажи, что я хочу с ним поговорить.

– Я чувствую себя спутником связи, – пожаловалась Бонни, но все же вложила все сердце и силу в каждый вызов. До тех пор, пока она не стала выглядеть измученной и выжатой.

– И, наконец, даже Елена признала, что это никуда не годится.

– Может он придет в чувства и сам начнет тебя звать? – сказала Бонни. – Может завтра.

– Мы сегодня останемся у тебя, – оповестила Елену Мерedit. – Бонни, я позвоню твоей сестре и скажу, что ты со мной. Сейчас позвоню отцу и скажу, что буду с тобой. Мэтт, ты не приглашен.

– Спасибо, – сухо сказал Мэтт. – Я что, должен пешком идти домой?

– Нет, можешь взять мою машину, – ответила Елена. – Но пожалуйста, верни ее к завтрашнему утру. Я не хочу, чтобы люди об этом болтали.

Той ночью, три девушки приготовились ко сну, в стиле школьниц, удобно расположившись на запасных простынях и одеялах Миссис Флауэрс (не удивительно, что она выстирала так много простыней сегодня,... должно быть знала каким-то образом, – подумала Елена), мебель была отодвинута к стенам комнаты, а на полу лежало три спальных мешка. Их головы соприкасались, а тела лежали подобно спицам колеса.

«Это и есть пробуждение», – подумала Елена.

«Это осознание того, что в довершение, я могу снова остаться одна. И, о, я так благодарна Мередит и Бонни за то, что они со мной. Это для меня значит больше, чем я могу выразить.

Она, как на автопилоте, подошла к компьютеру, чтобы оставить запись в дневнике. Но после нескольких напечатанных слов, она поняла, что снова плачет, и была тайно рада, когда Мередит обняла ее за плечи и более или менее «заставила» ее выпить горячее молоко с ванилью, корицей и мускатным орехом. И была счастлива, когда Бонни помогла разобраться в одеялах и держала ее за руку, пока они не уснули.

Мэтт остался допоздна. Солнце уже садилось, когда он поехал домой. «Это гонка с темнотой», – вдруг подумал он, не желая отвлекаться от дороги на запах нового дорожного авто, витавшего в Ягуаре. Где-то в глубине души, он размышлял. Парень ничего не хотел говорить девчонкам, но было что-то в прощальной записке Стефана, что беспокоило его. Была единственная вещь, на счет которой Мэтт должен был убедиться, не тыкала ли на нее просто его раненная гордость.

Почему он не написал ничего о них? О старых друзьях Елены, которые теперь «здесь и сейчас». Вы только подумайте, он ведь должен был упомянуть девчонок, пусть даже забыл о Мэтте из-за боли от расставания с Еленой.

Что еще? Определенно есть что-то еще, но Мэтт никак не мог довести это до ума. Все что крутилось у него в голове, было неопределенным, неустойчивым воспоминанием о школе в прошлом году и, да, о Миссис Хилден, учительнице английского.

В тот момент, когда Мэтт думал об этом, он сосредоточился на дороге. Не было никакого другого пути, кроме длинной однополосной дороги, пролегавшей через Старый Лес от пансионата до Феллс Черч. Но он внимательно смотрел вперед, сохраняя боевую готовность.

Он увидел свалившееся дерево, только когда вышел из-за поворота. Мэтт вдавил педаль тормоза, раздался визг экстренной остановки, и машину развернуло почти на девяносто градусов.

Теперь он должен был подумать.

Его первой инстинктивной реакцией было: сразу звонить Стефану. Он ведь может просто поднять это дерево. Но быстро сообразил, и эта мысль была выбита вопросом. Позвонить девчонкам?

Он не мог заставить себя это сделать. Это было не только вопросом о его мужском достоинстве – это была суровая реальность, лежащего прямо перед ним дерева. Даже если они соберутся все вместе, то не смогут сдвинуть его. Слишком большим и тяжелым оно было.

Дерево упало из Старого Леса, и лежало прямо поперек дороги, словно хотело отделить пансионат от остального города.

Мэтт осторожно открыл окно со своей стороны. Он посмотрел в сторону Старого Леса, чтобы увидеть, его корни или, как он сам себе признался, какое-нибудь движение. Но там ничего не было.

Он не видел корней, однако это дерево выглядело слишком молодым, для того чтобы просто упасть в солнечный летний день. Не было ни ветра, ни дождя, ни молнии, ни бобров. Ни лесорубов, – мрачно заключил Мэтт.

Так, что ж, канава с правой стороны дороги была мелкой, и крона до нее не доставала. В принципе, возможно...

Шевеление.

Нет, не в лесу, на дереве прямо напротив него. Что-то шевелило верхние ветви, что-то большее, чем просто ветер.

И тогда он увидел это. Мэтт не мог поверить своим глазам. Это было частью проблемы. Другой ее частью было то, что он вел машину Елены, а не свой старый драндулет. Пока он отчаянно пытался на ощупь закрыть окно, его глаза пристально следили за чем-то отделяющимся от дерева. Никак не получалось нащупать нужную кнопку.

И последней частью проблемы – это создание было очень быстрым. Слишком быстрым для реального.

Следующее что осознал Мэтт, это то, что он борется с этим через окно.

Парень не знал, что Елена показала Бонни на пикнике. Но если это не было малахом, то что, черт возьми, это было? Мэтт жил рядом с лесом всю свою сознательную жизнь, и он никогда не видел насекомое похожее на это.

А это было насекомое. Кожа была как кора, но это был просто камуфляж, уловка. Оно било лобовое стекло с такой силой, как будто делало это двумя руками – Мэтт слышал и чувствовал это. Существо было длинной с его руку, и казалось, хлестало щупальцами кругами, это было невообразимо, но эта тварь застряла на полпути, в окне.

Выглядела она скорее, как большая пиявка или кальмар, чем насекомое. Длинные, змеевидные щупальца походили на виноградные лозы, но они были более толстыми, шире пальца и еще на них были присоски,... а в присосках было кое-что острое. Зубы. Одна из виноградных лоз обвила его шею, и он внезапно почувствовал всасывающую боль.

Виноградная лоза обернулась вокруг его горла три или четыре раза, и напряглась. Он должен был использовать одну руку, чтобы схватить и сорвать это. Что оставляло ему только один свободный кулак для того, чтобы молотить эту штуку,... которая показала, что у нее есть рот, если не глаз. Как и у остальных животных, рот был радиально симметричен: круглый, с зубами, расположенными кругом. Оно потянуло его руку внутрь, и к своему ужасу Мэтт увидел в глубине этого круга, пару щипцов, достаточно больших, чтобы откусить палец.

Боже, нет! Он сжал руку в кулак, отчаянно пытаясь лупить это изнутри.

Выброс адреналина от того, что он увидел, позволил ему стянуть хлещущую виноградную лозу со всего горла, присоски отцепились последними. Но теперь его рука была уже проглочена до локтя. Парень заставил себя напасть на насекомое, ударяя со всей силы, точно это была акула, которую оно ему напомнило.

Мэтт должен был вытащить руку. Он вслепую открыл основание круглого рта и просто вырвал кусок плоти, который приземлился на его колени. Тем временем щупальца все еще кружились вокруг, дрались с автомобилем, отыскивая вход в него. В какой-то момент существо могло понять, что ему нужно всего лишь сжаться и пролезть.

Что-то острое задело сустав парня. Щипцы! Его рука была почти полностью охвачена этим. Мэтт пытался полностью сосредоточиться на том, как освободиться. Часть его внимания пошла на поиски брюха. Чудовище было невероятным.

Он должен попытаться вытащить свою руку. Но парень уже готовился ее потерять, так же быстро, как засунь он ее в измельчитель мусора.

Он уже расстегнул свой ремень безопасности. Теперь он с силой оттолкнулся вправо к пассажирскому сиденью. Он чувствовал, как зубы чудовища раздирают его кожу, так как он тянул руку через них. Он видел длинные кровавые борозды, остающиеся на ней. Но все это было неважно. Важно было вытянуть руку из пасти чудовища.

В тот же самый момент, его вторая рука нашла кнопку открывающую окно. Он потянул ее вверх, вытащив запястье из пасти существа, и окно закрылось прямо на нем.

Мэтт ожидал, что раздастся треск и потечет черная кровь, возможно прямо на пол машины, как в «Инопланетянине».

Вместо этого, оно просто испарилось. Оно просто... стало прозрачным, а потом превратилось в крошечные частицы света, которые исчезли, когда Мэтт уставился на них.

Существо оставило его с одной окровавленной покрытой шрамами рукой, огромной раной на горле, и голыми суставами на другой руке. Но парень не терял времени на изучение своих ран, он должен был выбираться оттуда. Ветви снова зашевелились, и он не собирался ждать, чтобы убедиться в том, что это только ветер.

Был только один путь. Канава.

Он вставил ключ зажигания и повернул его. Достиг рва, надеясь, что он не слишком глубокий и что дерево не продырявит шины.

Стояло острое напряжение, отчего зубы Мэтта стучали, и он сжимал губы. Затем послышался хруст листьев и веток, и на мгновение показалось, что он окончательно застрял. Но Мэтт не спускал ногу с педали газа, вдавливая ее в пол с такой силой, на которую был способен.

Наконец машина освободилась и завалила по канаве, парень сумел вернуть контроль над управлением и уклониться к дороге, как раз вовремя, чтобы взять влево там, где ров кончался.

У него была гипервентиляция легких. Он мчался по дороге, выжимая 50 миль в час, краем глаза следя за Старым Лесом, пока внезапно благословенный одинокий красный свет не осветил его, как маяк в сумраке.

Пересечение с Мэллори. Ему пришлось заставить себя провизжать в другой резиносжигающей остановке. Резкий поворот направо, и он отъехал от леса. Так парень должен будет петлять десятком улиц для того, чтобы добраться к дому, но, по крайней мере, он избежит любых больших рощ.

Это была большая петля, и теперь, когда опасность миновала, Мэтт начал чувствовать боль в своей исполосованной руке. Парень уже тянул Ягуар к дому и ощущал головокружение. Он затормозил под уличным фонарем и позволил машине проплыть в темноту за его пределами. Мэтт не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его в таком состоянии.

Должен ли он позвонить девочкам? Предупредить, чтобы они никуда не выходили ночью, потому что в лесу опасно? Но они уже это знали. Мерedit никогда бы не позволила Елене сунуться в Старый Лес, не теперь, когда Елена была человеком. И Бонни бы подняла большой шум, если бы кто-то предложил прогуляться в темноте... после всего, что случилось. В конце концов, Елена уже показала им, ЧТО там может случиться, разве нет?

Малах. Уродливое слово для реально отвратительного существа.

То, что им действительно было нужно, так это помощь специальной службы, чтобы убрать дерево с дороги. Но не ночью. Скорей всего, никто больше, не будет пользоваться той одинокой дорогой сегодня вечером. И специально посылать туда людей он не хотел – ведь это бы означало вручить их прямо в щупальца малаха. Завтра утром он первым делом позвонит в полицию. Они сами разберутся, кого отрядить на уборку того дерева.

Было уже темно, позднее, чем он предполагал. Мэтт, вероятно должен позвонить девочкам после всего. Но сначала он хотел, чтобы его голова немного просветлела. Его царапины зудели и горели. Он обнаружил, что ему трудно об этом думать. Может он просто подышит минутку...

Глава 18

Мэтт проснулся и смутно осознал, что он все еще находится у руля машины Елены. Он, спотыкаясь, пошел к дому, чуть не забыв заблокировать машину. Потом начал возиться с ключами, чтобы открыть черный ход. В доме было темно; его родители спали. Он добрался до своей комнаты и рухнул на кровать, даже не сняв обуви.

Когда парень снова проснулся, он удивился, что уже 9 часов утра и что его мобильный буквально разрывается в кармане его джинсов.

– Мере...дит?

– Мы думали, ты приедешь ранним утром.

– Да, но я сначала должен выяснить как, – сказал Мэтт, или вернее, прокаркал. Казалось, его голова в два раза больше чем обычно, а его рука,... по крайней мере, раза в четыре. Даже находясь в таком состоянии, какая-то часть его мозга вычисляла как добраться до пансиона, не используя дорогу через Старый Лес. Наконец, несколько нейронов как будто загорелись и он понял.

– Мэтт? Ты там?

– Я не уверен. Прошлой ночью... Боже, я даже не могу вспомнить большую часть ночи. Но по пути домой... Слушай, я все расскажу, когда приеду к вам. Сначала я должен позвонить в полицию.

– В полицию?

– Да... слушай... дай мне час, хорошо? Я буду у вас, в течение часа.

Когда Мэтт, наконец, приехал в пансион, было почти одиннадцать. Душ помог прочистить его мозги, но не особо помог пульсирующей руке, и когда парень появился на месте, его окружили взволнованные девушки.

– Мэтт, что случилось?

Он рассказал им все, что помнил. Когда Елена, с плотно сжатыми губами, убрала повязку со льдом, которой он обернул свою руку, все вздрогнули. Длинные царапины были явно заражены.

– Они ядовиты, эти малахи.

– Да, – кратко сказала Елена. – Причем, как для тела, так и для разума.

– И ты думаешь, что они могут проникать внутрь людей? – спросила Мередит. Она машинально рисовала на странице блокнота, пытаясь изобразить нечто, похожее на то, что описал Мэтт.

– Да.

На секунду глаза Елены и Мередит встретились,...а затем они обе посмотрели вниз. И Мередит сказала:

– И как мы узнаем, есть ли оно внутри кто-нибудь... или нет?

– Бонни будет в состоянии увидеть это, в трансе, – спокойно сказала Елена. – Даже я могла бы сказать, но я не собираюсь использовать Белую Силу для этого. Мы идем вниз, чтобы поговорить с миссис Флауэрс.

Сказано это было в той манере, которую Мэтт уже давно научился распознавать, и означала она, что возражения бессмысленны, и приниматься не будут. Она заняла твердую позицию.

Но Мэтт и не собирался спорить.

Парень ненавидел жаловаться – он играл в футбол со сломанной ключицей, вывихнутым коленом, подвернутой ногой – но сейчас было другое дело. Его рука была в таком состоянии, будто могла взорваться с минуты на минуту.

Миссис Флауэрс была внизу, на кухне, но в общей комнате, на столе было четыре стакана охлажденного чая.

– Буду честна с вами. – Позвала она, через качающуюся створку двери, которая разделяла кухню и то место, где они стояли. – Выпейте чаю, и проследите, чтобы это сделал раненый молодой человек. Это поможет ему расслабиться.

– Травяной чай, – прошептала Бонни, словно это была профессиональная тайна.

Чай был не так уж плох, хотя Мэтт предпочитал колу. Но когда он подумал о нем как о лекарстве, и увидел девушек, наблюдающих за ним словно соколы, ему едва ли удалось выпить больше половины, прежде чем домовладелица вошла в комнату.

На ней была шляпа для работы в саду,... или, по крайней мере, просто шляпа с искусственными цветами, которая выглядела так, будто предназначалась для работы в саду. Но на подносе у нее было несколько инструментов, блестящих так, словно только что были начищены.

– Да дорогая, это так. – Сказала она Бонни, которая встала перед Мэттом, защищая его.

– Я раньше работала медсестрой, как твоя сестра. Женщинам не разрешалось тогда работать докторами. Но всю мою жизнь я была ведьмой. Становишься отчасти одинокой, не так ли?

– Сложно быть в одиночестве, – сказала Мередит озадаченно, – если живешь ближе к городу.

– Ах, но в таком случае были бы люди, глазающие на мой дом, дети, отважившиеся подбежать и коснуться его или кинуть камнем в окно. Или взрослые, разглядывающие меня, когда я иду за покупками. И как бы я тогда смогла спокойно содержать свой сад?

Это была самая длинная речь, которую они когда-либо слышали от старушки. Это немного удивило ребят, но затем Елена сказала:

– Не понимаю, как вы можете спокойно содержать свой сад ЗДЕСЬ. Как же олени, кролики и другие животные?

– Ну, большинство растений моего сада как раз и предназначены животным, – миссис Флауэрс мило улыбнулась, и ее лицо осветилось внутренним светом.

– Им, конечно, нравится растущие здесь лакомства. Но не та трава, которую я выращиваю для заживления царапин, порезов, растяжений и т.д. И возможно они знают, что я ведьма, с тех пор как они покинули меня и мой сад, и изредка заходят один или два гостя.

– Почему вы рассказываете все это теперь? – требовательным тоном спросила Елена. – Почему, ведь были времена, когда я искала Вас, или Стефан, когда я думала... ну, неважно, что я думала. Но я не была уверена, что Вы – наш друг.

– Правда в том, что я стала необщительной к старости. Но теперь ты потеряла твоего молодого человека, не так ли? Хотела бы я встать пораньше тем утром. Возможно, тогда бы я поговорила с ним. Он оставил мне деньги за год аренды на кухонном столе. Я всегда была добра к нему – это правда.

Губы Елены задрожали. Мэтт храбро и торопливо поднял свою раненую руку.

– Вы можете помочь нам с этим? – сказал он, снова снимая повязку со льдом.

– О Боже, Боже. И какая тварь наградила тебя этим? – спросила миссис Флауэрс, исследуя царапины, в то время как три девушки снова вздрогнули.

– Мы думаем, это малах, – тихо сказала Елена. – Вы что-нибудь знаете о них?

– Я слышала это слово, но я не знаю толком. Как давно ты получил их? – спросила она Мэтта. Они больше выглядят как зубные отметины, нежели отметины клыков.

– Так и есть, – мрачно сказал Мэтт и как мог, описал малахов. Это немного помогло ему отвлечься, так как миссис Флауэрс взяла один из инструментов с подноса и начала какие-то манипуляции с его красной раздутой рукой.

– Держи это полотенце так крепко, как можешь, – сказала она. – У ран уже появилась корка, но их нужно открыть и промыть. Будет больно. Почему бы одной из юных девушек не поддержать руку, чтобы помочь ей принять устойчивое положение?

Елена уже почти подошла, но Бонни слегка стукнула ее, почти перепрыгивая через Мередит, чтобы помочь Мэтту.

Открытие раны и промывание было болезненным, но Мэтт сумел пройти через это, не издав ни звука, даже своего рода болезненно усмехался Бонни, в то время как кровь и гной сочились из его руки. Сначала была острая боль, но после того как он выпустил пар, ему стало легче. И когда раны были промыты и очищены, а затем забинтованы холодным травяным компрессом, он почувствовал себя счастливым и готовым продолжать жить.

Мэтт практически уже открыл рот, чтобы поблагодарить пожилую женщину, но заметил, как Бонни уставилась на него. Точнее, на его шею. И потом вдруг захихикала.

– Что? Что смешного?

– Та штука, – сказала она, – поставила тебе засос. Если конечно ты не делал что-то еще вчера ночью, о чем не сказал нам.

Мэтт вспыхнул и натянул воротник повыше.

– Я уже сказал, это был малах. У него были своего рода щупальца с присосками, которыми он обвился вокруг моей шеи. Он пытался задушить меня!

– Конечно, – кротко сказала Бонни. – Прости.

У миссис Флауэрс нашлась мазь не только для очищения ран, но и от подобного рода отметин. После того, как она обработала все болезненные места, Мэтт почувствовал себя настолько хорошо, что застенчиво посмотрев на Бонни, которая наблюдала за ним большими карими глазами, сказал:

– Знаю, это и вправду похоже на засос, – сказал он. – Я видел это утром в зеркале. И у меня есть еще один, немного ниже. Его, по крайней мере, воротник скрывает.

Он фыркнул и сдвинул вниз воротник, чтобы смазать второй «засос». Девочки засмеялись – и напряжение, которое все ощущали, испарилось.

Мерedit поднималась обратно в комнату по узкой лестнице, которую все еще считали комнатой Стефана, и Мэтт автоматически следовал за ней. Он не заметил, что Елена с Бонни отстали, пока Мерedit жестом не указала ему вперед.

– Они всего лишь совещаются, – сказала Мерedit своим тихим, сугубо деловым тоном.

– Обо мне? – сглотнул Мэтт. – Речь идет о той штуке, которую Елена видела внутри Деймона, да? Об этом кальмаре-невидимке. И есть ли сейчас внутри меня такая дрянь.

Мерedit, никогда не пыталась что-нибудь смягчить, и она просто кивнула. Но на секунду положила руку на его плечо, когда они вошли в спальню с высоким потолком.

Вскоре вошли Елена и Бонни. По их лицам Мэтт понял, что его худшие опасения не подтвердились. Елена, увидев выражение его лица, тотчас подошла и обняла его. Бонни сделала то же самое, только более застенчиво.

– Хорошо себя чувствуешь? – спросила Елена. Мэтт кивнул.

– Я чувствую себя прекрасно, – сказал он. «Как борющиеся аллигаторы», – подумал он. Ничто не может быть лучше, чем объятия двух мягких, мягких девушек.

– Отлично, наше мнение одинаково относительно того, что внутри тебя нет ничего, чужеродного. Твоя аура ясная и сильная теперь, когда ты не чувствуешь боли

– Слава Богу, – сказал Мэтт, и он действительно подразумевал это.

В тот момент зазвонил телефон. Он нахмурился, глядя на незнакомый номер на определителе, но ответил.

– Мэтт Ханникатт?

– Да.

– Подождите, пожалуйста.

Другой голос:

– Мистер Ханникатт?

– Да, но...

– Это Рич Моссберг из Отдела Шерифа Феллс Черч. Вы звонили нам сегодня утром, чтобы сообщить об упавшем дереве на трассу возле Старого Леса?

– Да, я...

– Мистер Ханникатт, нам не нравятся шутки такого рода. Мы отнюдь не приветствуем это. Вы понимаете, что подобные вызовы занимают ценное время наших офицеров. И к Вашему сведению, оставлять полиции ложные сообщения – является преступлением. Если бы я хотел, мистер Ханникатт, я мог бы выдвинуть Вам обвинение и заставить отвечать перед судом. Я только не пойму, что Вы здесь находите забавным.

– Я не... Я не нахожу ничего забавного в этом! Слушайте, вчера вечером..., – голос Мэтта затих. Что он может сказать? Вчера вечером меня подстерегло дерево со следящим за мной монстром? Маленький голос внутри него добавил, что офицеры Отдела Шерифа Феллс Черч, проводят большую часть своего драгоценного времени, зависая в «Dunkin' Donuts» на городской площади, но следующие слова, которые он услышал, затмили все это.

– По сути, мистер Ханникатт, во власти Кодекса штата Вирджиния, согласно статьи – 18.2-461, оставлять полиции ложные сообщения, рассматривается как мелкое уголовное преступление, граничащее с административными правонарушениями. А это год тюрьмы или штраф в 25000 долларов. Теперь Вам смешно?

– Слушайте, я...

– У Вас, кстати, есть 25000 долларов, мистер Ханникатт?

– Нет, я... я..., – Мэтт ждал, что тот отключится, но понял, что он не собирается этого делать. Он отплывал все дальше в незнакомый регион, которого не было на карте. Что сказать? Малах убрал дерево,... или оно само убежало? Смешно. Наконец, он произнес скрипучим голосом:

– Я сожалею, что они не нашли дерева. Возможно оно... как-то переместилось.

– Возможно, оно как-то переместилось, – невыразительно повторил шериф. – Возможно, оно само как-то переместилось, а вместе с ним и знаки «СТОП» и «Главная Дорога», дружно удалились с перекрестка. Не звонит ли это колокол, мистер Ханникатт?

– Нет! – Мэтт чувствовал себя глубоко оскорбленным. – Я никогда не перемещал уличные знаки. К этому времени девушки окружили его, как будто могли чем-то помочь. Бонни энергично жестикулировала, ее возмущенное выражение лица говорило о том, что она хочет отчитать шерифа лично.

– Вообще-то, мистер Ханникатт, – вмешался шериф. – Мы сначала позвонили к Вам домой, так как домашний телефон записан у Вас как основной. И Ваша мать сообщила, что она Вас вообще не видела прошлой ночью.

Мэтт проигнорировал внутренний голос, который сказал: «Это что, преступление?»

– Это потому, что я был задержан...

– Самоходным деревом, мистер Ханникатт? Вообще-то у нас был еще один звонок насчет вашего дома вчера вечером. Сторож соседнего участка сообщил о подозрительном автомобиле перед Вашим домом.

Согласно словам Вашей матери, вы недавно получили новую машину, так?

Мэтт видел, куда это ведет, и ему это не нравилось.

– Да, – услышал он свой голос, в то же время, подыскивая объяснение. – Я пытался не переехать лису. И...

– Да, было еще одно сообщение о совершенно новом ягуаре, остановившемся перед Вашим домом достаточно далеко от фонаря, чтобы быть незаметным. Машина, настолько новая, что у нее не было никаких лицензионных пластин. Ваша машина, или нет?

– Мистер Ханникатт – мой отец! – начал Мэтт в отчаянии. – Я Мэтт, и это была машина моего друга...

– А Вашего друга зовут...

Мэтт уставился на Елену. Она делала жесты, ясно показывающие, что назвать имя Елена Гилберт было бы сумасшествием. Полиция и все люди города знали, что Елена Гилберт мертва. Елена показывала на комнату, и Мэтт понял, что она имеет в виду.

Он закрыл глаза и сказал:

– Стефан Сальваторе. Но он дал машину своей девушки?

Парень знал, что заканчивает предложение вопросительно, но он едва мог поверить тому, как Елена настаивала на этом.

Теперь шериф начал казаться усталым и сердитым.

– Вы меня спрашиваете, Мэтт? Вы вели новую машину девушки вашего друга. А ее имя...?

Был момент, когда девочки, казалось, не согласились друг с другом и Мэтт застыл в неопределенности. Но потом Бонни подняла руки вверх, а Мередит вышла вперед.

– Мередит Салез, – слабо сказал Мэтт. Он услышал колебание в собственном голосе, и повторил, хрипло, но с большей уверенностью:

– Мередит Салез.

Елена быстро зашептала что-то на ухо Мередит.

– Где был куплен автомобиль? Мистер Ханникатт?

– Да, – сказал Мэтт. – Секунду...

Он положил телефон в протянутую руку Мередит.

– Это Мередит Салез, – спокойно сказала Мередит, расслабляющим тоном диск-жокея классической музыки.

– Мисс Салез, вы слышали нашу беседу?

– Госпожа Салез, пожалуйста, сержант. Да.
– Вы одалживали свою машину мистеру Ханникат?
– Да.
– И где мистер, – в трубке слышался шелест бумаги. – Стефан Сальваторе, настоящий владелец машины?

«Он не спрашивал ее, где была куплена машина, – подумал Мэтт. – Он знал».

– Мой парень сейчас не в городе, – сказала Мередит, все тем же спокойным, расслабленным голосом. – Я не знаю, когда он вернется. Но когда он вернется, я должна буду позвонить Вам?

– Это было бы мудро, – сухо сказал шериф. – В эти дни некоторые машины были куплены за наличные, особенно новые ягуары. Я хотел бы узнать номер Ваших водительских прав. И я очень хотел бы поговорить с мистером Сальваторе, когда он вернется.

– Возможно, это будет очень скоро, – немного медленно сказала Мередит после подсказки Елены. Потом она по памяти назвала номер своих прав.

– Спасибо, – кратко сказал шериф. – Этого достаточно для...

– Могу я кое-что сказать? Мэтт Ханникат никогда, никогда не перемещал бы дорожные знаки. Он очень сознательный водитель, и был лидером класса в школе. Вы можете поговорить с любым учителем Средней Школы имени Роберта Ли и даже с директором, если она не в отпуске. Любой скажет вам то же самое.

Казалось, шериф не был впечатлен.

– Вы можете передать ему, что в будущем я буду за ним следить. Вообще-то было бы хорошей идеей забрать его в Отдел Шерифа дня на два, – сказал он, а затем телефон отключился.

Мэтт вспыхнул:

– Девушка Стефана? Ты, Мередит? Что если агент по продаже легковых автомобилей скажет, что девушка была блондинкой? Как мы собираемся решить это?

– А мы и не будем, – просто сказала Елена, стоя рядом с Мередит. – Деймон будет. Все, что нам нужно, это найти его. Я уверена, что он позаботится о шерифе Моссберге при помощи небольшого изменения памяти,... если игра стоит свеч. Не волнуйся обо мне, – мягко добавила она. – Ты хмуришься, но все будет просто прекрасно.

– Ты сама в это веришь?

– Я уверена в этом, – Елена обняла его и поцеловала в щеку.

– Я предполагаю остановить Отдел Шерифа сегодня-завтра.

– Но не в одиночку! – сказала Бонни, ее глаза искрились негодованием. – И когда Деймон пойдет с тобой, шериф Моссберг станет твоим лучшим другом.

– Хорошо, – сказала Мередит. – Что мы собираемся делать сегодня?

– Проблема в том, – повернулась Елена, дотрагиваясь указательным пальцем до своей верхней губы, – что у нас слишком много проблем. И я не хочу кого-то куда-то отправлять в одиночестве. Уже понятно, что в Старом Лесу есть малахи, и они ведут себя, я бы сказала, отнюдь не дружелюбно. Пытаются убить, например.

Мэтт грелся в теплом чувстве облегчения от того, что ему верили. Разговор с шерифом Моссбергом потряс его больше, чем он хотел показать.

– Таким образом, мы должны разделиться на группы, – сказала Мередит. – И разделить работу. Для какой проблемы нам нужен план?

Елена загнула один палец:

– Одна проблема – это Кэролайн. Я думаю, что кому-то нужно увидеть ее, или хотя бы выяснить, есть ли внутри нее что-то. Другая проблема, это Тами,... и, кто знает, кто следующий? Если Кэролайн носитель, то скорей всего, она распространяет инфекцию дальше.

– Хорошо, – сказала Мередит. – Что еще?

– Кому-то нужно связаться с Деймоном. Попытаться выяснить, знает ли он что-то об уходе Стефана и заставить его войти в нашу команду, чтобы повлиять на шерифа Моссберга.

– Хорошо, тебе бы лучше быть в последней команде, так как ты единственная, с кем Деймон станет говорить, – сказала Мередит. – И Бонни должна быть в ней, чтобы она могла...

– Нет. Не проси этого сегодня, – умоляла Бонни. – Прости Елена, но я просто не могу, без дня передышки между этим. И к тому же, если Деймон захочет поговорить с тобой, все что тебе нужно – пойти погулять... не в лес, но рядом с ним... и позвать его. Он знает все, что происходит. Он узнает, что ты там.

– Тогда я пойду с Еленой, – рассуждал Мэтт. – Так как шериф, моя проблема. И я хотел бы пойти в место, где лежало дерево...

Все три девушки запротестовали.

– Я сказал «я хотел бы», – сказал Мэтт. – Не то что бы мы должны это планировать. Это слишком опасно.

– Хорошо, – сказала Елена. – Бонни и Мередит идут навестить Кэролайн, а мы с тобой пойдем охотиться за Деймоном, верно? Я бы предпочла охотиться за Стефаном, но у нас сейчас слишком мало информации для этого.

– Хорошо, но прежде чем вы уйдете, может, зайдете к Джиму Брайсу? У Мэтта есть оправдание заходить туда в любое время. И ты сможешь проверить, прогрессирует ли это в Тами, – предложила Мередит.

– Звучит как план А, В и С, – сказала Елена, и затем они, не сговариваясь, засмеялись.

Это был ясный день с жарким солнцем над головой.

В солнечном свете, несмотря на незначительное раздражение из-за звонка шерифа Моссберга, они чувствовали себя сильными и способными свернуть горы.

Никто из них даже не предполагал, что они собирались в самый жуткий кошмар их жизни.

Бонни отступила, в то время как Мередит барабанила в парадную дверь Форбсов.

Подождав некоторое время и услышав только тишину, Мередит забарабанила снова.

На сей раз Бонни могла услышать шепот и шипение миссис Форбс, и отдаленный смех Кэролайн.

Наконец, когда Мередит уже собралась позвонить в звонок – огромная неучтивость между жителями Феллс Черч – дверь открылась. Бонни аккуратно выставила ногу, препятствуя ее несвоевременному закрытию.

– Здравствуйте, миссис Форбс. Мы просто, – Мередит заколебалась. – Мы только хотели видеть Кэролайн, если ей хоть немного лучше, – закончила она твердым голосом. Миссис Форбс смотрела на них так, как будто увидела призрака, от которого бегала всю ночь.

– Нет, нет. Ей не стало лучше. Она до сих пор... больна, – голос женщины был бесцветным и отдаленным, ее глаза безжизненно смотрели куда-то на землю через плечо Бонни. Ведьма почувствовала, что ее волосы встали дыбом.

– Хорошо, миссис Форбс, – даже голос Мередит был неправдоподобным и пустым.

Вдруг кто-то сказал:

– Вы в порядке?

И Бонни поняла, что это был ее собственный голос.

– Кэролайн... плохо. Она... не хочет никого видеть, – прошептала женщина.

Казалось, айсберг скользнул вниз по спине Бонни. Она хотела повернуться и бежать прочь от этого дома и его недоброжелательной ауры. Но тут вдруг миссис Форбс упала.

Мередит едва успела подхватить ее.

– Она упала в обморок, – кратко сказала Мередит.

Бонни хотела сказать: «Ну что ж поделать, клади ее на коврик и побежали». Но они вряд ли сделали бы это.

– Мы должны внести ее внутрь, – решительно сказала Мередит. – Сможешь сделать это, Бонни?

– Нет, – так же решительно сказала Бонни. – Но разве у нас есть выбор?

Миниатюрная миссис Форбс оказалась тяжелой. Бонни держала ее за ноги и неохотно последовала за Мередит в дом.

– Мы всего лишь положим ее на кровать, – сказала Мередит. Ее голос дрожал. Что-то в этом доме ужасно тревожило, ... что-то довлело над ними, накрывая тяжелыми волнами.

А потом Бонни увидела это. Просто проблеск, когда они вошли в гостиную. Что-то спускалось в прихожую, и это могла быть просто игра света и тени, но оно выглядело совсем как человек. Человек, ударающий как ящерица, но не по полу. По потолку.

Глава 19.

Мэтт стучал в дверь дома Брайсов, и Елена была рядом с ним. Она замаскировала себя, убрав свои волосы под кепку для игры в бейсбол команды «Рыцари Вирджинии» и надев темные очки, которые нашла в одном из ящиков Стефана. На ней была огромная бордово-синяя рубашка Пэндлтон, пожертвованная ей Мэттом, и джинсы, из которых выросла Мередит.

Дверь открылась очень медленно, но за ней были не мистер или миссис Брайс, не Джим, а Тамра. На ней было надето... В общем, почти ничего не было на ней. Только тонкая полоска вместо бикини, которая выглядела так, будто ее сделали руками из обычного бикини, ... и оно почти разваливалось на части. На груди были два круга, вырезанные из картона с приклеенными к ним блестками. На ее голове была бумажная корона, ясно объясняющая, откуда она взяла всю эту мишуру. Она так же, как и корону, пыталась склеить две части бикини. Результат выглядел так, словно ребенок пытался сделать одежду для певички из Лас-Вегаса или стриптизерши.

Мэтт тут же отвернулся и встал к ней спиной, но Тами бросилась к нему и повисла у него на спине.

– Мэтт Ханни-батт [Honey-butt – бочка меда или толстый медовый конец], – проворковала она. – Ты вернулся. Я знала, что ты вернешься. Но зачем ты притащил эту уродливую старую шлюху? Как же мы сможем...

Елена вышла вперед, потому что Мэтт уже поднял свою руку. Она была уверена, что Мэтт ни разу в жизни не ударил женщину, однако он был довольно чувствителен по отношению к некоторым темам. Особенно если они касаются Елены.

Гилберт удалось встать между Мэттом и удивительно сильной Тамрой. Она прятала улыбку, рассматривая одежду девочки. В конце концов, только несколько дней назад она сама вообще не понимала табу на человеческую наготу. Теперь поняла, но это уже не казалось таким важным, как раньше. Люди были рождены в самой лучшей одежде – коже. Нет никаких причин носить фальшивую кожу, если только не становится холодно или некомфортно без нее. Но это она так думала. Общество же утверждало, что быть голым – значит быть безнравственным. И Тами пыталась быть безнравственной несколько ребяческим способом.

– Убери от меня руки, старая шлюха, – зарычала Тами, поскольку Елена держала ее, мешая подойти к Мэтту, а потом Тами покрыла ее трехэтажным матом.

– Тами, где твои родители? Где твой брат? – спросила Елена. Она проигнорировала обидные слова, ... они были всего лишь звуками, ... но она видела, как у Мэтта побелели губы.

– Ты извинишься перед Еленой прямо сейчас! Извинишься за то, что так разговариваешь! – потребовал он.

– Елена, зловонный труп с червями, копошащимися в ее глазницах, – пропела Тамра. – Но мой друг сказал, что при жизни она была шлюхой. Действительно, – тут последовал поток непристойностей, который заставил Мэтта задохнуться. – дешевой шлюхой. Понимаешь. Ничто не может быть более дешевым чем то, что отдается бесплатно.

– Мэтт, не обращай внимания, – спокойно сказала Елена и повторила. – Где твои

родители?

Ответ смешался с потоком ругательств, но это была история,... правдивая или нет,... что мистер и миссис Брайс уехали в отпуск на несколько дней, а Джим сейчас со своей девушкой, Изабелл.

– Хорошо, думаю, я должна помочь тебе переодеться в нормальную одежду, – сказала Елена. – Сначала ты примешь душ и смоешь всю эту рождественскую мишуру.

– Только попробуй, ха-ха! Только попробуй, ха-ха! – ответ был чем-то средним между ржанием лошади и человеческой речью. – Я приклеила все это к себе клеем-моментом, – добавила Тами и начала хихикать на высокой и истеричной ноте.

– О господи... Тамра, ты понимаешь, что если в доме не будет какого-нибудь растворителя, тебя отвезут в больницу?

Ответ Тамры был грязным. И внезапно появился неприятный запах. «Нет, не запах», – думала Елена. – «А удушливое, заставляющее желудок сделать сальто, зловоние».

– Упс, – Тамра снова истерично захихикала. – Pardon mio [прошу меня извинить]. В конце концов, это натуральный газ.

Мэтт прокашлялся: – Елена... я не думаю, что мы должны оставаться здесь. Ее выходки и все...

– Они боятся меня, – захихикала Тамра, – правда? – сказала она внезапно более низким голосом.

Елена посмотрела Тамре в глаза: – Нет. Мне просто жаль маленькую девочку, оказавшуюся не в том месте и не в то время. Но, думаю, Мэтт прав. Мы должны идти.

Манера разговора Тами тут же изменилась: – Простите... Я не понимала, что у меня такие гости. Мэтт, пожалуйста, не уходи.

Потом она шепотом сказала Елене: – Он в порядке?

– Что?

Тами кивнула на Мэтта, который тут же повернулся к ней спиной. Он выглядел так, как будто чувствовал ужасное, отталкивающее разочарование от смехотворного поведения Тами.

– Он. С ним все хорошо?

– Мэтт, посмотри на это, – Елена держала маленький тюбик клея. – Я думаю, она приклеила клеем всю эту мишуру к себе. Мы должны позвонить в Службу Защиты Детей или куда-нибудь еще, потому что никто не может сейчас отвести ее в госпиталь. Знали об этом ее родители или нет, они не должны были оставлять ее одну.

– Я просто надеюсь, что они в порядке. Ее семья, – мрачно сказал Мэтт, выходя из дома вместе с Тами, холодно провожающей их до машины и говорившей о том, «как хорошо провели время», «все они».

Елена тревожно смотрела на него с пассажирского места... без удостоверения личности и водительских прав, она, понятное дело, не могла водить: – Может нам лучше отвезти ее в полицию? Ох, несчастная семья.

Мэтт долгое время ничего не говорил. Его подбородок был твердым, а рот мрачно сжат: – Я чувствую, что я ответственен за это. В смысле, я знал, что с ней что-то не так,... и я должен был сказать об этом ее родителям.

– Ты говоришь как Стефан. Ты не несешь ответственность за каждого встречного.

Мэтт благодарно на нее взглянул и Елена продолжила: – Вообще-то я собираюсь попросить Бонни и Мерedit сделать одну вещь, которая докажет, что ты не ответственен. Я собираюсь попросить их проверить Изабелл Сэтао, девушку Джима. Ты никогда с ней не встречался, но Тами,... возможно.

– Ты думаешь, что она тоже заражена?

– Я надеюсь, что Бонни и Мерedit выяснят это.

Бонни остановилась, как вкопанная, почти выпуская ноги миссис Форбс из своих рук:

– Я не пойду в эту спальню.

– Ты должна. Я не могу тащить ее одна, – сказала Мерedit и вкрадчиво добавила. –

Слушай, Бонни, если ты пойдешь со мной, я расскажу тебе одну тайну.

Бонни кусала губы. Потом она закрыла глаза и позволила Мередит вести ее, шаг за шагом, в этот дом ужасов. Она знала, где находилась спальня родителей Кэролайн – ведь в детстве она часто играла в этом доме. Прямо по коридору и направо.

Она была удивлена, когда Мередит остановилась, сделав всего несколько шагов.

– Бонни.

– Что?

– Я не пытаюсь напугать тебя, но...

Это как раз и испугало Бонни. Ее глаза тут же расширились: – Что? Что?

Прежде, чем Мередит успела ответить, она обернулась назад и увидела это. Кэролайн была сзади нее. Но она не стояла. Она ползала,... нет, она удирала, так же как она это делала на полу дома Стефана. Как ящерица. Ее бронзовые волосы были запутаны и спадали на ее лицо. Ее локти и колени торчали под немыслимым углом.

Бонни закричала, но давление дома, казалось, выжало весь воздух из ее легких. Единственный эффект, который возымел ее крик – Кэролайн посмотрела на нее, быстрым движением повернув свою, подобную рептилии, голову.

– О Господи... Кэролайн, что случилось с твоим лицом?

Один ее глаз был черным. Или, вернее, багрянисто-красным, и таким раздувшимся, что Бонни знала, он скоро станет черным. На ее челюсти был еще один опухший кровоподтек.

Кэролайн не ответила, если не считать ответом шипение, которое она издала, удирая.

– Мередит, бежим! Она сзади меня!

Мередит ускорила шаг, и выглядела она испуганной, что еще больше пугало Бонни, потому что ничто не могло так потрясти ее подругу. Но как только они двинулись вперед с миссис Форбс, шатающейся между ними, Кэролайн проскользнула прямо под матерью в спальню своих родителей.

– Мередит, я не пойду в...- но они уже входили туда. Бонни бросала стремительные взгляды в каждый угол. Кэролайн нигде не было видно.

– Может она в шкафу, – сказала Мередит. – Так, дай мне пойти первой и положить ее голову на кровать. Мы сможем уместить ее позже.

Она обошла вокруг кровати, почти волоча Бонни за собой, и свалила туловище миссис Форбс на кровать так, чтобы оно лежало на подушках.

– Тебе осталось только положить ее ноги.

– Я не могу этого сделать! Кэролайн под кроватью, и ты это знаешь.

– Она не может быть под кроватью. Только если уменьшится до пяти дюймов, – твердо сказала Мередит.

– Она там! Я знаю. И...- добавила она отчаянно. – Ты обещала рассказать мне тайну.

– Хорошо, – Мередит в замешательстве посмотрела на Бонни. – Я вчера телеграфировала Алариху. Он забрался в такую глушь, что телеграф единственный способ общаться с ним, и может пройти много дней, прежде чем мое сообщение доберется до него. Я подумала, что нам может понадобиться его совет. Я чувствую себя неудобно, потому что прошу его о вещах, не относящихся к докторантуре, но...

– Кому какое дело до докторантуры? Господь благословил тебя на это! – радостно закричала Бонни. – Ты все сделала правильно!

– Тогда хватит ныть и закинь ноги миссис Форбс на кровать. Ты сможешь сделать это, если наклонишься.

Кровать была очень большой. Миссис Форбс лежала под углом, пересекая ее, как кукла, брошенная на пол.

– Кэролайн собирается схватить меня.

– Нет. Давай, Бонни. Возьми ноги миссис Форбс, размахнись и...

– Если я подойду слишком близко к кровати, она схватит меня!

– С чего это вдруг?

– Потому что она знает, что может напугать меня! И теперь, когда я сказала это вслух,

она точно это сделает.

– Если она схватит тебя, я пну ее в лицо.

– Твоя нога не такая уж и длинная. Ты попадешь в металлическую штуку у основания кровати.

– Ох, ради Бога, Бонни! Всего лишь помоги мнеeeeeeeeeee! – последнее слово было уже криком.

– Мередит, – начала Бонни, а потом тоже закричала. – Что такое?

– Она схватила меня!

– Нет! Она уже схватила меня! Ни у кого не может быть рук такой длины!

– Или такой силы! Бонни! Я не могу заставить ее отпустить меня!

– Как и я!

А потом все слова утонули в крике.

После передачи Тами полиции, Мэтт вез Елену между лесов, которые также известны как государственный парк Фелла и это было,... скажем, прогулкой в парке. Они часто останавливались. Елена делала несколько шагов в сторону деревьев и звала – так же как любой нормальный человек.

А потом она возвращалась к Ягуару, с обескураженным видом.

– Я не уверена, что было бы так уж плохо, если бы Бонни была здесь, – сказала она Мэтту. -

Если мы можем подготовить себя, к ночным вылазкам.

Мэтт дрожал: – Двух ночей было достаточно.

– Знаешь, ты никогда не рассказывал мне. Что случилось с тобой первой ночью. Или рассказывал, но тогда я еще не могла понять ни слова.

– Ну, я ехал так же как сейчас, только с другой стороны Старого Леса – рядом с районом Расколотого Молнией Дуба...

– Точно.

– ...когда что-то появилось прямо посреди дороги.

– Лиса?

– Ну, оно было красновато-коричневым в свете фар, но оно не походило ни на одну лису, которую я когда-либо видел. А я ездил по дорогам с тех пор как мог водить.

– Волк?

– Ты имеешь в виду, как оборотень? Но нет,... я видел волков в лунном свете и они больше. А этот был средний.

– Другими словами, – сказала Елена, сужая глаза, – тварь «индивидуального пошива».

– Возможно. Я уверен, она отличалась от малаха, который загрыз мою руку.

Елена кивнула. Как она понимала, малахи могли принимать различные формы. Но в одном они были постоянны: они использовали Силу и поглощали ее, чтобы жить. И их могла подчинить себе более мощная Сила.

И они были злыми врагами людей.

– Все, что мы знаем, это то, что мы ничего не знаем.

– Точно. Мы вернулись в то место, где мы видели это. Оно вдруг появилось в середине... Эй!

– Поворачивай вправо! Сюда!

– Прямо как в тот раз! Это прямо как в тот раз!

Ягуар визжал шинами, почти останавливаясь, поворачивая вправо от канавы на маленькую тропинку, которую они бы не заметили, если бы случайно не наткнулись.

Когда машина остановилась, друзья, тяжело дыша, смерили взглядом тропинку. Ни один из них не спрашивал, видел ли другой красноватое существо, мелькнувшее на дороге, больше чем лиса, но меньше, чем волк.

Они смотрели на узкую тропинку.

– Вопрос на миллион долларов: должны ли мы туда соваться? – спросил Мэтт.

– Не вижу никаких знаков, типа «НЕ ВХОДИТЬ» и едва ли в этой части леса есть какие-нибудь здания. Но через дорогу, если немного пройти, находится дом Дунстанов.

– Так мы идем?

– Да. Только иди медленно. Сейчас позже, чем я думала.

Мерedit, как всегда, успокоилась первой.

– Хорошо, Бонни. – сказала она. – Прекрати это! Сейчас же! Это тебе не поможет!

Бонни и не думала, что ей это поможет. Но жесткий взгляд темных глаз Мерedit означал, что она говорит серьезно. Такой же взгляд, был у нее, когда Кэролайн уползала вон по полу в комнате Стефана.

Бонни сделала над собой огромное усилие и почувствовала, что она в состоянии удержаться от еще одного вопля. Она молча посмотрела на Мерedit, чувствуя, что все ее тело дрожит.

– Хорошо. Хорошо, Бонни. Сейчас, – сглотнула Мерedit. – От выдергивания не будет проку.

Я собираюсь... расцепить ее пальцы. Если что-то случится со мной; если меня... затанят под кровать, или что-то в этом роде, тогда беги, Бонни. А если не побежишь, свяжись с Еленой и Мэттом. Зови, пока не получишь ответа.

Бонни сумела сделать нечто героическое. Она отказалась представлять себе, как Мерedit затанят под кровать. Она отказалась воображать, как будет выглядеть Мерedit, сопротивляющаяся изо всех сил, и исчезающая под кроватью. Или как она будет себя чувствовать в полном одиночестве после того, как это произойдет. Они обе оставили свои сумочки и мобильные телефоны на площадке, чтобы удобнее было нести миссис Форбс. Значит, Мерedit не имела в виду мобильную «связь». Она имела в виду Связаться с ними.

Внезапно в Бонни вспыхнул взрыв негодования. Почему девушки носят сумочки? Даже надежная Мерedit часто носила ее. Конечно, сумочки Мерedit были авторскими, в которых было понатыкано все ее оборудование, например маленький ноутбук, брелок для ключей... но все же, парень бы носил мобильник в кармане.

«С этого времени я ношу мешочек на талии», – подумала Бонни, чувствуя, что она подняла флаг девочек-мятежниц, и на секунду ощутила, что паника отступила. Потом в тусклом свете она увидела, что сутулая фигура Мерedit наклоняется, и в то же время она почувствовала, что ее собственную лодыжку сжали сильнее. Превозмогая себя, она посмотрела вниз и увидела загорелые пальцы Кэролайн и длинные бронзовые ногти, выделяющиеся на фоне белого коврика.

Паника, в полную силу, вспыхнула в ней снова. Она издала какой-то странный звук, который был сиплым криком и, к ее собственному удивлению, она вошла в транс и стала Звать.

Ее удивило не то, что она начала Звать. А то, что именно она произносила.

«Деймон! Деймон! Мы попали в ловушку в доме Кэролайн, и она сошла с ума! Помоги!»

Эти слова вырвались из нее внезапно, как будто раскрылся гейзер.

«Деймон, она держит меня за лодыжку и не хочет отпускать! Если она затахнет Мерedit под кровать, я даже не знаю, что буду делать! Помоги мне!»

Может потому, что транс был хороший и глубокий, она услышала, как Мерedit сказала:

– Ах-ах! Это ощущается как пальцы, но вообще-то это щупальца. Это должно быть, одно из тех щупалец, о которых говорил Мэтт. Я... попытаюсь... разорвать одну из петель...

Внезапно из-под кровати послышался шелест, со всех ее сторон. От ужасного движения и тряски, матрас подскочил вверх, даже с бедной маленькой миссис Форбс на нем.

Должно быть, там множество насекомых.

«Деймон! Тут... эти существа. Их много... О, Боже, я думаю, что сейчас упаду в обморок! А если я упаду... и если Кэролайн затахтит меня под кровать... Ох, пожалуйста,

приди и помоги!»

– Черт, – сказала Мередит. – Я не знаю, как Мэтт сумел сделать это. Они держат слишком крепко, и... и я думаю, что там больше одного шупальца.

«Все кончено», – тихо заключила Бонни, чувствуя, что она готова встать на колени. – «Мы сейчас умрем».

– Несомненно, это весьма серьезная проблема для людей. Однако не сейчас, – прозвучал голос у нее за спиной, и сильная рука обняла Бонни, легко поднимая ее вверх. – Кэролайн, вечеринка окончена. Я серьезно. Отпусти!

– Деймон? – задыхалась Бонни. – Деймон? Ты пришел!

– Твои стенания действовали мне на нервы. Это не значит, что...

Но Бонни не слушала. Она даже не думала. Она еще была наполовину в трансе и не несла ответственность за свои действия (как она потом решила). Она не была собой. Это был кто-то другой, кто пришел в восторг, когда хватка лодыжки ослабилась, кто-то другой повернулся в хватке Деймона к нему лицом, обнял за шею и поцеловал в губы... Да что там, – в рот.

Это тоже был кто-то другой, кто почувствовал, как Деймон вздрогнул от неожиданности, а его руки все еще обнимали ее. И кто заметил, что он не пытался оторваться от поцелуя. Этот человек также заметил, что когда, наконец-то она откинулась назад, кожа Деймона в тусклом свете выглядела почти так, как, если бы он зарделся.

В это время Мередит медленно и мучительно выпрямилась с другой стороны кровати, которая до сих пор тряслась вверх-вниз. Она не видела их поцелуя и смотрела на Деймона так, словно не верила что он правда здесь.

Ей было очень неудобно, и Бонни знала это. Это была одна из тех ситуаций, где кто-нибудь обязательно будет слишком нервничать для того, чтобы говорить, и поэтому запинаться.

Но Мередит просто глубоко вздохнула и спокойно сказала: – Деймон. Спасибо. Ты думаешь... будет большой проблемой заставить малаха отпустить меня также как Бонни?

Теперь Деймон был больше похож на себя. Он очаровательно улыбнулся чему-то, чего никто не видел и резко сказал: – То, что осталось от тебя там – пошло прочь!

Он шелкнул пальцами.

Кровать немедленно прекратила двигаться.

Мередит отошла подальше и на мгновение с облегчением закрыла глаза.

– Еще раз спасибо, – с достоинством принцессы произнесла она, хоть и пылко. – А сейчас, не сделаешь ли ты что-нибудь с Кэро...

– Сейчас, – перебил Деймон даже грубее, чем обычно, – я должен бежать.

Он посмотрел на Ролекс на своем запястье. – 4:44 миновали и у меня назначена встреча, на которую я уже опоздал. Пройдись и поддержи эту с кружащимися звездами. Она пока не готова стоять самостоятельно.

Мередит поспешила поменяться с ним местами. В этот момент Бонни обнаружила, что ее ноги больше не подкашиваются.

– Ой, подожди минуту, – быстро сказала Мередит. – Елене отчаянно нужно поговорить с тобой...

Но Деймон исчез, точно Гудини, даже не дожидаясь благодарности Бонни. Мередит была удивлена, она была уверена, что имя Елены остановит его, но у Бонни на уме было другое.

– Мередит, – прошептала Бонни, в изумлении дотрагиваясь двумя пальцами до своих губ. – Я поцеловала его!

– Что? Когда?

– До того, как ты встала. Я...не знаю, как это случилось, но я поцеловала его!

Она ожидала взрыва от Мередит. Вместо этого Мередит глубокомысленно на нее посмотрела и пробормотала: – Ну, возможно, это не так уж и плохо, после всего того, что он сделал. Вот только я не понимаю, что он здесь забыл.

– Ох. Это тоже из-за меня. Я Позвала его. Я не знаю, как это произошло...

– Ладно, нет никакого смысла пытаться выяснить это здесь, – Мередит повернулась к кровати. – Кэролайн, ты еще здесь? Ты собираешься встать и нормально поговорить?

Послышалось угрожающее шипение рептилии из-под кровати наряду с выбросом щупалец и другого шума, который Бонни никогда прежде не слышала, похожий на щелканье гигантский щипцов.

– Этот ответ меня устраивает, – сказала Бонни и схватила Мередит, чтобы вытащить ее из комнаты.

Мередит в этом не нуждалась. Но в первый раз за сегодня они услышали ядовитый голос Кэролайн, по-детски высокий:

«Бонни и Деймон сидят на дереве и
ЦЕ-ЛУ-ЮТ-СЯ.

Сначала приходит любовь, а потом свадьба,

А потом появляется вампиренок в детской коляске».

Мередит остановилась у выхода: – Кэролайн, знаешь, это не поможет нашим делам. Выходим...

Кровать пришла в безумие, брыкаясь и подсакивая вверх.

Бонни повернулась и побежала, зная, что Мередит прямо позади нее. Но до них все же долетели монотонные слова: – Вы не мои друзья, вы друзья шлюхи. Только подождите! Только подождите!

Бонни и Мередит взяли свои сумочки и покинули дом.

– Сколько времени? – спросила Бонни, когда они были в безопасности и сидели в машине Мередит.

– Почти пять.

– А кажется, что гораздо больше!

– Я знаю, но у нас еще осталось много часов солнечного света. И кстати, у меня есть смс от Елены.

– О Тами?

– Я расскажу тебе. Но сначала... – это был один из тех редких моментов, в которых Мередит чувствовала себя неловко. Наконец она выпалила. – Как это было?

– Как было что?

– Целоваться с Деймоном, ты, балда!

Глава 20

– Оохх, – Бонни откинулась назад на удобное сиденье. – Это было... неопишимо! Бах! Бац! Как... фейерверки.

– Ты ухмыляешься.

– Нет, – с достоинством сказала Бонни. – Я улыбаюсь, вспоминая это. Кроме того...

– Кроме того, если бы ты не позвала его, мы бы все еще находились в той ужасной комнате. Спасибо, Бонни. Ты спасла нас, – вдруг Мередит стала серьезной и искренней.

– Я думаю, Елена была права, когда сказала, что он не ненавидит людей, – медленно сказала Бонни. – Но, знаешь, меня только что осенило. Я совсем не видела его ауру. Все, что я видела, было черным: гладкий, абсолютно черный цвет окружал его, словно раковина.

– Возможно, он так себя защищает. Он создает раковину, и никто не может увидеть, что находится внутри.

– Возможно, – сказала Бонни с ноткой беспокойства в голосе. – Так что насчет смс от Елены?

– Она говорит, что Тами определенно себя странно вела, и что они с Мэттом отправляются проверить Старый Лес.

– Может тем, кого они встретят там, будет Деймон. В 4:44, как он сказал. Плохо, что мы не можем позвонить ей.

– Я знаю, – мрачно сказала Мередит. Все в Феллс Черч знали, что теплого приема от Старого Леса и его окрестностей ждать не приходится. – Но мы все равно попробуем.

Бонни попробовала, но услышала только: «аппарат вызываемого абонента выключен, или находится вне зоны действия сети». Она покачала головой:

– Это плохо. Они уже в лесу.

– Ну, Елена хочет, чтобы мы пошли и взглянули на Изабелл Сэтао – потому что она девушка Джима Брайса, – сказала Мередит. – Это напомнило мне вот что: Бонни, ты видела ауру Кэролайн? Ты думаешь, у нее внутри был кто-нибудь?

– Думаю да. Я видела ее ауру – что за дрянь! – я не хочу больше видеть ничего подобного. Она у нее обычно глубокого, бронзово-зеленого цвета, но сейчас она грязно-коричневая, с черными зигзагами на ней. Я не знаю, означает ли это то, что внутри нее кто-то есть, но она точно не захотела бы притрагиваться к этому! – задрожала Бонни.

– Хорошо, – сказала Мередит, пытаясь успокоить ее. – Я знаю, что сказала бы, если бы мне пришлось сделать предположение... но если ты собираешься вырвать, я остановлюсь.

Бонни сглотнула: – Я в порядке. Но мы что, серьезно едем домой к Изабелл?

– Мы очень серьезно едем туда. Фактически, мы почти уже там. Давай только приведем себя в порядок, расчешем волосы и сделаем несколько глубоких вдохов,... и мы будем готовы. Как хорошо ты ее знаешь?

– Ну... она умная. У нас не было с ней общих уроков. Но мы перестали заниматься легкой атлетикой в одно и то же время – у нее проблемы с сердцем, или что-то вроде этого, а у меня ужасная астма...

– Астма из-за любого упражнения, кроме танцев, на которых ты могла проторчать всю ночь, – сухо сказала Мередит. – Я ее совсем не знаю. Как она выглядит?

– Ну, мило. Немного похожа на тебя, не считая азиатскую внешность. Ниже чем ты, примерно с Елену ростом, но более тощая. Просто одна из хорошеньких девчонок. Немного застенчивая – тихий тип, знаешь ли. Одна из тех, кого трудно близко узнать. И... милая.

– Застенчивая, тихая, и милая – просто музыка для моих ушей.

– Для моих тоже, – сказала Бонни, зажимая свои вспотевшие руки между коленями.

«Что было бы действительно музыкой, – подумала она. – Так это то, что ее нет дома».

Вот только прямо у дома Сэтао было припарковано несколько автомобилей. Бонни и Мередит нерешительно постучали в дверь, невольно вспоминая, что случилось в последний раз.

Дверь открыл Джим Брайс, высокий, долговязый парень, еще не сформировавшийся и немного сутулый. Бонни удивилась тому, как изменилось его лицо, когда он узнал Мередит.

Когда он открыл дверь, то выглядел ужасно; его лицо было как стена белым под загаром, его тело было как-то сморщено. Но когда он увидел Мередит, цвет вернулся к его щекам и он как будто... разгладился, как листок бумаги и стал выше.

Мередит не сказала ни слова. Она только вышла вперед и обняла его. Он прижал ее к себе так, словно боялся, что она убежит, и спрятал лицо в ее темных волосах.

– Мередит.

– Дыши, Джим. Дыши.

– Ты не знаешь, каково это было. Мои родители уехали, потому что мой дедушка болен – я думаю, он умирает. А потом Тами... Тами...

– Рассказывай медленно. И дыши.

– Она кидала ножи, Мередит. Ножи мясника. Она попала мне в ногу, здесь, – Джим показал место на джинсах, где виднелся маленький разрез ткани, чуть ниже бедра.

– Ты делал прививку от столбняка? – спросила Мередит.

– Нет, но это просто небольшой порез. В основном, прокол.

– Это-то как раз и опасно. Тебе нужно позвонить доктору Альперт прямо сейчас, – имя пожилой доктора Альперт стало нарицательным в Феллс Черч: доктор, который принимал больных на дому в стране, где носить черную сумку и стетоскоп было неслыханным поведением.

– Я не могу. Я не могу оставить... – Джим кивнул головой в сторону дома, будто не мог заставить себя произнести имя.

Бонни потянула Мередит за рукав. – У меня плохое предчувствие, – прошипела она.

Мередит повернулась к Джиму: – Ты имеешь в виду Изабелл? Где ее родители?

– Иса-чан, то есть Изабелл. Я просто называю ее Иса-чан, знаешь...

– Все нормально, – сказала Мередит. – Называй как тебе удобней. Продолжай.

– Ну, у Иса-чан есть только бабушка. И бабушка Сэтао нечасто спускается вниз. Я недавно приготовил ей обед, и она подумала, что я... отец Изабелл. Она немного... того.

Мередит посмотрела на Бонни и сказала: – А Изабелл? У нее тоже помутилось сознание?

Джим закрыл глаза, имея совершенно несчастный вид. – Я хочу, чтобы вы вошли, и, ну, просто поговорили с ней.

Плохое предчувствие Бонни только ухудшилось. Она и правда не выдержала бы еще одну панику, как в доме Кэролайн,... и у нее уже не осталось Сил, чтобы Позвать снова, даже если Деймон никуда больше не спешит.

Но Мередит знала об этом, и бросила на Бонни взгляд, не терпящий возражений. Этот взгляд также говорил, что Мередит защитит Бонни, во что бы то ни стало.

– Изабелл? Она навредила кому-нибудь? – Бонни услышала свой голос, спрашивающий Джима, в то время как они пересекли кухню и направились в спальню, находящуюся в конце коридора.

Она еле расслышала, как Джим прошептал: – Да.

Бонни простонала про себя, и в это время он добавил: – Самой себе.

Комната Изабелл была такой, какую можно ожидать от тихой и прилежной девочки. По крайней мере, с одной стороны. Другая сторона выглядела так, словно в комнате возник ураган, поднял все в воздух и беспорядочно разбросал. Изабелл сидела в середине этого беспорядка, как паук в центре паутины.

Но не это заставило желудок Бонни сделать сальто. А то, что делала Изабелл. Рядом с ней лежали инструменты, похожие на набор миссис Флауэрс для обработки ран, вот только девушка ничего не лечила.

Она протыкала себе кожу.

Она уже много раз проткнула себе губы, нос, одну бровь и уши. Из этих мест капала кровь на не застланные белые простыни кровати. Бонни видела, что Изабелл посмотрев на них, сдвинула брови только наполовину. Исколотая бровь вообще не двигалась.

Ее аура была раздробленной оранжевой и запятнанной черным.

Бонни знала, что ее сейчас вырвет. Она подсознательно знала это, и ей было плевать на все приличные манеры. Она бросилась к корзине для бумаг.

«Слава богу, здесь есть белый полиэтиленовый пакет», – подумала она, и у нее появилось занятие на несколько минут.

Ее уши слышали голоса в комнате, пока она думала, как хорошо, что сегодня ничем не обедала.

– Боже, ты, что сума сошла? Изабелл, что ты с собой сделала? Разве ты не знаешь, какую инфекцию можешь занести, сколько вен можешь пробить, сколько нервов ты можешь парализовать...? Я думаю, ты уже парализовала нерв твоей брови,... и кровь уже остановилась бы, а раз она идет, это значит, что ты поразила вену или артерию.

Бонни сухо рвало в корзину для бумаг, и она отплевывалась.

И тогда она услышала глухой острый удар в мясо.

Она оглянулась, уже догадываясь, что увидит. Но все же это был шок. Мередит оттолкнули, должно быть, ударом в живот.

Следующее что осознала Бонни, то, что она очутилась рядом с Мередит.

– О Боже, она ударила тебя ножом? Рана... достаточно глубокая...

Мередит все не могла перевести дыхание. Советы о том, что нужно делать всплыли в голове у ведьмы, возможно, это были советы ее сестры Мэри.

Бонни ударила обоими кулаками по спине Мередит и та вдруг глубоко вдохнула.

– Спасибо, – слабо сказала она, но Бонни уже оттаскивала ее подальше. Подальше от смеющейся Изабелл, ее набора самых длинных в мире гвоздей, спирта для растирания мышц, и других вещей, которые были на подносе.

Бонни добралась до двери и почти столкнулась с Джимми, который держал в руке мокрую тряпку.

«Для меня», – предположила она. – «Или для Изабелл».

Но все, что интересовало Бонни – поднять верхнюю одежду Мередит, чтобы удостовериться, что у нее нет никаких ран.

– Я вырвала это... из ее руки... прежде, чем она ударила меня, – сказала Мередит, все еще с трудом дыша, в то время как Бонни с тревогой осматривала область над ее джинсами. – У меня всего лишь ушиб.

– Она тебя тоже ударила? – с тревогой спросил Джим. Точнее, прошептал.

«Бедный парень», – подумала Бонни, наконец-то удостоверившись, что Мередит не ранена.

«Что-то с Кэролайн и твоей сестрой Тами, и твоей девушкой, а у тебя нет никаких предположений или мыслей насчет того, что происходит. Как ты можешь?»

«А если мы расскажем тебе, ты просто сочтешь нас еще более сумасшедшими».

– Джимми, ты должен позвонить доктору Альперт прямо сейчас, а потом, я думаю, их нужно отвезти в госпиталь в Ричмонде. Изабелл уже навредила себе – Бог знает сколько раз. Все эти проколы будут заражены. Когда она начала делать это?

– Эээ... ну... Она начала странно себя вести после того, как Кэролайн пришла увидеться с ней.

– Кэролайн! – выпалила Бонни, запутанная. – Она ползала?

Джим посмотрел на нее: – А?

– Не обращай внимания, она пошутила, – просто сказала Мередит. – Джимми, ты не должен рассказывать нам о Кэролайн, если не хочешь. Мы, в общем-то, знаем, что она была в твоём доме.

– Это что, все знают? – печально спросил Джим.

– Нет. Только Мэтт, и он просто сказал, что кто-то должен пойти и посмотреть как там твоя маленькая сестренка.

Джим выглядел и виноватым и пораженным сразу. Слова полились из него, точно раньше они были закупорены в бутылке, но теперь пробка вылетела.

– Я не знаю, что происходит. Все что я могу – просто рассказать, что случилось. Это было несколько дней назад,... поздним вечером, – сказал Джим. – Кэролайн пришла, и... Я имею в виду, я никогда не был влюблен в нее. Она, конечно, очень привлекательна и моих родителей не было дома, но я никогда не думал, что я тот тип парней...

– Сейчас это неважно. Просто расскажи о Кэролайн и Изабелл.

– Ну, Кэролайн пришла, одетая в... ну, в общем, верх был практически прозрачен. И она просто, она спросила, не хочу ли я потанцевать, и это было словно медленный танец и она... она как будто обольщала меня. Вот правда. На следующее утро она ушла,... прямо перед приходом Мэтта. Это было позавчера. А потом я заметил, что Тами начала себя вести... как сумасшедшая. Я ничего не могу сделать, чтобы остановить ее. Потом мне позвонила Изабелл. Я никогда не слышал такой истерики в ее голосе. Кэролайн, наверно, от моего дома направилась прямо к ее дому. Иса-чан сказала, что собирается себя убить. И я примчался сюда. Я должен был убежать от Тами, потому что мое присутствие в доме все только осложняло.

Бонни посмотрела на Мередит и поняла, что они думают об одном и том же: и Кэролайн и Тами предложили себя Мэтту.

– Кэролайн, должно быть, все ей рассказала, – сглотнул Джим. – Иса-чан и я еще не... мы ждали, понимаешь? Но все, что Иса-чан сказала мне, это то, что я буду жалеть. «Ты пожалеешь, просто подожди и увидишь». И, Господи, я жалею.

– Ну, теперь ты можешь перестать жалеть и начать звонить доктору. Прямо сейчас, Джимми, – Мередит подтолкнула его сзади. – И потом ты должен будешь позвонить своим родителям. И не смотри на меня большими карими глазами щенка. Тебе больше восемнадцати; и я не знаю, что они сделают с тобой за то, что ты оставил Тами в одиночестве на все это время.

– Но...

– Никаких «но». Я серьезно, Джимми.

Затем она сделала то, чего так боялась Бонни, но знала, что та сделает. Она снова приблизилась к Иса-чан. Голова Изабелл была наклонена; она зажимала свой пупок одной рукой. В другой она держала длинный, сверкающий гвоздь. Прежде, чем Мередит заговорила, Изабелл сказала: – Значит, ты тоже. Я слышала, каким тоном ты произносила «Джимми». Ты пытаешься отнять его у меня. Все вы суки, пытаетесь сделать мне больно. Yurusenai! Zettai yurusenai! (Не прощу! Вам абсолютный конец!)

– Изабелл! Хватит! Разве ты не видишь, что делаешь себе больно?

– Я делаю себе больно, чтобы убрать душевную боль. Ты одна из тех, кто действительно причиняет мне боль, ты это знаешь. Ты колешь меня иглами изнутри.

У Бонни внутри все прыгало, но не потому, что Изабелл вдруг воткнула гвоздь. Она чувствовала, как жар приливает к ее щекам. Ее сердце начало биться быстрее, чем билось до этого.

Пытаясь уследить за Мередит, она достала свой мобильник из кармана, который теперь всегда держала там после посещения дома Кэролайн.

Все еще уделяя половину своего внимания подруге, она вышла в Интернет и набрала в поисковике только два слова, и, когда она увидела количество выплывших ссылок, поняла, что не сможет просмотреть всю информацию даже за неделю, не то что за две минуты. Но, по крайней мере, у нее было с чего начать.

В этот момент Мередит отошла от Изабелл и прошептала на ухо Бонни:

– Я думаю, мы просто зря боремся с ней. Ты внимательно осмотрела ее ауру?

Бонни кивнула.

– Возможно, мы просто должны покинуть эту комнату.

Бонни снова кивнула.

– Ты пытаешься позвонить Мэтту и Елене? – Мередит посмотрела на мобильный.

Бонни покачала головой и повернула телефон экраном к Мередит, чтобы та разглядела два набранных слова. Мередит прочла, и взглянула своими темными глазами на Бонни, словно только что с ужасом осознала все это.

«Салемские ведьмы».

Глава 21

– Это придает всему происходящему ужасающий смысл, – сказала Мередит. Они все еще были в гостиной дома Изабелл, где ждали доктора Альперт. Мередит сидела за красивым столом из черного дерева, с золотой отделкой, и искала в интернете какое-либо объяснение настигнувшему их озарению.

– Салемские девушки обвиняли людей в том, что те причиняли им вред – ведьмы, понятное дело. Они говорили, что те их щипали и кололи булавами.

– Как Изабелл, обвиняет нас, – сказала Бонни, кивая.

– И из-за этого они могли изменяться и придавать своим телам «невозможные положения».

– Кэролайн изменялась в комнате Стефана, – сказала Бонни. – И если это ползание, подобно ящерице, не искажение тела, то и у меня должно получиться так же. – Она опустилась на пол и попыталась развернуть свои локти и колени так, как это делала Кэролайн. Но у нее не получалось.

– Видишь?

– О, Господи! – Джим стоял в дверном проеме кухни, держа уже почти выскальзывающий из его рук поднос с едой. Запах острого супа мисо разносился по комнате, но Бонни не была уверена, что ей когда-нибудь еще захочется есть.

– Все нормально, – торопливо вставая, сказала она. – Я просто... хотела попытаться кое-что сделать.

Мерedit также встала, – Это для Изабелл?

– Нет, это для Обаасан, я имею в виду, бабушки Иса-чан... Бабушки Сэтао...

– Я тебе уже говорила, называй всех так как тебе привычной. Обаасан нормально, точно так же, как и Иса-чан, – мягко, и одновременно твердо сказала ему Мерedit.

Джим как будто расслабился, – Я пытался заставить Иса-чан есть, но она только бросает подносы в стену. Говорит, что не может есть, что кто-то душит ее.

Мерedit многозначительно посмотрела на Бонни. Затем вновь обернулась к Джиму,

– Почему бы тебе не позволить мне взять это? Ты уже прошел через многое. Где она?

– Наверху, вторая дверь слева. Если... Если она будет говорить что-нибудь нереальное, просто не обращай внимания.

– Хорошо. Останься с Бонни.

– О, нет, – торопливо пробормотала та. – Бонни идет с тобой, – она не знала, делает она это для собственной безопасности, или пытается защитить Мерedit, но накрепко вцепилась в подругу.

Наверху Мерedit локтем аккуратно включила свет. Затем они нашли вторую дверь слева, за которой находилась пожилая леди напоминающая куклу. Она находилась в самом центре комнаты, лежа точно по центру хлопчатобумажного матраса на кровати. Когда они вошли, она села и улыбнулась. Улыбка осветила ее морщинистое лицо и превратила его в почти детское счастливое личико.

– Мигуми-чан, Бенико-чан, вы прибыли, навестить меня! – воскликнула она, кланяясь в сидячем положении.

– Да, – медленно произнесла Мерedit. Она опустила поднос возле пожилой леди.

– Мы пришли, навестить вас, госпожа Сэтао.

– Не играйте со мной! Это Инари-чан! Или вы считаете меня безумной?

– Все эти чаны. Я думала, «Чан» – китайское имя. Разве Изабелл не японка? – прошептала Бонни за спиной Мерedit.

Но они не учли одной вещи: похожая на куклу старушка вовсе не была глухой. Она громко засмеялась, подняв обе руки и прикрыв ими рот, словно застенчивая девчушка. – О, не дразните меня, прежде, чем я поем. Itadakimasu! – она взяла с подноса тарелку с мисо супом и стала пить его.

– Я думаю, чан – это что-то вроде приставки, которую помещают в конце имени человека, которого считают другом, вроде того, как Джимми говорит – Иса-чан, – громко сказала Мерedit. А «Йета-даки-масс-су» – что-то вроде того, что говорят, когда начинают есть. Это все, что я знаю.

Какая-то часть разума Бонни отметила, что у друзей бабушки Сэтао совершенно случайно имена оказались на буквы «М» и «Б». Другая ее часть вычисляла, где находится эта комната по отношению к комнатам ниже, и, в частности, к комнате Изабелл.

Оказалось, она прямо над ней.

Крошечная старушка перестала есть, и пристально наблюдала за Бонни.

– Нет, нет, вы не Бенико-чан и не Мигуми-чан. Я знаю об этом. Но они действительно посещают меня иногда, и так же делает мой дорогой Нобухиро. Приходят и другие, неприятные, но я была воспитана святой девой – я знаю, как позаботиться о них. – Беглый взгляд удовлетворенный пониманием мелькнул на невинном старом лице. – Этот дом одержим, и вы знаете это.

– Kore ni wa kitsune ga karande isou da ne. – добавила она в конце.

– Прошу прощения, госпожа Сэтао, что вы только что сказали? – спросила Мерedit.

– Я сказала, что есть китсун, и он замешан в этом, говорю вам.

– «Кит-сун»? – насмешливо переспросила Мередит.

– Лиса, глупая девочка, – бодро ответила старушка. – Они ведь могут обратиться во что угодно, во что пожелают, разве вы не знаете? Даже в людей. Да они могут превратиться и в тебя, моя дорогая, и даже твой лучший друг не почувствует разницы.

– Итак, значит это своего рода лиса? – спросила Мередит, но бабушка Сэтао начала раскачиваться взад-вперед и ее пристальный взгляд остановился на стене позади Бонни.

– Мы имели обыкновение играть в круговую игру, – сказала она. – Все садятся в круг, а один – в центр, с завязанными глазами. И мы спели бы песню. «Ushiro no shounen daage?» – «Кто стоит за тобой?» Я научила этому своих детей, и сочинила также небольшую песенку на английском языке.

И она запела, сначала очень старым, но затем внезапно помолодевшим голосом, невинно уставившись на Бонни.

– Лиса с черепахой
Устроили гонку.
Кто это, там за тобой?
Кто бы ни был вторым,
Он не будет в сторонке!
Кто близко, там за тобой?
А победителю
Вкусное блюдо!
Кто рядом, там за тобой?
Черепаховый суп
На обед, это чудо!
Кто прямо там за тобой?

Бонни вдруг почувствовала горячее дыхание на своей шее. Задышавшись, она обернулась, ... и закричала. Да она просто вопила.

Изабелл была здесь. Ее кровь капала на циновки, покрывающие пол. Ей каким-то образом удалось обойти Джима и пробраться наверх, в тусклую комнату, никем не замеченной. И теперь она стояла здесь, словно искаженная версия некой богини пирсинга, или отвратительное воплощение всех кошмаров каждого мастера пирсинга. На ней было одето только бикини. За исключением этого она была абсолютно голой, если не считать крови и разнообразных гвоздей и иголок, которыми она проколола кожу. Как поняла Бонни, она проколола себе все места, которые только можно было проколоть, и некоторые, о которых Бонни и подумать не могла. Каждая рана была рваной и кровоточила.

Ее дыхание было теплым и зловонным, подобно тошнотворному запаху тухлых яиц.

Изабелл прищелкнула своим розовым языком. Его она не проткнула. Она сделала хуже. Каким-то странным инструментом она разрезала свой язык на две части, как у змеи.

И этот разветвленный розовый язык облизал лоб Бонни.

Ведьма упала в обморок.

Мэтт медленно вел машину вниз, в почти невидимый переулок. Не было ни одного уличного знака, чтобы понять, где они, заметил он. Они преодолели небольшой холм, и затем поехали вниз, к реке, в сторону небольшого прояснения в сплошной листве.

– Держись подальше от фееричных кругов, – мягко сказала Елена, словно указывая, – И старых дубов...

– Ты о чем?

– Останови машину.

Когда Мэтт выполнил ее просьбу, Елена попыталась объяснить: – Разве тебе не кажется, что здесь присутствует какая-то фееричность... иллюзорность что ли?

– Не знаю. Куда исчезло это красно-рыжее?

– Куда-то сюда юркнуло. Я видела!

– И я. И ты заметила, что это было больше, чем лиса?

– Да, но недостаточно большое для волка.

Мэтт облегченно вздохнул, – Только Бонни не поверит мне. И ты видела, как быстро оно двигалось?

– Слишком быстро, чтобы быть чем-то естественным.

– Ты хочешь сказать, что мы на самом деле ничего не видели? – почти отчаянно проговорил Мэтт.

– Я хочу сказать, что мы видели нечто сверхъестественное. Как то, что напало на тебя. Странные деревья. Что-то, живущее не по законам этого мира.

Но как бы они не искали, они не могли найти это существо. Кустарники и растительность между деревьями создавали плотный круг. Не было никакой надежды найти между ними отверстие или проход.

Солнце медленно опускалось к горизонту. Было очень красиво, но для них это не представляло никакого интереса.

Мэтт повернулся к Елене, чтобы что-то сказать и увидел, как она резко и тревожно обернулась.

– Что...? – он последовал за ее пристальным взглядом и замер.

Желтый Феррари заблокировал им путь назад, к дороге. Они не сталкивались с желтым Феррари по дороге сюда. В этом крошечном переулке было место только для одной машины.

И все же на дороге стоял Феррари.

За спиной Мэтта прохрустела поломанная ветвь. Он обернулся.

– Деймон!

– А кого вы ожидали? – глаза Деймона были полностью скрыты солнцезащитными очками Ray-Bans.

– Никого мы не ожидали, – настойчиво ответил Мэтт. – Мы только что пришли сюда.

В последний раз он видел Деймона, когда тот, словно побитая собака, был выкинут из комнаты Стефана. И Мэтту тогда очень хотелось дать старшему Сальваторе в челюсть, и Елена об этом знала. И она почувствовала, что ему снова этого хочется.

Но сейчас Деймон был уже не тем, кого не так давно вышвырнули из комнаты. Елена ощущала, как от него жаркими волнами исходит опасность.

– Ааа, ясно. Это ваше, с позволения сказать, секретное местечко для... частных исследований, – произнес Деймон, и в его голосе присутствовали те самые нотки, которые так не любила Елена.

– Нет! – прорычал Мэтт. Елена поняла, что ей необходимо держать его под контролем. Очень опасно тягаться с Деймоном, когда он в таком настроении.

– Как ты можешь так говорить? – продолжал Мэтт, – Елена принадлежит Стефану!

– Да... Мы принадлежим друг другу, – Елена медлила с ответом.

– Разумеется, – ответил Деймон, – единое тело, единое сердце, единая душа. – На мгновение какое-то выражение промелькнуло в его глазах за темными очками, ей показалось – нечто убийственное.

Тем не менее, тон Деймона немедленно изменился в невыразительный шелест... – Однако, в таком случае, что же вы забыли здесь, вдвоем? – его голова повернулась, он наблюдал за движениями Мэтта, подобно хищнику, отслеживающему добычу. В его поведении было что-то гораздо более тревожное, чем обычно.

– Мы заметили кое-что красное, – ответил Мэтт прежде, чем Елена успела остановить его. – Это было похоже на то, что я видел перед тем несчастным случаем.

Мурашки побежали по спине и рукам Елены. Она не хотела, чтобы Мэтт говорил это.

В этой тусклой, тихой и слабо освещенной роще ей внезапно стало очень страшно.

Новые чувства растянулись до предела – она раскинула их вокруг себя как паутину. И почувствовала что что-то не так во всем этом. Ее ощущения подсказывали, что происходящее сейчас, выходит за пределы досягаемости ее ума. В то же самое время она

ощутила, что птицы затихли и покинули эту расселину.

Но самым тревожным было обернуться именно в тогда, когда птицы прекратили свое пение и обнаружить, что Деймон повернулся в тот же момент, и смотрит на нее. Темные очки скрывали от девушки его мысли. Остальная часть лица вампира была маской.

«Стефан...» – тоскливо и беспомощно подумала она.

Как он мог оставить ее с этим? Без предупреждений, без всяких известий о его маршруте, без надежды увидеть его снова... Возможно, для него это имело смысл, с его отчаянным желанием не превратить ее в то, что он так отчаянно ненавидел в себе. Но оставить ее с Деймоном в этом расположении духа, когда все силы покинули ее...

«Это твоя собственная ошибка» – подумала она, прервав поток жалости к себе. – «Ты была тем, кто настаивал на мире между братьями. Ты была тем, кто убедил его, что Деймону можно доверять. И теперь ты имеешь дело с последствиями».

– Деймон, – сказала она, – Я искала тебя. Я хотела спросить тебя о Стефане. Ты ведь знаешь, что он покинул меня.

– Естественно. Я полагаю, что, как гласит его извечная отговорка – это для твоего же блага. И он оставил меня в качестве твоего телохранителя.

– Тогда ты видел его две ночи назад?

– Разумеется.

«И, разумеется, ты не попытался остановить его. Лучше для тебя и быть не могло» – подумала Елена. Она никогда не желала иметь тех способностей, которые имела, будучи духом. Даже когда поняла, что Стефан действительно ушел, и теперь он вне ее, слишком человеческой, досягаемости.

– Что ж, я не позволю ему просто так оставить меня, – категорично заявила она, – Для моего же блага, или по любой другой причине. Я собираюсь последовать за ним. Но, для начала, я должна знать, куда он мог уйти.

– Ты меня спрашиваешь?

– Да, пожалуйста, Деймон, я должна найти его. Он нужен мне. Я... – Она начала заикаться, и подумала, что нужно быть с собой поосторожнее.

Но тут в ее размышления ворвался Мэтт, который очень мягко шептал ей: – Елена, остановись. Кажется, мы выводим его из себя. Посмотри на небо.

Елена и сама почувствовала это. Круг из деревьев словно стал еще теснее, и угрожающе нависал над ними. Девушка медленно подняла лицо к небу. Серые облака, кружась разрозненными группками, объединялись в одну большую тучу, сосредотачиваясь прямо над их головами.

В ее основании уже начали формироваться маленькие вихри, поднимая вверх горстки сосновых игл, и тревожа по-летнему свежие молодые деревья. Елена никогда не видела ничего подобного прежде, ее легкие наполнились сладким, но чувственным ароматом, похожим на запах благоухающих экзотических масел в долгие и темные зимние ночи.

Она смотрела на Деймона, а вихрь поднимался все выше, и сладкий, яркий аромат смолы становился все ближе, окутывая ее. Она еще не знала, что он уже впитался в ее одежду и потихонечку начинает впитываться в нее саму, но она уже знала, что перепрыгнула через собственную голову.

Она не могла защитить Мэтта.

«Стефан сказал мне доверять Деймону в той прощальной записке. Стефан знает о нем больше, чем я» – отчаянно думала она, – «Но мы-то знаем, чего он захочет, в конечном счете. То, что ему всегда нужно. Я. Моя кровь».

– Деймон..., – начала она тихо, но прервалась. Не глядя на нее, он вытянул руку с расставленными пальцами в останавливающем жесте.

«Погоди».

– Есть нечто, что мне надлежит сделать, – бормотал он. Вампир медленно наклонился вниз,... каждое его движение было невероятно изящным и продуманным, словно у пантеры... и поднял с земли небольшую сломанную ветвь растения, очень похожего на

обычную верджинскую сосну. Он немного помахал ею, точно оценивал, а затем приподнял в руке, словно для проверки веса и баланса. Это был скорее отросток, чем ветвь.

А Елена смотрела на Мэтта, пытаясь глазами сказать ему все, что она чувствует в этот момент. И в первую очередь то, что она сожалеет: сожалеет о том, что втянула его в это, о том, что когда-то он ей нравился, что эгоистично держала его около себя, вплетая его и своих друзей в сверхъестественные события.

«Кажется, теперь я понимаю, что чувствовала в прошлом году Бонни. Как это – быть способной видеть и предсказывать различные события, но не иметь возможности остановить их ход».

Мэтт, слегка кивая ей головой, уже прокрадывался к деревьям.

«Нет, Мэтт. Нет... Нет!»

Но он не понимал. А Елена чувствовала, что деревья держат дистанцию и не приближаются к ним только из-за присутствия Деймона. Если она и Мэтт рискнут убежать в лес, если они покинут эту поляну, или наоборот останутся здесь слишком надолго... Мэтт мог видеть страх на ее лице, и его собственный взгляд выразил мрачное понимание. Они были пойманы в ловушку.

Если только...

– Слишком поздно, – резко произнес Деймон. – Я сказал, есть нечто, что мне надлежит сделать.

Он, очевидно, нашел ту ветвь, которую искал. Теперь он поднял ее повыше, слегка встряхнул, и опустил вниз одним резким движением, направляя ее в бок.

И Мэтт затрясся в агонии.

Это была такая боль, о которой он никогда прежде даже не догадывался. Боль, которая, казалось, пришла изнутри, отовсюду, и каждый орган его тела, каждый мускул, нерв, каждая кость испускали различные типы боли. Мускулы болели и сжимались в судороге, словно уже были напряжены до предела, но продолжали сжиматься все больше и больше. Его органы были, словно в огне. В животе были ножи. Его кости болели так же, как тогда в девять лет, когда он сломал руку в автокатастрофе, в машине своего отца. А его нервы... Если бы на них был некий переключатель с установками вроде «удовольствие» и «боль», то этот переключатель был бы сейчас направлен на пункт «мука». Ему было невыносимо больно даже ощущать одежду на коже. Дуновение ветра было мукой. Он выдержал пятнадцать секунд и затем потерял сознание.

– Мэтт! – К чести Елены, она была точно заморожена, ее мускулы были сжаты так, что можно было подумать, будто они никогда больше не смогут двинуться. Внезапно ее отпустило, она подбежала к Мэтту, подтянула его на свои колени и взглянула ему в лицо.

Затем девушка подняла глаза.

– Деймон, почему? Почему? – внезапно она поняла что, не смотря на бессознательное состояние Мэтта, его тело все еще горит в агонии. Она должна была остановить себя и перестать кричать. И тогда она быстро проговорила,

– Зачем ты делаешь это, Деймон? Прекрати!

Она обвела взглядом молодого человека, одетого во все черное: черные джинсы с черным ремнем, черные ботинки, черный кожаный жакет. Его волосы также были черными, а на глазах были проклятые темные очки.

– Я уже изъяснился, – ответил Деймон небрежно, – Сие и является тем нечто, что мне надлежит сделать. Улицезреть. Мучительную смерть.

– Смерть! – Елена с недоверием уставилась на Деймона. А затем она начала собирать в себе всю свою силу, что было так легко сделать всего несколько дней назад, когда она была немой и невесомой, но настолько трудно и странно прямо сейчас. Она отчетливо произнесла: – Если ты не отпустишь его прямо сейчас – я применю всю свою Силу, которая только у меня есть.

Он засмеялся. Елена никогда раньше не видела, чтобы Деймон смеялся так прежде. Только не так.

– И ты полагаешь, дескать, я смогу заметить твою крохотную Силу?

– Не такую уж и крохотную, – мрачно ответила Елена. Ее Сила была не больше, свойственной любому человеку – та, которую вампиры берут у людей вместе с выпитой кровью. Но, побывав духом, Елена узнала, как можно ее использовать. Как можно использовать ее для нападения.

– Уверена, что ты ощутишь ее, Деймон. Отпусти его – СЕЙЧАС ЖЕ!

– Отчего люди извечно допускают, что повышение тона преуспеет, когда логика бессильна? – бормотал Деймон.

Елена не мешала ему рассуждать.

Точнее, она просто готовилась. Она глубоко вздохнула, рассеяла воздух внутри, и вообразила, что держит в руках шар, наполненный белым огнем, а затем...

Мэтт стоял на ногах. Он выглядел так, словно был подвешен, подобно марионетке, за руки, и за ноги. Его глаза непроизвольно слезились, но это в любом случае было лучше, чем когда он корчился в судорогах на земле.

– Ты мне обязана, – небрежно бросил Елене Деймон, – Я взыщу позже.

К Мэтту же он обратился тоном любящего дядюшки, с одной из тех неумовимых улыбок, которую вы вроде как видели, а вроде и нет: – Это мое счастье, что ты крайне выносливый экземпляр, не так ли?

– Деймон, – Елена видела, что вампир сейчас находится в том самом, столь нелюбимом ею настроении «почему-бы-не-поиграть-с-более-слабыми-существами». Но было во всем этом что-то еще, чего она никак не могла понять.

– Давай перейдем к делу, – сказала она, чувствуя, как на ее руках и шее вновь зашевелились волоски. – Чего ты на самом деле хочешь?

Но он не давал ей ответ, которого она так ожидала. – Я официально назначен твоим зрителем. Я формально забочусь о тебе. А посему я не думаю, что тебе следует оставаться без моего покровительства и компании, в то время как мой младшенький братец отсутствует.

– Я могу сама о себе позаботиться, – категорично сказала Елена, отмахнувшись от него рукой, желая перейти к реальной проблеме.

– Ты весьма милая девушка. Рисковая и, – вспышка улыбки, – И сомнительные элементы могут крутиться подле. Я настаиваю на наличии при тебе телохранителя.

– Деймон, прямо сейчас больше всего я нуждаюсь в защите от тебя! И ты знаешь это. Что тебе на самом деле нужно?

Поляна... пульсировала. Будто была живой и дышащей. У Елены возникло чувство, что под ее ногами,... под старыми, испытанными бурными путешествиями пешком, ботинками Мередит,... земля немного двигалась, как огромное спящее животное, а деревья походили на его бьющееся сердце.

Бьющееся сердце? Сердце – чье? Леса? Но здесь гораздо больше мертвого, чем живого. И она могла бы поклясться, что она точно знала – Деймону никогда не нравились леса и деревья.

В такие времена Елене было жаль, что у нее нет крыльев.

Крыльев и понимания простых движений рук, заклинаний Белой Силы, Белого огня у нее внутри, который без особых усилий помог бы ей понять, что происходит, или просто унес бы ее неприятности обратно, к Стоунхенджу.

Казалось, все, что ей оставили – это еще большую чем прежде соблазнительность для вампиров, и ее остроумие.

Остроумие не покидало девушку и теперь. Возможно, если сейчас она не покажет Деймону свой страх, то у них появится шанс на временную отсрочку исполнения его намерений относительно их.

– Деймон, спасибо, что так за меня беспокоишься. А сейчас не мог бы ты оставить нас с Мэттом наедине хоть на мгновение, чтобы я могла проверить, дышит ли он?

Глаза, скрытые темными очками словно вспыхнули красным.

– Каким-то образом, я был уверен, что ты попросишь об этом, – сказал Деймон. – И, бесспорно, это твое право жаждать утешения, будучи предательски брошенной. Вернуть его к жизни дыханием рот в рот, к примеру.

Елена хотела взорваться, но, очень аккуратно, ответила,

– Деймон, если Стефан назначил тебя моим телохранителем, тогда вряд ли это можно назвать «предательски бросил», разве не так? У тебя нет оснований для таких заявлений...

– Просто побалуй меня еще кое-чем, хорошо? – ответил ей Деймон голосом кого-то, чьи следующие слова будут «будь осторожна», или «не делай ничего, чего не сделал бы я».

Наступила тишина. Смерч из веток и пыли перестал закручиваться в воздухе. Запах нагретых солнцем сосновых игл и тяжелой смолы в этом тусклом месте путал мысли Елены, ее голова закружилась, а к физическим ощущениям добавилась странная вялость. Земля была теплой, а сосновые иголки лежали ровно, будто шерсть большого, дремлющего сейчас зверя. Елена смотрела, как крохотные пылинки кружились и сверкали, словно опалы, в золотом солнечном свете. Она знала, сейчас она была далеко не в лучшем состоянии, чтобы говорить твердо.

Наконец, когда она была уверена в том, что ее голос не дрогнет, она спросила:

– Чего ты хочешь?

– Поцелуй.

Глава 22

Бонни была взволнована и сбита с толку. Было темно.

– Хорошо, – произнес голос, резкий и успокаивающий одновременно. – Тут два возможных удара, одна колотая рана, нуждающаяся в прививке против столбняка... и... что ж, я боюсь, мне придется дать успокоительное твоей девушке, Джим. И мне потребуется помощь, но тебе совсем нельзя двигаться. Просто ляг на спину и закрой глаза.

Бонни разлепила веки. Она смутно помнила, как падала на свою постель. Но она была не дома; она все еще была в доме Сэтао, и лежала на кушетке.

Как и всегда, когда была в замешательстве или испытывала страх, она огляделась в поисках Мередит. Та вышла из кухни с самодельным пакетом со льдом в руках. Она приложила его к влажному от испарины лбу Бонни.

– Я просто упала в обморок, – объяснила Бонни, когда сама это поняла, – вот и все.

– Я знаю, что ты упала в обморок. И ты очень сильно ударилась головой о пол, – ответила Мередит, и в этот момент выражение ее лица было очень понятным: волнение, сочувствие и облегчение – все это легко можно было прочесть на нем. И глаза были наполнены слезами. – О, Бонни, я не могла добраться до тебя вовремя. Изабелл была у меня на пути, и те матрасы не сильно смягчили пол,... и ты отключилась почти на полчаса! Ты напугала меня.

– Прости, – Бонни вытащила руку из-под одеяла, в которое она была завернута и сжала ладонь Мередит. Это означало, что их сестринские отношения не изменились. И также это означало «спасибо тебе за заботу».

Джим неуклюже развалился на другой кушетке, прикладывая пакет со льдом к затылку. Его лицо было зеленовато-белым. Он попытался встать, но доктор Альперт – это ее голос был резким и добрым одновременно – заставила его снова лечь на кушетку.

– Вам не следует сейчас тратить силы, – сказала она. – Но мне нужен помощник. Мередит, ты можешь помочь мне с Изабелл? Мне кажется, с ней будет достаточно много хлопот.

– Она ударила меня лампой по затылку, – предупредил их Джим. – Никогда не поворачивайтесь к ней спиной.

– Мы будем осторожны, – ответила доктор Альперт.

– А вы двое останьтесь здесь, – решительно добавила Мередит.

Бонни наблюдала за взглядом подруги. Она хотела подняться и помочь им с Изабелл.

Но во взгляде Мередит читалась та самая решительность, которая означала, что сейчас с ней лучше не спорить.

Как только они ушли, Бонни попыталась встать. Но тут же перед глазами у нее заплясали пульсирующие серые точки, и это значило, что она снова собирается упасть в обморок.

Она легла обратно, стиснув зубы.

Долгое время из комнаты Изабелл доносились грохот и крики. Бонни слышала, как доктор Альперт повысила голос, затем Изабелл, а затем и третий голос,... но не Мередит, которая никогда не кричала, этот голос походил на голос Изабелл, только был замедленный и искаженный.

После этого, наконец-то наступила тишина, и Мередит с доктором вернулись, волоча между ними прихрамывающую девушку. У Мередит из носа текла кровь, а тронутые сединой волосы доктора Альперт торчали дыбом, но все же им как-то удалось натянуть футболку на измученное тело Изабелл, а доктор даже умудрилась сохранить свою черную сумку.

– Потерпевшим оставаться на своих местах. Мы вернемся, чтобы вам помочь, – сказала доктор в своей немногословной манере.

Затем она и Мередит сделали новый рейс, чтобы забрать с собой бабушку Сэтао.

– Мне не нравится ее цвет лица, – коротко бросила доктор Альперт, – И ее пульс. Нам всем не помешало бы пройти медицинское обследование.

Минуту спустя они вернулись, чтобы помочь Джиму и Бонни добраться до внедорожника доктора. Небо затянулось тучами, а солнце висело над горизонтом красным шаром.

– Желаете, чтобы я дала вам какое-нибудь обезболивающее? – спросила доктор, увидев, как Бонни пристально разглядывает ее черную сумку. Изабелл поместили в самый конец машины, где сиденья были сложены.

Мередит и Джим занимали два места перед ней, с Бабушкой Сэтао между ними, а Бонни... по настоятельной просьбе Мередит...была на переднем сиденье рядом с доктором.

– Эм, нет, все в порядке, – сказала Бонни. В действительности она сейчас думала о том, могут ли доктора в больнице справиться с инфекцией Изабелл лучше, чем травяные компрессы миссис Флауэрс.

Но, несмотря на то, что голова девушки пульсировала и болела, а на ее лбу росла шишка размером с яйцо, она не хотела, чтобы что-либо затуманивало ее мысли. Было что-то, не дающее ей покоя, какой-то сон или кое-что произошедшее пока, по словам Мередит, она была без сознания.

Что это было?

– Ну ладно. Пристегнули ремни? Тогда поехали. – Внедорожник рванул с места от дома Сэтао. – Джим, ты говорил, у Изабелл есть трехлетняя сестра, которая спала наверху, поэтому я позвонила своей внучке Янилле, чтобы она приехала туда. По крайней мере, кто-то должен быть в доме.

Бонни обернулась, чтобы посмотреть на Мередит. Они заговорили одновременно.

– О, нет! Она не должна туда заходить! Особенно в комнату Изабелл! Послушайте, пожалуйста, вы должны... – захлебывалась Бонни.

– Я действительно не уверена, что это хорошая идея, доктор Альперт, – произнесла Мередит не менее быстро, но более отчетливо. – Если только она будет держаться подальше от той комнаты и если с ней будет кто-то еще... хорошо бы, если парень.

– Парень? – доктор Альперт, казалось, была сбита с толку, но сочетание паники Бонни и искренности Мередит вроде бы ее убедило. – Ну, Тайрон, мой внук, смотрел телевизор, когда я уходила. Я попробую позвать его.

– Ого! – невольно воскликнула Бонни. – Это тот самый Тайрон, который будет нападающим в футбольной команде в следующем году, да? Я слышала, его называют Тайр-минатор.

– Ну, скажем, я думаю, он сможет защитить Яниллу, – ответила доктор, и сделала звонок.

– Но мы тут одни, в машине с... хм, перевозбужденной девушкой. И судя по тому, как она реагирует на успокоительное, я бы сказала, что она и сама как «терминатор».

Телефон Мередит заиграл мелодию, означавшую, что номер звонившего был не из телефонной книжки, а затем объявил: «Вам звонит миссис Флауэрс. Возьмете ли вы...» Мередит тут же нажала на кнопку приема вызова.

– Миссис Флауэрс? – сказала она. Шум внедорожника заглушал Бонни и остальным все, что говорила домовладелица, поэтому Бонни продолжила концентрироваться на двух вещах: что она знала о «жертвах» Салемских «ведьм», и что за неуловимая мысль приходила ей в голову, пока она была без сознания.

Но все эти раздумья сразу прекратились, как только Мередит положила трубку.

– Что такое? Что? Что? – Бонни не могла хорошо разглядеть лицо подруги в сумерках, но она явно выглядела бледной, и когда та заговорила, даже ее голос звучал блекло.

– Миссис Флауэрс занималась в саду своими растениями и уже собиралась идти обратно в дом, когда заметила что-то в кустах бегонии. Она сказала, что выглядело это так, словно что-то пытались засунуть между стеной и кустом, и она заметила торчащий оттуда кусочек такни.

Бонни почувствовала себя так, словно ее сбил с ног порыв ветра.

– И что это было?

– Это была большая спортивная сумка, полная одежды и обуви. Ботинки. Рубашки. Брюки. Все Стефана.

Бонни издала пронзительный вопль, от которого доктор Альперт чуть не потеряла управление.

– О, боже мой! О боже! Он не уехал!

– О, я думаю, он как раз таки уехал. Только не по собственной воле, – мрачно произнесла Мередит.

– Деймон, – ахнула Бонни, и резко вжалась в сиденье, ее глаза наполнились слезами, которые затем стали стекать по щекам. – Я так хотела верить...

– Что, разболелась голова? – спросила доктор Альперт, тактично игнорируя разговор, который ее не касался.

– Нет... ну, то есть да, – призналась Бонни.

– Так, открой мою сумку и дай мне взглянуть... У меня там всего полно... хорошо, вот оно. Кто-нибудь видел тут бутылку с водой?

Джим вяло протянул ей бутылку.

– Спасибо, – сказала Бонни, проглотив маленькую таблетку и запив ее большим глотком воды. Ей было необходимо привести мысли в порядок. Если Деймон похитил Стефана, тогда ей стоит Вызвать его, так ведь? Потому что одному Богу известно, где он на этот раз. Почему никто из них даже не подумал об этой возможности раньше?

Ну, во-первых, потому что новый Стефан должен был быть сильным, а во-вторых, из-за заметки в дневнике Елены.

– Вот оно! – воскликнула она пораженно. Все это снова нахлынуло на девушку, все, о чем они говорили с Мэттом...

– Мередит! – сказала она, не обращая внимания на косой взгляд, который бросила на нее доктор, – пока я была без сознания, я общалась с Мэттом. Он тоже был без сознания...

– Он был ранен?

– О боже, да. Кажется, Деймон сделал что-то ужасное. Но он сказал не обращать на это внимания, и что с тех самых пор как он увидел ту записку, которую Стефан оставил Елене, она продолжала беспокоить его. Что-то насчет того, как Стефан в прошлом году разговаривал с учительницей английского, спрашивая, как правильно пишется слово «решение». И он просто повторял: «Найди резервную копию файла. Найди резервный файл... прежде чем это сделает Деймон.»

Она взгляделась в лицо Мередит, плохо освещенное тусклым светом, осознавая, что и Джим, и доктор Альперт дружно уставились на нее, в то время как они медленно подъехали к перекрестку и остановились. И у тактичности есть свои пределы.

Тишину нарушил голос Мередит.

– Доктор, – сказала она – я собираюсь попросить вас кое о чем. Если вы повернете здесь налево, а затем еще раз налево на Лавровой улице, там просто пять минут езды до Старого Леса, и это не будет слишком далеко от вашего маршрута. Но это позволит мне добраться до пансиона, в котором как раз и находится тот компьютер, о котором говорит Бонни. Вы, наверное, подумаете, что я сошла с ума, но мне нужно добраться туда.

– Я знаю, что ты не сошла с ума. Я уже успела это понять, – невесело рассмеялась доктор, – и я уже тут кое-что слышала о Бонни... ничего плохого, честно, только то, во что довольно трудно поверить. Но после того, что я сегодня увидела, я думаю, я начинаю менять свое мнение.

Доктор резко свернула налево, бормоча себе под нос: – Кто-то убрал знак «Проезд запрещен» еще и с этой дороги...

Затем она продолжила говорить с Мередит:

– Я могу сделать то, о чем ты просишь. Я подвезу тебя прямо к самому пансиону...

– Нет! Это может быть слишком опасно!

– Но я должна отвезти Изабелл в больницу как можно скорее. Не говоря уже о Джиме. Я думаю, у него действительно сотрясение. И Бонни...

– Бонни тоже собирается в пансион, – заявила ведьма, четко проговаривая каждое слово.

– Нет, Бонни! Я ведь собираюсь бежать, ты понимаешь это? Я собираюсь бежать так быстро, как только возможно, и я не могу позволить тебе задерживать меня, – голос Мередит был жестоким.

– Я не буду задерживать тебя, я клянусь. Ты побежишь вперед. Я побегу за тобой. Моя голова теперь не болит. Если я отстану, просто продолжай бежать. Я доберусь следом.

Мередит открыла рот и затем снова его закрыла. Должно быть, что-то в лице Бонни подсказало ей, что любые возражения будут бесполезны. Потому что так оно и было.

– Вот мы и приехали, – сказала доктор Альперт несколько минут спустя. – Угол Лавровой улицы и Старого Леса.

Она извлекла из своей черной сумки маленький медицинский фонарик и посветила им по очереди в глаза Бонни.

– Ну, мне кажется, у тебя нет сотрясения. Но ты знаешь, Бонни, по моему медицинскому заключению, тебе не следует никуда бежать. Я не могу заставить тебя пройти лечение, если ты этого не хочешь. Но я могу заставить тебя взять вот это. – Она протянула Бонни свой фонарик. – Удачи.

– Спасибо за все, – сказала Бонни, накрыв на мгновение своей бледной ладонью смуглую ладонь, доктора Альперт. – Вы тоже будьте осторожны, – остерегайтесь поваленных деревьев, и Изабелл, и чего-нибудь красно-рыжего на дороге.

– Бонни, я ухожу, – Мередит уже была снаружи.

– И закройте двери! И не открывайте, пока не проедете лес! – сказала Бонни, выскочив из машины вслед за Мередит.

И тогда они побежали. Конечно, все, что Бонни сказала о том, что Мередит должна бежать впереди нее, было бессмыслицей, и они обе это знали. Мередит схватила Бонни за руку, как только ноги ведьмы коснулись дороги, и побежала как гончая, волоча Бонни за собой, время от времени, едва ли не отрывая девушку от земли.

Бонни не нужно было объяснять, как важна скорость. Она отчаянно хотела, чтобы у них сейчас была машина. Она много чего хотела бы, и для начала, чтобы миссис Флауэрс жила в центре города, а не в этой глуши.

В конце концов, как и предвидела Мередит, Бонни выдохлась, и ее рука стала настолько мокрой, что выскользнула из ладони Мередит. Бонни согнулась почти пополам,

руки на коленях, и пыталась восстановить дыхание.

– Бонни! Вытри свою руку! Мы должны бежать!

– Просто... дай мне... минуту...

– У нас нет ни минуты! Ты слышишь? Давай!

– Мне просто нужно... восстановить... дыхание...

– Бонни, оглянись. И не кричи!

Бонни оглянулась, и закричала. Затем обнаружила, что совсем не выдохлась. Она сорвалась с места, хватая Мередит за руку.

Она слышала это, даже не смотря на свое хрипящее дыхание и звон в ушах. Это был звук насекомого, но не жужжание, а скорее низкое гудение. Что звучало как вертолетное «вип-вип-вип-вип», только выше тоном, словно у вертолета были усики насекомого вместо пропеллера.

Мельком взглянув, она смогла различить сплошную серую массу из усиков, с головами впереди – и все эти головы были готовы раскрыть рты, полные острых белых зубов.

Она пыталась включить фонарик. Опускалась ночь, и у нее не было ни малейшего представления, сколько еще пройдет времени, прежде чем взойдет луна. Единственное, что она понимала, это то, что из-за деревьев все вокруг, кажется еще темнее, и что те существа гонятся за ней и за Мередит.

Малахи.

Гудящий звук усиков, рассекающих воздух, сейчас был гораздо громче. Гораздо ближе. Бонни не хотела оборачиваться и видеть источник этого звука. Этот шум толкал тело Бонни за пределы всех разумных границ. Она не могла не прокручивать в голове снова и снова слова Мэтта: «Как будто мою руку засунули в измельчитель мусора. Как будто мою руку засунули в измельчитель...»

Ее ладонь и ладонь Мередит были снова покрыты потом. А серая масса явно их догоняла. Оставалась еще примерно половина пути, а гудящий звук становился все выше и пронзительнее.

В то же время ее ноги стали словно резиновыми. Буквально. Она не чувствовала свои колени. И сейчас они были точно мягкий каучук, растворяющийся и превращающийся в желе.

Вип-вип-вип-виинииииии...

Это был звук одного из них, самый близкий. Ближе, ближе, и затем он был перед ними, его рот раскрылся в форме овала, по всему периметру были зубы.

Точно как говорил Мэтт.

Бонни настолько выдохлась, что даже не могла закричать. Но ей нужно было закричать.

Казалось, что у этого существа вообще не было головы, глаз и каких-либо частей лица, а только этот ужасный рот, который развернулся к ним и летел прямо на нее. И инстинктивное решение замахнуться на него ладонью, могло стоить ей всей руки. О боже, оно приближался к ее лицу...

– Вон пансион! – выдохнула Мередит, резко толкнув Бонни и чуть не сбив при этом девушку с ног, – Бежим!

Бонни пригнулась как раз в тот момент, когда малах попытался напасть на нее. В тот же миг она почувствовала, как его усики прожужжали по кудрявым волосам ведьмы. Ее внезапно отбросило назад, и она больно ушиблась. Ее ладонь вырвалась из ладони Мередит, а ноги были в полном изнеможении. Все внутри нее готово было кричать.

– О, господи, Мередит, он добрался до меня! Беги! Не позволяй кому-то из них достать тебя!

Перед ней, пансион был освещен, точно отель. Обычно он был темным, за исключением может только окна Стефана и еще одного. Но сейчас он сверкал как драгоценность, только вне ее досягаемости.

– Бонни, закрой глаза!

Мередит не покинула ее. Она все еще была здесь. Бонни могла чувствовать, как

похожие на вьющееся растение усики коснулись ее уха, затем легко переместились на покрытый испариной лоб, двигаясь дальше по лицу, к горлу... Она всхлипнула.

А затем последовал резкий, громкий треск, смешанный со звуком, похожим на лопающуюся спелую дыню, и что-то влажное прокатилось по спине девушки. Мередит отбросила толстую ветку, которую держала словно бейсбольную биту. Усики уже выскользнули из волос Бонни.

Ведьме не хотелось смотреть на бардак позади нее.

– Мередит, ты...

– Давай, беги!

И она снова побежала. По усыпанной гравием подъездной дорожке к пансиону, вверх по ступенькам, до двери. И там, на пороге стояла миссис Флауэрс со старомодной керосиновой лампой.

– Заходите, заходите, – сказала она и, когда Мередит и Бонни вошли, судорожно глотая воздух, она захлопнула за ними дверь. Все как один услышали звук, который за этим последовал. Такой же как после удара веткой – резкий треск и хруст, только гораздо громче, и повторившийся много раз, словно лопающийся поп-корн.

Бонни всю трясло, когда она оторвала руки от ушей и сползла вниз по стене, опустившись на коврик у порога.

– Ради всего святого, что вы сделали с собой, девочки? – произнесла миссис Флауэрс, поглядывая на лоб Бонни и на опухший нос Мередит, не говоря уж о том, какими вспотевшими и изможденными они были.

– Это слишком долго... объяснять, – ответила Мередит, – Бонни! Ты можешь посидеть... наверху!

Бонни так и сделала. Мередит сразу же подошла к компьютеру и включила его, рухнув на стоящий перед ним стул. Бонни использовала свои последние силы на то, чтобы стянуть с себя топ. Вся спина была в пятнах от жидкости неизвестного насекомого. Она скатала топ в шарик и запустила его в угол.

Затем она упала на кровать Стефана.

– Что конкретно сказал Мэтт? – Мередит уже восстановила свое дыхание.

– Он сказал «Поищи резервный файл» или «Найди резервную копию файла», или что-то в этом роде. Мередит, моя голова... мне нехорошо.

– Ладно. Просто расслабься. Ты сегодня итак молодец.

– Это все потому, что ты спасла меня. Спасибо тебе... опять...

– Не волнуйся об этом. Но я не понимаю, – пробормотала Мередит себе под нос, – Тут резервная копия файла в этой же самой папке, что и сам файл, но они ничем не отличаются. Я не понимаю, что Мэтт имел в виду.

– Может быть, он что-то напутал, – с неохотой произнесла Бонни, – может, ему тогда было очень больно, и он немного помешался.

– Резервный файл, резервный файл... постой! Разве Word не сохраняет копии файлов автоматически в каком-нибудь странном месте, например в папке администратора или еще где-нибудь? – Мередит быстро кликала мышкой по всем папкам. Затем разочарованно сказала, – Нет, тут ничего нет.

Затем, тяжело дыша, она откинулась на спинку стула. Бонни знала, о чем она, должно быть, думает. Их долгий и отчаянный бег через опасность не мог быть напрасным. Не мог.

Затем, медленно, Мередит произнесла:

– Здесь есть много временных файлов к одной маленькой заметке.

– Что еще за временные файлы?

– Это просто временное сохранение твоего файла, пока ты над ним работаешь. Хотя обычно они выглядят вообще как какая-то ерунда, – кликанье началось снова, – Но я все равно должна быть внимательной... ох! – прервала она сама себя. Кликанье прекратилось.

И затем повисла абсолютная тишина.

– Что такое? – взволнованно спросила Бонни.

Тишина продолжалась.
– Мередит! Поговори со мной! Ты нашла резервный файл?
Мередит ничего не сказала. Кажется, она даже ничего и не услышала. Она заворожено что-то читала, на ее лице застыло выражение шока и ужаса.

Глава 23

Холодная лихорадочная дрожь прошла вниз по спине Елены, очень слабая дрожь. Нет, Деймон не просил поцелуя.

Это неправильно.

– Нет, – прошептала она.

– Лишь один.

– Я не собираюсь целовать тебя, Деймон.

– Не меня. Его, – Деймон уточнил кого «его», кивая головой в сторону Мэтта. – Поцелуй между тобой и твоим некогда верным рыцарем.

– Чего-чего ты хочешь? – глаза Мэтта открылись, он выпалил слова, подобно взрыву прежде, чем Елена успела открыть рот.

– Ты же хочешь этого, – голос Деймона опустился до самого его мягкого и вкрадчивого тона. – Ты желаешь поцеловать ее. И здесь нет никого, кто бы тебя останавливал.

– Деймон, – Мэтт отталкивал руки Елены. Казалось, он не полностью восстановился, возможно, всего на восемьдесят процентов, но Елена могла услышать его трудящееся сердце. Елена задавалась вопросом, как долго он лгал, симулируя бессознательное состояние, чтобы восстановиться. – Последняя вещь, которую я помню – это то, что ты пытался убить меня. Это точно не выставляет тебя в хорошем свете. И еще, люди такого не делают, они не подходят и не целуют девушек, просто потому, что они симпатичные, или их парни взяли выходной.

– Разве? – Спросил Деймон, в удивлении приподнимая одну бровь. – Я делаю.

Мэтт только ошеломленно покачал головой. Казалось, он пытается удержать какую-то мысль в его голове.

– Не уберешь ли ты свою машину с дороги, чтобы мы могли уехать? – спросил он.

Елена чувствовала себя так, словно смотрела на Мэтта издалека, а тот был посажен в клетку с тигром, не зная этого. Пробуждение было в очень красивом, диком и опасном месте – и этого Мэтт тоже не знал.

«Кроме того», – с беспокойством подумала она. – «Он с трудом заставляет себя встать. Нам нужно убраться... и быстро, пока Деймон еще что-нибудь не сделал ему».

Но какой был выход?

Что на повестке дня у Деймона?

– Вы можете ступить, – сказал Деймон. – Как только она поцелует тебя. Или же ты ее, – добавил он, словно это была уступка.

Медленно, точно он понял, что это означает, Мэтт посмотрел на Елену, а затем снова на Деймона. Елена попыталась шепотом поговорить с ним, но Мэтт был не в настроении. Он посмотрел Деймону в лицо и сказал: – Никогда.

Пожимая плечами, словно говоря: «я сделал все, что мог», Деймон поднял неотесанный сосновый прут.

– Нет! – закричала Елена. – Деймон, я сделаю это.

Деймон улыбнулся Елене и на секунду задержался, пока Елена не отвернулась и пошла к Мэтту. Его лицо было все еще бледным и холодным. Елена прижала свою щеку к его щеке и почти беззвучно зашептала на ухо:

– Мэтт, я и раньше имела с ним дело. И ты не можешь бросить ему вызов. Давай сделаем это... только сейчас. Тогда мы, возможно, сможем уйти, – А потом она заставила себя сказать. – Ради меня. Пожалуйста.

Правда была в том, что она слишком много знала об упрямых мужчинах. Слишком

много о том, как управлять ими. Это была черта, которую она в себе ненавидела, но сейчас Елена была слишком занята, пытаясь думать, о способах спасти жизнь Мэтту, чтобы обсуждать этику давления на него.

Она хотела, чтобы вместо Мэтта здесь были Мередит или Бонни. Не то, чтобы она желала им испытать такую боль, но у Мередит были бы уже на подходе планы С и D, когда у Елены были бы планы А и В. А Бонни уже растопила бы слезами лед сердца в карих глазах Дэймона...

Внезапно Елена подумала о единственной красной вспышке, которую она видела под очками Ray-Bans и передумала. Теперь она не была уверена, что хочет видеть Бонни рядом.

Из всех парней, которых она знала, Дэймон был единственным, кого она не смогла сломить.

О, Мэтт был упрям, а Стефан порой почти невозможен. Но у них обоих были ярко горящие кнопки где-то внутри них, на которых было написано: «НАЖМИ МЕНЯ» и ты всего лишь должна поиграть немного с этим механизмом... ну хорошо, иногда больше чем немного... и даже с самыми сложными мужчинами можно было справиться.

Кроме одного...

– Ладно, детки, время кончилось.

Елена почувствовала, что Мэтт вырывается из ее рук и держалась за него – она не знала с помощью чего, но он стоял. Что-то держало его на месте, вертикально, но это точно не были его мускулы.

– Так на чем мы остановились? – Дэймон прогуливался вперед-назад с сосновой веткой Вирджинии в его правой руке, ударяя ею по левой ладони. – О, право же, – сказал он, как будто сделал большое открытие. – Девушка и ее верный рыцарь собираются поцеловаться.

В комнате Стефана Бонни сказала:– Мередит, нашла ты, наконец, резервный файл для записки Стефана или нет?

– Нет, – сказала Мередит плоским голосом. Но, так как Бонни собралась упасть в обморок снова, Мередит сказала: – Я нашла совершенно другую записку. Фактически, письмо.

– Другую записку? О чем она?

– Можешь встать? Я думаю, тебе лучше самой взглянуть на это.

Бонни, которая только что выравнивала свое дыхание, поковыляла к компьютеру.

Она прочитала документ на экране, абсолютно отличающийся от первого, кроме последних слов и задыхнулась.

– Дэймон что-то сделал со Стефаном! – сказала она и почувствовала, как ее сердце ухнуло вниз, а за ним последовали и остальные органы. – Значит, Елена ошиблась. Дэймон – абсолютное зло. И сейчас, Стефан, может, уже...

– Мертв, – сказала Мередит, очевидно, поняв это одновременно с Бонни. Она посмотрела в глаза Бонни, которые были на мокром месте.

– Сколько прошло времени, – спросила Мередит. – с тех пор как ты в последний раз звонила Елене или Мэтту?

– Не знаю. Я не помню, сколько было времени. Но я звонила дважды после того, как мы покинули дом Кэролайн и один раз в доме Изабелл; и когда я еще раз попыталась, мне пришло сообщение, что их почтовые ящики полны и с ними вообще невозможно соединиться.

– Что-то в этом роде получила и я. Если они рядом со Старым Лесом – в общем, ты знаешь, что там нет мобильной сети.

– И теперь, даже если они уже ушли из лесу, мы даже не можем оставить им сообщение, потому что переполнили их голосовую почту.

– Электронная почта, – сказала Мередит. – Старый добрый e-mail; с помощью него мы сможем оставить Елене сообщение.

– Да! – Бонни ударила кулаком воздух. Но потом ее уверенность поколебалась. Она

замялась на мгновение, а потом почти прошептала: – Нет.

Слова из настоящей записки Стефана отдавались эхом в ее голове: «Я доверяю Мэтту с его инстинктивными попытками защитить тебя, реальным взглядом на вещи Мередит и интуиции Бонни. Скажи им запомнить это».

– Ты не можешь рассказать ей, что сделал Деймон, – сказала она в тот момент, когда Мередит начала деловито печатать. – Возможно, она уже знает – а если нет, это только добавит проблем. Она сейчас с Деймоном.

– Мэтт сказал тебе это?

– Нет. Но Мэтт был не в своем уме от боли.

– Может это от тех... насекомых? – Мередит посмотрела вниз, на лодыжку, где несколько красных рубцов все еще виднелись на фоне гладкой оливковой кожи.

– Это возможно, но это не так. Это не ощущалось подобным образом, вообще. Это была просто... чистая боль. И я, понятия не имею, откуда узнала, что это сделал Деймон. Я просто... знаю.

Она видела, как рассредоточены глаза Мередит и знала, что она тоже думает о словах Стефана.

– Что ж, мое решение – довериться тебе, – сказала она. – Кстати, Стефан произносит «решение», предпочитая произносить его по-американски. Деймон же произносит «решенье» [1]. Может, это и есть то, что беспокоило Мэтта.

[1][Примечание: в английском есть два варианта написания этого слова американское «judgment», и «judgEment»]

– Как будто Стефан действительно бросил бы Елену одну бороться со всем тем, что творится, – с негодованием сказала Бонни.

– Ну, Деймон одурачил нас и заставил так думать, – сказала Мередит. У нее была привычка указывать на подобные вещи.

Бонни внезапно начала: – Интересно, украл ли он деньги?

– Сомневаюсь, но давай проверим, – Мередит отодвинула кресло-качалку и сказала. – Дай мне вешалку.

Бонни вытащила одну из шкафа и заодно взяла один из джемперов Елены и натянула его на себя. Он был ей большой, так как, это был джемпер Мередит, который она одолжила Елене. Но, по крайней мере, в нем ведьме стало теплее.

Мередит тыкала крючковатым концом вешалки в половицу, которая выглядела наиболее подходящей. Как только она попыталась приподнять ее, раздался стук в дверь. Девушки подпрыгнули.

– Это всего лишь я, – послышался голос миссис Флауэрс из-за огромной туристической сумки и подноса с бинтами, кружками, сэндвичами и сильно пахнущими марлевыми повязками, похожими на те, которые она повязывала на руку Мэтта.

Бонни и Мередит обменялись взглядами, а затем Мередит сказала: – Заходите, и давайте мы Вам поможем.

Бонни уже забирала поднос у нее из рук, и миссис Флауэрс опустила туристическую сумку на пол. Мередит продолжала поднимать половицу.

– Еда! – сказала Бонни с благодарностью.

– Да, сэндвичи с индейкой и помидорами. Они помогут вам. Простите, что так долго, но я не могла поторопить припарку для гематом, – сказала миссис Флауэрс. – Помню, много лет назад, мой младший брат всегда говорил: «о моя милостивая добродетель!».

Она устала на место, где не было половицы. Пустота приличного размера, была заполнена стодолларовыми банкнотами, аккуратно завернутыми в банковские ленты.

– Ух ты, – сказала Бонни. – Я никогда не видела столько денег!

– Да, – миссис Флауэрс отвернулась и начала расставлять чашки с какао и бутерброды. Бонни жадно набросилась на сэндвич. – Люди обычно просто клали свои деньги в пустоту

позади кирпича у камина. Но этому молодому человеку, видимо, было нужно побольше места.

– Спасибо за какао и бутерброды, – сказала Мередит после нескольких минут, в течении которых она жадно поела сэндвич и одновременно работала за компьютером. – Но если Вы собираетесь лечить нас от ушибов и всего такого,... боюсь, мы не сможем ждать.

– О, подойди, – миссис Флауэрс взяла маленький компресс, Бонни почувствовала, что он пахнет как чай, и прижала его к носу Мередит. – Ну, через минуточку-то отек снимет. А ты, Бонни – понюхай тот, который от твоей шишки на лбу.

И снова глаза Мередит и Бонни встретились. Бонни сказала: – Ну, если это займет всего несколько минут,... как бы там ни было, я все равно не знаю, что мы будем делать.

Она посмотрела на припарки, взяла круглую, пахнущую цветами и мускусом, и приложила ко лбу.

– Правильно, – сказала миссис Флауэрс, даже не оборачиваясь. – И, конечно, длинная и тонкая для лодыжки Мередит.

Мередит выпила остаток какао, а потом осторожно потянулась вниз и дотронулась до одной из красных отметин. – Да все хорошо... – начала она, но миссис Флауэрс ее перебила.

– Тебе понадобится твоя лодыжка, когда мы пойдем.

– Куда пойдем? – Мередит уставилась на нее.

– В Старый Лес, – пояснила миссис Флауэрс. – За вашими друзьями.

Мередит выглядела напуганной:

– Если Елена и Мэтт в Старом Лесу, я согласна с тем, что мы должны идти искать их. Но Вы не можете идти, миссис Флауэрс! И к тому же, мы не знаем, где именно они находятся.

Миссис Флауэрс отпила из чашки с какао в ее руке, задумчиво посмотрела в окно, которое не было зашторено. На мгновение Мередит показалось, что она не услышала ее, или не собирается отвечать. А потом медленно произнесла:

– Осмелюсь сказать, что вы думаете, что я просто сумасшедшая старуха, которая будет только мешаться, когда вокруг неприятности.

– Мы никогда так не думали, – с уверенностью сказала Бонни, думая, что они узнали о миссис Флауэрс за эти последние два дня больше, чем за те девять месяцев, что Стефан жил здесь. До этого, все, что она когда-либо слышала о ней, было историями с привидениями или слухами о сумасшедшей старой леди из пансиона. Она слышала их столько, сколько себя помнила.

Миссис Флауэрс улыбнулась: – Не так-то это просто, иметь Силу и не верить, что ты ее используешь. И потом, я живу так долго,... людям это не нравится. Они начинают придумывать истории с призраками или слухи...

Бонни почувствовала, что ее глаза забегали. Миссис Флауэрс просто улыбнулась и мягко кивнула.

– Очень приятно иметь вежливого молодого человека в доме, – сказала она, поднимая длинную припарку и оборачивая ее вокруг лодыжки Мередит. Конечно, я должна была одержать верх над своими предубеждениями. Дорогая Мама всегда говорила, что если я буду содержать пансион, мне придется брать пенсионеров, но только не иностранцев. А тут, молодой человек, да к тому же вампир...

Бонни закашлялась какао и почти забрызгала им всю комнату. Она задыхалась, а потом у нее случилась судорога из-за кашля. У Мередит не было никакого выражения на лице.

– ... но через некоторое время, когда я узнала его получше, я прониклась к нему симпатией и сочувствием, – продолжила миссис Флауэрс, игнорируя Бонни с ее кашлем и поливанием всех какао. – И теперь, сюда вовлечена белокурая девочка... бедная маленькая девочка. Я часто говорила с Мама, – сказала она, делая ударение на втором слоге, во французской манере. – Об этом.

– Сколько лет Вашей матери? – спросила Мередит. Ее тон был вежлив, но опытный взгляд Бонни уловил, что она под ужасным впечатлением.

– О, она умерла еще в начале века.

Пауза. А затем Мередит овладела собой.

– Простите, – сказала она. – У нее, наверно, была долгая...

– Я должна была сказать, в начале предыдущего века. Это было в 1901.

В этот раз у Мередит был шок. Но она почти не показала виду.

Нежный пристальный взгляд миссис Флауэрс обратился то к одной девушке, то к другой.

– Я была медиумом. В эстрадном представлении, знаете ли. Трудно войти в транс перед сотнями людей. Но да, я действительно Белая Ведьма и у меня есть Сила. И сейчас, когда вы закончили пить свой какао, я думаю, пришло время отправиться в Старый Лес и найти ваших друзей. Даже если сейчас лето, мои дорогие, вам нужно одеться потеплее, – добавила она. – Я уже готова.

Глава 24

«Никакой легкий поцелуй не удовлетворил бы Деймона», – подумала Елена. С другой стороны, Мэтта нужно соблазнить, иначе он не сдастся. К счастью, Елена уже давно разгадала код Мэтта Ханикатта. И она планировала быть безжалостной в использовании его слабого, восприимчивого тела.

Елена отпустила его и вздохнула. У нее появилось ощущение, будто что-то поползло по ее лопаткам. Так бывает, когда кто-то пристально наблюдает за вами. Она оглянулась и увидела Деймона, стоящего на приличном расстоянии от нее с сосновым прутком Вирджинии, но она не заметила ничего необычного. Она оглянулась еще раз – и ей пришлось зажать кулаком рот.

Деймон был здесь; прямо за ней; так близко, что она не могла бы просунуть два пальца между его телом и ее. Она не знала, как ее рука не коснулась его. Она практически оказалась заманена в ловушку между двумя мужскими телами.

Но как он это сделал? У него не было времени на преодоление дистанции от того места, где он стоял, до того, которое было в двух дюймах от Елены. Она отвернулась-то на секунду. Никакого звука, похожего на шаги по сосновым иглам, не было. Так же как Феррари, он просто появился... здесь.

Елена сдержала крик, который уже хотел вырваться из ее легких, и попыталась дышать. Ее тело остро ощущало тревогу. Мэтт дрожал позади нее. Деймон наклонился, но то, что она смогла обонять, было сладким ароматом сосновой смолы.

Что-то с ним не так. Что-то не так.

– Знаешь что, – сказал Деймон, наклоняясь вперед, от чего девушке пришлось прислониться к трясущемуся телу Мэтта. Но даже тогда она смотрела прямо в Ray-Bans с расстояния трех дюймов. – Ты получаешь двойку с минусом.

Теперь Елена дрожала так же как и Мэтт. Но она должна была овладеть собой, должна была встретить эту агрессию лицом к лицу. Чем пассивнее были она и Мэтт, тем больше времени было у Деймона, чтобы подумать.

В уме Елена лихорадочно искала выход.

«Возможно, он не читает наши мысли, – подумала она. – Но он точно, поймет, говорим мы правду или лжем. Это обычное дело для вампира, пьющего человеческую кровь. Что мы можем сделать? Что мы можем сделать с этим?»

– Это был приветственный поцелуй, – смело сказала она. – Чтобы определить, что собой представляет человек, которого ты встретила, и иметь возможность всегда угадывать его последующие действия. Даже... даже степные хомяки это делают. Теперь... пожалуйста... мы можем немного пошевелиться, Деймон? Я чувствую себя раздавленной.

«Это слишком провокационная позиция», – подумала она. – «Для всех».

– Еще один шанс, – сказал Деймон, и в этот раз он не улыбался. – Я желаю увидеть поцелуй... истинный поцелуй... между вами. Иначе...

Елена извивалась в ограниченном пространстве. Ее глаза искали Мэтта. В конце концов, они были парой в прошлом году. Елена видела взгляд голубых глаз Мэтта: он хотел поцеловать ее настолько, насколько он вообще мог чего-то хотеть после той боли. И он понял, что она должна будет пройти через все эти капризы, чтобы спасти его от Дэймона.

«Несмотря ни на что, мы выберемся», – подумала Елена, мысленно обращаясь к нему. В мозгу некоторых парней не было никаких кнопок в секторе эгоизма. У некоторых, как у Мэтта, были кнопки «ЧЕСТЬ» или «ВИНА».

Мэтт был спокоен, когда Елена взяла его лицо руками, наклоняя его к себе и поднимаясь на цыпочки, потому что он сильно вырос за последний год. Она думала об их первом настоящем поцелуе в его машине по пути домой с мелкой школьной дискотеки. Он был напуган, его руки были влажными, он дрожал. Она была спокойной, чувственной, нежной.

А сейчас она двигала теплый кончик своего языка к нему, раздвигая его замороженные губы. И на всякий случай, если Дэймон подслушивал ее мысли, она думала только о Мэтте. О том, какой он солнечный, о его теплой дружбе, храбрости и любезности, по отношению к ней, даже когда она рассталась с ним. Она не поняла, когда его руки обняли ее за плечи и когда он стал управлять поцелуем, как человек, умирающий от жажды, и нашедший воду.

Она ясно понимала: он никогда не думал, что когда-нибудь еще раз вот так поцелует Елену Гилберт.

Елена не знала, как долго это продолжалось. Наконец она убрала свои руки с шеи Мэтта и отстранилась.

И тут она кое-что осознала. Не случайно во всей этой ситуации, Дэймон напоминал ей режиссера. Теперь все прояснилось. Он держал в руках камеру размером с ладонь и смотрел в видоискатель. Все было снято.

С Еленой, отлично узнаваемой. Так как она понятия не имела, что случилось с бейсбольной кепкой для маскировки и темными очками. Ее волосы были в беспорядке, а дыхание непроизвольно участилось. Кровь прилила к ее коже. И Мэтт не выглядел так собранно, как она думала.

Дэймон смотрел на них через видоискатель.

– Зачем тебе это нужно? – Мэтт зарычал, абсолютно отличающимся от его нормального, голосом.

«Поцелуй тоже его задел», – подумала Елена. Больше, чем ее.

Дэймон высоко поднял сосновую ветвь, снова и снова взмахивая ею, как японский самурай. Сосновый аромат достиг носа Елены. Он выглядел задумавшимся, словно думал, попросить их переснять кадр или нет. Затем передумал, блестяще им улыбнулся и убрал камеру в карман.

– Все, что вам следует знать это то, что эпизод вышел великолепный.

– Тогда мы уходим, – поцелуй как будто придал Мэтту сил, даже для того, чтобы говорить неправильные вещи. – Прямо сейчас.

– О, нет. Однако сохрани эту доминирующую и агрессивную позицию. Когда будешь снимать с нее рубашку.

– Что?

Дэймон повторил тоном режиссера, разъясняющего актерскую задачу своей труппе.

– Расстегни пуговицы на ее рубашке и сними ее.

– Ты псих, – Мэтт повернулся и посмотрел на Елену, как раз вовремя, чтобы увидеть выражение ее лица и единственную слезу, текущую из глаза, не прячась.

– Елена...

Парень повернулся к ней, но она отвернулась. Он не мог заставить ее взглянуть ему в лицо. Но он мог чувствовать жар, исходящий от ее щек.

– Елена, давай бороться с ним. Разве ты не помнишь, как боролась со злом в комнате Стефана?

– Но это хуже, Мэтт. Я никогда не чувствовала ничего хуже этого. Оно сильное. Оно...

давит на меня.

– Ты НЕ имеешь в виду то, что мы должны уступить ему...? – именно это сказал Мэтт, он говорил так, как будто был уже на краю того, чтобы стать плохим. То, что говорили его глаза, было простым. Они говорили: «Нет. Нет, даже если он убьет меня за отказ».

– Я имею в виду... – Елена вдруг повернулась обратно к Демону.

– Отпусти его, – сказала она. – Это касается только нас с тобой. Давай уладим это без него, – она продала бы душу дьяволу, чтобы спасти Мэтта, даже если он не желал быть спасенным.

«Я сделаю все, что ты захочешь», – подумала она, громко мысленно обращаясь к Демону, надеясь, что он услышит это. В конце концов, он уже пил ее кровь против ее воли... по крайней мере, поначалу... Она могла бы пережить это снова.

– Да, ты сделаешь все, что я пожелаю, – сказал Демон, доказывая, что он читает ее мысли лучше, чем она думала. – Вопрос лишь в том, после сколько?

Он не сказал «сколько» чего. Он и не должен был.

– Вижу, я дал тебе хорошие инструкции, – сказал он, в полуобороте к Мэтту, но все еще смотря на Елену. – Поскольку до сих пор наблюдаю яркие иллюстрации в твоей голове. Однако...

Елена видела выражение глаз Мэтта и его горящие щеки, она поняла что он собирается сделать. И тут же попыталась скрыть это знание от Демона.

Мэтт собирался совершить самоубийство.

– Если мы не говорим, что Вы не с нами, значит Вы с нами, – сказала Мерedit миссис Флауэрс. – Но... там есть кое-что такое...

– Да, дорогая, я знаю. И солнце садится. Это плохое время для того, чтобы находиться снаружи. Но, как говорила моя мама, две ведьмы лучше, чем одна, – она улыбнулась Бонни отсутствующей улыбкой. – И, хотя вы были так добры, что не говорили этого раньше – я очень стара. Я помню дни до первых автомобилей и самолетов. У меня могут найтись знания, которые помогут вам в поисках ваших друзей – и с другой стороны, я не такая уж важная персона.

– Ну что Вы, – пылко сказала Бонни. Они использовали гардероб Елены, сваливая в кучу одежду.

Мерedit взяла туристический мешок с одеждой Стефана и кинула его на кровать, но как только она взяла рубашку, она уронила ее снова.

– Бонни, ты можешь взять что-то из вещей Стефана, раз уж мы идем, – сказала она. – Возможно, у тебя будет какое-нибудь видение. Э... возможно Вы тоже, миссис Флауэрс? – добавила она. Бонни поняла. Одно дело было позволить кому-то называть тебя ведьмой; другое дело было называть так кого-то, намного старше тебя.

Последней вещью в гардеробе была рубашка Стефана, и миссис Флауэрс засунула один из его носков в карман.

– Но я не хочу идти через парадную дверь, – сказала Бонни. Она не могла перенести то, что там творилось.

– Хорошо, мы выходим через черный ход, сказала Мерedit, выключая лампу Стефана. – Идем.

Они уже почти вышли через черный ход, когда услышали звонок в парадную дверь.

Все они обменялись взглядами. Мерedit повернулась:

– Это могут быть они!

И она поспешила назад, к тусклому парадному входу. Бонни и миссис Флауэрс последовали за ней, но не так стремительно.

Бонни закрыла глаза и услышала, как открылась дверь. Когда она не услышала восклицаний о гадости, она их открыла.

Не было никакого признака, что случилось нечто необычное за дверью. Никаких раздавленных тел насекомых на крыльце, умирающих или мертвых.

Волосы на затылке Бонни зашевелились. Не то, чтобы она хотела увидеть малаха. Но она хотела бы знать, что с ними случилось. Непроизвольно, одна ее рука дотронулась до шеи, чтобы проверить, не было ли там усика. Ничего.

– Я ищу Мэтью Ханикатта, – голос разрезал мечтания Бонни, как горячий нож сливочное масло и глаза Бонни полностью открылись.

Да, это был шериф Рич Моссберг, это был он, от сверкающих ботинок до накрахмаленного воротника. Бонни открыла рот, но Мередит заговорила первой.

– Это не дом Мэтта, – тихо сказала она.

– Вообще-то я уже был в доме Ханикатта. И в доме Салез, и в доме Маккалоу. Те, кто там находился, предположили, что если Мэтта нет в одном из тех мест, то он должен быть здесь.

Бонни захотелось пнуть его в голень:

– Мэтт не крал дорожные знаки! Он бы никогда, никогда не сделал что-то в этом роде. И я хотела бы знать, где он, но я не знаю. Никто из нас не знает! – она остановилась, чувствуя, что, возможно, взболтнула лишнего.

– И ваши имена...?

Миссис Флауэрс вступила в разговор:

– Это Бонни Маккалоу и Мередит Салез. А я миссис Флауэрс, хозяйка этого пансиона. И я могу поддержать Бонни в ее замечаниях о дорожных знаках...

– Вообще-то, есть кое-что серьезнее пропажи дорожных знаков, мадам. Мэтью Ханикатт подозревается в нападении на молодую женщину. Есть значительное физическое свидетельство в подтверждение ее истории. И девушка утверждает, что они знали друг друга с детства, так что не может быть никакой ошибки с идентификацией личности.

Секунду стояла ошеломленная тишина, а потом Бонни почти прокричала:

– Кто? Кто она?

– Истица – мисс Кэролайн Форбс. И я предлагаю, если кто-то из вас увидит мистера Ханикатта, посоветовать ему, вернуться самостоятельно. Пока его не вернули силой, – он сделал шаг вперед, как будто пытался войти в дом, но миссис Флауэрс тихо преградила ему путь.

– Вообще-то, – сказала Мередит, снова овладевая собой. – Я думаю, вы понимаете, что Вам нужен ордер, чтобы войти в это помещение. У Вас он есть?

Шериф Моссберг не ответил. Он резко повернулся, и спустился вниз по дорожке, направляясь к своему автомобилю, а затем исчез.

Глава 25

Мэтт ринулся на Деймона, в порыве, наглядно показывающем навыки, которые парень получил в футбольной команде колледжа. Он ускорился из спокойного состояния до размытого пятна, пытаясь схватить Деймона и повалить его на землю.

– Беги! – кричал он в это же время. – Беги!

Елена не двигалась, она пыталась придумать план «А», который можно будет применить после этой катастрофы. Она была вынуждена наблюдать унижение Деймоном Стефана в пансионе, но она не могла спокойно смотреть на то, что происходило сейчас.

Однако, когда Елена взглянула на них снова, Мэтт стоял на расстоянии дюжины ярдов от Деймона, мрачный и с побелевшим лицом, но живой и на ногах. Он готовился броситься на Деймона.

И Елена... не могла бежать. Она знала, что это, возможно, самое лучшее решение – Деймон мог быстро расправиться с Мэттом, но большая часть его внимания будет обращена на нее, пытаясь ее выследить.

Но она не была уверена. И также она не могла быть уверена, что расправа над Мэттом не окажется смертельной. Или в том, что тот будет в состоянии уйти прежде, чем Деймон найдет ее или на досуге снова подумает о Мэтте.

Нет, не тот Деймон, безжалостный и беспощадный, каким он был.

Должен быть выход... Елена почувствовала, с каким скрипом вращаются мысли в ее голове.

А потом она увидела это.

Нет, не то...

Но что еще оставалось делать?

Мэтт, и вправду, снова бросился на Деймона и в тот момент, когда он несся на него, гибкий, не останавливаемый и быстрый, как стремительная змея, она увидела, что сделал Деймон. Он просто увернулся в последний момент, словно матадор, в то время как Мэтт хотел протаранить его плечом. Мэтт все еще бежал, но Деймон просто повернулся на месте и снова стоял к нему лицом. Потом он поднял свою проклятую сосновую ветвь. У нее был обломан конец, там где Мэтт наступил на нее.

Деймон, нахмурившись, смотрел на палку, затем пожал плечами, поднял ее и... оба парня замерли, как замороженные. Что-то проплыло мимо, брошенное со стороны и упало на землю между ними. Оно лежало там, покачиваясь на ветру.

Это была бордово-синяя рубашка Пэндлтон.

Оба юноши медленно повернулись к Елене, на которой сейчас была белая кружевная маечка.

Она немного дрожала и обнимала себя руками. Казалось, сейчас необычно холодно для такого вечера.

Деймон очень медленно опустил свою сосновую ветвь.

– Спасен своей innamorata [возлюбленной], – сказал он Мэтту.

– Я знаю, что это значит, и это неправда, – сказал Мэтт. – Она мой друг, а не моя девушка.

Деймон только отдаленно улыбнулся. Елена чувствовала его взгляд на своих оголенных руках.

– Ну те-с,... перейдем к следующему шагу, – сказал он.

Елена не была удивлена. Подавлена, но не удивлена. И она не была удивлена, когда увидела красную вспышку в его глазах, когда Деймон смотрел то на нее, то на Мэтта. Казалось, это было отражено на внутренней стороне его солнечных очков.

– Теперь, – сказал он Елене. – Я полагаю, мы усадим тебя на тот камень, и ты откинешься назад полулежа. Однако прежде... еще один поцелуй, – он посмотрел на Мэтта. – Согласно сценарию ты, Мэтт, просто тянешь время. Для начала, положим, поцелуй ее волосы, затем она откинет голову назад, и ты поцелуешь ее шею, пока она обнимает тебя за плечи...

«Мэтт», – подумала Елена. – «Деймон сказал «Мэтт»».

Это выскочило так легко, так невинно. Внезапно весь ее мозг и тело, словно завибрировали, как одна музыкальная нота, словно ее облили ледяной водой. И то, что пела эта нота, не было шокирующим. Так как, это было то, что она каким-то образом, на подсознательном уровне давно знала.

Это не Деймон.

Это не тот человек, которого она знала уже... неужели действительно всего девять или десять месяцев? Она видела его, когда была человеческой девушкой, бросала ему вызов и желала в равной степени. И казалось, когда она бросала ему вызов, он любил ее больше.

Она видела его, когда была вампиром, и ее тянуло к нему всем существом. А он заботился о ней так, словно она была ребенком.

Она видела его, когда была духом, и загробная жизнь научила ее многому.

Он был бабником, он мог быть черствым, он проносился через жизни своих жертв как несбыточная фантазия, как катализатор, меняя других людей, в то время как сам он оставался неизменяющимся и неизменным. Он озадачивал людей, смущал их, использовал их... оставлял их изумленными, так как у него был дьявольский шарм.

И он никогда не нарушал слово. У нее было ощущение, что это не было каким-то

решением, это было частью Деймона. Пунктик, находящийся так глубоко в подсознании, что и он ничего не мог сделать, чтобы изменить это. Он никогда бы не нарушил своего слова. Он скорее умрет с голоду.

Деймон все еще говорил с Мэттом, отдавая ему приказы: -...а затем сними с нее...

Так как насчет его обещания быть ее телохранителем, оберегать ее?

Сейчас он обращался к ней: – Итак, ты знаешь, когда нужно откинуть голову назад? После того как он...

– Кто ты?

– Что?

– Ты слышал. Кто ты? Если ты действительно проводил Стефана и пообещал ему заботиться обо мне, ничего этого не случилось бы. Ты можешь обмануть Мэтта, но не меня. Ты не он – Деймон не глуп. Он знает, что такое телохранитель. Он знает, что наблюдение боли Мэтта – причиняет боль и мне. Ты не Деймон. Кто... ты... такой?

От силы и скорости Мэтта а-ля «быстрая гремучая змея» не было никакого проку. Возможно, другой подход и сработал бы.

Пока Елена говорила, она медленно посмотрела в лицо Деймону. И тут, одним движением, она сорвала с него темные очки.

Блеснули красные глаза, как новая свежая кровь.

– Что ты сделал? – прошептала Елена. – Что ты сделал с Деймоном?

Мэтт был вне диапазона ее голоса, но он медленно двигался вокруг, пытаясь обратить на себя ее внимание. Она пылко захотела, чтобы Мэтт это делал для того, чтобы сбежать. Для этого существа он был просто другим способом шантажировать ее.

Казалось, он быстро не перемещался, но Не-Деймон выхватил свои солнечные очки у нее из рук. Это случилось слишком быстро, чтобы она могла сопротивляться.

Потом он больно схватил ее за запястье.

– Многим лучше было бы для вас обоих, если бы ты стала сотрудничать, – сказал он небрежно. – Похоже, ты не осознаешь, что может произойти, если тебе вздумается меня разозлить.

Его хватка давила на нее, вынуждая встать на колени. Елена не могла позволить ему этого. Но, к сожалению, ее тело не хотело слушаться; оно посылало срочные сообщения о боли в ее мозг, об агонии, горящей, жгучей агонии. Она думала, что сможет игнорировать это, разрешит ему сломать свое запястье. Она была права. В какой-то момент, что-то в ее мозгу полностью потеряло сознание, и следующее что она поняла, было то, что она стоит на коленях с пульсирующим запястьем которое отчаянно горит.

– Человеческая немощность, – презрительно сказал Деймон. – Она одолевает тебя всякий раз... Тебе следовало подумать об этом прежде, чем не повиноваться мне.

«Не Деймон», – подумала Елена настолько громко, что было удивительно, что самозванец не услышал ее.

– Ладно, – Деймон продолжал говорить над ней так бодро, словно просто предлагал ей что-то. – Ты отправляешься садиться на тот камень, слегка откидываясь назад, и, Мэтт, если только ты подойдешь сюда, встань к ней лицом..., – его тон вежливо приказывал, но Мэтт проигнорировал его и уже был рядом с Еленой, рассматривая отметины пальцев на ее запястье таким взглядом, будто не верил своим глазам.

– ...Мэтт встает, Елена сидит, а кто против, получает на орехи. Веселитесь, детки! – Деймон снова вытащил свою мини-камеру.

Мэтт, взглядом общался с Еленой. Она посмотрела на самозванца и аккуратно сказала:

– Иди к черту, кем бы ты ни был!

– Пришел, увидел, победил, – выпалил Не-Дамон. Он подарил Мэтту улыбку, которая была и светящейся и ужасающей одновременно. Потом помахал сосновой веткой.

Мэтт проигнорировал это. Он ждал. Он стойчески ждал боли от удара.

Елена приложила огромные усилия, чтобы встать рядом с Мэттом. Стоя плечом к плечу, они могли бросить вызов Деймону.

Который, казалось, на мгновение потерял разум: – Вы пытаетесь сделать вид, что не боитесь меня. Но вы будете бояться. Если у вас есть какие-либо чувства, вы будете, немедленно.

Он воинственно шагнул к Елене: – Почему ты не боишься меня?

– Кто бы ты ни был, ты просто дебошир переросток. Ты сделал больно Мэтту. Ты сделал больно мне. Я уверена, что ты можешь убить нас. Но мы не боимся дебоширов.

– Ты будешь бояться. – Голос Дэймона упал до угрожающего шепота. – Просто подожди.

Как будто что-то зазвенело в ушах Елены, твердя ей прислушаться к последним словам, соединить их,... кто издавал подобный звук?...как вдруг ударила боль.

Ее колени согнулись из-за этого. Но сейчас она не просто стояла на коленях. Она пыталась свернуться в клубок, пыталась извиваться в отчаянной борьбе. Все мысли вылетели из ее головы. Она чувствовала, что Мэтт рядом с ней, пытается держать ее, но она не могла больше общаться с ним, казалось, она могла летать. Елена задрожала и упала в сторону, как будто с ней случился апоплексический удар. Она вся была наполнена болью и слышала голоса рядом с ней так, словно они были далеко.

– Прекрати это! – Мэтт, казалось, обезумел. – Прекрати! Ты псих? Ради Бога, это же Елена!

Ты хочешь убить ее?

На это не-Деймон мягко заметил: – Я бы не пытался снова.

Но единственный звук, который издал Мэтт, был гневный крик.

– Кэралайн! – бушевала Бонни, шагая взад-вперед по комнате Стефана, пока Мередит что-то делала с компьютером – Как она посмела?

– Она не пытается достать Стефана или Елену напрямую из-за клятвы, – сказала Мередит.

– И подумала что, таким образом, зацепит нас всех.

– Но Мэтт...

– А Мэтт всегда под рукой. – мрачно сказала Мередит. – К сожалению, следы физического насилия есть у них обоих.

– Что ты имеешь в виду? Мэтт не...

– Царапины, моя дорогая, – вставила миссис Флауэрс. – От вашего существа, имеющего зубы, острые как бритва. Припарка, которую я наложила, залечивает быстро. Можно с уверенностью сказать, что сейчас, они похожи на царапины от женских ногтей. И отметина, которую оно оставило на его шее... – миссис Флауэрс деликатно прокашлялась. – Выглядит так, как в мои дни назывался «любовный укус». Возможно, признак свидания, которое закончилось дракой? Это не значит, что ваш друг и правда сделал бы что-нибудь такое.

– И помнишь, как Кэралайн выглядела, когда мы были у нее, Бонни? – сухо сказала Мередит. – Я не про то, что она ползала,... ставлю все на то, что сейчас она прекрасно ходит. Но ее лицо. У нее был заплывший глаз и раздутая щека. Идеально укладывается в сроки.

Бонни почувствовала себя на два шага отстающей от остальных: – Какие сроки?

– Ночь, когда существо напало Мэтта. Наутро после этого состоялся разговор с шерифом. Мэтт признал, что его мать не видела его всю ночь, и что сторож соседнего дома видел, как Мэтт приехал домой почти в обморочном состоянии.

– Это было из-за яда того существа. Он тогда только-только сразился с малахом!

– Это знаем мы. А они скажут, что он только что вернулся после драки с Кэралайн. Мать Кэралайн едва ли может давать показания... ты видела, в каком она состоянии. Так кто докажет, что Мэтт не был у Кэралайн? Особенно, если это было спланировано.

– Мы докажем! Мы можем поручиться за него... – Бонни внезапно остановилась. – Нет, думаю, предполагается, что это произошло после его ухода. Но, нет, это все неправда! – она снова начала шагать по комнате. – Я видела, одно из тех насекомых вблизи и это было то,

что описывал Мэтт...

– И что из этого? Ничего. Кроме того, на это они ответят, что ты скажешь все что угодно ради него.

Бонни не могла больше выдерживать бесцельную ходьбу. Она должна добраться до Мэтта, должна предупредить его,... если они вообще смогут найти его или Елену.

– Я думала, ты не хотела терять ни минуты, и отправиться на их поиски, – сказала она Мередит обвинительным тоном.

– Знаю. Но я должна кое-что проверить... и, кроме того, я должна попытаться разглядеть, что написано на этом сайте, который, как предполагается, могут читать только вампиры. Сайт Ши но Ши. Но я как только уже не пыталась настроить яркость. Даже если здесь что-то написано, я не могу выяснить, что.

– Лучше больше не тратить впустую время на это, – сказала миссис Флауэрс. – Идите сюда, наденьте ваши куртки, дорогие мои. Стоит ли нам взять желтую телегу?

На секунду Бонни представила, гужевую повозку, что-то вроде кареты Золушки, только не в форме тыквы. Потом она вспомнила, что видела старенький Форд «Т» миссис Флауэрс... желтого цвета... стоявший внутри старых конюшен, принадлежащих пансиону.

– Думаю, будет лучше, если мы пойдем пешком, – сказала Мередит, клацая кнопками монитора. – Так мы будем мобильнее, чем... О Боже! Я сделала это!

– Сделала что?

– Сайт. Подойди и взгляни сама.

Бонни и миссис Флауэрс подошли к компьютеру. Экран светился ярко зеленым, а на нем были темно-зеленые буквы.

– Как ты это сделала? – Потребовала Бонни, когда Мередит потянулась за блокнотом и ручкой, чтобы переписать увиденное.

– Я не знаю. Я просто меняла цветовые настройки – я пробовала экономный режим, как при низком заряде батареи, высокое разрешение, высокий контраст и все комбинации, о которых только могла подумать.

Они уставились на надпись.

«Устали от лазурита?

Хотите устроить каникулы на Гавайях?

Тошнит от однообразной жидкой кухни?

Приходите и посетите Ши но Ши.»

Ниже этого было небольшое объявление того, что «Смерть Смерти», место, где вампиры могут быть избавлены от их проклятия и снова стать людьми. И еще был адрес. Всего лишь городская дорога. Никакого упоминания о конкретном штате, месте нахождения, или хотя бы городе. Но это был Ключ.

– Стефан не упоминал адрес дороги, – сказала Бонни.

– Может, он не хотел пугать Елену, – мрачно сказала Бонни. – Или, может, когда он смотрел на эту страницу, адреса еще не было.

Бонни дрожала.

– Ши но Ши – даже само звучание этого мне не нравится. И не смейся надо мной, – защищаясь, добавила она, обращаясь к Мередит. Помнишь, что Стефан сказал о моей интуиции?

– Никто не смеется, Бонни. Нам нужно добраться до Елены и Мэтта. Что на это скажет твоя интуиция?

– Она говорит, что мы собираемся вляпаться по уши, и что Мэтт с Еленой уже вляпались.

– Забавно, потому что мое мнение идентично.

– Вы готовы? – миссис Флауэрс раздала фонарики.

Мередит включила свой и отметила, что у него сильный, яркий свет.

– Давайте сделаем это, – сказала она, автоматически снова выключая лампу Стефана.

Бонни и миссис Флауэрс последовали за ней, спускаясь вниз по ступеням, выходя

прочь из дома, и на улице все перешли на бег. Пульс Бонни стучал, как ненормальный, ее уши ловили малейший писк. Но, кроме тех мест, которые освещались их фонариками, Старый Лес был темным и устрашающе тихим. Даже пение птиц не нарушало тишину безлунной ночи.

Они заходили все дальше в Лес и уже через минуту окончательно заблудились.

Мэтт очнулся, и в какой-то момент даже не мог сообразить, где находится. На природе. Земля. Пикник? Поход? Заснул на земле?

Затем он попытался пошевелиться, как вдруг боль вырвалась гейзером, и он все вспомнил.

«Этот ублюдок мучил Елену», – подумал он.

Мучил Елену.

Это точно не Деймон. Что такого сказала ему Елена, что он так разозлился?

Даже думать было больно, но был и другой оставшийся без ответа вопрос – записка Стефана в дневнике Елены.

Мэтт осознал, что он может двигаться, только очень медленно. Он осмотрелся, осторожно поворачивая голову, пока не увидел Елену, лежащую рядом с ним, как сломанная кукла. Ему было больно и отчаянно хотелось пить. Она почувствует то же самое. Первой вещью, которая пришла на ум, было отвести ее в больницу; сокращения мускулов, которые вызвала боль, могли сломать руку или даже ногу. И уж конечно они были достаточно сильны, чтобы вызвать растяжение связок или вывих. Если не вспоминать то, что Деймон уже вывихнул ей запястье.

Именно об этом думала практичная и здравомыслящая часть его. Но вопрос, все еще крутился у него в голове, заставляя чувствовать ужасное удивление.

«Он сделал это с Еленой? То же, что и со мной? Я не верю в это. Я знал, что он больной, но я никогда не слышал о том, чтобы он причинял боль девушкам. И никогда, никогда – Елене. Но я... если он сделает со мной то, что сделал со Стефаном – он убьет меня. Мне не присуща регенерация вампира.

Я должен вытащить отсюда Елену прежде, чем он убьет меня. Я не могу оставить ее одну с ним.»

Как бы там ни было, инстинктивно, парень знал, что Деймон где-то здесь. Это подтвердилось, когда он услышал неясный шум. Мэтт повернул голову слишком быстро и уставился на размытый и плавающий черный ботинок. Плавающие и размытые предметы были результатом слишком резкого поворота. Но как только он повернулся, его лицо вдавили в грязь и сосновые иглы.

Ботинком. Теперь он был на шее, измазывая лицо в грязи. Мэтт издал беззвучный яростный рык и схватил ногу повыше ботинка обеими руками, пытаясь получить преимущество и отбросить Деймона в сторону. Но пока он мог только хвататься за гладкую кожу ботика, переместить его в каком-либо направлении было невозможно. Будто вампир в ботинке превратился в металл. Мэтт почувствовал, как сухожилия на его горле выделились, лицо налилось кровью и его мускулы напряглись под рубашкой, поскольку он прилагал невероятные усилия, чтобы сдвинуть ногу Деймона. Наконец, обессиленный, с тяжело вздымающейся грудью, он замер.

В тот же самый момент Ботинок был поднят. Как раз в ту секунду, когда Мэтт осознал, что слишком вымотан даже для того, чтобы просто поднять голову из грязи. Но он совершил невероятное, и поднял ее на несколько дюймов.

Ботинок тут же поймал его за подбородок и поднял его лицо выше.

– Как жаль, – сказал Деймон, приводя в бешенство своим презрением. – Вы, люди, так слабы. С вами абсолютно нет никакого интереса забавляться.

– Стефан... вернется, – Мэтт поднял взгляд на Деймона с земли, где непреднамеренно унижался. – Он убьет тебя.

– Угадай что? – поддержал диалог Деймон. – Твое лицо все исполосовано с одной

стороны, ... ну, знаешь, большими такими царапинами. У тебя вид Фантома из Оперы.

– Если не он, то я. Я не знаю как, но я убью тебя. Клянусь.

– Осторожнее с клятвами.

Как только Мэтт почувствовал, что его рука окрепла достаточно, чтобы схватить вампира... в тот самый момент, в ту же миллисекунду... Деймон нагнулся и больно схватил его за волосы, дергая голову.

– Стефан, – сказал Деймон, глядя прямо вниз, в лицо Мэтту и заставляя парня так же смотреть на него, не важно, как тот пытался отвернуться. – Был силен несколько дней, посколькупил кровь весьма сильного духа, что еще не приспособился к жизни на Земле. Но взгляни на нее сейчас, – он еще больнее дернул Мэтта за волосы. – Некий дух. Лежит там, в грязи. Теперь Сила возвратилась туда, где ей следует быть. Ты это понимаешь? Понимаешь... мальчик?

Мэтт просто устался на Елену.

– Как ты мог сделать это? – прошептал он, наконец.

– Наглядный пример того, что случается с теми, кто осмеливается бросить мне вызов. И, безусловно, ты не желаешь, дабы я точно некий шовинист полностью проигнорировал ее? – усмехнулся Деймон. – Тебе следует идти в ногу со временем.

Мэтт не ответил. Он должен был вытащить Елену из этого.

– Тревожишься о девчонке? Она всего лишь притворяется. Надеется, что я забуду о ней и сконцентрируюсь на тебе.

– Ты лгун!

– Посему я намерен сконцентрироваться на тебе. Так вот, говоря о следовании течению времени, знаешь ли... за исключением царапин и грязи ты прекрасно выглядящий молодой человек.

Сначала эти слова ничего не значили для Мэтта. Когда он понял их, то ощутил, как кровь стынет в жилах.

– Как вампир я могу дать тебе верное и честное заключение. И как вампир, я в скором времени буду крайне измучен жаждой. Есть ты. И есть девушка, которая все еще симулирует обморок. Я убежден, что ты видишь, к чему я веду.

«Я верю в тебя, Елена, – подумал Мэтт. Он лгун и всегда им был».

– Пей мою кровь, – устало сказал он.

– Ты уверен? – теперь голос Деймона был заботливым. – Если сопротивляться, боль просто ужасна.

– Давай уже покончи с этим.

– Как пожелаешь, – Деймон быстро упал на одно колено, дернув Мэтта за волосы, заставляя тем самым вздрогнуть. Еще один рывок за волосы... и Мэтт с откинутой назад головой лежит на колене Деймона лопатками, а шея выгнута и открыта. Еще никогда в жизни Мэтт не чувствовал себя настолько незащищенным, беспомощным и уязвимым.

– Ты всегда можешь передумать, – насмехался над ним Деймон.

Мэтт закрыл глаза, упрямо ничего не говоря.

Тем не менее, в последний момент, как только Деймон нагнулся над ним с жутким оскалом, тело Мэтта среагировало рефлекторно. Он сжал руку в кулак, и неожиданно, послал удар Деймону в висок. Но... быстрый как дьявол... Деймон поднял руку и поймал кулак Мэтта, как-то даже беспечно сжав его пальцы. И в тот же момент острые, словно бритва, клыки вспороли вену на шее парня, и открытый рот прижался к его горлу, высасывая и выпивая кровь, хлещущую из него.

Елена... в сознании, но не способная двинуться с того места, где упала, и не способная издать ни звука или повернуть голову... была вынуждена слушать весь обмен, вынуждена слушать стон Мэтта, поскольку его кровь была взята против его воли. Он сопротивлялся до последнего.

А потом она подумала о чем-то столь головокружительном и пугающем, что почти потеряла сознание от страха.

Глава 26.

Силовые линии. Стефан говорил о них и о том, что мир духов до сих пор имеет влияние на нее. Елена могла их видеть, не прилагая усилий. И сейчас, по-прежнему лежа на боку, она направила все, что осталось от Силы к глазам, и осматривала землю.

И осознание увиденного, заставило Елену сжаться от ужаса.

Здесь, на этом самом месте, сходились линии со всех сторон. Толстые, пылающие холодным свечением линии; средние, имеющие тусклое свечение, подобное свечению испорченных грибов из подвала; и тонкие линии, напоминающие идеальные прямые трещины в материальной поверхности мира. Они походили на вены, артерии и нервы под кожей животного.

Неудивительно, что здесь все казалось живым. Она лежала в центре пересечения Линий Лей. И она не могла представить, что могло бы быть хуже этого.

Если Деймон, каким-то образом, подключился к этой Силе... неудивительно, что он выглядел другим, высокомерным, непобедимым. С тех пор как он оставил ее, чтобы выпить кровь Мэтта, девушка не переставая встряхивала головой, словно пытаясь тем самым избавиться от унижения. Но теперь, наконец, она остановилась, и старалась вычислить способ использования этой Силы. Должен ведь быть способ.

Ситуация не прояснилась. Елена поняла, в конце концов, что это вовсе не из-за ее слабости. А потому что становилось темно,... сумерки опускались снаружи кольца и непроглядная тьма надвигалась и затапливала все внутри него.

Она снова попробовала подняться, и на этот раз ей это удалось. Почти сразу девушке протянули руку. Елена непроизвольно ухватила ее, позволяя поднять себя на ноги.

И столкнулась с Деймоном, или кем-то кто использовал его способности или его тело. Несмотря на полную темноту, он до сих пор не снял очки, скрывающие глаза. Елена ничего не могла понять по открытой части его лица.

– Сейчас. – Сказало существо в очках. – Ты пойдешь вместе со мной.

Все погружалось в темноту, и они находились на поляне, подобной зверю.

Это место было губительным. Она боялась поляны так, как никогда не побоялась бы человека или животного. Немая злость отдавалась в ее ушах, и она не могла закрыть их.

Нужно думать, продолжать думать, и делать это холодно – настраивала себя девушка.

Она ужасно переживала за Мэтта, боялась, что Деймон взял у него слишком много крови или слишком жестоко играл со своей игрушкой, и поломал ее.

И она боялась этой сущности старшего Сальваторе. Она беспокоилась, о том, какое влияние это место могло оказать на настоящего Деймона. Деревья вокруг не могли воздействовать на вампиров, никаким другим способом, кроме как физически. Был ли, истинный Деймон внутри этого повелителя боли? И если он мог понимать что-либо из произошедшего, мог ли он различить ту обиду за свою боль и гнев на Стефана?

Этого она не знала. Она знала, только что его взгляд пугал, когда Стефан сказал ему убраться из пансиона. А насколько ей было известно, здесь в лесу находились существа, малахи, которые могли воздействовать на человеческое сознание. И она боялась, очень боялась, что малахи используют Деймона сейчас, очерняя его самые темные желания и трансформируя его в нечто ужасное, нечто такое, чем он никогда не был, даже в самом худшем из его проявлений.

Но как она могла быть уверена? Как она могла знать, есть или нет здесь что-то большее, нежели малах, нечто, что контролировало само существо? Ее душа говорила, что это и есть причина, по которой Деймон полностью не осознает, что совершает его тело. Но ведь это может быть просто принятие желаемого за действительное.

Все, что Елена сейчас ощущала, это то, что окружена маленькими злобными созданиями. Странными, похожими на насекомых тварями, такими как та, что напала на Мэтта. Они были вне себя от возбуждения, шевеля своими щупальцами производящими шум

подобный гулу вертолета.

Управляли ли они Деймоном сейчас? Конечно! Он никогда бы раньше не причинил столько вреда, ни одному человеку и она это знала. Ей нужно вытащить отсюда их троих. Еще раз она почувствовала волну нужды в Стефана, он бы знал, что делать в такой ситуации.

Она медленно повернулась, посмотрев на Деймона.

– Могу ли я позвать кого-нибудь на помощь Мету? Я боюсь бросать его здесь. Я боюсь, что они завладеют им. – Лучше дать вампиру понять, что она знает об этих тварях прячущихся везде: в печеночнике, рододендроне и в огромных кустарниках падуба.

Деймон медлил, похоже было, что он задумался. Затем он тряхнул головой.

– Мы же не хотим дать кому-то слишком много подсказок о нашем местонахождении. – Сказал он весело. – А было бы довольно интересно понаблюдать, как малах завладеет им.

– Мне не было бы интересно. – Голос Елены был тусклым. – Мэтт мой друг.

– Тем не менее, мы оставим его здесь. Я не поверю тебе, даже если ты попросишь меня отправить сообщение Мередит или Бонни, с моего телефона.

Елена промолчала. По сути дела, он был прав, не доверяя ей. Ведь она, Мередит и Бонни тщательно разработали сложный код – безвредную на вид фразу, сигнализирующую о том, что Деймон был около Елены. Для нее это было целую жизнь назад – причем в буквальном смысле – но она все еще помнила ее.

Молча, девушка просто последовала за Деймоном к Феррари.

Она была ответственной за Мэтта.

– Ты не споришь на сей раз и мне даже любопытно, что же ты задумала.

– Я подумала, что мы можем уладить это. Если ты скажешь мне что «это». – Сказала она смело, хотя внутри не чувствовала себя так.

– Что ж, сейчас «это», касается тебя. – Деймон мимоходом пнул Мэтта по ребрам. Он прогуливался по кругу вокруг поляны, которая казалась меньше, чем раньше, и его обходной круг не включал в себя девушку. Елена сделала несколько шагов к нему и поскользнулась. Она не поняла, как это произошло. Может, выдохнуло гигантское животное. Может это были всего лишь скользкие сосновые иголки под ее ботинками.

Но только что она была на ногах, направляясь к Мэтту и в следующий момент, земля ушла из-под ног и она уже летит вниз и не за что схватиться.

И затем плавно и неспешно она оказалась в руках Деймона. Ощущая ветку Вирджинии за спиной, девушка автоматически поблагодарила. – Спасибо.

– Это мое удовольствие.

Да, подумала она. Вот именно. Его удовольствие, это все, что имеет значение.

Она заметила, что они направляются к ее Ягуару.

– О нет, мы не будем. – Сказала она.

– О, да, мы будем, если я попрошу. – Сказал он. – Если только ты не желаешь вновь увидеть своего друга Мэтта страдающим. В какой-то момент его сердце сдастся.

– Деймон. – Она оттолкнулась, вырываясь из его рук, и опираясь на собственные ноги. – Я не понимаю. Это не похоже на тебя. Возьми то, что ты хочешь и уходи.

Он лишь продолжал смотреть на нее – Я только что этим занимался.

– Тебе не обязательно... – Она не смогла сдержать дрожь в голосе – ...увозить меня, куда-либо для того, чтобы взять мою кровь. И Мэтт не узнает. Он в отключке.

На какое-то время на поляне повисла тишина. Абсолютная тишина. Ночные птицы и сверчки перестали петь. Внезапно у Елены появилось ощущение как на американских горках – она летит вниз, а желудок и другие органы остались наверху. Затем Деймон выразил это чувство словами.

– Я хочу тебя. Всецело.

Елена сконцентрировалась, пытаясь сохранить ясность в голове, несмотря на туман, который казалось, проникал в нее.

– Ты знаешь, что это невозможно.

– Я знаю, что это было возможным для Стефана. Когда ты была с ним, ты не думала ни

о чем кроме него. Ты не могла видеть, не могла слышать, не могла чувствовать ничего кроме него.

Мурашки побежали по всему телу Елены. Говоря осторожно, из-за возникшего в горле комка, она сказала – Деймон, Ты сделал что-то со Стефаном?

– И отчего мне желать сделать с ним что-либо?

Очень тихо, Елена сказала – Ты и я, оба знаем причину.

– Ты подразумеваешь,... – Деймон начал говорить небрежно, но его голос стал более интенсивным, когда он схватил ее за плечи, -...что тогда ты бы не видела ничего кроме меня, не слышала ничего кроме меня, не думала бы ни о чем кроме меня?

По-прежнему спокойно, по-прежнему контролируя свои страхи, Елена сказала – Сними очки, Деймон.

Вампир взглянул вверх и вокруг, точно хотел убедиться, что никакой последний луч заката не сможет проникнуть в зелено-серый мир окружающий их. Затем одной рукой, он снял очки.

Елена вглядывалась в глаза, которые были настолько черны, что казалось, не было никакого различия между радужной оболочкой и зрачком. Она... дернула рубильник в своем мозгу, направляя все ее чувства и ощущения, на лицо Деймона, его выражение, Силу, проходящую через него.

Его глаза были все также черны, как глубины неизведанной пещеры. Никакого красного цвета. Но у него было время подготовиться к этому.

Я верю в то, что видела раньше, подумала Елена. Своими собственными глазами видела.

– Деймон, я сделаю все,... все, что ты захочешь. Но ты должен ответить мне. Ты сделал что-то со Стефаном?

– Стефан все еще был полон твоей крови, когда покинул тебя. – Напомнил он ей. – И дабы сполна ответить на твой вопрос, скажу – я не знаю где он. Даю свое слово. Однако все же это правда, то о чем ты думала ранее. – Добавил он, когда Елена попыталась отойти назад, высвободившись из его хватки. – Я единственный Елены. Единственный кого ты не смогла завоевать. Единственный кем ты не можешь манипулировать. Интригующе, не правда ли?

Внезапно, несмотря на свой страх, она разозлилась. – Тогда почему ты причинял боль Мэтту? Он только друг. За что ты сделал это с ним?

– Только друг. – И Деймон начал смеяться, устрашающе, как и прежде.

– Ну, я хотя бы знаю, что он не имел никакого отношения к уходу Стефана. – Набросилась на него Елена.

Деймон повернулся к ней, но на поляне было уже слишком темно, чтобы она могла прочитать выражение его лица. – А кто сказал, что я имел? Однако это не означает, что я не собираюсь воспользоваться подвернувшейся возможностью. – Он легко поднял Мэтта и показал нечто отблескивающее серебром в другой своей руке.

Ее ключи. Из кармана ее джинсов. Которые, вне всяческих сомнений, были взяты, когда девушка лежала без сознания на земле.

Елена ничего не могла сказать о его голосе, кроме того, что он был мрачный, и в нем чувствовалась горечь... как и обычно, когда он говорил о Стефане. – С твоей кровью в нем. Я не мог убить моего брата, если бы попытался, когда видел его в последний раз. – Добавил он.

– А ты, пытался?

– По сути дела, нет. Также даю свое слово.

– И ты не знаешь где он?

– Нет. – Он поднял Метта.

– И что это ты делаешь?

– Беру его с нами. Он залог твоего послушания.

– О, нет. – Категорически заявила Елена, приближаясь. – Это только между мной и

тобой. Ты достаточно помучил Мета. – Она закрыла глаза и, открыв их, чуть не закричала, обнаружив, что Деймон моментально оказался очень близко. – Я сделаю все, что ты захочешь. Абсолютно все. Но не здесь и не при Мэтте.

«Ну же, Елена». Думала она. «Где-то обольщающее поведение, когда оно тебе нужно? Ты всегда была способна соблазнить любого парня. А теперь, только потому, что он вампир, ты не можешь сделать этого?»

– Увези меня куда-нибудь. – Произнесла она, мягко взяв его за руку. – Но на Феррари. Я не хочу идти в мою машину. Возьми меня в Феррари.

Деймон отступил назад к багажнику Феррари, открыл его и заглянул внутрь. Затем он взглянул на Мэтта. Было ясно, что высокий, хорошо сложенный паренек не влезет в его багажник. По крайней мере, не в месте со своими конечностями.

– Даже не думай об этом. – Сказала Елена – Просто положи его в Ягуар вместе с ключами. Достаточно будет закрыть его там, и он будет в безопасности. – Елена молила, чтобы сказанное ею оказалось правдой.

Несколько мгновений Деймон ничего не говорил. Затем он поднял глаза так ярко улыбаясь, что она смогла увидеть это даже через сумрак. – Хорошо. – Сказал он и снова бросил Мэтта на землю. – Однако если ты попробуешь бежать, пока я вожусь с автомобилями, я перееду его.

«Деймон, Деймон, неужели ты никогда не поймешь? Люди не сделают того, от чего могут пострадать их друзья», подумала Елена, пока он выходил из Феррари, и залезал в Ягуар, чтобы затащить туда Мэтта.

– Хорошо. – Произнесла девушка тихим голосом. Она боялась смотреть на Деймона. – Теперь... чего ты хочешь?

Деймон склонился в очень изящном поклоне, приглашая Елену в Феррари. Она размышляла, что произойдет, когда она сядет в машину. Если бы он был обычным злоумышленником; если бы не было Мэтта, о котором приходится думать; если бы она не боялась леса даже больше, чем боялась его...

Елена помедлила и затем залезла в авто Деймона.

Внутри, она вытащила свою кружевную кофточку из джинсов, скрывая тот факт, что она не застегнула ремень безопасности. Она сомневалась, что Деймон когда-либо пользовался им или блокировал двери или делал что-то в том же духе. Осторожность была не для него. И сейчас она молила о том, чтобы у него не возникло подобных мыслей в этот раз.

– Серьезно, Деймон, куда мы едем? – Спросила она, когда он сел в Феррари.

– Сперва, как насчет выпить по одной на дорожку? – Предложил Деймон, поддельно-шутливым голосом.

Елена ожидала чего-то подобного. Она сидела неподвижно, когда Деймон взял ее за подбородок слегка подрагивающими пальцами, и поднял его вверх. Она закрыла глаза, как только почувствовала змеиный укус, острых, как бритва клыков, проникающих в ее кожу. Глаза девушки были закрыты и тогда, когда злоумышленник припал ртом к ее кровоточащей плоти и начал жадно пить. Идея Деймона «выпить по одной на дорожку» была именно тем, чего она ожидала: достаточно, чтобы подвергнуть опасности обоих. Когда она действительно начала чувствовать, что теряет сознание, Елена толкнула его в плечо.

Он задержался на несколько очень болезненных секунд, лишь для того чтобы показать, кто здесь главный. Затем отстранился от нее, жадно облизывая свои губы, его глаза практически пронзали ее.

– Восхитительно. – Произнес он. – Невероятно. Почему ты...?

«Ага, скажи мне, что я бутылка эксклюзивного шотландского виски», думала она. «Это путь к моему сердцу».

– Можем ли мы теперь ехать? – Многозначительно спросила она. И затем, внезапно вспомнив привычную для Деймона манеру езды, вдумчиво добавила: – Будь осторожен, эта дорога петляет, и часто встречаются резкие повороты.

Это была реакция, на которую она очень рассчитывала. Деймон вдавил педаль газа, и они вылетели с поляны на бешеной скорости. Затем они вошли в резкий поворот у Старого Леса быстрее, чем Елена когда-либо осмеливалась. Быстрее, чем кто-либо с кем ей доводилось ездить в качестве пассажира.

Но, тем не менее, это были ее дороги. В детстве она играла здесь. Была только одна семья, которая жила прямо на границе со Старым Лесом, и их подъездная дорога располагалась по правой стороне основной дороги... со стороны Елены...и она готовилась. Он возьмет резкий поворот налево прямо перед вторым поворотом, который и был подъездной дорогой Дунстанов... и на втором повороте она выпрыгнет.

Тротуара с бордюром, на дороге идущей через Старый Лес, не было. Но существовала одна проблема, – это крупные заросли рододендрона и других кустарников. Все что она могла сделать, так это молиться. Молиться, чтобы она не свернула шею при столкновении. Молиться, чтобы не сломала руку или ногу, прежде чем она прохромает несколько ярдов по лесу к подъездной дороге. Молиться, чтобы Дунстаны были дома, когда она постучит в их дверь и молиться, чтобы они послушали, когда она скажет им не впускать вампира идущего за ней.

Елена увидела поворот. Она не понимала, почему лже-Деймон не смог прочесть ее мыслей, но очевидно он не мог. Он не разговаривал, и его единственной мерой предосторожности в отношении ее побега, по-видимому, была скорость.

Она знала, что покалечиться. Но худшая составляющая всякой боли, это страх, и она не боялась.

Когда вампир обогнул поворот, девушка потянула ручку и толкнула открытую дверь со всей силой, которая была в ее руках, одновременно пнув ее со всех сил ногами. Дверь распахнулась, быстро захваченная центробежной силой, равно как и под воздействием силы ног Елены.

Ее единственный пинок выбросил девушку из машины. Деймон попытался схватить ее, но в руках у него остался лишь небольшой клочок ее волос. На мгновение она подумала, что вампир удержит ее, даже не прикасаясь. Девушка много раз успела перекувыркнуться в воздухе, приблизительно двумя футами над землей, вытягиваясь, и пытаясь схватиться за листья, ветки кустов, что-нибудь, что помогло бы ей замедлить скорость. И в этом месте, где магия и физика встретились, Елена была способна сделать это, – замедлиться пока она еще плывет на волне Силы Деймона, хоть та и относилась девушку намного дальше от дома Дунстанов, чем ей хотелось.

Она стукнулась о землю, подпрыгнула и совершила переворот в воздухе. Упала, ударившись ягодицами и лопатками. Что-то пошло не так, ее левая пятка ударилась первой... Боже!...и запуталась, развернув девушку, стукнув ее колено о бетонное покрытие... Боже, Боже!... подкинув в воздух и уронив Елену на правую руку со всей силы, будто бы пытаясь вогнать ее в плечо.

Воздух вышел из нее при первом ударе и шипел на втором и третьем.

Несмотря на перевороты и летающую вселенную, было кое-что, чего она не могла пропустить – необыкновенная растущая у дороги ель, которую Елена заметила в десяти ярдах за собой, когда вылетала из машины. Слезы неудержимо полились по щекам, когда она дернула усики куста, что запутал ее лодыжку. Несколько слезинок затуманили ее обзор, заставив ее бояться, того что она теряет сознание. Поскольку тем же временем, девушку пронзили две вспышки невероятной боли. Но Елена была вне дороги, ее глаза были промыты, она могла видеть ель, могла видеть закат, могла видеть и то и другое вместе. И главное она была полностью в сознании. А это означало, что если она направится в сторону заката, взяв вправо под углом 45 градусов, то просто не сможет пропустить дом Дунстанов. Подъездная дорога, дом, амбар, кукурузное поле – все это было там, и встретит ее приблизительно через 25 шагов в лес.

Елена едва престала катиться, ухватившись за кустарник, что мешал ей, ухватив за ногу, так же она вытащила стебли, запутавшиеся в ее волосах. Расчеты относительно дома

Дунстанов пронеслись мгновенно в ее голове, даже когда девушка, повернувшись, увидела помятую растительность и кровь на дороге.

Сначала Елена смотрела на ладони с содранной кожей в недоумении, они не могли оставить такой кровавый след. А они и не оставляли. Колено одной ноги было изодрано, причем прямо через джинсы. Другая нога сильно пострадала, хоть и не так кровоточила, но причиняла сильную боль, даже когда девушка лежала спокойно, даже когда не пыталась двигать ею. Обе руки были ободраны.

Не было времени определять насколько все серьезно или выяснять, что она сделала с плечом. Виинииииииизг тормозов впереди. Боже, он медлителен. Нет, это я быстрая, очумевшая от боли и ужаса. Надо использовать это!

Елена поднялась и бросилась в лес. Ее правая нога подчинилась, но когда она подняла и опустила свою левую ногу, фейерверк пронесся перед ее глазами. Она находилась в состоянии повышенной настороженности, и заметила палку даже во время падения. Девушка несколько раз перекатилась, что явилось причиной возникновения красных вспышек боли стреляющих в ее голове, но она умудрилась схватить эту палку. Та словно была специально предназначена для поддержки, она как раз доставала до подмышечной впадины тупым концом, другой же ее конец был острым. Елена установила костыль под левой рукой и заставила себя подняться. Поддерживаемая правой ногой и опираясь на палку, она едва касалась левой ступней земли. Девушка вся была в грязи.

Елена развернулась снова и увидела последние отблески заката и дорогу позади нее. Она подумала «Нужно держаться на 45 градусов правее солнца» Слава Богу, именно ее правая рука была повреждена, так что она могла помочь себе левым плечом развернуться на опоре. Без колебания, не давая Деймону дополнительных миллисекунд, чтобы последовать за ней, она бросилась по выбранному ею направлению в лес. В Старый Лес.

Глава 27

Когда Деймон очнулся, он боролся с колесами Феррари. Юноша находился на узкой дороге, которая уходила прямо в закат, пассажирская дверь была открыта.

Опять-таки, лишь сочетание его практически мгновенной реакции, и прекрасно разработанного автомобиля, позволило вампиру избежать широких грязных канав, которые находились по обе стороны однополосной дороги. И Деймон справился, выровняв автомобиль багажником к закату, уносясь от него прочь, всматриваясь в длинные тени, падающие вперед на дорогу, и думая о том, что, черт возьми, с ним только что произошло?

Он что, уснул за рулем? Пассажирская дверь. Почему она была распахнута?

И тогда кое-что открылось его взору. Длинная тонкая нить. Легкая как паутина, развевалась и переливалась красным в закатных лучах солнца. Она свисала с верхней части стекла, со стороны пассажирской двери.

Деймон немедленно остановился прямо посреди дороги, даже не удосужившись убрать автомобиль с проезжей части. Он вышел из машины, обошел ее с другой стороны, и прикоснулся к паутинке, которая на свету казалась белой. Вампир отошел в сторону леса, где не было яркого солнечного света. Там нить и показала свой истинный цвет – золотой.

Длинный, золотой волос.

Елена

Только лишь вампир понял это, он вернулся в Феррари, и дал задний ход. Нечто вырвало Елену прямо из машины. Очевидно, она боролась, поскольку остались царапины на краске. Что или кто мог совершить это?

Каким образом они сумели подобраться к Елене, если он был рядом? И почему он бессилен что-либо вспомнить? Имело ли место нападение на них вообще?

И когда Деймон возвращался, следы на дороге со стороны пассажирского сидения рассказывали вызывающую ужас историю. По каким-то причинам Елена испугалась и

выпрыгнула из автомобиля или же некая Сила вырвала ее. И Деймон, который в данный момент чувствовал, как пар поднимается от его кожи, знал, что в лесу обитало лишь два существа, способных нести за это ответственность.

Он послал небольшую разведывательную волну, крайне осторожно, дабы никто не смог почувствовать ее, и едва ли не потерял контроль над автомобилем снова.

Merda! (Дерьмо!) Эта вспышка вышла взрывом яростной и смертоносной атаки. Птицы падали с неба. Волна прорвалась сквозь Старый Лес, сквозь Феллс Черч окруженный им и еще дальше, прежде чем наконец-то затухла в сотнях миль от этого места.

Сила?! Он не был вампиром. Он был Воплощением Смерти. В голове Деймона появилась размытая мысль о том, что лучше бы ему съехать на обочину и подождать пока потрясение, охватившее его, немного уляжется. Откуда у него взялась подобная... Мощь?

Стефан бы в данном случае остановился, осмотрелся в смятении и задался вопросом. Деймон же лишь жестко ухмыльнулся, добавил газу, и послал тысячи зондов как дождь с небес, и все направленные на поиски лисообразной твари, которая таскается или же прячется в Старом Лесу.

Он получил ответ в десятую долю секунды.

Там. Под кустом... клопогона кистевидного, если он не ошибся. В общем, не столь важно. Лис под каким-то невообразимым кустом. И Шиничи знает, что он придет.

Отлично. Дэймон послал волну непосредственно к лису, поймав его в своеобразный невидимый аркан-барьер, который он сознательно медленно и не торопясь затянул вокруг борющегося животного. Шиничи ударил в ответ с убийственной силой. Деймон использовал аркан, дабы поднять лиса физически и хорошенько шлепнуть его маленькое тельце оземь. После нескольких подобных шлепков, Шиничи решил прекратить борьбу, выбрав тактику «прикинься мертвым, а не будь им». Вот и ладненько, Деймона это устраивало. Он подумал, что этаким стилем Шиничи весьма к лицу, за исключением части с притворством.

Наконец он остановил машину, спрятал ее между двумя деревьями и стремительно понесся к кустарнику, где Шиничи сражался с барьером вокруг него, теперь дабы войти в человеческую форму.

Прищурившись и скрестив руки на груди, Деймон стоял за спиной Шиничи, наблюдая его старания, в течение некоторого времени. Когда же вампиру это наскучило, он ослабил аркан до той степени, которая позволяла лису трансформироваться. Через мгновение Шиничи уже был человеком, а руки Деймона уже на его горле.

– Где Елена, копо бакауагоу! [сволочной ублюдок] – В ходе своей вампирской жизни вы имеете замечательную возможность изучить множество ругательств на различных языках. И Деймон предпочитал пользоваться лексикой родного языка жертвы. Он выплеснул на Шиничи весь свой запас японского, поскольку лис продолжал бороться, и телепатически призывал свою сестру. Ничего страшного, у Сальваторе найдется парочка отборных словечек по поводу всего происходящего на итальянском, пусть только появится вторая рыжая мордашка. Ее ждет столько креатива.

Деймон почувствовал, как другая лиса несется на него... и что Мисао намеревается убивать. Она была в своем истинном облике, как китсун: та же красно-коричневая тварь, которую он едва ли не сбил, катаясь на машине с Дамарис. Лиса, да, однако лиса с двумя, тремя... шестью хвостами в целом. Дополнительные, как правило были невидимы. Деймон собрался и аккуратно поймал Мисао в невидимый капкан, аналогично ее братцу. Тем не менее, та была готова показать все шесть хвостов, использовать всю Силу, для спасения своего брата.

Деймон удерживая Мисао, и самодовольно созерцая ее напрасную борьбу с барьером, обратился к Шиничи: – Твоя малышка сестренка сражается куда лучше тебя бакауагоу. Немедленно отдай мне Елену.

Шиничи сменил образ и резко метнулся к горлу Деймона, демонстрируя оба ряда острых белых зубов. Юноши оба были слишком взвинчены по вине зашкаливающего тестостерона,... а Деймон к тому же был возбужден своей новой Силой,...дабы удержаться

от выпуска пара. Вампир по-настоящему ощутил, как зубы прочесали его горло прежде, чем его руки вновь ухватили лисью шею. Однако на сей раз Шиничи показал все свои хвосты, веер коих Деймон не потрудился пересчитать.

Вместо этого он наступил начищенным ботинком на сие опахало, и обеими руками потянул голову лиса вверх. Мисао, закричала от гнева и муки. Шиничи поверженный и выгнутый, взгляд золотых глаз застыл на черных глазах Деймона. Еще минута и его позвоночник сломается.

– Я буду наслаждаться этим. – Сказал ему Деймон сладко. – Поскольку держу пари, Мисао знает все то, что знаешь ты. Весьма жаль, что ты не увидишь ее смерти.

Шиничи зверел от ярости, казалось, он был готов умереть сам, и приговорить Мисао к милосердию Деймона, лишь бы избежать поражения в битве. Однако его глаза вдруг резко потемнели, тело обмякло, и слова слабо появились в сознании Деймона.

«... больно..., не могу... думать...»

Деймон, серьезно рассматривал его. Сейчас, в этом месте, Стефан бы значительно ослабил давление на китсуна, дабы бедный маленький лисенок смог думать. Деймон же в свою очередь, кратко усилил давление и вновь вернул на предыдущий уровень.

– Так лучше? – Спросил он заботливо. – Может ли симпатичный маленький лисенок думать теперь?

– Ты... сволочь... – Сказал Шиничи сердито.

Разгневанный как и был, Деймон вдруг вспомнил суть всего этого.

– Что произошло с Еленой? Ее след обрывается подле дерева. Она, внутри него? У тебя остались секунды жизни. Говори.

– Говори. – Скомандовал другой голос, и Деймон едва взглянул на Мисао. Он оставил ее практически без внимания, и она нашла Силу и возможность прейти в свой человеческий облик. Вампир в мгновение ока хладнокровно ухватил ее аркан.

Мисао была низкорослой и щуплой. Она походила на рядовую японскую школьницу, исключая лишь волосы, в точности такие как у ее брата: черные с красными концами. Единственное различие было в интенсивности красного – в волосах японки он был светлее и значительно ярче – истинный сверкающий алый. Челка, падающая в глаза, обжигала горящими пламенем кончиками, а длинные шелковые черные волосы ниспадали по плечам. Это было поразительно, вот только нейроны мозга Деймона, вспыхнувшие в ответ, были связаны с огнем, опасностью и хитростью.

– Она, возможно, попала в ловушку, устроенную Шиничи. – Сказала Мисао.

– Ловушка? – Деймон нахмурился. – Что еще за ловушка?

– Я отведу тебя туда, откуда ты сможешь заглянуть в нее. – Сказал уклончиво Шиничи.

– А лис внезапно может думать вновь. Но знаешь что? Я не считаю тебя милым симпатягой, отнюдь. – Прошептал Деймон и швырнул китсуна на землю. Шиничи в образе человека взмыл вверх, и вампир сбросил барьер на некоторое время, предоставляя лису возможность попытки снести ему башку одним ударом Силы. Деймон легко уклонился от этой волны и вернул ее лису с таким порывом, что когда Шиничи шарахнулся спиной в дерево, последнее отшвырнуло его словно катапульта. Затем, пока китсун все еще был в прострации и со стеклянными глазами Деймон поднял его, закинул на плечо и направился к автомобилю.

– Что насчет меня? – Мисао пыталась обуздать ярость и звучать жалко, однако это действительно плохо у нее получалось.

– Вы не симпатяги, что один, что другой. – Сказал Деймон, неосторожно. – Однако если ты подразумеваешь: когда же ты сможешь выбраться – как только я получу Елену обратно. В сохранности, здоровую, и со всеми конечностями.

Деймон оставил ее бранящуюся. Он желал доставить Шиничи туда, куда они должны были отправиться, пока лис все еще пребывал в оцепенении от боли.

Елена считала шаги. Идем прямо, раз... прямо два... выпутала костыль из травы, три...

четыре; прямо пять; определенно становится темнее, идем прямо шесть; и семь; и восемь; Дьявол! Упавшее дерево. Слишком высокое, чтобы перелезть. Она должна была обойти его. Ладно, на право, один, два, три... да длинное дерево... семь шагов. Семь шагов позади теперь, резко направо и продолжать идти. Почти... как тебе бы хотелось...невозможно пересчитать все те шаги. Так мы на девяти... Выровняйся, ведь дерево было перпендикулярно подъездной дороге. Ох, как темно. Этот одиннадцатый. Она споткнулась, и упала. Как это произошло... Слишком темно, чтобы оглядеться. Она должна была встать. Должна была думать о чем угодно, чтобы заглушить дикую боль в ноге. Но это не помогало. Она попыталась выставить руки, чтобы смягчить падение. Боже, как больно! Одна сторона ее тела невыносимо болела.

Но она должна добраться до цивилизации. Только так она сможет спасти Мэтта.

Ты должна подняться Елена!

Я сделаю это!

Теперь она ничего не видела, но все еще не сбилась с правильного пути. А если она ошиблась, то просто вернется.

Двенадцать, тринадцать – она продолжала считать, разговаривая сама с собой. Когда девушка дошла до двадцати, она почувствовала облегчение и радость. В любой момент, она выйдет на аллею.

В любой момент она ступит на нее.

Было черным-черно, но она так шаркала по земле, что когда ступит на дорожку, сразу же поймет это.

В любую... минуту... сейчас...

Когда же Елена досчитала до сорока, она поняла что в беде. Куда именно она зашла и как далеко? Постоянно какое-то небольшое препятствие, заставляло ее сворачивать направо. Так, в следующий раз она повернет налево. И там уже будут мои ориентиры: сарай, поле... как она могла потеряться? Как? Ведь тут всего лишь полминуты к лесу... всего лишь пара шагов в Старом Лесу.

Старые дубы... и хвойные иглы на земле, приглушающие ее шарканье в тишине.

Тишина... но она нуждается в помощи.

– Миссис Дунстан! Мистер Дунстан! Кристин! Джейк! – Она бросила слова сквозь гущу леса, который делал все возможное, чтобы заглушить ее голос. Она смогла различить в темноте определенную серость, выходящую тонкими клубами, возможно,... да это туман.

– Миссис Дустаааааааааан! Мистер Дустаааааааааан! Криистииин! Джееейк!”

Она нуждалась в укрытии, она нуждалась в помощи. Все болело, руки, колено, левая нога и правое плечо. Елена могла только представить, какое впечатление произведет: вся в грязи и листьях от того, что она так часто падала, а волосы запутанная масса, и всюду кровь.

Одно хорошо: она не походила на Елену Гилберт. У Елены Гилберт длинные шелковистые волосы, были всегда безупречно уложены. Елена Гилберт устанавливала моду, и никогда не замечалась в изношенной порванной кофточке и джинсах, покрытых грязью. Они бы никогда не узнали в ней Елену Гилберт.

Внезапно появилось странное чувство. Она всю жизнь гуляла по этим лесам, и ее волосы никогда не цеплялись за ветки над головой. Понятное дело, что тогда она могла хоть что-то видеть. Но она не помнит, что бы ей приходилось уклоняться во избежание подобного.

Теперь, ей казалось, словно деревья сознательно тянуться вниз, стараясь поймать ее волосы. Она должна была неуклюже пригнуться, чтобы голова не цепляла ветки. Худшим было то, что она больше не могла, находиться в вертикальном положении и не вырвать при этом клочок волос.

Но более болезненным, чем выдиране прядей, и пугающим как ничто другое, было то, что ее хватали за ноги.

Елена выросла, играя в этом лесу, и всегда здесь было достаточно места для беспрепятственной ходьбы, и пораниться было сложно. Но теперь что-то простирало к ней

свои волокнистые усики, захватывало лодыжку там, где это было больнее всего. А затем это была агония, пытаться разорвать пальцами эти толстые, смолистые, язвительные корни.

Я боюсь, думала девушка, наконец-то сумев выразить словами, все свои чувства и ощущения, кишащие в ней, когда она почувствовала, что ступила в темноту Старого Леса. Она была вся влажная от росы, а волосы мокрыми, словно девушка промокла под дождем. Было так темно! И вот теперь ее воображение начинало свою игру. И в отличие от воображения большинства людей, Еленино обладало подлинной, абсолютно достоверной информацией, с которой могло легко и плодотворно работать. Казалось, рука вампира запутывается в ее волосах. Превозмогая бесконечную агонию в лодыжке и плече, девушка крутила «Руку» хватая ее выше волос, чтобы найти другую, вьющуюся величавой поступью.

Ладно. Она проигнорирует боль и сориентируется. Где-то здесь было замечательное дерево, массивная белая сосна, с огромной дырой в центре ствола, достаточно большой, чтобы Бонни забралась внутрь. Елена прислонилась бы к ней спиной, а затем пошла бы на запад. Она не могла видеть звезды из-за облачности, но она чувствовала, что запад был слева от нее. Если она права, это выведет ее к дороге. Если она ошибается и это север, то она попадет к Дунстанам. Если это юг, она в конечном счете попадет на другую петлю дороги. Если же восток... ну что ж, это будет долгая прогулка, но в финале она найдет ручей.

Только сначала, она должна собрать всю свою энергию, всю Силу, которую она подсознательно использовала, унимая боль и собирая мужество и стойкость. Она собрала бы ее, осветила это место, и посмотрела, видна ли отсюда дорога, а лучше дом. Это была всего лишь человеческая сила, но все же, настоящая сила в знании того, как использовать то, что ты имеешь, думала Елена. И она собрала все, что имела в один тугой белый шар, а затем выпустила его, прокручивая, чтобы хорошо осмотреться прежде, чем он рассеется.

Деревья. Деревья. Деревья.

Вокруг были одни деревья. Дубы и гикори, белая сосна и бук. Ни одного холма, на который можно взобраться. Куда не глянь, везде деревья, только деревья, словно она заблудилась в некоем мрачном зачарованном лесу и никогда не сможет выбраться.

Но она выберется. Любое из направлений выведет ее к людям, в конце концов, даже если им будет восток. Даже восток. Она просто пойдет вдоль ручья, пока не доберется до людей.

Ей хотелось, чтобы у нее был компас.

Ей хотелось, чтобы была возможность видеть звезды.

Она дрожала всем телом, и не только от холода. Она была ранена. Она была в ужасе. Но ей пришлось забыть об этом. Мередит не стала бы плакать. Мередит не было бы страшно. Мередит нашла бы разумный выход.

Она должна была помочь Мэтту.

Сжав зубы и преодолевая боль, Елена начала свой путь от сосны. Если бы любую из своих ран, она получила в изоляции, то уже подняла бы большой шум, рыдая и корчась. Но с таким количеством различных болей, все они бы расплавились в одной испепеляющей агонии.

Будь внимательна. Убедись, что движешься прямо, не отклоняясь под углом. Выбери себе следующую цель, в поле своего зрения.

Проблема была в том, что к настоящему времени было слишком темно для возможности видеть хоть что-нибудь. Она могла различить только рифленую кору деревьев перед собой. Красный дуб, вероятно. Ладно, иди к нему. Оп. Ой, это больно. Оп. Слезы заливали щеки. Оп. Немного быстрее. Оп. Ты можешь. Оп. Она положила свою руку на мохнатую кору. Хорошо. Теперь смотри прямо перед собой. Ай. Что-то серое, грубое и массивное впереди. Может белый дуб. Оп к нему. Агония. Оп. Кто ни будь, помогите мне. Оп. Как долго это продлится? Оп. Уже не так далеко. Оп. Туда. Она положила руку на широкую грубую кору.

И затем она сделала это снова.

И снова. И снова. И снова. И снова.

– Что это? – Требовал Деймон. Он был вынужден позволить Шиничи вести их, как только оба вновь покинули автомобиль. Однако он все еще свободно держал энергетический аркан вокруг лиса, и пристально наблюдал за каждым его движением. Вампир не очень-то доверял ему... Хотя нет, он не доверял ему совсем. – Что за силовым экраном? – Повторил он, более грубо, сжимая петлю вокруг шеи Шиничи.

– Наша небольшая хижина. Моя и Мисао.

– И, разумеется, это никакая не ловушка, не так ли?

– Если ты так думаешь, прекрасно! Я войду один. – Шиничи принял форму полу-лисы-получеловека. Черные волосы с рубиновым огнем на концах, доставали до талии, один шелковый хвост той же окраски и шелковистые шевелящиеся уши с малиновыми кисточками на макушке.

Деймон эстетически удовлетворился. Однако более важным являлось то, что у него были свободными руки. Он поймал хвост Шиничи, и крутанул него.

– Прекрати это!

– Я прекращу, как только получу Елену,... если ты не подстерег ее намеренно. Если она пострадала, я намереваюсь взять того, кто бы ни был виновен, и порезать его на лоскутки.

– Независимо от того, кто это был?

– Независимо от того, кто.

Шиничи слегка дрожал.

– Замерз?

– ... просто... восхищаюсь твоей решимостью. – Лис затрясся сильнее. Он почти качался всем телом. Хохот?

– По воле Елены, возможно, я сохраню им жизнь. Но в агонии. – Деймон скрутил хвост крепче. – Шевелись!

Шиничи сделал еще один шаг, и очаровательная деревенская хижина предстала перед ними. С дорожкой гравия, ведущей через две дикие лианы обвивающие крыльцо и свисающие подобно гирляндам.

Это было изысканно.

Даже когда боль росла, Елену не покидала надежда. Независимо от того, куда она повернет, она должна была выбраться из лесу в каком-то месте. Она должна была сделать это. Земля была твердой, не было ничего кашеобразного и не было провалов. Она идет не к ручью. Она шла к дороге. Наверное.

Она устремила свой взгляд к удаленному дереву с гладкой корой. Девушка прыгнула к нему и почти забытая боль вернулась новым чувством.

Елена упала под массивный пепельно-серый ствол дерева. Она отдыхала рядом с ним, когда что-то начало беспокоить ее. Ее ободранная нога. Почему удар о ствол не был таким болезненным? Эти постоянные удары возле всех остальных деревьев, когда она прислонялась к ним во время передышки. Девушка отпрянула назад от дерева, и словно точно зная, что это важно, собрала всю свою Силу и высвободила ее вспышкой белого света.

Дерево с огромным дуплом, то с которого она начала, находилось перед ней.

Какую-то секунду Елена стояла абсолютно неподвижно, растрачивая Силу на освещение. Может все-таки это другое дерево... похожее.

Нет. Девушка обошла его со всех сторон, она не ошиблась, это было дерево, с которого начался ее путь. Ее волосы были на коре. Тот высохший отпечаток окровавленной руки, принадлежит ей. А снизу свежий, оставленный ногой.

Она шла прямо от дерева и пришла прямо к дереву.

– Нееееееееееееет!

Это был ее первый восклицательный вопль, с самого момента падения из Феррари. Елена терпела всю ту боль в тишине. Задыхаясь, да. Тяжело дыша, да. Но ни разу она не сыпала проклятиями и не кричала. Сейчас из нее вырывалось и то и другое.

Возможно это не то же самое дерево.

– Нееееет, неееееет, неееееет!

Возможно, когда ее Сила вернется, она увидит что это всего лишь галлюцинации.

– Нет, нет, нет, нет, нет, нет!

Это невозможно.

– Нееееееет!

Ее костыль выскользнул из-под ее руки, грубо и глубоко вжимаясь в подмышку так, что боль, вызванная этим, легко соперничала с другими болями. Все болело. Но худшее было в ее разуме. В голове возникла картинка – шар, такой как сувенирные стеклянные шары с жидкостью и снегом внутри, стоит его перевернуть и снег или блески закружатся в нем метелицей. Но в ее шаре были только деревья, повсюду, и все они были обращены к центру. А она блуждает внутри этого одинокого шара. И неважно, куда она пойдет. Все что ей встретится на пути, это деревья. Потому что деревья были всем в мире, в который она попала.

Это был кошмар. Но отчего-то он очень походил на реальность.

Деревья были разумными, чересчур, она поняла это. Маленька ползучая лоза,... даже сейчас растение тянуло опору Елены прочь от нее. Костыль двигался, словно передавался из рук в руки очень маленькими людьми. Она протянула руку и едва схватила конец палки.

Она не помнила, падая на землю, где она. Здесь был запах, сладкий, земляной, смолистый аромат. Здесь были растения выющиеся испытывающие ее, пробуящие ее. Легкими и нежными прикосновениями, они вплетались в волосы девушки, чтобы та не могла поднять голову. Потом она почувствовала, как они пробуют ее тело, ее плечо, окровавленное колено. Ничего не имело значения.

Елена зажмурила глаза, ее тело содрогалось от рыданий. Лианы потянулись к ее раненой ноге, и она инстинктивно отпрянула. На мгновение боль разбудила девушку, и она подумала, «я должна добраться до Мэтта», но в следующий момент эта мысль тоже притупилась. Сладкий, смолистый запах окутывал. Лианы проложили путь к вздымающейся груди Елены, обвивая ее. Они окутали ее живот.

А потом они начали сжиматься.

К тому времени, Елена туманно поняла опасность, они ограничивали ее дыхание. Она не могла расправить диафрагму. Как только она умудрялась вдохнуть, они ужесточали свои действия. Все вместе маленькие выющиеся растения, были как одна гигантская анаконда.

Она не могла оторвать их. Лианы были жесткими и упругими, и ногти не могли прорвать их. Работая пальцами, она потянула что есть духу, скобля ногтями и крутя. Наконец, одна лоза лопнула, издавая звук порванной струны.

Остальные лианы натянулись сильнее.

Теперь ей приходилось бороться за воздух, бороться вопреки ее грудной клетке.

Лиана мягко коснулась губ Елены, двигаясь по лицу как тонкая змея, и туго обвернулась вокруг ее щек и головы.

Сейчас я умру.

Она почувствовала глубокое сожаление. Ей была предоставлена возможность, вторая жизнь, второй шанс... третий, включая ее вампирское существование, и она не воспользовалась им. Если не брать в расчет преследование собственного удовольствия. А теперь Феллс Черч был в опасности, и Мэтт был в опасности. А она не только не собирается им помогать, она собирается сдаться и умереть прямо здесь.

Что можно сделать? Что было бы правильным? Творить благочестие? Объединиться со злом сейчас, и надеяться на шанс уничтожить его позже? Может быть. Может быть все, что ей нужно сделать, это обратиться за помощью.

Ощущение удушья, вызывало головокружение. Она никогда бы не поверила, что Деймон оставил бы ее здесь, и позволил убить. Всего несколько дней назад она защищала его перед Стефаном.

Дэймон и Малах. Может быть, она была его платой им. Они, конечно же, требовали

много.

Или может это все потому, что он хочет, дабы я молила его о помощи. Он, должно быть, ждет в темноте, очень близко, его разум настроен на ее сознание, в ожидании шепота «пожалуйста».

Елена попыталась блеснуть остатками Силы, которая была практически исчерпана. Но девушка все же пыталась, словно чиркая последней спичкой. И ей таки удалось получить крошечное белое пламя.

Она начала визуализировать, что пламя проникает через лоб в ее голову. Внутрь. Туда. Сейчас.

Сквозь жгучую агонию, не в состоянии сделать вдох, она позвала «Бонни. Бонни. Услышь меня».

Нет ответа. Но она могла не услышать.

«Бонни, Мэтт на поляне в полосе Старого Леса. Ему может понадобится кровь или какая-либо другая помощь. Присмотрите за ним. В моей машине.

Обо мне не беспокойтесь. Для меня уже слишком поздно. Найдите Мэтта».

«И это все, что я могу сказать», подумала Елена устало. Она была рассеяна, интуиция грустно говорила, что Бонни ее не услышала. Ее легкие разрывались. Это был ужасный способ умереть. Она готовилась сделать выдох, еще раз, и тогда воздуха больше не будет.

«Черт бы тебя побрал, Деймон», подумала Елена, и тогда она сосредоточила все свои мысли, все умственные способности на воспоминаниях о Стефане. На ощущении что она рядом с ним, его растянутые в улыбке губы, его прикосновения.

Зеленые глаза, лиственная зелень, словно лист, поднесенный к солнечному свету...

Порядочность, которую ему каким-то образом удалось сохранить незапятнанной...

Стефан... Я люблю тебя...

Я всегда буду любить тебя...

Я любила тебя...

Я люблю...

Глава 28

Мэтт не представлял, сколько сейчас времени, но под деревьями был глубокий сумрак. Он лежал на боку в Ягуаре, словно его бросили и забыли. Все тело парня болело.

В этот раз он очнулся и сразу подумал о Елене. Но ее нигде не было видно белого пятна ее майки, и когда он позвал ее, сначала осторожно, потом почти крича, ответа не было.

Он прошелся по поляне на руках и коленях. Казалось, Деймон исчез, и это дало ему искру надежды и храбрости, которая осветила его разум, как маяк. Он нашел брошенную рубашку Пэндлтон... изрядно истоптанную. Но, когда он не смог найти никакого мягкого и теплого человека на поляне, его сердце ухнуло куда-то вниз, к ботинкам.

А потом парень вспомнил о машине. Он отчаянно рылся в кармане в поисках ключей, но там было пусто; наконец он обнаружил, что они непостижимым образом оказались в зажигании.

Он пережил мучительный момент, когда машина не заводилась, а затем был потрясен, увидев свет ее фар.

Он немного задумался над тем, как развернуть машину, удостоверившись, что не переедет тело Елены, потом порывшись в бардачке, вытащил руководство и несколько пар темных очков. А, вот и кольцо с лазуритом. Кто-то хранил здесь запасное, на всякий случай. Парень надел перстень, тот сидел почти как родной.

Наконец его пальцы нашарили фонарик, и теперь он мог полностью обыскать поляну, как и хотел.

Елены не было.

И не было Феррари.

Деймон увез ее куда-то.

Хорошо, тогда он выследит их. Чтобы сделать это, ему придется оставить автомобиль Елены, но он уже видел, что эти монстры могут сделать с машиной, и это говорило само за себя.

Он должен быть осторожнее с фонариком. Кто знает, сколько заряда осталось у батареек?

Черт, он пытался дозвониться на мобильник Бонни, потом на ее домашний и в пансион. Сигнала не было, даже притом, что согласно дисплею, он был. Не нужно спрашивать почему – это Старый Лес, переворачивающий все вверх тормашками. Парень даже не интересовался тем, почему пытался дозвониться именно к Бонни, когда Мередит, возможно, вела бы себя более благоразумно.

Он легко нашел следы Феррари. Деймон смылся отсюда быстро, как летучая мышь... Мэтт мрачно улыбнулся, так как про себя закончил это предложение. [1]

[1][Примечание: песня группы Meatloaf – «Bat Out of Hell». Цитата из припева: Как летучая мышь из ада, я уйду, когда наступит утро. Когда ночь закончится, как летучая мышь из ада, я уйду, уйду, уйду.]

И тогда он поехал так, как будто выбирался из Старого Леса. Это было просто и понятно, что либо Деймон ехал слишком быстро для правильного контроля, либо Елена сражалась, потому что в нескольких местах, в основном вокруг поворотов, следы шин ясно виднелись на мягкой земле обочин.

Мэтт очень боялся наступить на что-то, что могло быть уликой. Ему, возможно, придется вернуться назад. Он был осторожен и также, он игнорировал тихие звуки в ночи вокруг него. Он знал, что малахи где-то здесь, но он запретил себе думать об этом.

И он даже не спрашивал себя, почему он делает все это, специально кидается в лицо опасности вместо того, чтобы отступить и уехать на Ягуаре из этого Леса. В конце концов, Стефан не нанимал его телохранителем.

«Но тогда ты не можешь доверять всему, что может говорить Деймон», – подумал он.

И, кроме того... ну, Мэтт всегда бдительно следил за Еленой, даже раньше с их первого свидания. Он может и неуклюжий, медленный и слабый по сравнению с их теперешними врагами, но он всегда будет пытаться защитить ее.

Он почти добрался до конца дороги. Дом Дунстанов скоро можно будет увидеть по правой стороне. Он спросит их, если они видели...

Кровь.

Сначала его мозг подыскивал такие нелепые ассоциации как темно-красная краска. Но его фонарик поймал нечто красное на обочине, словно дорога сделала резкую кривую. Там была кровь. И не просто чуть-чуть крови.

Елена выпрыгнула.

Или так, или Деймон вышвырнул ее из движущегося автомобиля,... но после всех усилий, которые он приложил, чтобы заполучить ее, это не кажется правильным вариантом.

Убить ее, вышвыривая из машины?

Глупый способ, но может Деймон рассчитывал, что его маленькие питомцы позаботятся о теле.

Возможно, но не очень вероятно.

Так что же вероятно?

Ну, дом Дунстанов будет с правой стороны, но ты не можешь видеть его отсюда. Выглядело так, словно Елена выпрыгнула из машины, в то время как та поворачивала. Ей бы вышибло мозги и кишки, и было бы невероятной удачей, если она не умерла бы.

Фонарик Мэтта медленно осветил пролом в живой изгороди из кустов рододендрона.

Боже, вот что она сделала. Да. Она выпрыгнула и попыталась катиться по земле. Здорово, значит она удачлива, раз не сломала шею. Но она продолжала катиться, хватаясь за

корни и ползучие растения, чтобы остановиться. Вот почему они все вырваны из земли.

Восторг охватил Мэтта. Он делал это. Он шел по следам Елены. Он видел ее падение так ясно, как будто присутствовал при нем.

Но когда ее зацепил тот корень дерева, – подумал он, продолжая идти по ее следам, – он, должно быть, поранил ее. А потом она скатилась с травы и прокатилась немного на бетоне – это, должно быть, было мукой; там она потеряла много крови, а потом – обратно в кусты.

А потом что? Рододендрон больше не показывал признаков ее падения. Что там случилось? Деймон развернул Феррари и вернул ее?

«Нет», – решил Мэтт, тщательно исследуя землю. Тут был только один тип следов, и это были следы Елены. Елена встала... только для того, чтобы упасть снова, возможно из-за ран. А потом ей удалось встать снова, но следы были фантастическими – нормальный след с одной стороны и глубокое, но маленькое углубление с другой.

Костыль. Она нашла себе костыль. Да, и этот волочащийся след – след ее больной ноги. Она приблизилась к этому дереву, а потом прошлась вокруг него – или проковыляла, на это похоже больше. А потом она добралась до дома Дунстанов.

Умная девочка. Тогда ее невозможно было узнать, и в любом случае, какая разница заметили ли они сходство между ней и покойной великой Еленой Гилберт? Она могла быть кузиной Елены из Филадельфии.

Она прошла раз, два три... восемь шагов и увидела дом Дунстанов. Мэтт видел свет. Он чувствовал запах конюшен. Взмолнованный, он бежал остаток пути – несколько раз упал, что не принесло ничего хорошего его больному телу, но он упрямо шел к свету у заднего крыльца. Дунстаны не были людьми, освещающими свой парадный вход.

Когда он добрался до двери, он заколотил по ней почти в исступлении. Он нашел ее. Он нашел Елену!

Казалось, прошло много времени, прежде чем дверь отворилась на щелочку. Мэтт автоматически просунул свою ногу в эту щель так, чтобы дверь не могла закрыться, думая о своем.

Да, отлично, вы осторожные люди. Не тот тип, который впустит вампира после того, как увидел девочку, всю в крови.

– Да? Что тебе нужно?

– Это я, Мэтт Ханикатт, – сказал он глазу, рассматривающему его из щели открытой двери. – Я пришел за Ел... за девушкой.

– О какой девушке ты говоришь? – грубо сказал голос.

– Послушайте, у вас нет повода для беспокойства. Это я... Джейк знает меня со школы. И Кристин меня тоже знает. Я пришел помочь.

Что-то в искренности его голоса, казалось, нашло отклик у человека за дверью. Дверь открылась, и за ней был большой, темноволосый мужчина, который был в рубашке и нуждался в бритве. Рядом с ним, в гостиной, была высокая, тоненькая и почти изможденная женщина. Она смотрела так, словно готова была закричать. Рядом с ними обоими был Джейк, который был на год старше Мэтта в Старшей Школе имени Роберта Ли.

– Джейк, – сказал Мэтт. Но не получил никакого ответа, кроме унылого тоскливого взгляда.

– Что такое? – испуганно потребовал ответа Мэтт. – Девушка пришла сюда некоторое время назад, она была вся в крови, но... но... вы впустили ее, так ведь?

– Никакая девушка не приходила сюда, – категорически сказал мистер Дунстан.

– Она должна была. Я шел по ее следу – она оставила след из крови, понимаете, почти до вашей двери. – Мэтт не позволял себе думать. Если он продолжит говорить факты достаточно громко, они отдадут ему Елену.

– Еще проблемы, – уныло сказал Джейк голосом, который очень шел выражению его лица.

Миссис Дунстан, казалось, сочувствовала Мэтту больше всех: – Мы слышали какой-то

голос ночью, но когда мы выглянули, никого не было. И у нас свои собственные проблемы.

А потом, прямо на последней реплике, в комнату ворвалась Кристин. Мэтт уставился на нее с чувством *déjà vu* (дежа-вю). Она была одета во что-то, напоминающее одежду Тами. Девочка отрезала брючины ее джинсов до того, что они стали почти невидимыми. Сверху на ней был надет короткий топик, но с... – Мэтт торопливо отвел взгляд – двумя большими дырками там, где у Тами были большие картонные круги. И она украсила себя блестящим клеем.

Господи! Ей всего... сколько, двенадцать? Тринадцать? Как она вообще может вести себя так?

Но в следующий момент все его тело затряслось в шоке. Кристин направилась к нему и проворковала:

– Мэтт Хани-батт! Ты пришел, чтобы увидеть меня!

Мэтт осторожно дышал, чтобы преодолеть свой шок. Мэтт Хани-батт. Она не могла знать этого. Она даже не ходила в одну школу с Тами. Зачем Тами звонить ей... и говорить что-то такое?

Он потряс головой, как бы выбрасывая эти мысли из нее. Затем посмотрел на миссис Дунстан, которая казалась самой доброй.

– Могу я позвонить? – сказал он. – Мне нужно... мне правда нужно сделать несколько звонков.

– Телефон не работает со вчерашнего дня, – сказал мистер Дунстан резко. Он не пытался отодвинуть Кристин от Мэтта, который казался чуждым, поскольку был невероятно зол. – Возможно из-за упавшего дерева. И ты знаешь, что мобильные тут не берут.

– Но... – мозг Мэтта явно перегрузили. – Это правда, что никакая девушка не приходила в дом и не просила помощи? Блондинка с голубыми глазами? Клянусь, я не тот, кто сделал с ней такое. Клянусь, что хочу помочь ей.

– Мэтт Хани-батт? Я делаю татуировку, только для тебя, – все еще прижимаясь к нему, Кристин протянула свою левую руку. Мэтт в ужасе уставился на нее. Она, очевидно, использовала иголку или булавку, чтобы поколоть свое левое предплечье, а потом открыла стержень авторучки, чтобы влить туда темно-синий цвет. Это была основная татуировка тюремного типа, сделанная ребенком. Беспорядочные буквы М Э Т были уже видны, наряду с еще одним чернильным пятном, которое, видимо, готовилось стать еще одной буквой Т.

«Неудивительно, что они не были рады впустить меня», – ошеломленно подумал парень. Теперь Кристин обнимала его обеими руками за талию так, что ему стало трудно дышать. Она стояла на цыпочках, разговаривая с ним и быстро шепча кое-какие непристойные вещи, которые говорила Тами. Он уставился на миссис Дунстан:

– Честно, я не видел Кристин с... должно быть, год. Последний раз это было на карнавале, и Кристин помогала мне с катанием на пони, но...

Миссис Дунстан медленно кивала: – Это не твоя вина. Она вела себя так же с Джейком. Своим собственным братом. И с... с ее отцом. Но я говорю правду, мы не видели никакую другую девушку. Никто, кроме тебя, не стучал в нашу дверь сегодня.

– Хорошо, – глаза Мэтта были влажными. Его мозг, прежде всего думавший о собственном выживании, твердил ему сохранять свое дыхание, а не спорить. – Кристин... я правда не могу дышать...

– Но я люблю тебя, Мэтт Хани-батт. Я не хочу, чтобы ты оставлял меня. Особенно из-за той старой шлюхи. Старой шлюхи с червями в глазницах...

И снова Мэтт почувствовал смысл колебания мира. Но он не мог вздохнуть. Ему не хватало воздуха. Он повернулся с вытаращенными глазами к миссис Дунстан, которая была ближе всего.

– Не могу... дышать...

Как может тринадцатилетняя девочка быть такой сильной? И мистер Дунстан и Джейк пытались оторвать ее от него. Это не сработало. Он уже начал видеть серую сеть, пульсирующую перед его глазами. Ему нужен был воздух.

Послышался резкий звук, отозвавшийся ударом по чьему-то телу. А потом еще один. Вдруг он почувствовал, что может снова дышать.

– Нет, Джейкоб! Не надо больше! – закричала миссис Дунстан. – Она отпустила его – не бей ее больше!

Когда Мэтт снова обрел способность видеть, он увидел, что мистер Дунстан поправляет свой ремень. Кристин вопила:

– Тыыыы... ненавижу! Тыыыы... ненавижу! Ты пожжалешшшь! – после этого она умчала прочь из комнаты.

– Я не знаю, поможет это, или станет только хуже, – сказал Мэтт, когда к нему вернулась способность ровно говорить. – Но Кристин не единственная девочка, ведущая себя так. По крайней мере, еще одна в этом городе...

– Все, что меня волнует – это моя Кристин, – сказала миссис Дунстан. – И это... существо не она.

Мэтт кивнул. Но была одна вещь, которую нужно было сделать прямо сейчас. Нужно найти Елену.

– Если блондинка постучит в дверь и попросит о помощи... пожалуйста, впустите ее, – попросил он миссис Дунстан. – Пожалуйста! Но не пускайте никаких парней – даже меня, если не хотите, – выпалил он.

На мгновение его глаза и глаза миссис Дунстан встретились, и он почувствовал, некую связь. Потом она кивнула и поспешила выпроводить его из дома.

«Хорошо, – подумал Мэтт. – Елена направилась сюда, но не добралась. Посмотрим на следы».

Он посмотрел. И следы показали ему, что, когда осталось всего несколько шагов до собственности Дунстанов, она необъяснимо резко повернула направо и пошла глубоко в лес.

Почему? Что-то напугало ее? Или она... – Мэтт почувствовал приступ тошноты. – Или она обманывала, делая вид, что ковыляет, пока наконец не оставила всю человеческую помощь позади?

Все что он мог сделать – это следовать за ней в лес.

Глава 29

– Елена!

Что-то беспокоило ее.

– Елена!

Пожалуйста, не надо больше боли. Ей сейчас не было больно, но она помнила ту боль... о, еще одну борьбу за воздух она не выдержит...

– Елена!

Нет... пусть все останется как есть. Елена мысленно отодвинула ту вещь, которая надоедала ей.

– Елена, пожалуйста...

Все, что она хотела – это уснуть. Навсегда.

– Будь ты проклят, Шиничи!

Деймон поднял снежный шар с миниатюрным лесом внутри, когда Шиничи нашел слабый свет Елены, исходящий от него. Внутри росли десятки елей, сосен ореховых и других деревьев. Все с совершенно прозрачной внутренней оболочкой. Миниатюрный человек – учитывая то, что вряд ли кто-либо может быть уменьшен и помещен в такой шар – увидел бы впереди и позади себя только деревья, во всех направлениях. И он мог пойти прямо и вернуться к исходной точке вне зависимости от того, каким курсом шел.

– Это развлечение, – угрюмо сказал Шиничи, наблюдая за ним из-под ресниц. – Игрушка, в которую обычно играют дети. Игрушка-ловушка.

– И ты находишь это забавным? – Деймон со всей силы швырнул шар в деревянный

кофейный столик в изысканном домике, являющимся тайным убежищем Шиничи. И тогда он понял, почему это была игрушка для детей – стекло было небьющимся.

После всего этого Деймону потребовалась мгновение... лишь мгновение,... дабы взять себя в руки. Возможно, у Елены остались считанные секунды жизни. Ему следует быть аккуратным в своих выражениях.

С того самого момента мощный поток слов полился из его уст, в основном на английском, и преимущественно без лишних проклятий и даже оскорблений. На попираание Шиничи ему было плевать. Он просто пригрозил... нет он поклялся... учинить над Шиничи насилие, которое тот никогда не видел за всю свою длинную жизнь, наполненную перекошенными образами вампиров и людей. В конце концов, Шиничи начал вникать, что это не шутки и Деймон очутился внутри шара с промокшей Еленой перед ним. Она лежала у его ног, и самые худшие опасения вампира не оправдались, поскольку она была в таком ужасном состоянии, какое он не мог себе даже вообразить. У нее была вывихнута правая рука, а во многих местах еще и переломана, и невероятно отекая левая голень.

Он ужаснулся, представив, как она продиралась через лес в шаре, кровь текла из правой руки... от плеча до локтя, левая нога волочилась за ней словно у раненого животного, и это было самое худшее. Ее волосы, пропитанные потом и грязью, раскинулись по ее лицу. И она была не в своем уме, буквально. Она бредила, разговаривала с людьми, которых там не было.

И она посинела.

Ее сил хватило лишь на один побег. Деймон схватил огромные охапки лиан, злобно выдирая их из земли так, словно те пытались бороться с ним или обернуться вокруг его запястья. Елена ахнула в одном глубоком вздохе, словно удушье должно было убить ее, однако она не приходила в сознание.

И она не была той Еленой, которую он помнил. Когда Деймон поднял ее на руки, не чувствовалось ни сопротивления, ни признания – ничего. Она не знала его. Она была вне себя от лихорадки, истощения и боли, но в следующую секунду, находясь в полубессознательном состоянии, Елена поцеловала его руку, через свои мокрые растрепанные волосы и прошептала: – Мэтт... найди... Мэтта. – Она не знала, кто он... и вряд ли знала кто она сама. Однако даже сейчас она беспокоилась о своем друге. Поцелуй впитался в кисть вампира и прошел вверх по руке точно прикосновение раскаленного клейма. И с этой секунды он контролировал ее мозг, пытаясь отвести агонию, которую она испытывала... куда угодно... в ночь... в себя.

Он вернулся к Шиничи и голосом, в котором сквозил ледяной ветер, произнес:

– Лучше бы тебе иметь средство излечить ее раны... немедленно.

Очаровательный домик был окружен такими же вечнозелеными растениями, гикори и соснами как и в снежном шаре. Огонь стал фиолетово-зеленым, когда Шиничи ткнул в него.

– Эта вода почти закипела. Заставь ее выпить чай, смешанный с этим, – он вручил Деймону почерневший флакон,... раньше это было красивое чеканное серебро, а теперь лишь потрепанные остатки того, чем это являлось раньше,... и заварной чайник с несколькими разломанными листьями и другими имеющими сомнительный вид ингредиентами на дне. – Удостоверься, что она выпила три четверти чашки, и она заснет и проснется почти новенькой.

Он толкнул Деймона локтем под ребро: – Или ты можешь просто позволить ей сделать несколько глотков, что отчасти вылечит ее, а потом скажи ей, что в твоей власти дать ей выпить больше или не дать ничего... И знаешь... в зависимости от того, насколько она готова сотрудничать...

Деймон молча отвернулся.

«Если я взгляну на него», – подумал он, – «убью. А ведь он, возможно, понадобится мне снова».

– А если ты действительно хочешь ускорить ее выздоровление, добавь немного своей крови. Некоторым нравится делать это так, – добавил Шиничи; его голос вновь набирал обороты с волнением. – Смотреть, как много боли люди способны выдержать, знаешь ли, а

затем, когда они умирают, ты можешь просто напоить их чаем с кровью и начать все заново,... если они помнят тебя с предыдущего раза – что они вряд ли когда-либо смогут; они как правило пройдут через еще более страшную боль, чтобы получить шанс сразиться с тобой... – лис захихикал и Деймон подумал, что тот не в своем уме.

Однако когда он внезапно повернулся к Шиничи, ему пришлось приложить усилия, дабы сдержаться. Китсун стал пылающим, светящимся, словно обвел себя контуром. Языки света, сияли от его проекции как солнечные макро-вспышки. Деймон едва ли не ослеп, и знал, что должен был. Вампир сжал серебряный флакон, словно таким образом из всех сил держался за свое здравомыслие.

Возможно, так оно и было. У него наблюдался пробел в памяти... а затем вдруг проявились воспоминания о попытках найти Елену... или Шиничи. И поскольку Елена отсутствовала в их компании, это могла быть только вина Шиничи.

– Есть здесь современная ванная комната? – спросил Деймон у Шиничи.

– Здесь есть все, что ты захочешь. Просто реши, что именно, перед тем как открыть дверь, и открой ее вот этим ключом. А сейчас... – Шиничи потянулся, его золотые глаза прикрылись. Он томно пробежал рукой по блестящим темным волосам с языками пламени. – Я думаю, пришло время вздремнуть под кустом.

– Это все, чем ты занимаешься по жизни? – Деймон даже не пытался сдержать резкий сарказм в своем голосе.

– И весело провожу время с Мисао. И сражаюсь. И хожу на турниры. Они... в общем, ты должен будешь прийти и увидеть один собственными глазами.

– Я не желаю никуда идти, – Деймон даже знать не желал, что этот лис и его сестрица находят забавным.

Шиничи протянул руки и снял с огня миниатюрный котел полный кипящей воды. Он залил кипятком грудку древесной коры, листьев и других компонентов в избитом металлическом заварном чайнике.

– Почему бы тебе не начать поиски куста сейчас? – Сказал Деймон, и это не было простым предложением. Ему осточертел этот лис, исполнивший свое назначение, и ему было плевать на то, какой вред Шиничи может причинить другим людям. Все, чего он желал – побыть наедине... с Еленой.

– Помни: заставь ее выпить все это, если хочешь оставить ее на некоторое время. Она в значительной степени невосстановима без этого, – Шиничи процедил сквозь мелкое сито настойку темно-зеленого чая. – Лучше сделай это до того, как она проснется.

– Может, ты просто свалишь отсюда?

Когда Шиничи шагнул через пространственную трещину, заботясь о том, чтобы повернуть на правильную дорогу для попадания в реальный мир, а не другой шар, он кипел. Он хотел вернуться и порвать Деймона, не оставив от него ни дюйма. Он хотел активизировать в нем малаха и велеть ему... ну, конечно не просто убить милую Елену. Она была цветком с не вкушенным нектаром, и Шиничи не спешил хоронить ее.

Что касается остального плана... да, он решил. Теперь он знал, что будет делать. Он будет сладко смотреть на то как сближаются Деймон и Елена а потом, во время праздника «Moonspire» сегодня вечером, вернет ей того монстра. Лис мог позволить Деймону верить, что они были «союзниками», а затем, в середине их маленькой пьянки,... сделать из него монстра. Чтобы показать что он, Шиничи, контролировал его все это время.

Он накажет Елену способами, которые ей никогда и не снились, она умрет в восхитительной агонии... на руках Деймона. Хвосты Шиничи в исступлении задрожали от одной только мысли об этом. Но пока он позволит им смеяться и шутить вместе. Жажда мести будет только расти со временем. А Деймона, по правде говоря, очень сложно контролировать, когда он в бешенстве.

Больно признавать, но его хвост... тот, который в центре, материальный... болел от отвратительной жестокости Деймона к животным. Когда Деймона охватывала страсть,

каждая унция концентрации Шиничи уходила на то, чтобы контролировать его.

Но в «Moonspire» Деймон будет спокойным и мирным. Он будет доволен собой, потому что он и Елена, несомненно, вступят в какой-то абсурдный сговор, чтобы остановить Шиничи.

Тогда-то и начнется веселье.

Елена станет восхитительным рабом, когда ее время истечет.

Когда китсун убрался, Деймон почувствовал, что может вести себя естественнее. Все еще контролируя разум Елены, он поднял чашку. Вампир сделал глоток этого настоя, прежде чем дать ей и нашел, что на вкус он немногим лучше, чем на запах. Однако у Елены действительно не было выбора, она ничего не могла сделать по собственной воле и постепенно уровень микстуры в чаше понижался.

А затем, то же произошло и с дозой его крови. Опять же, Елена была без сознания и не имела права выбора в этом вопросе.

А потом она самостоятельно заснула.

Деймон беспокойно мерил комнату шагами. Его память больше походила на сон, беспорядочно дрейфующий в его голове. И сон этот был о Елене, пытающейся выпрыгнуть из Феррари, что шел со скоростью 100 километров в час, дабы убежать от... кого?

От него?

Почему?

Нет, в любом случае это лучшее из начал.

Однако это все, что ему под силу было вспомнить! Дьявол! Что бы ни произошло до этого, ему оно представлялось чистым листом. Он ранил Стефана? Нет, Стефан исчез. С ней был какой-то другой парень, Мутт. Что же произошло?

Черт, будь оно проклято! Он должен выяснить что случилось, дабы иметь возможность объясниться с Еленой, когда она проснется. Он хотел, дабы она верила ему, доверяла. Он не желал ее в качестве донора лишь на одну ночь. Он желал, дабы она выбрала его. Он желал, дабы она поняла, наконец, насколько больше гармонирует с ним, нежели с его сереньким братцем-молокососом.

Его принцесса тьмы. Вот кем она должна быть. С ним на правах короля, супруга, все чего бы она только пожелала. Когда она увидит все более ясно, то поймет, что это совершенно не имеет значения. Ничего не имеет значения, кроме них двоих вместе.

Он рассматривал ее тело, скрытое под вуалью простыни с беспристрастием... нет, с неким положительным чувством вины. Dio mio [Бог мой],... что если бы он не нашел ее? Он не мог выбросить из головы ту картину: как она выглядела... как споткнулась и упала... как лежала бездыханная... как поцеловала его руку...

Деймон сел и ущипнул себя за переносицу. Почему она пребывала с ним в Феррари? Она гневалась... нет, не гневалась. Разъярена – это слово больше соответствует, однако столь же напугана... им. Теперь он ясно мог представить себе момент, когда Елена выбрасывается из мчащегося автомобиля,... но он не мог вспомнить что-либо до этого.

Не уже ли он теряет рассудок?

Что с ней сделали? Нет... Деймон вынудил свои мысли уйти прочь от легкого вопроса и заставил себя задать реальный вопрос. Что он сделал с ней? В глазах Елены, голубых с золотыми вкраплениями вокруг зениц, очах подобных лазуриту, легко читались мысли даже без телепатии. Что... он... сделал с ней такого, отчего она настолько испугалась, что выпрыгнула из несущегося автомобиля только бы сбежать от него?

Он насмехался над светловолосым мальчишкой. Муттом... Гнатом [Gnat – комар, мошка]... не столь важно. Они были вместе втроем, и он, и Елена... дьявол! С этого воспоминания и до его пробуждения за рулем Феррари все было мерцающе пустым. Он помнил спасение Бонни в доме Кэролайн, помнил, что опоздал на свою встречу со Стефаном в 4:44 вечера, однако после начались провалы в памяти. Шиничи, maledicalo [проклятый]! Чертова лиса! Он обладал сведениями куда большими, нежели говорил Деймону.

«Я всегда... был сильнее... своих врагов», – подумал он. – «Я всегда... контролировал... себя».

Деймон услышал тихий звук и немедленно кинулся к Елене. Ее голубые глаза были закрыты, но ресницы трепетали. Просыпалась ли она?

Он заставил себя обернуть ее плечи простыней. Шиничи был прав. Там было много засохшей крови, однако, невзирая на это вампир чувствовал, что сам ток ее крови был нормальным. Но все же было нечто ужасно неправильное... нет, он не желает верить в это.

Деймон едва сдержал себя от крика во фрустрации. Проклятый лис оставил ее с вывихнутым плечом.

Сегодня все складывалось не в его пользу.

И что теперь? Звать Шиничи?

Никогда. Он чувствовал, что сегодня более не сможет взглянуть на эту лису без желания убийства.

Вампир собирался вправить ей плечо самостоятельно. Эта процедура по обыкновению требовала двух человек, однако что он мог поделать?

Все еще держа разум Елены в железных тисках, и убедившись в невозможности ее пробуждения, он крепко сжал руку девушки, и приступил к болезненному процессу оттягивания сустава еще дальше, максимально уводя кость. После чего он смог, наконец, ослабить давление, и услышал сладкий щелчок, свидетельствующий о том, что длинная кость встала на место. Затем он отпустил. Голова Елены моталась то в одну, то в другую сторону, губы пересохли. Он вылил еще немного магического сращивающего кости чая Шиничи в битую чашку, затем мягко поднял голову девушки с левой стороны, и поднес чашку к ее губам. Он дал ее разуму немного свободы, и она начала поднимать правую руку, но затем бросила.

Он вздохнул, и наклонил ее голову, аккуратно выливая содержимое серебряного флакона прямо ей в рот. Елена покорно глотала. Все это напомнило ему о Бонни... только лишь Бонни не причиняли столь страшной боли. Деймон знал, что не может возратить Елену друзьям в таком состоянии: с изодранными кофточкой и джинсами повсюду в засохшей крови.

Возможно, он может сделать что-либо с этим. Вампир направился ко второй двери из спальни, думая о ванной – современной ванной – и затем открыл дверь. Там оказалось именно то, что он вообразил: чистое, белое, санитарное помещение с большой стопкой сложенных на ванне полотенец, готовых к использованию.

Юноша смочил теплой водой одну из мочалок. Бесспорно, он понимал, что лучшим было бы раздеть Елену и опустить в теплую воду. Поскольку это именно то, что ей сейчас требовалось. Однако если это когда-либо откроется, ее друзья вырвут его бьющееся сердце из груди и насадят на вилы. Он никогда даже не думал об этом, просто знал.

Деймон вернулся к Елене и начал нежно вытирать засохшую кровь с ее плеча. Она что-то бормотала, мотая головой, но он продолжал до той поры, пока открытое в разорванной ткани плечо не обрело нормальный вид.

Следом он взял другую мочалку, и приступил к омовению ее лодыжки. Нога все еще была отекающей – в ближайшее время Елене не придется много бегать. Ее голень, вернее одна из двух костей голени, срослась должным образом. Это было весомым доказательством того, что Шиничи и Ши но Ши, не нуждаются в средствах – они могли продавать этот чай и легко сколотить состояние.

«Мы смотрим на вещи... по-разному», – говорил Шиничи, уставившись на Деймона своими странными золотыми глазами. – «Деньги не имеют для нас значения. Но что тогда имеет? Агония жулика на смертном ложе, который верит, что попадет в ад. Наблюдать, как он потеет, пытаясь вспомнить давно забытые встречи. Первые сознательные слезы детского одиночества. Эмоции неверной жены, когда муж ловит ее с любовником. Девы... ну, первый ее поцелуй и первая, полная открытий, ночь. Брат, готовый умереть за брата. И тому подобное».

«И множество других моментов, которые не могут быть упомянуты в обществе», – подумал Деймон. – «И весьма внушительное их количество, связано с болью и страданиями. Они эмоциональные пивки, сосущие чувства смертных, дабы заполнить пустоту собственных душ».

Вампир почувствовал недомогание вновь, когда попытался вообразить... подсчитать... ту боль, которую Елена должна была ощутить, выпрыгнув из его автомобиля. Она, должно быть, ожидала мучительной смерти... и это было для нее лучше, нежели оставаться с ним.

На сей раз, прежде чем открыть дверь в белую кафельную ванную, он подумал о кухне, современной и с большим количеством льда в морозильной камере.

И опять-таки он не был разочарован. Деймон оказался в типично мужской кухне с хромированной техникой и черно-белым кафелем. А в морозильнике: шесть пакетов со льдом. Он взял три и уложил один вокруг ее плеча, один у локтя и один вокруг ее лодыжки. Затем вернулся в безупречной красоты кухню за стаканом ледяной воды.

Устала. Так устала.

Елене казалось, будто все ее тело нагроулили свинцом.

Каждая часть тела... каждая мысль... состоит из свинца.

Например, было что-то, что как предполагалось, она делала... или не делала сейчас. Но она не могла заставить мысли блуждающие в ее разуме, выйти на поверхность. Было слишком тяжело. Все было слишком тяжело. Она даже не могла открыть глаза.

Раздался скрежет. Кто-то был рядом, на стуле. И прохладная жидкость коснулась ее губ, всего пара капель, но они стимулировали ее держать чашку самостоятельно и пить. Ох, восхитительная вода. На вкус она была лучше, чем все то, что Елена когда-либо пробовала раньше. Ее плечо ужасно болело, но оно того стоило... пить... пить – нет! Стакан убрали прочь. Она слабо попыталась удержать его, но он все же легко вырвался из ее рук.

Тогда она попыталась коснуться своего плеча, но те нежные невидимые руки не позволили ей этого, прежде чем умыли ее белы рученьки теплой водой. После этого они обложили ее компрессами из льда и как мумию завернули в простыню. Холод немного заморозил боль, хотя существовали более глубокие чувства глубоко внутри.

Слишком сложно было думать об этом. Когда руки убрали ледяной компресс из-за того, что Елена задрожала от холода, она позволила себе вновь погрузиться в пучину сна.

Деймон возился с Еленой и дремал, возился и дремал. В замечательной ванной он нашел расческу и гребень. Они выглядели вполне пригодными. И в одном он был убежден: волосы Елены никогда так не выглядели в ее жизни – или «нежизни». Он попытался мягко причесать ее локоны щеткой и понял, что распутать их гораздо труднее, нежели ему казалось. Когда он усилил давление на расческу, девушка пошевелилась и что-то пробормотала на своем странном языке из сновидения.

И, наконец, причесывание волос пробудило ее. Елена, не открывая глаз, потянулась и забрала у него щетку. А затем, когда наткнулась ею на спутанный клок, нахмурилась, протянула руку и сжала его, пытаясь прочесать другой рукой. Деймон сочувствовал. У него были длинные волосы, время от времени на протяжении веков его существования, и иногда ничто не могло помочь. И пусть его волосы не были столь тонки от природы, сколь локоны Елены, он знал чувство разочарования и то расстройство, когда выдираешь клок собственных волос. Деймон собрался было отнять у нее щетку обратно, как вдруг Елена открыла глаза.

– Что?... – сказала она и заморгала.

Деймон напрягся, готовый в любой момент втолкнуть ее в ментальное затемнение вновь, если потребуется. Однако она даже не попыталась ударить его расческой.

– Что... случилось? – что Елена ясно понимала, так это то, что ей это не нравится. Она была недовольна предыдущим пробуждением, которое дало смутное представление о вещах, происходивших вокруг нее, пока она спала.

Покуда Деймон, готовый то ли к бою, то ли к бегству, наблюдал за выражением ее лица, она начала медленно складывать вместе то, что с ней произошло.

– Деймон? – она подарила ему этот «без лишних церемоний» лазурный взгляд.

И говорил он: я подверглась пыткам или лечению, или же ты только заинтересованный свидетель, наблюдающий боль других за бокалом коньяка?

– С коньяком они готовят, принцесса. Пьют они Арманьяк. И я не пью... ни то ни другое, – сказал Деймон. И испортил эффект фразы торопливо добавив. – Это не угроза. Клянусь тебе, Стефан оставил меня твоим эскортом.

Технически это было правдой, если рассматривать факты: Стефан вопил – «Тебе бы лучше убедиться, что с Еленой ничего не случится, ты, лицемерный ублюдок, иначе я найду способ вернуться и выдеру тебе...» – Остаток фразы утонул в борьбе, однако Деймон уловил суть. А теперь он принял свое назначение всерьез.

– Ничто больше не навредит тебе, если только позволишь мне присматривать за тобой, – добавил он, впадая в область фантастики, поскольку, кто бы ни напугал и ни вытряхнул ее из автомобиля, он, очевидно, был рядом, когда и Деймон был. Однако ничто не доберется до нее в будущем, поклялся он себе. Согласен, он совершил ошибку в последний раз, отныне же никаких нападений на Елену Гилберт не последует,... в противном случае кто-то умрет.

Он не пытался отслеживать ее мысли, тем не менее, когда девушка уставилась в его глаза, на продолжительный момент, они проектировались с полной ясностью – и делились тайной – слова: «Я знала, что была права. Это был кто-то другой все это время». И он знал, что кроме ужасной боли Елена почувствовала огромное удовлетворение.

– У меня повреждено плечо, – она подняла правую руку, пытаясь дотронуться до него, однако Деймон остановил ее.

– Ты вывихнула его, – сказал он. – Некоторое время будет болеть.

– И моя лодыжка... но кто-то... я помню, когда я была в лесу, и взглянула наверх, это был ты. Я не могла дышать, но ты вырвал лианы, опутывающие меня, и поднял меня на руки..., – она посмотрела на Деймона в замешательстве. – Ты спас меня?

Это предложение должно было быть вопросом, однако оно им не являлось. Ее интересовало нечто другое, казавшееся невозможным. И затем она заплакала.

Первые сознательные слезы одиночества ребенка. Эмоции неверной жены уличенной мужем, застигнувшим ее с любовником...

И, возможно, плач юной девушки, которая полагает, что враг спас ее от смерти.

Деймон скрежетал зубами от отчаяния. Мысль о том, что Шиничи должно быть наблюдает все происходящее, чувствует эмоции Елены, смакует каждую из них... это невозможно было вынести. Шиничи возвратит Елене память, Деймон был убежден в этом. Только лишь время и место выберет самые забавные для себя.

– Это моя работа, – с усилием сказал вампир. – Я поклялся это делать.

– Спасибо, – всхлипнула Елена сквозь слезы. – Нет, пожалуйста... не отворачивайся. Я это серьезно. Ооох... есть здесь бумажные салфетки... или что-нибудь сухое? – ее тело снова затряслось в рыданиях.

В совершенной ванной были салфетки. Деймон принес их Елене.

Он отвернулся, когда девушка использовала их, высмаркивая нос вновь и вновь, поскольку продолжала рыдать. Не было здесь никакого очаровывающего и очаровательного духа, не было мрачного и искушенного поборника зла, ни опасной кокетки. Была всего лишь девочка, сломленная болью, едва переводящая дух, точно раненая лань и рыдающая словно ребенок.

И, несомненно, его брат знал бы, что сказать ей. Он – Деймон, понятия не имел что делать – разве только твердо знал, что намеревается убить за это. Шиничи усвоит, как это связываться с Деймоном, когда вовлечена Елена.

– Как себя чувствуешь? – Спросил он грубо. Никто не сможет сказать, что он воспользовался этим... Никто не сможет сказать, что он причинил бы ей боль только бы... только бы использовать ее.

– Ты дал мне свою кровь, – с удивлением произнесла Елена, и поскольку он быстро метнул взгляд на свой закатанный рукав, она добавила. – Нет... это просто чувство, в котором я уверена. Когда я впервые... вернулась на землю после жизни духа. Стефан дал мне свою кровь, и в итоге я почувствовала себя... так. Очень тепло. И немного дискомфортно.

Он повернулся и взглянул на нее: – Дискомфортно?

– Переполнение, здесь, – она прикоснулась к своей шее. – Мы думаем, это симбиозная вещь... для вампиров и людей, живущих вместе.

– Для вампира, Обращающего человека в вампира, ты имеешь в виду, – резко сказал он.

– За исключением того, что я не обратилась, когда все еще была полудухом. Но потом... я снова стала человеком, – она икнула, попыталась выдавить жалостливую улыбку и вновь взяла щетку. – Я попросила бы тебя взглянуть на меня и убедиться, что я не обратилась, но..., – она сделала небольшое беспомощное движение.

Деймон присел и вообразил, каково это – заботиться о ребенке-духе Елене. Идея была весьма соблазнительная.

Он сказал прямо: – Когда ты говорила, дескать, ощущаешь дискомфорт, ты имела в виду, что мне следует взять у тебя немного крови?

Она слегка отвела взгляд, а затем вновь посмотрела на Деймона: – Я сказала, что очень благодарна. Я сказала, что чувствовала себя... переполненной. Я не знаю как еще поблагодарить тебя.

Деймон на протяжении столетий тренировал дисциплину, иначе он швырнул бы сейчас что-нибудь через комнату. Эта ситуация вынуждала смеяться... равно как и плакать. Елена предлагала ему себя в благодарность за спасение и лишение страданий, от коих он должен был ее уберечь, однако ему не удалось.

Но он не являлся героем. Он не был таким как Святой Стефан, дабы отказываться от финального приза, независимо от состояния, в котором она находилась.

Он желал ее.

Глава 30

Мэтт разочаровался в уликах. Насколько он мог понять, что-то заставляло Елену обходить дом Дунстанов и сарай полностью, обходя снова и снова пока она не добралась до расплющенной и порванной кровати тонких ползающих виноградных лоз. Они свисали с пальцев Мэтта, и это напомнило ему ощущение от щупалец на его шее.

И оттуда сюда не было ни малейшего признака человеческого передвижения. Как будто ее засосало своим лучом НЛЮ.

Носясь туда-сюда, пока не потерял обрывок лианы, Мэтт забрел в глубину Леса и потерялся сам. Если бы он хотел, то мог бы нафантазировать, что вокруг него сосредоточились все виды шумов и звуков. Если бы он хотел он мог бы вообразить, что свет от фонарика больше не был таким ярким, и имел болезненный желтый оттенок...

Все это время, в поисках, парень старался быть настолько тихим, насколько мог. Понимая, что возможно он пытается подкрасться к тому, кто не хочет, чтобы к нему подкрадывались. Но сейчас, где-то внутри него, что-то раздувалось, и его способность остановиться ослабла в секунду.

Когда это вырвалось из него, то поразило парня настолько, насколько поразило бы любых возможных слушателей.

– Елееееееена!

С самого раннего возраста, Мэтт приучился читать на ночь молитву. Он мало знал о церкви, но у него было глубокое и искреннее чувство, что есть Что-то или Кто-то ТАМ, приглядывающий за людьми. Что где-то и как-то, все это имело смысл и что для всего есть причины.

Эта вера серьезно испытывалась на протяжении прошлых лет.

Но воскрешение Елены отмело все его сомнения. Это казалось, доказывало все, во, что он всегда хотел верить.

Вы же не вернули ее к нам на несколько дней, чтобы потом забрать обратно? Он вопрошал, и это действительно было в форме молитвы. Вы не станете, пожалуйста?

Мысль о мире без Елены была слишком мучительной. Без ее искры, сильной воли, ее способов находить сумасшедшие приключения, а затем еще более безумно справляться с ними. Без нее мир бы снова окрасился в серые и темно-коричневые цвета. В нем не будет ни пожарно-красных машин, ни ярко-зеленых попугаев, ни лазури, ни нарцисса, ни серебра, ни золота. Не будет лазурно-синих с вкраплениями золота глаз.

– Елееееена! Что б тебя, ответь мне! Это Мэтт, Елена! Елееееена!

Внезапно он прервался и весь обратился в слух. На мгновение его сердце подпрыгнуло, и тело последовало его примеру.

– Елееееена? Мээээээт? Где вы?

– Бонни? Бонни! Я здесь! – Он направил свой фонарик прямо, медленно крутя его рукой. – Ты меня видишь?

– Ты видишь нас?

Мэтт медленно повернулся. И. Да. Там были лучи света, два луча, три!

Его сердце заколотилось при виде трех огней. – Я иду к вам! – Крикнул он. И шаги последовали за словами. Тайна была давно оставлена позади. Он бежал, спотыкаясь об уски лозы, цепляющиеся за его лодыжки, и мычал: – Стойте там! Я иду к вам!

И потом лучи света были прямо перед ним, ослепляя его. Каким-то образом, Бонни оказалась в его руках, и она плакала. Это, по крайней мере, сделало ситуацию нормальной. Бонни плакала на груди Мэтта, а он смотрел на Мерedit, которая тревожно улыбалась, и на... миссис Флауэрс? Должно быть так. На ней была та самая садовая шляпа с искусственными цветами, а так же... семь или восемь шерстяных свитеров.

– Мисси Флауэрс? – Спросил он. Его язык, наконец-то догнал его мозг. – Но... где же Елена?

Среди трех людей, наблюдающих за ним, резко воцарилась тишина, и они все сникли. Словно стояли на цыпочках в ожидании новостей, а сейчас осели в разочаровании.

– Мы не видели ее. – Мерedit сказала спокойно. – Ты же был с ней.

– Я был с ней. Но потом пришел Деймон. Он издевался над ней, Мерedit. – Мэтт почувствовал, как руки Бонни сжались вокруг него. – Он заставил ее кататься по земле, в припадках. Я думаю, он собирается убить ее. И он издевался надо мной. Я предполагаю, что потерял сознание. А когда очнулся, ее уже не было.

– Он забрал ее? – Яростно спросила Бонни.

– Да, но...я не понимаю, что случилось дальше. – Мэтт болезненно, выложил свои

догадки о Елене, по-видимому, выпрыгнувшей из автомобиля, и те дорожки, которые ни к чему не привели.

Бонни дрожала в его руках.

– И затем случились другие странные вещи. – Сказал Мэтт. Медленно, иногда колеблясь, он приложил все усилия, чтобы объяснить ситуацию с Кристин, и схожесть ее выходок с поведением Тами.

– Это... все очень странно. – Сказала Бонни. – Я думала, что знаю ответ, но если Кристин не контактировала с другими девочками...

– Ты, вероятно, думаешь, что это как-то связано с Салемскими ведьмами, дорогая. – Сказала миссис Флауэрс. Мэтт все еще не мог привыкнуть к ней общающейся с ними. Она продолжила: – Но ты не знаешь наверняка, с кем была Кристин прошлые несколько дней. Или с кем был Джим, кстати. Дети в наше время имеют слишком много свободы. И он может быть... Как же это называется?... Переносчиком.

– Кроме того, даже если это одержимость, это может быть любой из ее видов. – Сказала Мередит. – Кристин живет практически в Старом Лесу. А он полон этих тварей... этих Малахов. И кто знает, не случилось ли это, когда она просто вышла из дома? Кто знает, что поджидало ее там?

Сейчас Бонни в руках Мэтта буквально тряслась. Друзья выключили все фонарики кроме одного. Им необходимо было беречь энергию. И это сделало все вокруг еще более жутким.

– А как насчет телепатии? – Спросил Мэтт у миссис Флауэрс. – В смысле, я совершенно не верю в то, что настоящие ведьмы нападали на девочек из Салема. Я думаю, они умирляли девочек, у которых случилась массовая истерия, когда они собрались вместе, и каким-то образом все это вышло из под контроля. Но как Кристин смогла назвать меня... назвать меня... тем же именем что и Тамра?

– Возможно, мы поняли все неправильно. – Сказала Бонни, ее голос прозвучал где-то в солнечном сплетении Мэтта. – Возможно, это совсем не то, что было в Салеме. Истерия расплзается горизонтально, если вы понимаете, о чем я. Возможно, за этим кто-то стоит, кто-то, кто распространяет это повсюду. Туда куда ему или им нужно.

Повисла недолгая тишина, и затем миссис Флауэрс пробормотала – Устами младенца глаголет истина...

– Так вы считаете, что так и есть? Но кто же зачинщик? Кто делает все это? – требовательно спросила Мередит. – Это не может быть Деймон, он дважды спасал Бонни и один раз меня. – Прежде чем кто-либо смог подобрать слова и челюсть, она продолжила. – Елена была уверена, что что-то управляло Деймоном. И так, кто еще это может быть?

– Кто-то кого мы не встречали раньше. – Злобно пробормотала Бонни. – Кто-то отличающийся от нас.

В это время, позади них послышался хруст ветвей. Как один человек, одно тело, они обернулись.

– Чего я действительно хочу... – Сказал Елене Деймон, – так это согреть тебя. А это значит либо приготовить тебе нечто горячее, и ты согреешься изнутри, либо погрузить тебя в горячую ванну и ты согреешься снаружи. И учитывая то, что случилось в прошлый раз...

– Я... не думаю, что я смогу что-нибудь съесть...

– Да ладно тебе, это же Американская традиция. Яблочный суп? Мамин домашний куриный пирог?

Она засмеялась, несмотря на свое состояние, затем вздрогнула. – Вообще-то яблочный пирог и мамин домашний куриный суп. Но для начала не плохо.

– Ну, так как? Я обещаю не смешивать вместе яблоки и курицу.

– Я попробую немного супа, – Медленно сказала Елена. – И, о, Деймон, я так хочу пить, просто обычную воду, пожалуйста.

– Я знаю, однако ты выпьешь слишком много, и заработаешь обострение. Я сделаю

суп.

– Он продается обычно в таких маленьких баночках с красной этикеткой. Ты тянешь за петлю сверху и отрываешь крышку... – Елена остановилась, так как он повернулся к двери.

Деймон знал, что ее терзают смутные сомнения относительно всего этого проекта. Однако он также знал, что если принесет ей что-либо сносно питьевое, она это выпьет. Жажда сделает это за нее.

Он сам был неживым доказательством этого.

Как только вампир прошел в дверь раздался жуткий шум. Как от пары кухонных комбайнов работающих вместе. Это тут же скрыло его,... его тыл, сверху вниз. Он был поглощен звуком этого.

– Деймон! – Раздался слабый глас вопиющего за дверью. – Деймон ты в порядке? Деймон! Ответь мне!

Вместо этого он обернулся, изучил дверь, которая выглядела совершенно нормальной, и открыл ее. Любопытный наблюдатель за его манипуляциями, задался бы вопросом. Поскольку он поместил ключ в незапертую дверь, произнес «Комната Елены» и затем открыл ее.

Только лишь юноша проник внутрь комнаты, он побежал.

Елена лежала в безнадежной путанице из простыни и одеяла на полу. Она пыталась подняться, а ее лицо было бело-синим от боли.

– Что столкнуло тебя с кровати? – Спросил он, намереваясь медленно убить Шиничи.

– Ничего. Я услышала ужасный звук, как только закрылась дверь. Я пыталась добраться до тебя, но...

Деймон уставился на нее. – «Я пыталась добраться до тебя, но...» Это разбитое, истерзанное, покалеченное существо пыталось спасти его? Так старалась, что упала со своей кровати?

– Прости меня. – Сказала она, со слезами на глазах. – Я не могу привыкнуть к гравитации. Ты пострадал?

– Не так сильно как ты. – Сказал он, намеренно огрубляя голос, и отвел взгляд. – Я совершил нечто глупое, оставляя комнату, и дом... напомнил мне.

– О чем ты говоришь? – Мрачно спросила Елена, одетая почти в одну лишь простынь.

– Об этом ключе. – Деймон продемонстрировал его девушке. Тот был золотым, и его можно было носить на пальце подобно кольцу, однако два развернутых крыла образовывали красивый ключ.

– Что с ним не так?

– Способ его использования. В этом ключе присутствует Сила китсуна. Он отопрет все, что угодно и перенесет тебя куда угодно. А работает он таким образом: вставляешь ключ в замок, произносишь, куда именно ты желаешь попасть и поворачиваешь его. Я забыл сделать это, удаляясь из твоей комнаты.

Елена выглядела озадаченной. – Но, что если замка нет? Большинство спальных дверей не запираются.

– Этот ключ войдет в любую дверь. Можно сказать, он создает собственный замок. Сие сокровище китсуна я вытряс из Шиничи, будучи крайне разгневанным из-за того, что ты пострадала. Скоро он захочет его назад. – Глаза Деймона сузились и он слегка улыбнулся. – Любопытно кто из нас в итоге оставит его у себя. Я заметил другой в кухне – запасной, разумеется.

– Деймон, все это о магическом ключе конечно интересно, но не мог бы ты помочь мне подняться с пола...

Он моментально раскаялся. Следом возник вопрос, положить ее в постель или же нет.

– Я приму ванну. – Тихим голосом произнесла Елена. Она расстегнула свои джинсы и попыталась избавиться от них.

– погоди минуту! Ты можешь потерять сознание и утонуть. Ляг и я обещаю сделать тебя чистой, если ты склонна попробовать поесть. – У него были новые оговорки о доме.

– Теперь давай на кровать, раздевайся и оберни себя простыней. Я делаю жуткий

массаж. – Добавил он, отворачиваясь.

– Слушай, тебе не обязательно не смотреть. Это кое-что, чего я не могу понять с тех пор, как... вернулась. – Сказала Елена. – Все эти глупые скромные табу. Я не понимаю, почему кто-то должен стыдиться своего тела. – (Это дошло до него, в приглушенном виде) – Я имею в виду тех, кто говорит «Бог создал нас», Бог создал нас без одежды, даже после Адама и Евы. Если это так важно, почему он не создает нас в подгузниках?

– Да, как ни странно, твои слова напоминают мне то, что я однажды сказал Вдовствующей Королеве Франции. – Произнес Деймон, настроенный поддерживать ее раздевания, вглядываясь в трещину на одной из деревянных панелей стены. – Я сказал, что коль уж Бог столь всемогущ и всезнающ, и знает наперед наши судьбы, тогда почему праведники обречены, рождаться голыми как грешники, как проклятые?

– И что она ответила?

– Ни слова. Однако она захихикала и три раза похлопала веером по внешней стороне моей кисти, что являлось, как я позднее изъяснился, приглашением на ассигнацию. Увы, у меня были другие обязанности. Ты все еще на кровати?

– Да, и я под простыней. – Устало сказала Елена. – Если Она была Вдовствующей Королевой, думаю, ты был рад. – Удивленным голосом она добавила. – Разве они не старые матери?

– Нет, Анна Австрийская, Королева Франции, сохранила свою красоту до конца. Она была исключительно рыжей, и...

Деймон остановился, лихорадочно подбирая слова, как только оказался лицом к кровати. Елена сделала так, как он просил. Он лишь не вообразил, насколько она будет походить на Афродиту, вышедшую из океана. Присобранная белая простыня идеально сочеталась с ее молочной кожей. Несомненно, она нуждалась в умывании, однако одного лишь понимая того, что под простыней Елена была полностью обнаженной, оказалось достаточно, дабы он потерял способность дышать.

Она скатала свою одежду, в шар и забросила его в самый дальний угол комнаты. Деймон не винил ее.

Он не думал. Он не дал себе времени. Он просто протянул руки и сказал. – Лимонно-тимьяновый куриный бульон, горячий, в чаше Микаса, и масло из цветка сливы, очень теплое, в пузырьке.

Только лишь бульон был употреблен надлежащим образом, Елена вновь лежала на спине. Деймон принялся нежно массажировать ее тело, используя масло. Цветок сливы всегда служил превосходным началом. От него кожа немела, и боль притуплялась, и это обеспечивало основу для более экзотичного масла, которое он планировал использовать далее.

По некоторым соображениям, это было многим лучше, нежели погрузить ее в современную ванну или джакузи. Он знал, расположение ее травм, соответственно, мог нагреть масло до необходимой температуры для каждой из них. И в отличие от едва ли мобильной Джакузи, хлещущей струями по ушам, он мог избежать любого болезненного места.

Деймон начал с ее волос, нанося тонкий едва ощутимый слой масла, что позволило легко расплести невероятно спутанные узелки. После смазывая, локоны Елены сияли точно золото, рассыпанное по ее коже, словно мед, пролитый на крем. Следом он перешел к мышцам ее лица: крошечные штрихи большими пальцами по лбу, разглаживающие и расслабляющие, вынуждающие и саму девушку расслабиться вместе с движениями его рук. Медленные, вращающиеся воронки на ее висках, с наилегчайшим давлением. Он видел тонкие голубые вены, пролегающие здесь, и знал, что более сильный нажим может усыпить ее.

Затем он перешел к плечам, предплечьям, и кистям рук, на каждом участке, применяя древние приемы, в сочетании с правильной древней эссенцией, пока девушка не будет полностью расслаблена, пока не станет шелковой, мягкой и податливой тряпичной куклой

под простыней. Он сверкнул ослепительной улыбкой, в то время как потянул палец ноги, до нужного щелчка. Его улыбка превратилась в ироническую. Сейчас он мог получить от нее все, чего желал. Да, она пребывала не в том настроении, дабы в чем-либо отказать. Однако он не предполагал того, что будет делать с ним эта чертова простыня. Всеобщее известное факт, что прикрытый элемент, не зависимо от того насколько невинным он является, всегда привлекает внимание в области табу, на много кругов обходя абсолютную наготу. И массаж каждого дюйма тела Елены только сосредоточил его на мысли о том, что таит это снежное полотно.

Через некоторое время Елена вяло произнесла: – Ты собираешься рассказать конец истории? Об Австрийской Анне, которая была исключительно рыжей и...

– ...и, ах, осталась натурально рыжей до конца своих дней. – Пробормотал Деймон. – Да, ходили слухи, что кардинал Ришелье был ее любовником.

– Это случайно не злой кардинал из Трех Мушкетеров?

– Да, только, возможно, не настолько злой каким он был изображен, и бесспорно умелый политик. И как утверждают некоторые – настоящий отец Людовика... теперь перевернись.

– Не странное ли имя для короля.

– Хм?

– Людовик Теперь Перевернись. – Сказала Елена, переворачиваясь и показывая кусочек кремового бедра, пока Деймон старался разглядывать другие элементы интерьера.

– Зависит от именных традиций родной страны индивидуума. – Произнес Деймон дико. Все что он видел, это повторные воспроизведения того промелькнувшего бедра.

– Что?

– Что?

– Я спросила тебя...

– Тебе сейчас тепло? Все готово. – Сказал Деймон, неблагоразумно похлопав самую выдающуюся часть ее прелестных форм под простыней.

– Эй! – Елена пришла в бешенство. И Деймон, с телом всем цвета бледно-розового золота благоухающим и гладким,... и с мускулами как сталь под шелковистой кожей,...стремительно сбежал.

Он вернулся через должный промежуток времени с мирным предложением еще супа. Елена, вся величавая под своей простыней, которую она превратила в тогу, приняла его. Она даже не попыталась ударить вампира снизу, когда его спина повернулась.

– Что это за место? – Спросила она взамен. – Это не может быть дом Дунстанов, они старая семья со старым домом. Они фермеры.

– О, давай назовем его просто моим личным маленьким пристанищем в лесу.

– Ха. – Сказала Елена. – Я знала, что ты не спишь на деревьях.

Деймон поймал себя на стараниях сдерживать улыбку. Никогда раньше он не был с Еленой в ситуации, не балансирующей между жизнью и смертью. Теперь, если бы он сказал дескать понял, что любит ее ум, после того как массировал ее обнаженную под простыней, никто... никто бы не поверил ему, ни... за... что.

– Чувствуешь себя лучше? – Спросил он.

– Такая же теплая, как яблочно-куриный суп. Я никогда не услышу конца истории? Так ведь?

Он заставил ее остаться на кровати, в то время как придумывал ночные рубашки, всех размеров и стилей, а так же халат... и тапочки. Все это он «рисовал» направляясь к тому, что являлось ванной. И Деймон был весьма доволен, когда в настоящий момент обнаружил здесь шкаф со всем, о чем кто-либо когда-либо мог только мечтать. От шелкового женского белья до старомодных ночных сорочек и колпаков, в этом шкафу было все. Деймон появился с двумя охалками и предоставил Елене выбор.

Она отобрала длинную белую ночную рубашку, с высоким горлом сшитую из какой-то скромной ткани. А Деймон застучал себя на поглаживании королевского платья

небесно-голубого цвета, отделанного похожей на подлинные валансьенские кружева тесьмой.

– Не мой стиль. – Сказала Елена, быстро заправляя это под другие халаты.

«Не твой стиль рядом со мной». Подумал Деймон забавляясь. «И мудрая маленькая девушка как ты, также. Ты ведь не хочешь соблазнить меня делать все, о чем, возможно, пожалеешь завтра».

– Ладно, пусть тебе приснится хороший сон... – Он прервался, поскольку она вдруг посмотрела на него с изумлением и отчаянием.

– Мэтт! Деймон, мы искали Мэтта, я только что вспомнила. Мы искали его и я, и я... я не знаю. Я получила травму. Я помню падение, а потом я оказалась здесь.

«Поскольку я принес тебя сюда», думал Деймон. «Поскольку этот дом, всего лишь мысль Шиничи. Поскольку единственное постоянное здесь – это мы двое».

Деймон сделал глубокий вдох.

Глава 31

«Позволь нам, по крайней мере, достоинство выйти из твоей ловушки на своих собственных ногах... или мне следует сказать, используя твой собственный ключ?». Деймон обратился мыслями к Шиничи. Елене же он сказал:

– Да, мы искали как-там-его. Однако поскольку ты пострадала, я хочу... я бы хотел просить тебя, остаться здесь и отдыхать, пока я ищу его.

– Ты думаешь что, знаешь, где Мэтт? – Это было единственное, что ее интересовало.

– Да.

– Мы можем идти сейчас?

– Не позволишь ли ты мне пойти одному?

– Нет. – Просто сказала Елена. – Я должна найти его. И я вообще не смогу спать, если ты пойдешь в одиночку. Пожалуйста. Мы можем идти?

Деймон вздохнул.

– Хорошо. Там в шкафу есть – «сейчас будет точно» – одежда, которая тебе подойдет. Джинсы и тому подобное. Я достану их, – сказал вампир, – если, у меня действительно, действительно нет ни малейшего шанса уговорить тебя лечь и отдохнуть, пока сам буду разыскивать его.

– Со мной все нормально, я смогу. – Обещала Елена. – И если ты пойдешь без меня, я просто выпрыгну в окно и последую за тобой.

Девушка была серьезной. Он пошел и взял кучу обещанной одежды, а затем отвернулся, когда Елена надевала джинсы и рубашку Пендлтон идентичные тем, которые она носила, только целые невредимые и не окровавленные. После этого они покинули дом, и Елена энергично расчесывая волосы, оглядывалась на каждом шагу или около того...

– Что ты делаешь?- спросил Деймон, в тот момент, когда решил понести ее.

– Жду, пока дом исчезнет.

И когда юноша наградил ее своим лучшим «О чем ты говоришь?» взглядом, она сказала:

– «Армани Джинс», просто мой размер? Нижние кофточки «Ла Перла», аналогично? Рубашки Пендлтон, больше на два размера, точь-в-точь как я носила? Это либо склад, либо волшебное место. Ставлю на магию.

Деймон поднял Елену на руки, пользуясь этим как методом заставить ее умолкнуть, и направился к пассажирской двери Феррари. Он спрашивал себя, в настоящем ли они мире сейчас или же в другом шаре Шиничи.

– Он исчез?- спросил вампир.

– Ага.

«Какая жалость», подумал Деймон. Он бы с удовольствием его приберег.

Он мог бы дерзнуть пересмотреть сделку с Шиничи, однако были другие, более важные

моменты, о которых стоило подумать. Он слегка сжал Елену, размышляя именно об этих моментах.

В автомобиле он убедился в трех небольших фактах. Во-первых, тот щелчок, который его мозг автоматически зарегистрировал как «пассажир пристегнулся по-настоящему» означал, что Елена застегнула ремень безопасности, как следует. Во-вторых, что двери были заблокированы лично им с помощью центрального управления. И, в-третьих, что он ведет машину вполне медленно. Деймон не думал, что кто-либо на месте Елены стал бы пытаться выпрыгнуть из машины в ближайшем будущем, тем не менее, он не собирался рисковать.

Вампир понятия не имел, как долго сие заклиние будет действовать. В конце концов, Елена выйдет из амнезии. Это было лишь логическое предположение, во всяком случае, казалось таковым, поскольку он не спал гораздо дольше нее. Довольно скоро она вспомнит... что? Что он затащил ее в Феррари против ее воли – «плохо, однако простительно – он не мог предполагать, что она станет бросаться из авто»? Что он дразнил Майка или Митча, или как его там и ее на поляне? У него самого была расплывчатая картина этого... или это был еще один сон.

Желал бы он знать, что являло собой правду. Когда же он все вспомнит? Он окажется в более твердом переговорном положении, как только это произойдет.

Едва ли возможно, что Мак переохладился из-за метели средь лета, даже если он до сих пор на поляне. Была холодная ночь, однако худшее, чего мог ожидать парень – ревматические боли в восьмидесятилетнем возрасте.

Жизненно важным было его не найти, ведь он мог рассказать весьма неприятную правду.

Деймон заметил, что Елена повторяет один и то же жест. Прикосновение к шее, гримаса, глубокий вздох.

– Тебя укачивает?

– Нет, я... – в лунном свете он увидел ее появившийся и исчезнувший румянец; мог ощутить ее жар чувствительными точками на своем лице. Она вспыхнула. – Я говорила... – произнесла она, – о том чувстве... переполнения. Вот что это.

И что было делать вампиру?

Сказать, прости, я завязал до солнцестояния?

Сказать, мне жаль – ты возненавидеть меня утром?

Сказать, к черту утро; это сиденье откидывается на пару дюймов?

Однако что, если они доберутся до поляны и обнаружат, что нечто действительно приключилось с Муттом-Гнатом-мальчиком? Деймон будет сожалеть об этом все свои оставшиеся двадцать секунд жизни. Елена найдет батальон небесных духов на его голову. Даже если никто другой не верил в нее, Деймон верил.

Он обнаружил, что говорит столь же вкрадчивым тоном, скольким некогда говорил с Пэйдж или с Дамарис: – Ты доверишься мне?

– Что?

– Доверишься ли ты мне еще на пятнадцать-двадцать минут, дабы пойти в определенное место, я думаю, как же его зовут?

«Если он там – ставлю на то, что ты все вспомнишь и не пожелаешь видеть меня никогда более в своей жизни – в таком случае ты избавишься от долгих поисков. Если же на поляне не будет ни его, ни машины – это мой счастливый день, и Мутт выиграет приз всей жизни – и тогда мы продолжим поиски».

Елена пристально на него посмотрела.

– Деймон, ты знаешь, где Мэтт?

– Нет. – Что ж, это достаточно правдиво. Однако она была маленькой яркой безделицей, миленькой маленькой розовой гвоздичкой, и более того, она была умна... Деймон прервал свое полиритмическое созерцание интеллекта Елены. Почему он думает поэтично? Не уже ли действительно он сходит с ума? Он размышлял об этом уже – не так ли? Разве мысли о собственном сумасшествии не доказывают твою вменяемость? Настоящие безумцы никогда не сомневаются в своем здравомыслии, так ведь? Так. Или сомневаются? И, безусловно, все эти разговоры с самим собой не могут быть хорошим знаком для кого бы то ни было.

Merda. [Дерьмо]

– Ладно, хорошо, я доверяю тебе.

Деймон сделал выдох, в котором не нуждался, и направил Феррари к поляне.

Это была одна из наиболее захватывающих авантур на его веку. С одной стороны, там была его жизнь – Елена найдет какой-нибудь способ прикончить его, если он убил Марка, он был убежден. А с другой стороны... вкус блаженства. С исполнительницей Еленой, с жаждущей Еленой, с открытой Еленой... Он сглотнул. Деймон осознал, что едва ли не молится, чего он не делал уже половину тысячелетия.

Только лишь они свернули с главной дороги в переулок, юноша стал гипербдительным, рев двигателя и ночной воздух оживляли все органы чувств вампира. Он был почти уверен, что его поджидает засада. Однако переулок был пуст. И когда Деймон вдруг ударил по газам, дабы проверить поляну, он обнаружил ее благословенно мрачной и безучастно пустой. Не было ни машин, ни студенческого возраста молодых людей, чье имя начиналось бы на букву «М».

Он откинулся на спинку сиденья.

Елена наблюдала за ним.

– Ты думал, что он мог быть здесь?

– Да. – А сейчас пришло время для настоящего вопроса. Не спроси он ее это, все было бы обманом, мошенничеством.

– Ты помнишь это место?

Она огляделась вокруг.

– Нет. А должна?

Деймон улыбнулся.

Однако все же принял меры предосторожности, проехав еще триста ярдов, к другой поляне, на всякий случай, у нее может случиться внезапный приступ памяти.

– На той поляне были малахи, – легко объяснил он. – Эта гарантированно свободна то монстров. «Ох, какой лжец, я лжец, я,» – он радовался. «Это все еще со мной или как?»

Он был... взволнован с тех пор как Елена вернулась с Того Света. Но если в ту первую ночь это смутило его, и он в буквальном смысле снял с себя рубашку для Елены... Что ж, все еще не было слов, для описания того что он испытывал, когда она стояла перед ним воскресшая, ее кожа сияла в темноте поляны; обнаженная, не стыдящаяся наготы и даже без понятия о стыде. И во время ее массажа, когда вены казались хвостами комет на темном небе. Деймон чувствовал то, чего не испытывал пять сотен лет.

Он чувствовал желание.

Человеческое желание. Вампиры этого не чувствуют. Все сводилось к потребности в крови, всегда только кровь...

Однако он чувствовал.

Он также знал, почему. Аура Елены. Кровь Елены. Она вернулась кое с чем более существенным, нежели крылья. И пусть тех больше нет, сей новый талант, похоже, постоянен.

Деймон осознал, что прошло очень много времени с тех пор, как он испытывал подобное, а посему, может ошибаться. Но он так не думал. Он считал, что аура Елены способна заставить наиболее ископаемых вампиров вернуться в рабочее состояние цветущих мужественных молодых людей в очередной раз.

Он отклонился в сторону, настолько далеко, насколько позволяли габариты Феррари.

– Елена, есть кое-что, что я должен тебе сказать.

– О Мэтте? – Она обратила к нему открытый умный взгляд.

– Нэтте? Нет, нет. Это о тебе. Я знаю, ты была удивлена, что Стефан оставил тебя на попечение кого-то наподобие меня.

Не было в Феррари никакого места для личного пространства, и Деймон уже разделял тепло ее тела.

– Да, была, - просто ответила она.

– Что ж, это может иметь некоторое отношение к...

– Это могло иметь некоторое отношение к тому выводу, который мы сделали, что моя аура позволит жигануть даже старым вампирам. Теперь из-за этого мне нужна сильная защита, как сказал Стефан.

Деймон не знал, что значит жигануть, однако он был готов благословить это, за сей тонкий момент введения леди в курс деликатных вещей.

– Я думаю, – осторожно начал он, – все, чего Стефан хотел бы для тебя – это защита от злых сил, которых притягивает это место со всех уголков земного шара, однако, прежде всего, дабы никто не мог принудительно тебя... тебя, эм, жигануть... если это не будет являться твоим желанием.

– А сейчас он оставил меня... как эгоистичный, тупой, идеалистичный идиот, учитывая всех людей в мире, кто мог бы хотеть жигануть меня.

– Согласен. – Сказал Деймон, осторожно поддерживая ложь о добровольном отъезде Стефана. – И я уже обещал, какую защиту могу предоставить. Я действительно приложу все усилия, Елена, дабы никто к тебе не подобрался.

– Да, – сказала Елена. – Но затем что-то такое... – она сделала маленький жест вероятно, иллюстрируя Шиничи и все проблемы, связанные с его прибытием. – ...приходит и никто не знает, как с ним бороться.

– Правда, – ответил Деймон. Он должен был встряхнуться и вспомнить, какова его реальная цель. Он был здесь для... что ж, он не был на стороне Святого Стефана. И все было довольно просто...

Здесь была она, расчесывала свои волосы... «Прекрасная милая дева чешет косу гребешком... На небе солнце сияло, но не таким золотом»... Деймон встрепенулся. С каких это пор он увлекся старым английским фольклором? Что с ним не так?

Дабы что-то сказать, он спросил:

– Как ты себя чувствуешь? – Как только это произошло, Елена поднесла руку к горлу.

Она сгримасничала.

– Неплохо.

И это заставило их взглянуть друг на друга. А потом Елена улыбнулась, и Деймон улыбнулся в ответ, сначала легким движением губ, а затем полной улыбкой.

Она была... черт возьми, она была всем. Остроумная, очаровательная, смелая, умная... и красивая. И он знал, что обо всем этом говорили его глаза, и что она не отворачивалась.

– Мы могли бы... немного прогуляться. – Предложил он, и зазвонили колокола, трубы заиграли фанфары, пошел дождь из конфетти и выпустили голубей...

Иными словами, она ответила:

– Хорошо.

Они выбрали маленькую тропу от поляны, которую легко высмотрели привыкшие к темноте вампирские глаза Деймона. Он не желал, дабы девушка слишком много ходила. Поскольку знал, что ей все еще больно, и что она не желает, дабы он узнал об этом или же баловал ее. Нечто внутри него сказало: «Хорошо, тогда, подожди, пока она не скажет, что устала и помоги ей присесть».

И еще нечто, не поддающееся контролю, подскочило в нем, когда Елена споткнулась, и Деймон взял ее на руки, извиняясь на множестве различных языков, и вообще вел себя как дурак, пока не усадил девушку на удобную деревянную скамейку со спинкой и не укрыл ее

ноги легким одеялом. А после добавил:

– Скажешь мне, если вдруг что-либо... что угодно... еще ты захочешь? – Он мимолетом направил ей обрывки своих мыслей о возможных вариантах. Например, стакан воды, он сидящий рядом с ней, или слоненок, которого он видел в ее мыслях ранее, и коим она восхищалась.

– Мне искренне жаль, однако я сомневаюсь, что смогу добыть слона. – Сказал он, стоя на коленях, устроив своеобразную подставку для ножек Елены, дабы ей было удобней. Когда вдруг поймал ее случайную мысль, дескать: не так уж он отличается от Стефана, как пытался всегда показать.

Никакое другое имя, возможно, не заставило бы его сделать то, что он сделал тогда. Никакое другое слово, или понятие, не могло произвести на него подобный эффект. Одеяло было отброшено, скамеечка для ног исчезла, и он отклонил Елену назад, полностью открывая для себя ее тонкую, словно у фарфоровой статуэтки, шею.

– Различие меж мной и моим братом в том, что он по сей день питает надежды не знати коим образом проскочить в некую боковую дверь на небеса. Я не такой дурачок, дабы ныть о своей судьбе. Я знаю куда иду. И мне, – он улыбнулся ей, обнажая вытянувшиеся клыки, – до Черта это.

Глаза Елены округлились – он испугал ее. И поразил непреднамеренным, честным ответом. Ее мысли были обращены к нему и легко читались:

«Я знаю – и я такая же. Я хочу то, что хочу. Я не так хороша как Стефан. И я не знаю...»

Деймон был восхищен. – Чего ты не знаешь, дорогая?

Она только покачала головой, закрыв глаза.

Выводя ситуацию из тупика, он зашептал ей на ушко:

– Что же касается этого, то:

Скажи, что я наглый,

И скажи, что я плохой,

Скажешь – ты тщеславна

... Я более тщеславен,

А вы Эриннии [1], просто добавьте,

Я поцеловал Елену.

[1][Эриннии – древнегреческие богини мести, соответствуют Фуриям.]

Ее глаза распахнулись. – О, нет, пожалуйста, Деймон.- шептала она. – Пожалуйста! Пожалуйста, не сейчас! – Она печально сглотнула. – Кроме того, ты спросил, хочу ли я питья, а потом вдруг это уже питье. Я не против выпить, если ты хочешь, но сначала, я так жажду, возможно, жажду этого также как и ты?

Она опять похлопала себя под подбородком.

Деймон оттаял.

Он протянул руку в пространство, и его пальцы сомкнулись вокруг хрустального бокала. Знаток сего дела, Деймон немного вскружил жидкость, дабы ощутить букет – ах, великолепно – затем мягко покатав ее на языке. Оно было первоклассным. Вино Черная Магия, изготовленное из винограда «Clarion Loess Black Magic». Это было единственное вино, которое стало бы пить большинство вампиров – существовали недостоверные истории о том, как оно держало их на ногах, тогда когда другая их жажда не могла быть удовлетворена.

Елена пила, ее голубые глаза были прикованы к темно-фиолетовой жидкости, пока Деймон рассказывал кое-что из истории сего напитка. Он любил наблюдать за ней, когда она была такой как сейчас – исследующей, напрягшей все органы восприятия. Вампир закрыл глаза и оживил в памяти несколько избранных моментов из прошлого. Он поднял веки, дабы вновь отыскать Елену, которая выглядела, как измученный жаждой ребенок, жадно

поглощая...

– Твой второй бокал...? – Он увидел первый у ее ног. – Елена, где ты взяла другой?

– Я всего лишь сделала то же, что и ты. Протянула свою руку. Вроде бы это не крепкий ликер, разве нет? На вкус как виноградный сок, а я умирала, так хотела пить.

Может ли она воистину быть такой наивной? Определенно, вино Черная Магия не обладало резким ароматом или вкусом обычного алкоголя. Оно было тонким, созданным исключительно для скрупулезного неба вампира. Деймон имел сведения, что виноград был выращен в лёссовой почве, возникшей после схождения ледника. Безусловно, этот процесс был только для долгоживущих вампиров, поскольку нужны века, дабы образовался достаточный слой лёссовой породы. А когда почва была готова, виноград выращивали и обрабатывали, от прививания до топтания ногами в деревянных чанах, без единого контакта с солнечным светом. Именно это придавало ему черный, бархатный, тонкий вкус. И теперь...

У Елены были усы от «виноградного сока». Деймону невероятно хотелось смахнуть их поцелуем.

– Ну, когда-нибудь ты сможешь рассказать людям, как напилась двумя бокалами Черной Магии, менее чем за минуту, и произведешь на них впечатление. – Сказал он.

Однако она вновь похлопала себя под подбородком.

– Елена, ты хочешь, отдать немного крови?

– Да! – Она сказала это звенящим тоном того, кому, наконец, задали правильный вопрос.

Она была пьяна.

Девушка отбросила руки назад, положив их на спинку скамьи, которая подстраивалась под каждое движение ее тела. Скамейка превратилась в черную замшевую кушетку с высокой спинкой, теперь в диван, а прямо сейчас Елена облокотилась так, что ее тонкая шея была полностью выставлена. Деймон отвернулся с легким стоном. Он хотел вернуть ее цивилизации. Он беспокоился о ее здоровье, снисходительно был озабочен здоровьем... Мутта; а теперь... вампир не мог получить что-либо из желаемого. Едва ли он мог пустить Елене кровь, когда она была пьяна.

Елена издала некий звук, который, должно быть, являлся его именем.

– Д'м'н? – бормотала она. Ее глаза наполнились слезами.

Примерно то же, что сделала бы медсестра для пациента, Деймон сделал для Елены. Однако оказалось, она не желала, извергать два бокала Черной Магии перед ним.

– Мм'хик, – выдала Елена с опасным иканием в конце. Она сжала запястье Деймона.

– Да, это вино не из тех, которыми можно нарезать. Погоди, просто сядь прямо и позволь мне попробовать... – и, возможно, потому что он сказал это, не задумываясь, не думая быть грубым или манипулировать ею, все было просто. Елена повиновалась ему, и Деймон приложил по два пальца к ее вискам и немного прижал.

За доли секунды произошло нечто наподобие стихийного бедствия, а после Елена стала дышать медленно и спокойно. Она по-прежнему была под действием вина, но уже не пьяна.

И сейчас было самое подходящее время. Он должен был, наконец, сказать ей правду.

Но прежде, ему следовало проснуться.

– Тройной эспresso, пожалуйста. – Сказал он, протягивая руку. Кофе появился мгновенно, ароматный и черный, как его душа. – Шиничи говорит, что только лишь эспresso может служить оправданием человеческой расы.

– Кем бы ни был Шиничи, я согласна с ним или с ней. Тройной эспresso, пожалуйста. – Сказала Елена, обращаясь к магии в этом лесу, в этом снежном шаре, в этой вселенной. Ничего не произошло.

– Возможно, в данный момент оно адаптировано лишь к моему голосу, – сказал Деймон, сверкнув ободряющей улыбкой, и затем извлек ее эспresso с волной.

К его удивлению, Елена хмурилась.

– Ты сказал «Шиничи». Кто это?

Деймон меньше всего желал, дабы Елена связывалась с китсуном, однако если он

действительно собирается все ей рассказать, тогда ей придется.

– Это китсун, лиса-дух. – Сказал он. – И субъект, который дал мне тот интернет адрес, что послал Стефана побегать.

Лицо Елены застыло.

– На самом деле, – сказал Деймон, – я обнаружил, что предпочел бы отвезти тебя домой, прежде чем сделать следующий шаг.

Елена подняла сердитый взгляд к небу, однако позволила ему поднять себя и отнести в машину.

Он только что понял, какое место являлось лучшим, для сего разговора.

Весьма кстати оказалось то, что у них не было острой нужды добираться до какого-либо места, расположенного вне Старого Леса немедленно. Они не находили ни одной дороги, которая не заканчивалась бы тупиком, маленькой опушкой, или деревьями. Елена, похоже, не была удивлена, обнаружением небольшого переулочка, приведшего их к маленькому, однако прекрасно оснащенному дому, и тем, что Деймон ничего не сказал, когда они вошли, а затем провел новую инвентаризацию того, что у них было на сей раз.

У них была одна спальня с роскошной кроватью. У них была кухня. И гостиная. А так же каждая из этих комнат могла стать любым помещением, которое вы пожелаете, лишь подумав о нем, прежде чем открыть дверь. Кроме того, там находились и сами ключи,... оставленные дабы Деймон мог воспользоваться, и это однозначно являлось серьезным промахом Шиничи,...позволявшие обычным дверям большее. Вставьте ключ в дверь и провозгласите, где хотите оказаться – даже если это за пределами пространства и времени Шиничи. Другими словами сие может означать, что они связались с реальным миром, однако Деймон был не вполне убежден в этом. Являлся ли этот мир реальным или же это очередная игровая ловушка Шиничи?

Но сейчас у них была длинная спиральная лестница, ведущая в открытую обсерваторию с «вдовой площадкой», точно как на крыше пансиона. Там даже была абсолютно такая же комната, как у Стефана, отметил Деймон, пока нес Елену наверх.

– Мы поднимаемся на самый верх? – Недоумевала Елена.

– На самый.

– И что мы здесь делаем? – спросила она на крыше, когда Деймон усадил ее в кресло с подставкой для ног и укрыл легким одеялом.

Деймон уселся в кресло-качалку, немного покачиваясь, руки сцеплены вокруг одного колена, а лицо обращено к пасмурному небу.

Он еще раз качнулся, остановился, и повернулся к ней лицом к лицу.

– Я полагаю, что мы здесь,... – он говорил тоном, в котором чувствовалась легкая самоирония, означающая, что он говорит серьезно -...так что я могу сказать тебе правду, всю правду и ничего кроме правды.

Глава 32

– Кто это? – Голос доносился из темного леса. – Кто там?

Бонни была благодарна Мэтту только за то, что он был рядом и придерживал ее. Девушке нужен был контакт с людьми. Казалось, если она втиснется глубже в другого человека, то останется в безопасности. Она даже кое-как сумела не закричать, когда затемнение раскисалось как в сюрреалистической сцене.

– Изабелл!

Да, это действительно была Изабелл, не в больнице Риджмонт, а здесь в Старом Лесу. Она стояла на некотором расстоянии, почти голая, исключая кровь и грязь. Здесь в этой обстановке она одновременно походила и на жертву, и на лесную богиню, богиню мести, охоты и наказания всех, кто стоит на ее пути. От нее шел воздушный поток тяжелого дыхания, слюна вытекала изо рта, но она не была сломлена. Нужно было просто посмотреть в ее красные горящие глаза, чтобы понять это.

Бонни увидела позади Изабелл, ступающие по ползучим лозам и время от времени ворчащие и чертыхающиеся фигуры. Одна из них была высокой и худой, а другая маленькой, но крепкой. Они выглядели как гномы, преследующие лесную нимфу.

– Доктор Альперт! – голос Мередит едва ли звучал подконтрольно.

В это же время Бонни заметила, что проколы на теле Изабелл стали выглядеть хуже. Она потеряла большинство игл, гвоздиков и обручей, вместо них там была кровь и выходящий наружу гной.

– Не пугайте ее. – Прошептал Джим из тени. Мы следуем за ней с тех пор, как нам пришлось остановиться. Бонни почувствовала, как Мэтт начал черпать воздух, словно задыхался, но он собирался закричать. И она увидела, почему. Джим казался слишком высоким. Он нес Обаасан, в японском стиле, на спине, и ее руки обхватывали его шею. Как рюкзак, подумала Бонни.

– Что с вами случилось? – Прошептала Мередит. – Мы думали вы поедете в госпиталь.

– Дерево каким-то образом упало поперек дороги, после того, как мы высадили вас. Невозможно было его объехать, чтобы попасть в больницу или еще куда-нибудь. В дереве было гнездо шершней, или чего-то подобного. Изабелл пробудилась, как по щелчку... доктор щелкнула пальцами, ...потом услышала шершней и побежала прочь. Мы побежали за ней. Могу сказать, что поступила бы так же, если бы была одна.

– Кто-нибудь видел этих шершней? – Спросил Мэтт, после паузы.

– Нет, начало темнеть. Но мы слышали их всю ночь. Самая сверхъестественная вещь, которую я когда-либо слышал. Шершни были, словно один фут в длину. – Сказал Джим.

Теперь Мередит сжимала руку Бонни с другой стороны. То ли чтобы заставить молчать, то ли наоборот, говорить. Бонни не знала, что ей делать. Да и, что она могла бы сказать? «Упавшие деревья останутся на месте, пока полиция не примет решения осмотреть их.» «Ох, и остерегайтесь адского роя насекомых размером с вашу руку.» «И да, кстати, возможно прямо сейчас одно из них в Изабелл.» Это бы действительно спустило Джима с катушек.

– Если бы я знала обратный путь к пансиону, я бы оставила этих троих там. – Сказала миссис Флауэрс. – Они не часть всего этого.

К удивлению Бонни, доктор Альперт ничуть не возражала против утверждения, что она «не часть этого». К тому же она не спрашивала, что делает миссис Флауэрс с двумя подростками в Старом Лесу в это время. То, что она сказала им, было еще более удивительным: – Мы увидели свет, когда вы начали кричать. Это прямо туда.

Бонни почувствовала, как мускулы Мэтта напряглись. – Слава богу – сказал он.

Однако затем, парень медленно произнес: – Но это невозможно. Я покинул Дунстанов за десять минут до того, как мы встретились, и мне кажется правильное направление к пансиону в другую сторону Старого Леса. Добраться туда займет где-то 45 минут.

– Хорошо, возможно это или нет, но мы видели пансион, Сеофилия. Свет горел везде, с первого до последнего этажа. Невозможно было ошибиться. Ты точно уверен, что не перестарался с расчетом временем? – сказала она Мэтту.

Миссис Флауэрс зовут Сеофилия, Бонни еле сдерживалась, чтобы не захихикать. Напряжение дошло до нее.

Как только она подумала об этом, тут же почувствовала еще один толчок от Мередит.

Иногда ей казалось что она, Елена и Мередит могут читать мысли друг друга. Может, это и не так, но временами взгляд, один взгляд был заменой множеству аргументов.

И иногда – совсем редко – Мэтт и Стефан были тоже частью этого. Но это не была настоящая телепатия с ясными голосами в голове, словно ты слышишь их ушами – просто иногда мальчики как будто были на одном канале с девочками.

Бонни точно знала, что означал этот толчок. Мередит выключила лампу в комнате Стефана наверху, и миссис Флауэрс выключила свет на нижнем этаже, когда они уходили.

Если до этого Бонни представляла ясное изображение пансиона со светом ламп, то теперь это казалось не реальным.

Кое-кто попытался растолковать, что означал толчок Мередит. Мэтт находился на той же волне, даже если у него была другая причина. Он наклонился к Мередит и Бонни.

– Может нам вернуться к Дунстанам. – Сказала Бонни своим самым ребяческим и душераздирающим тоном. – Они нормальные люди. Они могут защитить нас.

– Пансион прямо на том холме. – Сказала доктор Альперт жестко. – И я жду ваших рекомендаций, в отношении замедления инфекции Изабелл, миссис Флауэрс.

Домовладелица затрепетала. Нет других слов для этого. – Боже мой, какой комплимент. Первое, что мы должны сделать – это промыть немедленно все раны.

Это было так очевидно и не похоже на миссис Флауэрс, что Мэтт прижался к Бонни еще сильнее, как и Мередит, которая тоже прислонилась к ней. Йихо! Подумала Бонни. Так наша телепатическая сила действует или нет? Тогда это доктор Альперт опасная лгунья.

– Вот и все пока, мы направляемся в пансион. И Бонни не волнуйся, мы позаботимся о тебе. – Сказала Мередит спокойным голосом.

– Конечно, позаботимся. – Сказал Мэтт и прижал ее еще раз. «Я знаю, кто не на нашей стороне». Вслух он добавил фальшиво строгим голосом: – Это плохая идея идти к Дунстанам. Я уже говорил это миссис Флауэрс и девочкам об этом, но у них есть дочь похожая на Изабелл.

– Прокалывает сама себя? – Сказала доктор Альперт, несколько испуганно и пораженно.

– Нет. Она ведет себя странно. Но это не хорошее место. – Еще одно сжатие.

Я поняла это давно, подумала Бонни. Но теперь мне нужно замолчать.

– Показывайте дорогу, – сказала миссис Флауэрс, она выглядела взволнованнее, чем раньше – Вернемся в пансион.

И они позволили Джиму и доктору Альперт идти впереди. Бонни все время что-то бормотала, жалуюсь, на случай если ее слушают. Она, Мередит и Мэтт следили за Джимом и доктором.

Хорошо. – Сказала Елена Деймону, – Я разодета как некто на палубе океанского лайнера, я настроена как напряженная гитара, и я сыта по горло всей этой отсрочкой. Итааак... Что такое эта твоя «правда, только правда и ничего кроме правды»? – Она покачала головой. Время тянулось для нее.

Деймон сказал: – В некотором роде, мы сейчас находимся в крошечном снежном шаре, который я создал для себя. И это значит, что они не смогут видеть и слышать нас, в течение нескольких минут. Сейчас пришло время для настоящего разговора.

– Тогда, нам следует говорить быстро. – Сказала Елена, улыбнувшись ему.

Она пыталась ему помочь. Она знала, что он нуждается в этом. Деймон очень хотел сказать ей правду, но это было так далеко от его натуры. Все равно, что просить чертовски дикую лошадь позволить тебе сесть верхом, и руководить.

– Есть еще проблемы. – Деймон прохрипел, и она поняла, что он читал ее мысли. – Они... они пытались сделать невозможным для меня разговор с тобой об этом. Они устроили все в стиле великих старинных сказок: путем составления большого количества условий. Я не могу сказать тебе это в доме, но также не могу сказать и снаружи. Что ж, «вдовья площадка» не внутри, однако ты не можешь утверждать, что она снаружи. Я не могу рассказать тебе при солнечном или лунном свете. Хорошо, солнце село, и пройдет около тридцати минут, прежде чем взойдет луна, и я говорю, это условие выполнено. Так же я не могу сказать тебе это, пока ты одета или обнажена. – Елена автоматически посмотрел на себя в тревоге, но ничего не изменилось, насколько она могла сказать.

– И я полагаю, что условие перевыполнено, поскольку, даже не смотря на то, что он клялся мне, дескать, позволит покинуть один из его снежных шаров, он этого не сделал. Мы в доме, который не является домом – это мысли чьего-то разума. На тебе одежда, которая не есть реальная – это лишь плод чьей-то фантазии.

– Елена вновь было открыла рот, но Деймон приложил к ее губам два пальца. – погоди.

Позволь мне продолжить, пока я все еще могу. Я всерьез думаю, что лис может никогда не остановиться с условиями, которые позаимствовал из сказочной литературы. Он поглощен этим, и старой английской поэзией. Я не знаю почему, ведь он из другой части мира, из Японии. Вот кто такой Шиничи. И у него есть сестра близнец... Мисао.

После этого Деймон остановился, тяжело дыша. Елена предположила, что там должно быть были еще и некие внутренние условия, не позволяющие ему рассказывать ей.

– Ему понравится, если ты переведешь его имя как смерть-первая или номер один в вопросах смерти. Они оба как подростки, честное слово, со своими шифрами и играми, и все же им тысячи лет.

– Тысячи?! – Елена сказала как можно мягче, так как Деймон мог остановиться, он выглядел изнуренным, но решительным.

– Я ненавижу думать о том, сколько тысяч лет они вдвоем совершали злодеяния. Мисао именно та, кто приложил руку к одержимости девочек в городе. Она осуществляет это с помощью своих питомцев. Когда малахи завладевают телом, лисица через их посредничество вынуждает девочек творить все эти дикие вещи. Ты помнишь ту вашу Американскую историю? Салемские ведьмы? Это была Мисао, или кто-то ей подобный. Такое случалось и за сотни лет до того. Можешь поискать Ерсулайских монахинь, когда выберешься отсюда. Это был тихий монастырь, однако вскоре он превратился обитель хаоса. Эксгибиционизм и хуже – некоторые сходили с ума – и тех, кто пытался помочь им, ожидала та же участь, они стали одержимыми.

– Эксгибиционисты? Как Тамра? Но она же только ребенок.

– Мисао тоже всего лишь ребенок, в своем сознании.

– И где вступает Кэролайн?

– В любом подобном случае обязательно должен быть зачинщик – некто кто заключил сделку с дьяволом или с демоном, в действительности для достижения своих личных целей. Вот где в игру вступает Кэролайн. Однако за целый город, они, должно быть, дают ей, нечто очень внушительное.

– Весь город? Они собираются в Феллс Черч...?

Деймон отвернулся. Правдой было то, что они собирались разрушить город, но не было смысла говорить об этом. Его руки были легко сомкнуты вокруг колена, когда он сидел в старом деревянном кресле-качалке на «вдовьей площадке».

– Прежде чем мы сможем сделать что-либо, для оказания кому-то помощи, мы должны выбраться отсюда. Из мира Шиничи. Это важно. Я могу блокировать лиса некоторое время, не позволяя ему видеть нас, однако я быстро устаю и нуждаюсь в крови. Я нуждаюсь в большем, чем ты могла бы восстановить, Елена.

Деймон посмотрел на нее. – Он свел Красавицу и Чудовище вместе, здесь. И он оставит нас, дабы увидеть, кто же восторжествует.

– Если ты имеешь в виду – убьет другого, то он в ожидании моего конца.

– Это ты сейчас так думаешь. Но мы в специально подстроенной ловушке. Здесь ничего нет кроме Старого Леса, равно как и в самом начале, когда мы колесили вокруг него. Также вычитаем любые другие человеческие жилища. Только лишь один дом – этот. Единственные реальные живые существа здесь только мы двое. И ты захочешь видеть меня мертвым уже совсем скоро.

– Деймон, я не понимаю. Что им здесь нужно? Даже со всем тем, что говорил Стефан о силовых линиях «Лей» проходящих через Феллс Черч и образующих такой себе маяк...

– То был твой маяк, Елена, он привлек их. Они любопытные, как дети, и у меня такое ощущение, что они могли быть замешаны в бедах, где угодно – это их настоящая жизнь. Возможно, они уже были здесь, наблюдали за исходом баталии и за твоим возрождением.

– И таким образом... они хотят уничтожить нас? Весело провести время? Взять город и сделать из нас марионеток?

– Все три пункта, на какой-то период. Они могут веселиться, в то время как некто еще умоляет их дела в Высоком суде другого измерения. И, да, «весело» для них означает разбор

города на части. Хотя я полагаю, что Шиничи попытается вернуться к нашей с ним сделке для получения того, чего он желает сильнее, нежели город. И это, в конечном счете, может означать войну друг с другом. Брат на брата. Точнее сестра.

– Что за сделка с тобой, Деймон?

– О тебе. Стефан обладал тобой. Я желал тебя. Он хочет тебя.

Злясь на саму себя, Елена почувствовала холод в животе, и ощутила далекую тряску, которая началась там и прокладывала себе путь наружу. – И каков первоначальный договор?

Он отвернулся от нее. – Это плохая часть.

– Деймон, что ты сделал? – Воскликнула она, почти крича это. – Что это была за сделка? – Все ее тело трясло.

– Я заключил сделку с демоном и, да, я знал кто он, когда делал это. Это была ночь, после того как твои друзья попали в ловушку деревьев – после того как Стефан изгнал меня из своей комнаты. Вот и... в общем, я был зол, но он взял мой гнев и форсировал его до предела. Он использовал меня, контролировал. Я понимаю это сейчас. Именно тогда он начал с соглашением и условиями.

– Деймон... – Начала Елена неуверенно. Однако он продолжал, говоря быстро, словно должен был пройти через это, увидеть до самого финала, прежде чем потеряет самообладание. – Конечной сделкой было то, что он поможет мне убрать Стефана с дороги, и я бы смог заполучить тебя, а он получает Кэролайн и остальной город, который он поделит со своей сестрой. Таким образом, бьет козырем сделку Кэролайн, что бы она там ни получала от Мисао.

Елена ударила его. Она не понимала, как у нее закутанной получилось освободить руку и сделать это молниеносное движение, но она это сделала. И потом она ждала, смотря на каплю крови на его губе, его ответа или свою силу, чтобы попытаться убить его.

Глава 33

Деймон просто сидел там. Затем он облизал свои губы и ничего не сказал, ничего не сделал.

– Ты сволочь!

– Да.

– Ты говоришь, что Стефан действительно не уходил от меня?

– Да. Я имею в виду – правильно.

– Кто тогда написал письмо в моем дневнике?

Деймон ничего не сказал, однако отвел взгляд.

– О, Деймон! – Она не знала, поцеловать его или дать затрещину. – Как ты мог... ты знаешь... – сказала она забитым и угрожающим голосом, – ...через что я прошла с тех пор как он исчез?! Думать каждую минуту, что он вдруг решил сорваться и покинуть меня? Даже если он намеревался вернуться.

– Я...

– Даже не пытайся сказать мне, что сожалеешь! Не пытайся сказать мне, что понимаешь мои чувства, потому что ты этого не испытывал. Как ты можешь? У тебя не было таких чувств!

– Полагаю,... у меня был некоторый подобный опыт. Однако я не намерен пытаться оправдываться. Лишь сказать, что у нас ограничено время, которое я могу блокировать Шиничи, не позволяя ему наблюдать за нами.

Сердце Елены разбивалось на тысячу осколков, она чувствовала каждый их укол внутри себя. Ничто больше не имело значения. – Ты солгал, ты нарушил данное мне обещание о том, что вы никогда не навредите друг другу...

– Я знаю... и это должно было быть невозможным. Однако все началось той ночью, когда деревья заточили Бонни, Мередит и... Марка...

– Мэтта!

– Той ночью, когда Стефан ударил меня и показал свою нынешнюю Силу – это было из-за тебя. Он сделал это, дабы я держался от тебя подальше. Ранее он лишь надеялся, что сохранит тебя в тайне. И той ночью я чувствовал... предательство, что ли. Не спрашивай меня, почему это должно иметь смысл, когда прежде в течение многих лет, я сбивал его с ног и заставлял есть грязь в любое время, когда бы пожелал.

Елена в своем разбитом состоянии пыталась осмыслить то, что он говорил. И не могла. Но еще она никак не могла игнорировать чувство, которое только что опустилось как ангел в цепях, ухватившись за нее.

«Попробуй посмотреть другими глазами. За ответом иди внутрь, а не наружу. Ты знаешь Демона. Ты уже видела то, что внутри него. Как долго Это там?»

– О, Демон, прости меня! Я знаю ответ. Демон... Демон. О, Боже! Я вижу, что с тобой не так. Ты одержим больше, чем любая из тех девочек.

– Во мне... одна из тех тварей?

Елена кивала с закрытыми глазами. Слезы текли по ее щекам, и она чувствовала дурноту, даже когда вынуждала себя делать это: собрать достаточное количество человеческих сил, чтобы видеть другими глазами, смотреть так, как она каким-то образом научилась смотреть в людей.

Существо, которого она прежде видела в нем, как и то, что описал Мэтт, было огромно для насекомого, длинной больше руки. Но теперь в Демоне она ощущала кое-что... грандиозное. Чудовищное. Нечто, что заполняло его полностью. Она видела его прозрачную голову внутри красивых очертаний Демона, его хитиновое тело за торсом Демона, его выворотные ноги внутри ног Демона. На мгновение Елена подумала, что упадет в обморок, но все же овладела собой. Глядя на призрачный образ, она думала, Что Бы Сделала Мередит?

Мередит осталась бы спокойной. Она бы не лгала, но нашла бы способ помочь.

– Демон, дело плохо. Но должен быть какой-то способ вытащить это из тебя. Я собираюсь найти его. Поскольку, пока оно находится в тебе, Шиничи может вынуждать тебя делать что угодно.

– Выслушаешь ли ты, почему, я думаю, оно выросло настолько большим? Той ночью, когда Стефан выставил меня, а все остальные отправились по домам как хорошие маленькие девочки и мальчики, ты и Стефан вышли на прогулку. Полет... Скольжение.

В течение долгого времени это ничего не означало для нее, даже притом, что это был последний раз, когда она видела Стефана. В самом деле, это было единственным значимым для нее: это был последний раз, когда она и Стефан...

Она почувствовала, что заledenела изнутри.

– Вы вошли в Старый Лес. Ты была все еще маленьким ребенком-духом, который в действительности не знал, что правильно, а что не правильно. И Стефану следовало ясно это понимать, прежде чем сделать это... на моей собственной территории. Вампиры принимают территорию всерьез. И в моем собственном пристанище... прямо перед моими глазами...

– О, Демон! Нет!

– О, Демон, да! Вы были там, делили кровь, слишком увлеченные, дабы заметить меня, даже если бы я выпрыгнул и попытался подглядеть за тобой отдельно. Ты была в длинной белой ночной рубашке с высоким горлом, и походила на ангела. Я хотел убить Стефана на месте.

– Демон...

– И это было правильно, что Шиничи появился именно тогда. Ему не требовалось говорить то, что я чувствовал. И у него был план, предлог... и предложение...

Елена вновь закрыла глаза и покачала головой.

– Он подготовил тебя заранее. Ты уже был одержим и готов был переполниться гнева.

– Я не знаю, почему. – Демон продолжал, словно не слышал ее. – Однако я едва ли думал о том, что все это будет означать для Бонни и Мередит, и для остальной части города. Все, о чем я мог думать, была ты. Все, чего я желал – тебя, и месть Стефану.

– Демон, ты слушать будешь? Тогда, ты уже был преднамеренно заблаговременно

одержим. Я видела молаха в тебе. Ты признаешь, – поскольку она чувствовала, что его переполняет необходимость откровенно высказаться – что нечто влияло на тебя перед этим, вынуждая наблюдать, как Бонни и другие умирают у твоих ног той ночью. Деймон, я думаю, что от этих тварей намного труднее избавиться, чем мы могли себе представить. Прежде всего, ты не стал бы в обычном состоянии, наблюдать, как люди занимаются... частными вещами, разве не так? Не факт, что ты действительно сам себе доказал, что что-то там было неправильным?

– Это... теория. – Деймон ответил, не представляясь счастливым.

– Но разве ты не видишь? Именно оно заставило сказать Стефану, что ты спас только Бонни из прихоти, и именно оно заставило тебя отказаться сказать всем, что малах вынуждал наблюдать атаку деревьев, гипнотизируя тебя. Оно и твоя глупая, упрямая гордость.

– Сочту за комплимент. Я могу иссохнуть, и меня сдует.

– Не переживай, – категорически заявила Елена, – независимо от того, что случится с оставшимися из нас, у меня предчувствие, что твое эго выживет. Что случилось потом?

– Я заключил свою сделку с Шиничи. Он должен был соблазнить Стефана, убрать с дороги в сторону туда, где бы я мог увидеться с ним наедине. Затем переправить его подальше отсюда, куда угодно, лишь бы он не смог тебя отыскать.

Кое-что взрывчатое снова вздымалось в Елене. Это был тяжелый твердый шар сжатого восторга.

– Не убивая его? – ей удалось выдавить из себя.

– Что?

– Стефан живой? Он жив? Он... он действительно жив?

– Спокойно, – Деймон ответил холодно. – Спокойней, Елена. Мы не можем позволить тебе обморок. – Он держал ее за плечи. – Ты думала, что я намеревался убить его?

Елена дрожала слишком сильно, чтобы нормально ответить. – Почему ты не сказал мне раньше?

– Приношу свои извинения за упущение.

– Он жив... точно, Деймон? Ты абсолютно уверен?

– Определенно.

Без мысли о себе и без единой мысли любого другого рода, Елена сделала то, что она делала лучше всего – поддалась импульсу. Она обвила руками шею Деймона и поцеловала его.

На мгновение Деймон просто остолбенел потрясенный. Он заключил контракт с убийцами, дабы похитить ее возлюбленного и истребить ее город. Однако разум Елены никогда бы даже не взглянул на это с такой стороны.

– Если бы он был мертв... – Он остановился и постарался начать снова. – Вся сделка с Шиничи зависит от сохранения его живым... живым и подальше от тебя. Я не мог рискнуть, дабы ты убила себя или же по-настоящему возненавидела меня. – Снова-таки примечание отдаленной холодности. – С мертвым Стефаном, чего бы я добился от тебя, принцесса?

Елена проигнорировала все это.

– Если он жив, я могу найти его.

– Если он помнит тебя. Однако что, если у него забрали все воспоминания о тебе, каждое?

– Что? – Елена хотела взорваться. – Если каждое воспоминание Стефана обо мне забрали, – сказала она пронизывающе, – я все еще смогу влюбить его в себя в момент, когда увижу. И если бы каждое воспоминание Стефана обо мне, было украдено, то он бы бродил по всему миру, в поисках чего-то, не зная, что он ищет.

– Очень поэтично.

– Но, о, Деймон, спасибо тебе, что не позволил Шиничи убить его!

Он покачал головой, глядя на Елену и удивляясь самому себе.

– Я не мог... похоже... сделать этого. Это было данное мною слово. Я полагал, что, если бы он был свободен и счастлив, и ничего не помнил, это достаточно удовлетворило

бы...

– Твое обещание, данное мне? Ты был фигурально не прав. Но это теперь не имеет значения.

– Это имеет значение. Ты пострадала от этого.

– Нет, Деймон. Все, что действительно имеет значение это то, что он не мертв... и он не оставлял меня. Все еще есть надежда.

– Но Елена, – теперь голос Деймона был живым, взволнованным и в то же время несгибаемым, – Разве ты не видишь? В сторону прошлое, ты должна признать, что мы являемся теми, кто принадлежит друг другу. Ты и я попросту лучше подходим по своей природе. В глубине души ты знаешь это, поскольку мы понимаем друг друга. Мы находимся на одном интеллектуальном уровне.

– Как и Стефан!

– Что ж, я могу сказать лишь, что в таком случае он проделывает выдающуюся работу по части сокрытия оного. И все же, разве ты не ощущаешь этого? Разве ты не чувствуешь? Не чувствуешь, – его захват становился некомфортным, – что могла бы быть моей принцессой тьмы... что нечто глубоко в тебе желает? Я вижу это, если ты не видишь.

– Я не могу быть тебе ни кем, Деймон. Кроме как приличной невесткой.

Он покачал головой, резко рассмеявшись.

– Нет, ты подходишь исключительно для главной роли. Хорошо, все, что я могу сейчас сказать, – если мы переживем борьбу с близнецами, ты увидишь в себе то, чего никогда не видела прежде. И ты поймешь, что мы намного больше соответствуем.

– А все, что я могу сказать, это то, что, если мы переживем эту борьбу с «близнецами Боббси» из Ада, звучит это так, словно мы будем нуждаться во всей духовной силе, которую сможем получить впоследствии. И это означает возвращение Стефана назад.

– Возможно, мы не в состоянии вернуть его назад. О, я согласен... даже если мы уведем Шиничи и Мисао из Феллс Черч, вероятность того, что мы сможем покончить с ними, едва ли не без остатка равна нулю. Ты не боец. Возможно, мы не будем способны даже сильно навредить им. Но даже я не знаю точно, где Стефан.

– Тогда близнецы единственные, кто может нам помочь.

– Если они все еще могут нам помочь... ой, ладно, я признаю это. Ши но Ши является, небось, абсолютной фикцией. Они по всей вероятности забирают несколько воспоминаний у вампиров болванов... воспоминания о монете выбора в сфере Другой Стороны... и затем отсылают их прочь, в то время как кассовый аппарат все еще звенит. Они мошенники. А все то место – гигантская трущоба и шоу уродцев... из разряда перегоночный Вегас.

– А они не боятся, что вампиры, которых они обманули, захотят отомстить?

Деймон засмеялся, на сей раз мелодично.

– Вампир, который не желает быть вампиром является самым низким типом на тотемном столбе Другой Стороны. О, за исключением людей. Наряду с влюбленными исполнившими пакт суицида, детьми, которые прыгают с крыш, полагая, что плащ Супермена может заставить их полететь.

Елена попыталась вырваться из его хватки, чтобы упрекнуть, но он был удивительно силен.

– Что-то это не походит на очень хорошее место.

– Нет.

– И вот где Стефан?

– Если нам повезет.

– Итак, – сказала она, видя вещи, как всегда, с точки зрения Планов А, В, С, и D, – во-первых, мы должны выяснить у этих близнецов, где находится Стефан. Во-вторых, нам нужно заставить их излечить маленьких девочек, которыми они овладели. В-третьих, мы должны принудить их оставить Феллс Черч в покое раз и навсегда. Но прежде всего, мы должны найти Стефана. Он сможет помочь нам; я знаю, что он сможет. И затем мы просто будем надеяться, что достаточно сильны для остального.

– Мы могли бы воспользоваться помощью Стефана, хорошо. Однако ты упустила один момент – Сейчас, что нам необходимо сделать, это удержать близнецов от убийства нас же.

– Они все еще думают, что ты их друг, да? – Разум Елены мерцал различными вариантами. – Убеди их в этом. Жди, пока не наступит стратегический момент, и затем воспользуйся случаем. У нас есть какое-нибудь оружие против них?

– Железо. Им становится плохо от железа – они демоны. И дорогой Шиничи одержим тобой, хотя я не могу сказать, что его сестра одобрит, когда она осознает это.

– Одержим?

– Да. Одержим тобой и английскими народными песнями, помнишь? Хотя я не могу понять почему. Песни... я имею в виду.

– Ладно, только я не знаю, что мы можем иметь с этого.

– Держу пари, что его помешанность на тебе, взбесит Мисао. Это лишь догадка, однако она держала его при себе в течение тысяч лет.

– Тогда мы можем натравить их друг на друга, притворяясь, что он получит меня. Деймон – что?... – Елена прибавила в свой тон тревоги, поскольку он сжал ее сильнее, словно обеспокоившись.

– Он тебя не получит, – сказал Деймон.

– Я знаю.

– Мне совершенно не нравится идея о ком-либо еще претендующем на тебя. Ты предназначена быть моей, ты знаешь это.

– Деймон, не надо. Я уже говорила тебе. Пожалуйста...

– В смысле, пожалуйста, не вынуждай меня делать тебе больно? Правда в том, что ты не можешь сделать мне больно, разве только я сам позволю. Ты можешь лишь навредить себе в отношении меня.

Елена могла, по крайней мере, оттянуть их верхние части тела подальше друг от друга.

– Деймон, мы только что заключили соглашение, строили планы. Теперь, что мы делаем, бросаем их всех?

– Нет, но я думал о другом способе сделать из тебя супергероя первого ранга, прямо сейчас. Ты говорила, что я должен взять больше твоей крови вечность назад.

– Оу... да.

Это была правда. Даже если это было прежде, чем он признался ей в ужасных вещах, которые совершил. И...

– Деймон, что случилось с Мэттом на поляне? Мы осмотрели все, но не нашли его. И ты был рад этому.

Он не стал это отрицать.

– В реальном мире я был зол на него, Елена. Он, оказалось, является еще одним конкурентом... Часть причины, по которой мы здесь это то, что я точно помню, что случилось.

– Ты навредил Мэтту, Деймон? Поэтому сейчас ты делаешь мне больно.

– Да. – Голос Деймона был легок и внезапно безразличен, словно он нашел это забавным. – Наверное, я сделал ему больно. Я использовал психическую боль на нем, это уже останавливало биение множества сердец. Однако твой Мэтт упрям. Мне это нравится. Я вынуждал его страдать больше и больше, и все же он продолжал существование, поскольку боялся оставить тебя одну.

– Деймон! – Елена пыталась вывернуться, но поняла, что это бесполезно. Он был намного, намного сильнее ее.

– Как ты мог так поступить с ним?

– Я сказал тебе, он соперник.

Деймон внезапно рассмеялся.

– Ты действительно не помнишь, не так ли? Я заставил его унизиться ради тебя. Я заставил его в буквальном смысле есть грязь ради тебя.

– Деймон ты с ума сошел?

– Нет. Я лишь сейчас обрел свое здравомыслие. Мне не нужно убеждать тебя в том, что ты принадлежишь мне. Я могу взять тебя.

– Нет, Деймон. Я не буду твоей принцессой тьмы или... или кем-то там еще твоей без спросу. Самое большее, что у тебя будет, это мертвое тело для твоих игр.

– Возможно, мне бы этого хотелось. Однако ты забываешь, я могу проникнуть в твой разум. И у тебя все еще есть друзья... дома, готовятся к ужину или ко сну, ты надеешься. Не так ли? Друзья со всеми своими конечностями, кто никогда не знал реальной боли.

Он дал Елене много времени высказаться. Тогда она спокойно произнесла:

– Я забираю обратно каждое свое пристойное слово, которое когда-либо говорила о тебе. Ты монстр, ты слышишь это? Ты омерзителен! – Ее голос медленно понижался. – Они вынуждают тебя делать это, так ведь? – сказала она, наконец, решительно. – Шиничи и Мисао. Миленькое маленькое шоу для них. Так же, как они заставили тебя издеваться над Мэттом и мной раньше.

– Нет, я делаю только то, чего сам желаю. – Не вспышку ли красного в его глазах, только что увидела Елена? Короткий блик пламени... – Ты знаешь, насколько ты красива, когда плачешь? Ты намного прекраснее, чем когда-либо. Золото в твоих глазах, словно поднимается на поверхность и проливается вниз бриллиантами слез. Я бы пожелал, дабы скульптор высек твой бюст, тебя плачущую.

– Деймон, я знаю, что на самом деле не ты это говоришь. Я знаю, что это говорит тварь, которую они засунули в тебя.

– Елена, уверяю тебя, это все я. Я вполне наслаждался этим, когда заставлял его причинять тебе боль. Мне нравилось слушать, как ты кричала. Я вынуждал его разорвать твою одежду,... мне приходилось причинить ему много боли, дабы заставить сделать это. Однако не уже ли ты не заметила, что твоя кофточка была порвана, и что ты была босая? Это все Мэтт.

Елена мысленно вернулась к тому моменту, когда она выпрыгивала из Феррари. Да, тогда, и во время и после, она была босой с голыми руками, одетая только в нижнюю кружевную кофточку. Совсем немного ткани ее джинсов валялось слева от обочины, в окружении растительности. Но ей ни разу не пришло в голову задаться вопросом, что случилось с ее ботинками и носками, или почему ее кофточка была полосами порвана внизу. Она просто была настолько благодарна за помощь... тому, кто причинил ей боль, в первую очередь...

О, Деймон, должно быть думает, что это иронично. И тут Елена внезапно осознала, что она настроена против Деймона, а не его захватчика. Она думала не о Шиничи и Мисао. Но это разные вещи, говорила она себе. Я должна помнить это!

– Да, мне нравилось заставлять его причинить тебе боль, и мне нравилось делать это самому. Я заставил его принести мне ивовый прут, как раз нужной толщины, и затем отхлестал тебя ею. Тебе тоже это понравилось, я клянусь. Не трудись искать отметины, поскольку все они исчезли как и другие. Но все трое из нас наслаждались, слушая твои крики. Ты... и я... и Мэтт, также. Кстати, из всех нас, он, возможно, наслаждался этим больше всего.

– Деймон, заткнись! Я не собираюсь слушать твою болтовню о Мэтте в таком ключе!

– Я бы не позволил ему видеть тебя без одежды, хотя, – Деймон секретничал, словно не слышал ни слова. – Это было в тот момент, когда я его... отпустил. Поместил в другой шар. Я хотел охотиться за тобой, словно ты пыталась убежать от меня, в пустом шаре, из которого ты никогда не смогла бы выбраться. Я желал увидеть тот особенный взгляд в твоих глазах, который возникает всякий раз, когда ты борешься со всем, что имеешь – и я желал видеть поражение. Ты не боец, Елена.

Деймон внезапно разразился безобразным, уродливым смехом, и к потрясению Елены, сжал ее и выбросил руки вперед, проламывая стену на «вдовьей площадке».

– Деймон... – Она начала рыдать.

– И еще я желал сделать это. – Без предупреждения рука Деймона приподняла ее

подбородок, отбрасывая ее голову назад. Другую руку он запустил в волосы Елены, выгибая ее шею под нужным ему углом, в положение котором, он хотел, чтобы она находилась. И затем Елена почувствовала его быстрый словно кобра бросок, и ощутила две колотые раны на своей шее и собственную кровь, бьющую из них.

Спустя столетия Елена вяло очнулась. Деймон все еще наслаждался собой, полностью теряясь в процессе обладания Еленой Гильберт. И совершенно не было времени, чтобы строить различные планы.

Ее тело действовало, словно само по себе, поражая ее почти настолько, насколько поразило Деймона. Даже когда он поднял голову, ее рука сорвала магический ключ с его пальца. Потом она схватилась, вывернулась, подняла колени настолько высоко, как только могла, и пнула Деймона вперед. Он вылетел, сокрушая расколотую гнилую древесину внешних перил «вдовьей площадки».

Глава 34

Елена однажды упала с такого балкона, и Стефан прыгнул и поймал ее прежде, чем она коснулась бы земли. Человеческое падение с такой высоты могло бы иметь летальный исход. Вампир, полностью владеющий его или ее рефлексам, просто сделал бы сальто в воздухе, и словно кот легко приземлился бы на ноги. Но только не в особенных обстоятельствах с Деймоном сегодня ночью...

По звуку он попытался кувыркнуться, но только закончил приземление на боку, и сломал кости. Елена сделала такой вывод из посыпавшихся снизу проклятий. Девушка не стала дожидаться услышать больше специфических особенностей. Она скакала как кролик, спускаясь вниз к уровню комнаты Стефана, где мгновенно и почти подсознательно, послала бессловесную просьбу, и затем вниз по лестнице. Хижина превратилась в совершеннейшую копию пансиона.

Елена не знала почему, но инстинктивно она бежала в ту часть дома, которую Деймон мог знать меньше всего – помещение старого слуги. Она поняла это даже прежде, чем рискнула шептаться с домом – нужно просить его, а не требовать. И молиться, что дом будет повиноваться ей, как повиновался Деймону.

– Дом тети Джудит, – шептала она, толкая ключ в дверь. Тот вошел как горячий нож в сливочное масло и повернулся почти по собственной воле, и затем внезапно она оказалась там снова, ... в месте, что было ей домом в течение шестнадцати лет, вплоть до ее первой смерти.

Она очутилась в прихожей. Дверь в комнату маленькой сестры Маргарет была открытой, показывая ее лежащей на полу своей спальни, и смотрящей широко раскрытыми глазами в книгу-раскраску.

– Это кисточка, милая! – Объявила Елена так, точно призраки каждый день появлялись в доме Гилбертов, и Маргарет должна была знать, как иметь дело с ними. – Ты побежишь к подружке Барбаре, а потом она должна быть Этим. Не останавливайся, пока ты не доберешься до нее, и затем не увидишь маму Барбары. Но сначала ты подаришь мне три поцелуя. – И она подняла Маргарет и крепко обняла, а затем практически вытолкнула ее в дверь.

– Но Елена, ... ты вернулась.

– Я знаю, дорогая, и я обещаю увидеться с тобой снова в другой день. А теперь ... беги, малышка!

– Я сказала им, что ты вернешься. Ты уже делала это раньше...

– Маргарет! Беги!

Захлебываясь слезами, но возможно признавая своим детским способом серьезность ситуации, Маргарет побежала. И Елена последовала за ней, но юркнула в направлении другой лестницы, когда Маргарет свернула.

И затем девушка столкнулась с ухмыляющимся Деймоном.

– Ты слишком долго беседуешь с людьми, – сказал он, в то время как Елена отчаянно просчитывала свои варианты. «Выскочить через балкон? Нет. Кости Деймона возможно еще побаливают, но если Елена прыгнет, то может свернуть себе шею. Что еще? Думай!»

И тогда она открыла дверь в буфет, в то же самое время выкрикивая: – Дом двоюродной бабушки Тильды, – не будучи уверенной в том, что магия сработает. И затем она хлопнула дверью перед лицом Деймона.

И она была в доме своей тети Тильды, но в доме тети Тильды из прошлого. «Неудивительно, что они обвиняли бедную тетюшку в наблюдении странных вещей» – думала Елена, поскольку она видела, как женщина повернулась, держа большое стеклянное блюдо-кастрюлю, полное чего-то, что пахло грибами, и крикнув, уронила его на пол.

– Елена! – Воскликнула она. – Что... этого не можешь быть ты... ты выросла!

– Что случилось? – Потребовала тетя Мэгги, которая была подругой тети Тильды, входя из другой комнаты. Она была выше и жестче тетюшки Тильды.

– За мной гонятся, – кричала Елена. – Я должна найти дверь, и если вы увидите парня после меня...

И именно тогда Деймон вышел из двери шкафа. В то же самое время тетя Мэгги сделала ему аккуратную подножку, и сказала: – Дверь ванной рядом с тобой, – потом подняла вазу и ударила ею по голове встающего Деймона. Сильно.

А Елена мчалась через дверь ванной, крича: – Средняя школа Роберта Э. Ли прошлой осенью, когда звенит звонок!

И потом она плыла против потока, с множеством студентов, пытающихся добраться до своих классов вовремя. Но потом один из них узнал ее, а потом другой. И хотя она, по-видимому успешно, попала в то время, когда еще не была мертва, и никто не кричал «Призрак», – ни один из учеников школы в Роберта Ли, никогда не видел Елену Гилберт, одетой в мужскую рубашку поверх нижней маечки, и с волосами, дико спадающими по плечам.

– Это – костюм для игры! – крикнула она, и затем создала одну из бессмертных легенд о себе даже прежде, чем умерла, добавив: – Дом Кэролайн! – и ступила в чулан дворника.

Спустя мгновение, самый красивый юноша, которого кто-либо когда-либо видел, появился за ее спиной, и влетел в те же двери, произнося слова на иностранном языке. И когда каморка дворника открылась, ни девушки, ни юноши там не оказалось.

Елена, приземлившись, продолжала бег по коридору и чуть не врезалась в мистера Форбса, который выглядел довольно шатким. Он пил что-то, похожее на большой стакан томатного сока, который пахнул алкоголем.

– Мы не знаем, куда она вышла, ясно? – крикнул он прежде, чем Елена могла сказать хоть слово.

– Она вышла прямоком из ума, насколько я могу судить. Она говорила о церемонии на «вдовьей площадке»... а то как она была одета! Родители больше не имеют никакого контроля над детьми! – Он резко упал, врезавшись в стену.

– Мне очень жаль, – пробормотала Елена.

Церемония. Так ладно, церемонии черной магии, как правило, проводятся во время восхода луны или в полночь. И это было всего за несколько минут до полуночи. Но в те минуты, Елена просто вышла со своим планом «В».

– Извините, – сказала она, взяв напиток из рук мистера Форбса, и лихо выплеснула его прямо в лицо Деймона, который появился из шкафа. Потом она прокричала: – Место, которое их род не видит!... – И вошла в...

Лимбо?

Рай?

Место, которое их род не видит. Сперва Елена задалась вопросом на счет себя, потому что она практически ничего не могла рассмотреть.

Но затем она осознала, где находится – глубоко под землей, в пустой гробнице Онории

Фелл. Однажды, ей пришлось бороться здесь, чтобы спасти жизни Стефана и Деймона.

И сейчас там, где не должно быть ничего кроме темноты, крыс, и плесени, был крошечный, яркий, свет. словно миниатюрная фея Тинкербелл... только пятнышко, которое парило в воздухе, не ведя Елену за собой, не общаясь, но... защищая, осознала девушка. Она взяла свет, яркий и прохладный в ее пальцах, и вокруг себя она очертила круг, достаточно большой, чтобы взрослый человек мог лечь в нем.

Когда она обернулась, Деймон сидел в центре.

Он выглядел странно бледным для того, кто только что питался. Но он ничего не сказал, ни слова, просто смотрел на нее. Елена подошла к нему и прикоснулась к его шее.

И мгновение спустя, Деймон снова делал большой глоток, глоток самой экстраординарной крови в мире.

Обычно, в этот момент он анализировал бы вкус: вкус ягоды, вкус тропических фруктов, гладкий, дымчатый, древесный, округлый с шелковистым послевкусием... Однако не сейчас... Не эта кровь, которая значительно превосходила все, для чего у него имелись слова. Эта кровь, которая наполняла его Силой, такой которую он никогда не знал прежде.

«Деймон...»

Почему он не слушает? Как он пришел, чтобы выпить эту экстраординарную кровь, со вкусом загробной жизни, и почему он не слушает донора?

«Пожалуйста, Деймон. Пожалуйста, борись с ним...»

Он должен признать этот голос. Он слышал его много раз.

«Я знаю, что они контролирует тебя. Но они не могут контролировать тебя полностью. Ты сильнее, чем они. Ты сильнейший...»

Что ж, это было действительно правдой. Деймон все больше и больше путался. Донор, казался несчастным, а ведь он был экспертом по части внушения своим донорам чувства эйфории. И он не вполне помнит... он действительно должен помнить, как все начиналось...

«Деймон, это я. Это Елена. И ты делаешь мне больно».

Так много боли и недоумения. С самого начала, Елена знала, что лучше не сопротивляться осушению ее вен. Это только причиняло бы страдания, и не дало бы ничего хорошего, кроме как помешало бы работе ее мозга.

Таким образом, она пыталась заставить его бороться с ужасным зверем внутри него. Что ж, да, но изменения должны прийти изнутри... Если она просто вынудит его, то Шиничи заметит, и овладеет им снова. Кроме того, простое «Деймон, будь сильным» не работало.

И что ничего нельзя сделать, но что тогда, умирать? Она могла, по крайней мере, бороться с этим, хотя она знала, что сила Деймона сделает это бессмысленным. С каждым глотком ее крови, он становился сильнее, и менялся все больше и больше в...

Во что? Это омывающая кровь. Может, он ответил бы на ее призыв – крови, – который являлся также и призывом Елены. Возможно, как-то внутри, он может подавить монстра, не привлекая внимания Шиничи.

Но она нуждалась в некой новой силе, ей нужен был новый трюк...

И даже когда Елена только начала думать об этом, она почувствовала как новая Сила, движется в ней, и она знала, что эта Сила всегда была там, только ждала особого случая, для использования. Это была совершенно особая Сила, не для борьбы и даже не для сохранения себя. Тем не менее, она вырывалась из девушки. Вампиры, которые охотились на Елену, получили только несколько глотков, и сейчас она весь запас крови наполняла своей огромной энергией. И призывая ее также легко, как тянущиеся к ней с открытым сердцем и открытыми руками.

Так скоро как она это сделала, Елена обнаружила новые слова, идущие к губам, и самое странное из всего – новые крылья, выплывающие из ее тела, которое Деймон держал, жестко склонив назад к бедрам. Эти эфирные крылья были не для полета, а для чего-то другого, и, когда они полностью развернулись, они образовали огромную радужную арку, кончики которой заворачивались обратно, окружая и окутывая обоих, Деймона и Елену.

А после она телепатически произнесла «Крылья Искупления».

И внутри, беззвучно, Деймон закричал.

Потом крылья приоткрылись. И только тот, кто изучал достаточно много всего о магии, смог бы увидеть то, что происходило внутри них двоих. Мучение Деймона становилось мучением Елены, поскольку она забирала у него каждый болезненный инцидент, каждую трагедию, каждую жестокость, что таилась в каменных слоях равнодушия и злобы, заключающих в себе его сердце.

Слои – столь же твердые, как камень в сердце «черного карлика», разбивались и отлетали. Ничего не могло остановить это. Большие куски и валуны раскалывались, маленькие куски разбивались. Некоторые из них растворялись в клубы едко-пахнущего дыма.

И было что-то, что находилось в центре, – некое ядро, которое было чернее, чем ад, и тверже, чем рога дьявола. Елена не совсем понимала, что произошло с этим. Она думала, она надеялась, что в самом конце даже это разорвется открывшись.

Сейчас, и только сейчас, могла ли она призвать следующую пару крыльев. Она не была уверена, что сможет пережить первую. И она бесспорно не чувствовала, что сможет пережить следующую. Но Деймон должен был знать.

Он приклонил одно колено к земле, руки наглухо были сцеплены вокруг него. Должно быть все в порядке. Он все еще был Деймоном, и был бы намного счастливее без веса всей этой ненависти, предубеждений и жестокости. Он не будет хранить воспоминания его юности, о том другом молодом острослове, который дразнил своего отца «старым дураком», из-за его пагубных увлечений инвестициями и любовницами, что были моложе, чем его собственные сыновья. Не будет бесконечно останавливаться на своем детстве, когда все тот же отец избил его в пьяном гнев, когда он пренебрег своей учебой и завязал дружбу с нежелательными компаньонами.

И, наконец, он не будет продолжать смаковать и созерцать многие страшные вещи, что он совершал. Он был искуплен, во имя небес и во время небес, словами, вложенными в уста Елены.

Но теперь... было что-то, что он должен был вспомнить... Если Елена была права...

Если только она была права.

– Что это за место? Девушка, вы ранены? – в своем смущении он не узнавал ее.

Он был приклонен, теперь она опустилась рядом с ним.

Он пронзал ее взглядом.

– Мы молились, или мы занимались любовью? Было ли это Наблюдением или Gonzalogs?

– Деймон, – произнесла она, – это я, Елена. Сейчас двадцать первый век и ты – вампир.

Затем, нежно обняв его, и прижимаясь своей щекой к его щеке, она прошептала: «Крылья Воспоминаний».

И пара полупрозрачных крыльев бабочки, фиолетового, небесно-голубого и темно-синего цвета, выросли из ее позвоночника, чуть выше бедер. Крылья были украшены сапфирами и крошечными полупрозрачными аметистами, которые складывались в причудливые узоры. Используя мышцы, которыми она прежде не пользовалась, Елена легко потянула крылья вверх и вперед, пока они не раскрылись, а затем вывернулись полностью, и Деймон был защищен в них. Словно заключенный в тусклой, испещренной драгоценными камнями, пещере.

Она видела в прекрасно-воспитанных особенностях Деймона, что он не хотел вспоминать ничего больше, чем он вспомнил прямо сейчас. Но новые воспоминания, воспоминания, связанные с ней, уже поднимались в нем. Он взглянул на свое кольцо с лазуритом, и Елена видела, как слезы подходят в его глазах. Потом, медленно его пристальный взгляд обратился к ней.

– Елена?

– Да.

– Кто-то управлял мной и забрал воспоминания о времени, когда я был одержим... –

прошпентал он.

– Да, по крайней мере, я так думаю.

– И кто-то причинил тебе боль.

– Да.

– Я поклялся убить его или сделать твоим рабом сотню раз. Он ударил тебя. Он взял твою кровь силой. Он выдумал смехотворные истории для причинения тебе боли иными способами.

– Деймон, да это правда. Но пожалуйста...

– Я, было, напал на его след. Если бы он мне попался, я прошел бы сквозь него, вырвал бы бьющееся сердце из его груди. Или же преподавал бы ему самые болезненные уроки, способами, о которых мне когда-либо доводилось слышать, а я знаю много рассказов. И в конечном итоге, я бы заставил его, твоего раба, целовать своими кровавыми губами твои пятки, до самой его смерти.

Это не было хорошо для него. Она могла это видеть. Его глаза расширились, как у испуганного жеребенка.

– Деймон, умоляю тебя...

– И тем, кто причинил тебе боль..., был я.

– Не ты лично. Ты это сам уже сказал. Ты был одержим...

– Ты боялась меня настолько, что разделась для меня...

Елена вспомнила настоящую рубашку Пендлтон.

– Я не хотела вашей с Мэттом драки...

– Позволяла мне пускать тебе кровь, даже против своей истинной воли...

На этот раз она не нашла что сказать кроме как: – Да.

– Я, – Бог мой! – Я использовал свои Силы, дабы ты страдала в страшной скорби.

– Если ты подразумеваешь атаку, которая причиняла жгучую отвратительную боль и припадки, то, да. И ты обошелся с Мэттом хуже.

Мэтт не был в радарной зоне Деймона.

– И затем я похитил тебя...

– Ты попытался.

– А ты охотно выскочила из автомобиля на большой скорости, дабы не иметь со мной дела.

– Ты играл грубо, Деймон. Они сказали тебе выйти на улицу и играть грубо, возможно, даже сломать свои игрушки.

– Я так долго искал того, кто заставил тебя выпрыгнуть из автомобиля. Я не мог вспомнить, что было до этого. И я поклялся вырвать его глаза и язык, прежде чем он умрет в муках. Ты не могла ходить. Ты была вынуждена использовать костыль, дабы пройти через лес, и именно в тот миг, когда помощь была на подходе, Шиничи заманил тебя в ловушку. Ах, да, я знаю его. Ты забрела в его снежный шар... и будешь блуждать дальше, если я не разбил его.

– Нет, – ответила спокойно Елена. – Я бы уже давно была мертва. Но ты нашел меня в месте удушья, помнишь?

– Да. – Момент ожесточенной радости на его лице. Но затем загнанный шокированный взгляд возвратился.

– Я был мучителем, преследователем, тем, кого ты так боялась. Я заставлял тебя делать это с...с...

– Мэттом...

– О, Боже!... – сказал он, и это было обращение к божеству, а не просто восклицание, потому что он поднял, сжатые руки к небу... – Я полагал, что я был для тебя героем. Вместо этого я – мерзость. Что теперь? По справедливости, я уже должен лежать мертвым у твоих ног...

Он смотрел на нее широкими, удрученными, черными глазами. Не было никакого юмора в них, никакого сарказма, никакого сдерживания. Он выглядел очень молодым, очень

диким и отчаянным. Если бы он был черной пантерой, он отчаянно метался бы в своей клетке из угла в угол.

Затем он склонил свою голову, чтобы поцеловать ее босые ноги.

Елена была в шоке.

– Я твой, прошу, делай со мной, все что хочешь. – Сказал он тем же ошеломленным голосом. – Можешь приказать мне, умереть немедленно. После всех моих умных речей выяснилось, что я – монстр.

И тогда он заплакал. Вероятно, никакое другое стечение обстоятельств не могло бы вызвать слезы в глазах Деймона Сальваторе. Но он заточил себя. Он никогда не нарушал свое слово, и он дал одно себе, что сломает того монстра, который причинил все это Елене. Тот факт, что он был одержим, сначала немного, а затем все больше и больше, пока его разум полностью не был подчинен, и он стал одной из игрушек Шиничи для развлечения, – не оправдывал его преступления.

– Ты знаешь, что я... я проклят. – Сказал он ей, возможно, словно он мог пройти маленький путь к реституции.

– Нет, не знаю. – Ответила Елена, – Поскольку я не верю, что это правда. И Деймон, подумай о том, сколько раз ты боролся с ними. Я уверена, что они хотели, чтобы ты убил Кэролайн той первой ночью, ты сказал, что чувствовал что-то в ее зеркале. Ты сказал, что почти сделал это. И я уверена, что они хотят, чтобы ты убил меня. Ты собираешься сделать это?

Он снова наклонился к ее ноге, и она торопливо схватила его за плечи. Она не могла смотреть на него в такой боли. И теперь он искал, вертясь и озираясь по сторонам, точно у него была определенная цель. Он также крутил кольцо с лазуритом.

– Деймон, о чем ты думаешь? Ответь мне, о чем ты думаешь!

– О том, что он может использовать меня как марионетку снова. И что на сей раз может быть реальный прут березы. Шиничи – чудовище вне твоей невинной веры. И он может овладеть мной при любом удобном случае. Мы видели это.

– Он не сможет, если ты позволишь мне поцеловать тебя.

– Что? – Он смотрел на нее так, словно она не следила за беседой должным образом.

– Позволь мне поцеловать тебя. И обезоружить того умирающего малаха, что внутри тебя.

– Умирающего?

– Оно близится к смерти все ближе и ближе, каждый раз, когда ты получаешь достаточно сил для того, чтобы отвернуться от него.

– Оно... очень большое?

– Уже такое большое, как ты.

– Хорошо, – прошептал он. – Если бы я только мог бороться сам...

– *Pour le sport* [из спортивного интереса]? – ответила Елена, показывая, что ее лето во Франции в прошлом году не было полностью потрачено впустую.

– Нет. Потому, что я ненавижу кишки ублюдка, и я с радостью выстрадаю сотню раз, пока знаю, что увечу тварь.

Елена решила, что больше не было времени медлить. Он был готов.

– Ты позволишь мне сделать эту последнюю вещь?

– Я сказал тебе прежде – монстр, который причинил тебе боль, отныне твой раб.

Ладно. Они могут поспорить об этом позже. Елена подалась вперед и наклонила свою голову, немного поджав губы.

Через несколько мгновений, Деймон – Дон Жуан тьмы, получил очко.

Он целовал ее очень нежно, словно боясь установить слишком большой контакт.

– Крылья Очищения, – прошептала Елена губами.

Эти крылья были столь же белы сколь девственный снег, кружевными и едва ли существующими в некоторых местах вообще. Они аркой поднялись высоко над Еленой, мерцая и переливаясь, напоминая ей о лунном свете на матовых паутинках. Они окутали

смертную и вампира в сети из алмазов и жемчуга.

– Это будет больно, – сказала Елена, не ведая, откуда она об этом знала. Знания, казалось, приходили момент за моментом, когда они были необходимы. Это было почти как во сне, где великие истины понятны даже без соответствующего опыта, и принимаются без удивлений.

И было именно так, как она это знала – то, что Крылья Очищения будут искать и разрушать кое-что инородное внутри Деймона, и то, что ощущения могут быть очень неприятными для него. И когда оказалось, что малах не покинет тело вампира самостоятельно, она произнесла, побужденная своим внутренним голосом:

– Сними свою рубашку. Малах примыкает к твоему позвоночнику, и находится рядом с тем местом, через которое он проник в тебя, сзади в затылочной области. Мне придется вынуть это вручную.

– Примыкает к моему позвоночнику?

– Да. Ты когда-либо ощущал это? Сначала скорее всего было похоже на жало пчелы, или занозу, словно что-то вошло под кожу. Только небольшая острая боль и капля желе, которая проникла к позвоночнику.

– О. Комариный укус. Да, я чувствовал это. И затем позже, начала болеть шея, и наконец, все тело. Оно что... росло внутри меня?

– Да, и принимал на себя все больше и больше твоей нервной системы. Шиничи управлял тобой точно марионеткой.

– О. Господи! Мне очень жаль.

– Давай заставим сожалеть об этом его. Ты снимаешь свою рубашку?

Молча, как доверчивый ребенок, Деймон снял свою черную куртку и рубашку. Тогда, как Елена жестом указала ему положение, он лег на ее колени, его мускулистая спина выглядела бледной на фоне земли.

– Прости, – сказала она. – Придется вытаскивать этого через отверстие, в которое оно проникло. Будет действительно больно.

– Хорошо, – проворчал Деймон. А потом он закрыл свое лицо гибкими, поджарыми руками.

Елена прощупывала его кожу подушечками пальцев, пытаясь почувствовать то, что она искала в районе позвоночника. Водянистая точка. Волдырь. Когда она нашла, она сжала это своими ногтями, пока неожиданно не брызнула кровь.

Она едва не упустила гада, поскольку малах попытался улизнуть. Но Елена преследовала его своими острыми ногтями, а существо было слишком медленным. И вскоре, она держала его между двумя пальцами и двумя ногтями.

Малах был все еще жив и вполне понимал, что слаб для того, чтобы сопротивляться ей. Все равно, что медуза, в попытках противиться, только медуза сразу порвалась бы, как только ее потянули. Это скользкое, слизистое нечто, человекообразной формы сохранило свои очертания, поскольку Елена медленно тянула его через разрыв на коже Деймона.

И это было очень больно. Она могла это утверждать. Елена начала принимать какую-то часть боли в себя, но он ахнул: – Нет! – С таким пылом, что она решила позволить ему пройти через это.

Малах был намного крупнее и существенней, чем она представляла. «Оно, должно быть, росло долгое время», – думала она. – «Маленькая капля желе, которая ширилась до тех пор, пока не стала управлять им вплоть до пальцев».

Ей пришлось присесть, а затем отойти подальше от Деймона и вернуться обратно, пока это существо, – болезненное, тягучее, бледная карикатура человеческого тела – лежало на земле.

– Готово? – запыхавшись, спросил Деймон. Да, это действительно было испытанием.

– Да.

Деймон стоял и смотрел вниз на дряблое белое существо, которое только дергалось. На то существо, что заставило его преследовать человека, о котором он заботился больше всех в

мире. Затем, сознательно, он растоптал гада, сокрушая его под каблуками своих ботинок, пока не изорвал в клочья. А после растапывал куски. Елена поняла, что он не стал использовать свою Силу из-за страха оповещения Шиничи.

В итоге, все, что осталось, так это пятна и запах.

Елена не знала, почему тогда, она почувствовала себя настолько головокружительно. Но она потянулась к Демону, а он потянулся к ней, и они опустились на колени, обнимая друг друга.

– Я освобождаю тебя от всех обещаний, данных мне тобой во время одержимости малахом. – Сказала Елена. Это была стратегия. Она не хотела освободить его от обещания заботы о своем брате.

– Спасибо. – Прошептал Демон, опустив голову ей на плечо.

– А теперь, – сказала Елена, как воспитательница детского сада, которая хочет быстро перейти к другой активности, – Мы должны составить план. Но так чтобы он остался в тайне...

– Мы должны разделить кровь. Но Елена скольким ты сегодня пожертвовала? У тебя бледный вид.

– Ты сказал, что будешь моим рабом, а теперь ты не собираешься взять немного моей крови.

– Ты сказала, что освобождаешь меня, а вместо этого полагаешь, что всегда будешь надо мной, не так ли? Однако есть более простое решение. Ты возьмешь мою кровь.

И в итоге так они и поступили, хотя это заставило Елену чувствовать себя немного виноватой, перед Стефаном. Демон порезался с минимумом усилий, и затем это началось. Они разделяли умы, легко таяли вместе. Это заняло намного меньше времени, чем, если бы они обменивались информацией вслух. Елена рассказала ему, что ее друзья узнали насчет эпидемии среди девушек Феллс Черч, а Демон в свою очередь рассказал ей, что он знал о Шиничи и Мисао. Елена состряпала план отпугивания любой другой одержимости молодежи вроде Тамми, а Демон обещал выяснить о местонахождении Стефана от близнецов.

И, наконец, когда больше не было, о чем говорить, и кровь Демона вернула цвет щекам Елены, они построили план относительно их следующей встречи.

На церемонии.

А затем в этом месте осталась только Елена, и большой черный ворон летел в направлении Старого Леса.

Сидя на холодном каменном полу, Елене понадобилась лишь одна минута, чтобы собрать все, что она теперь знала, в единое целое. Неудивительно, что Демон казался таким шизофреником. Неудивительно, что он помнил, а затем забыл, и потом вспомнил, что был тем, от кого она бежала.

На самом деле он помнил, рассуждала Елена, и тогда когда Шиничи им не управлял или, по крайней мере, ослаблял поводья. Просто некоторые из тех вещей, что Демон совершил, были настолько ужасны, что его собственный разум отвергал их. И поэтому его память была пятнистой. Эти деяния легко стали частью памяти одержимого Демона, каждым словом, каждым делом которого управлял захватчик Шиничи. А между эпизодами, лис говорил ему, что он должен найти мучителя Елены и убить.

Елена полагала, все это было забавно, для этого китсуна, Шиничи. Но и для нее, и для Демона это был ад.

Ее разум отказывался признавать, что были моменты рая вперемешку с адом. Она принадлежала Стефану, только ему. Это никогда не изменится.

Теперь Елена нуждалась в еще одной волшебной двери, только она не знала, как найти ее. Но здесь снова был мерцающий свет. Она догадывалась, что это было последнее волшебство из того, что Онория Фелл оставила для защиты города, который основала. Елена чувствовала себя немного виноватой, используя его. Но если оно предназначалось не ей, почему тогда она была перенесена сюда?

Для того чтобы попытаться добраться до важного пункта назначения, она должна была вообразить. Дотрагиваясь пятнышка света одной рукой, и сжимая ключ в другой, она шептала со всей силой свою команду:

– Место, где я смогу услышать, увидеть и прикоснуться к Стефану.

Глава 35

Тюрьма, с грязным тростником на полу и решетками, между ней и спящим Стефаном. Между ней и Стефаном!

Это действительно был он. Елена не знала, как она поняла это. Без сомнения они могли искажать и изменять ее сознание. Но сейчас, возможно потому что никто не ожидал, что она попадет в темницу, никто не был готов сделать что-либо, что заставит ее усомниться в своих ощущениях.

Это был Стефан. Он был худее, чем раньше и скулы его выделялись сильнее. Он был красив. И его разум был в порядке, только правильное сочетание чести и любви, темноты и света, надежды и мрачного понимания мира, в котором он жил.

– О, Стефан! Обними меня!

Он проснулся и приподнялся.

– Оставь меня, по крайней мере, во время сна! А лучше убирайся и смени лицо, сука!

– Стефан! Что за выражения?

Она видела, как его плечи напряглись.

– Что... ты... сказала?

– Стефан! Это действительно я! Я тебя не виню за проклятия. Я проклинаю все это место и тех двоих, что держат тебя здесь...

– Троих, – устало проговорил Стефан и склонил голову. – Ты бы знала это, если бы была настоящей. А теперь проваливай, и пусть они научат тебя упомянуть о моем брате предателе и его друзьях, которые подкрадываются к людям с коронами кеккай...

У Елены не было времени на дискуссию о Деймоне.

– Может, посмотришь на меня, наконец?

Она видела, как он медленно поворачивается, как медленно поднимает глаза на нее, видела, как он резко вскочил со своего убогого соломенного ложа, видела, как он уставился на нее, так, словно она была ангелом, свалившимся с неба.

Затем он повернулся к ней спиной и закрыл уши руками.

– Никаких сделок! – Произнес он категорически. – Даже не упоминай мне о них. Пошла прочь. Ты стала лучше, но ты все еще сон.

– Стефан!

– Я сказал, уходи!

Время шло. И это было слишком жестоко, после всего, через что она прошла лишь бы только поговорить с ним.

– Первый раз ты увидел меня возле канцелярии, в тот день, когда принес свои документы в школу и воздействовал на секретаря. Тебе не обязательно было смотреть на меня, чтобы видеть, как я выгляжу. Однажды я призналась тебе, что чувствую себя убийцей, потому что сказала «папочка, смотри» и показала на что-то снаружи за миг до катастрофы, в которой погибли мои родители. И я никогда не могла вспомнить, что это было. Первое слово, которое я выучила, когда вернулась с Того Света, было «Стефан». Однажды, ты посмотрел на меня в зеркало заднего вида машины и сказал, что я твоя душа...

– Не могла бы ты прекратить мучить меня хотя бы на час? Елена, настоящая Елена, слишком умна, чтобы рисковать жизнью, придя сюда.

– Сюда это куда? – резко выговорила Елена, испугавшись. – Я должна знать, если собираюсь вытащить тебя отсюда.

Медленно Стефан убрал руки от ушей. И еще медленнее обернулся снова.

– Елена? – Произнес он словно умирающий мальчик, увидевший нежного призрака у

своей постели. – Ты не настоящая. Ты не можешь быть здесь.

– Я и не думаю, что я здесь. Шиничи создал магический дом, и он перенесет тебя в любое время, если произнести название и открыть дверь этим ключом. Я сказала, «место, где я смогу услышать, увидеть и прикоснуться к Стефану», но, – она опустила глаза, – ты говоришь, что я не могу быть здесь. Может быть, это всего лишь иллюзия.

– Тихо! – Стефан сжимал прутья решетки со своей стороны.

– Вот это место, где ты сейчас? Это Ши но Ши?

Он издал небольшой смешок. – Не совсем то, что каждый из нас ожидал, не так ли? И тем не менее, они не лгали ни в чем из того что говорили, Елена. Елена! я сказал «Елена». Елена, ты действительно здесь!

Елена не могла попусту тратить время. Она сделала несколько шагов по влажной хрустящей соломе и кинулась к решеткам, отделяющим ее от Стефана.

Затем опустила голову, сжимая прутья в руках, и закрыла глаза. «Я прикоснусь к нему. Да, да. Я – реальна. Он – реален – я прикоснусь к нему!»

Стефан наклонился вперед, – чтобы угодить ей, подумала она, – и теплые губы коснулись ее губ.

Она просунула руки сквозь решетки, у обоих была слабость в коленях. У Стефана от удивления, что она может его касаться, у Елены от облегчения и слез радости.

Но времени не было.

– Стефан! Возьми мою кровь, сейчас! Возьми ее!

Отчаянно она искала, чем бы сделать порез. Стефан, возможно, нуждается в ее силе, и не важно, что Деймон уже брал у нее кровь. Для Стефана у нее всегда найдется достаточно. Если это убьет ее, с нее бы этого хватило. Она была рада, теперь, что в гробнице Деймон убедил ее пить его кровь.

– Легче, легче, маленькая любимая. Если ты это имеешь в виду, я могу укусить твое запястье, но...

– Сделай это! – приказала Елена Гилберт, королева Феллс Черч. Она даже собрала все свои силы и справилась с коленями. Стефан бросил на нее слегка виноватый взгляд.

– СЕЙЧАС! – настаивала Елена.

И Стефан повиновался.

Это было странное ощущение. И несколько болезненнее, чем обычный укус в шею. Но и там тоже были хорошие вены, она знала это. И она доверяла Стефану найти самую крупную из них. Так чтобы это заняло меньше времени. Ее безотлагательность стала его срочностью.

Но когда он попытался отстраниться, она схватила пучок его волнистых черных волос и сказала: – Еще, Стефан. Тебе нужно это... поверь, я знаю, и у нас нет времени спорить.

Командный тон. Однажды Мередит сказала ей, что она могла бы повести армию. Что ж, возможно, ей придется повести армию, чтобы вытащить его отсюда.

Я найду армию, думала она, где-нибудь обязательно найду.

Голодная кровавая лихорадка, которая была у Стефана, – (должно быть они не кормили его с нашей последней встречи) – постепенно потухала с каждым глотком ее крови. Его разум соединился с ней.

«Когда ты говоришь, что найдешь армию, я верю тебе. Но это невозможно. Отсюда еще никто не возвращался».

«Что ж, ты будешь первым. Я тебя верну».

«Елена, Елена...»

«Пей», – сказала она, чувствуя себя итальянской мамочкой. «Столько сколько потребуется тебе для поддержания сил».

«Но как ты... – нет, ты уже говорила, как сюда попала. Это правда?»

«Правда. Я всегда говорю тебе правду. Но, Стефан, как я вытащу тебя отсюда?»

«Шиничи и Мисао... знаешь их?»

«Достаточно».

«У каждого из них есть половинка кольца. Вместе они образуют ключ. Половинки ключа похожи на бегущих лис. Но кто знает, где они их прячут? И я уже говорил, только что бы попасть сюда, нужна армия...»

«Я найду половинки лисьего кольца. Я соединю их. Я найду армию, и я вытащу тебя отсюда».

«Елена, я не могу больше пить. Ты ослабеешь».

«Я в порядке и не слабею. Пожалуйста, продолжай!»

«Мне с трудом верится, что это ты...»

– Никаких поцелуев! Пей мою кровь!

«Сударыня! Но, Елена, мне действительно достаточно. Я просто переполнен».

«А завтра?»

– Я все еще буду переполнен. – Стефан оторвался и провел большим пальцем по тому месту, где он прокусил вены. – Честно, я не могу, любимая.

– И через день?

– Я справлюсь.

– Ты справишься, потому что я принесла вот это. Обними меня, Стефан, – произнесла она мягче. – Обними меня, через решетку.

И он обнял, обескуражено глядя на нее, а она шептала ему на ухо: – веди себя, будто любишь меня. Коснись моих волос. Скажи мне что-нибудь хорошее.

– Елена, моя прекрасная маленькая любимая... – Он все еще был достаточно близок с ней ментально и поэтому мог сказать телепатически. – Вести себя так будто я люблю тебя? – В то время как его пальцы поглаживали, касались и запутывались в ее волосах, руки Елены были заняты. Она передавала ему вытянутый из-под своей одежды сосуд полный вина Черная Магия.

– Но где ты это взяла? – прошептал Стефан ошеломленно.

– В волшебном доме есть все. Я ждала случая, чтобы передать тебе это, если ты в нем нуждаешься.

– Елена...

– Что?

Казалось, Стефан борется с чем-то. Наконец, опустив глаза в пол, он прошептал.

– Так не пойдет. Я не могу рисковать, тебя убьют, ради невозможности. Забудь меня.

– Можешь поместить лицо между прутьев?

Он посмотрел на нее, но, не задавая вопросов, повиновался.

Она дала ему пощечину.

Не слишком сильную, хотя рука Елены пострадала от столкновения с металлом по обе стороны его лица.

– Теперь стыдись! – И прежде чем он успел произнести хоть что-то, сказала: Слушай!

Но вдруг раздался лай собак, вдалеке, но приближаясь.

– Это за тобой! – произнес Стефан, внезапно неистово. – Ты должна уходить!

Но она только продолжала на него смотреть!

– Я люблю тебя, Стефан

– И я люблю тебя, Елена. Навсегда.

– И...я сожалею. – Она не могла уйти, в этом была вся проблема. Также как и Кэролайн, которая все говорила и говорила тогда и не могла уйти из комнаты Стефана, она могла стоять здесь и говорить. Но она должна была уйти.

– Елена! Ты должна! Я не хочу, чтобы ты видела, что они сделают.

– Я убью их!

– Ты не убийца. Ты не боец, Елена. И ты не должна видеть это. Пожалуйста? Помнишь, однажды ты спросила меня, хочу ли я узнать сколько раз ты могла бы заставить меня произнести «пожалуйста»? что ж... сейчас тысячи и тысячи раз. Пожалуйста? Ради меня? Ты уйдешь?

– Еще один поцелуй! – ее сердце билось, словно безумная птица, запертая в груди.

– Пожалуйста!

Ничего не видя из-за слез, она повернулась, отпуская прутья решетчатой двери камеры.

– В любом месте вне церемонии, где никто не увидит меня! – Резко выдохнула Елена, рванула дверь в коридор на себя и переступила через порог.

По крайней мере, она увидела Стефана. Но как долго это продлится, прежде чем ее сердце вновь будет разбито.

– О, Боже, я падаю... – она не знала.

Елена осознала, что находится-таки вне пансиона, – по крайней мере, восьмидесятью футами выше, – и стремительно падает вниз. Ее первое, паническое умозаключение было, что она сейчас умрет, а затем ее инстинкт сделал свое, и Елена раскинула руки с раскрытыми ладонями и брыкнула ногами и стопами, сумев таким образом притормозить свое падение после двадцати жутчайших футов.

Я потеряла свои летающие крылья навсегда, так ведь? – думала она, сконцентрировав свое внимание на месте между лопатками. Она лишь знала, где они должны быть. Вот только ничего не произошло.

Однако, ей удалось зацепиться за ветки высокого дерева. И теперь она осторожно и потихоньку начала прокладывать путь ближе к его стволу, задерживаясь только чтобы перебраться на ветку повыше. Найдя место, где она смогла бы сидеть бочком откинувшись назад, девушка удобно расположилась в нем.

Елена убедилась, что может достаточно хорошо рассмотреть вдовью площадку находящуюся практически под ней. И чем дольше она смотрела на какой-либо конкретный предмет, тем лучше она его видела. Преимущество зрения вампира, подумала она. Это доказало девушке, что она Меняется. Или же... да, каким-то образом ночное небо становилось светлее.

И то, что ей открылось, было темным и пустым пансионом, что вызывало тревогу, из-за того, что отец Кэролайн говорил о «собрании». А так же, из-за того что она телепатически узнала от Деймона на счет планов Шиничи в эту ночь «Moonspire» перед летним солнцестоянием. Могло это не быть реальным пансионом вообще, но другой ловушкой?

– Мы сделали это! – Закричала Бонни, едва они приблизились к дому. Она знала, что ее голос был пронзителен, и даже более того. Но вид ярко освещенного пансиона, словно рождественская елка со звездой на макушке, каким-то образом успокоил ее. Даже если она понимала, что это не правильно, она чувствовала, что может кричать с облегчением.

– Да, мы сделали это. – Раздался глубокий голос доктора Альперт. – Все мы. Но Изабелл больше всех нуждается в лечении, причем немедленном. Сеофилия, вот возьми твои снадобья. И да, кто-то должен помочь Изабелл принять ванну.

– Я сделаю это, – произнесла Бонни дрожащим голосом, после краткого колебания. – Она ведь все еще под транквилизатором, да? Правильно?

– Я пойду с Изабелл, – сказал Мэтт. – Бонни, ты пойдешь с миссис Флауэрс и поможешь ей. И прежде чем мы войдем, я хочу чтобы все поняли одну вещь: никто никуда не ходит один. Передвигаемся по двое по трое. – В его голосе можно было услышать нотки власти.

– Имеет смысл, – сказала Мередит сухо и встала рядом с доктором. – Ты бы был осторожнее, Мэтт. Изабелл наиболее опасна.

В это время, высокие тонкие голоса зазвучали снаружи дома. Звучало так, словно две-три маленькие девочки пели.

– Иса-чан, Иса-чан, пила свой чай и ела свою бабушку. – Пищали они.

– Тами? Тами Брайс? – Требовательно спросила Мередит, открывая дверь, в то время как напевание началось вновь. Она бросилась вперед, потом схватила доктора за руку и протащила ее за собой, вперед.

И да, Бонни, увидела там три маленькие фигуры, одна в пижаме, и две в ночных

рубашках. Это были Тами Брайс и Кристин Дунстан и Эйва Зарински. Эйве было всего около одиннадцати, думала Бонни, и она не жила рядом с Тами или Кристин. Все трое пронзительно хихикали. Потом снова начали петь, и Мэтт пошел следом за Кристин.

– Помогите мне! – Закричала Бонни. Она внезапно повисла на брыкающейся лошади, которая билась во все стороны. Казалось, Изабелл сошла с ума, и она становилась все безумнее с каждым повтором песенки.

– Держу, – сказал Мэтт, пытаясь удержать ее медвежьей хваткой, но даже они вдвоем не могли справиться с девушкой.

– Я дам ей другое успокоительное, – сказала доктор Альперт. И Бонни заметила как Мэтт и Мередит обменялись взглядами – подозрительными взглядами.

– Нет-нет, позвольте миссис Флауэрс что-нибудь сделать. – Отчаянно произнесла Бонни, но игла шприца для подкожных инъекций была уже почти в руке Изабелл.

– Вы не дадите ей ничего. – Решительно произнесла Мередит, отбросив шутки в сторону, и одним ударом послала шприц в полет.

– Мередит! Что с тобой не так? – Закричала доктор, сжимая свое запястье.

– Да нет, это с вами, что не так? Кто вы? Где мы? Это не может быть настоящим пансионом!

– Обаасан! Миссис Флауэрс! Не могли бы вы помочь нам? – Бонни задыхалась, все еще пытаясь удержать Изабелл.

– Я попробую, – сказала миссис Флауэрс, направляясь к ней.

– Нет, я говорю про доктора Альперт. И возможно Джима. Вы не знаете каких-нибудь заклинаний, которые могут заставить человека принять его истинное обличие?

– О! – Воскликнула Обаасан. – Я могу помочь с этим. Спусти меня вниз, Джим, дорогой. Все примут свою истинную форму в мгновение ока.

Янилла была второкурсницей с большими мечтательными темными глазами, которые чаще всего устремлялись в книгу. Но сейчас, когда время двигалось к полуночи, а бабушка все еще не позвонила, она закрыла свою книжку и посмотрела на Тая. Тайрон казался большим и жестоким на футбольном поле, но с ней он был милым, добрым и ласковым старшим братом, какого только могла пожелать девочка.

– Думаешь с бабушкой все в порядке?

– Хм? – Тайрон тоже сидел уткнувшись в книгу, но это была одна из поможет-попасть-в-колледж-вашей-мечты книг. Как старший, он должен был принимать все важные решения. – Конечно, с ней все хорошо.

– Ладно, я собираюсь провести маленькую девочку, в конце концов.

– Знаешь что, Ян? – Поддразнивая, ткнул он в сестру ногой, когда она встала. – Ты слишком беспокоишься.

Сейчас он снова уткнул нос в шестую главу «Как Максимально Использовать Ваше Социальное Обеспечение». Но вдруг над ним раздался крик. Длинный громкий и высокий вопль – кричала его сестра. Он захлопнул книгу и бросился к ней.

– Обаасан? – Промолвила Бонни.

– Одну минуту, дорогая – сказала бабушка Сэтао. Джим опустил ее, и теперь она смотрела прямо на него: она вверх, а он вниз. И было что-то... очень плохое во всем этом.

Бонни чувствовала волну чистого ужаса. Мог ли Джим сделать что-то плохое с Обаасан, пока нес ее? Конечно, мог. Почему она не подумала об этом? И еще была доктор, с ее шприцом, готовая воткнуть его любому «слишком буйному». Бонни взглянула на Мередит. Но Мередит все еще пыталась утихомирить двух орущих маленьких девочек, и могла только беспомощно оглянуться назад.

Ладно тогда, думала Бонни. Я ударю его туда, где будет больнее, и оттащу старушку от него. Она повернулась к Обаасан и почувствовала, как кровь стынет в жилах.

– Только одно я должна сделать... – Произнесла Обаасан. И она сделала это. Джим

согнулся пополам и наклонился к бабушке, которая поднялась на цыпочки. И они слились в глубоком, интимном поцелуе.

– О, Боже!

Они встретили четверых в лесу – и предположили, что двое были нормальными, а двое – безумными. Как можно понять, кто из них безумен? Так, если двое из них видят вещи которых нет...

Но дом был здесь. Бонни тоже его видела. Была ли она безумна?

– Мередит! Давай! – закричала она. Ее нервы сдали окончательно, и она бросилась бежать от дома по направлению к Старому Лесу.

Что-то сверху схватило ее так легко, словно сова мышь, и держало безжалостной мертвой хваткой.

– Куда-то собралась? – Голос Деймона спросил сверху, скользя последние несколько метров перед тем, как остановиться, аккуратно держа ее под одной стальной рукой.

– Деймон!

Глаза Деймона были прищурены, словно только он мог видеть в этом шутку. – Да, зло собственной персоной. Ну, давай, скажи что-нибудь, моя маленькая огненная фурия.

Бонни истощала все силы, пытаясь высвободиться из его рук. Она даже не смогла порвать его одежду.

– Что? – Отрезала она. Одержимый или нет, Деймон последний раз видел ведьму, когда та позвала его, спасти ее от безумства Кэролайн. Но, если верить Мэтту, он сделал что-то ужасное Елене.

– Почему девушки так любят преобразовывать грешников? Почему вы можете скормить им едва ли не любую линию, если они чувствуют, что меняют вас?

Бонни не понимала, о чем он говорит, могла лишь догадываться.

– Что ты сделал с Еленой? – Спросила она свирепо.

– Дал ей то, чего она желала. Только и всего. – Ответил Деймон, его темные глаза блеснули. – В этом есть нечто ужасное?

Бонни, испугавшись этого блеска, не пыталась больше высвободиться. Она знала, что это бесполезно. Он был быстрее и сильнее. И он мог летать. Во всяком случае, в его лице она видела отдаленную беспощадность. Здесь они были не просто Деймон и Бонни. Они были природным хищником и природной жертвой.

И теперь она вернулась к Джиму и Обаасан... нет, к парню и девушке, которых никогда не видела раньше. Бонни появилась вовремя, чтобы стать очевидцем трансформации. Она увидела, как тело Джима уменьшалось, а волосы становились черными. Но поразительно было не это. Поразительно было то, что волосы на концах не были черными, они были малиновыми. Это было похоже на пламя, лижущее кончики темноты. Его глаза были золотыми и смеялись.

Она видела как старое кукольное тело Обаасан, становится моложе, сильнее и выше. Эта девушка была прекрасна; признала Бонни. У нее были великолепные черные как терновые ягоды глаза и шелковистые волосы, ниспадающие почти до талии. И волосы эти были подобны волосам ее брата – только краснота была ярче, алый, а не малиновый. Сверху одета она была в едва ли существующую черную сеточку, которая только подчеркивала всю красоту ее груди. И конечно черные короткие кожаные штаны, подчеркивающие стройность бедер. На ногах были дорогие черные сандалии на высоком каблуке, на ногтях яркий красный лак, такой же блестящий, как и кончики ее волос. На поясе висела свернутая плетка с черной ручкой, покрытой чешуйками.

– Мои внуки...? – Медленно произнесла доктор Альперт.

– Они не имеют ничего общего с этим, – ответил парень со странными волосами и очаровательной улыбкой. – Пока они занимаются своим делом, можете не волноваться о них, сильно.

– Это самоубийство. Или попытка самоубийства. Или еще что-то. – Говорил Тайрон

диспетчеру полиции, чуть не плача. – Я думаю, это парень по имени Джим, он пришел в мою школу в прошлом году. Нет, это не имеет отношения к наркотикам. Я пришел сюда, чтобы присмотреть за моей младшей сестрой Яниллой. Она была няней – эй, просто приезжайте, хорошо? Этот парень отгрыз большую часть своих пальцев. А когда я вошел он сказал «Я всегда буду любить тебя, Елена» взял карандаш и... – нет, я не могу сказать вам, жив он или нет. Но здесь есть еще старая леди наверху. И я уверен, что она мертва, потому что она не дышит.

– Кто ты, черт возьми? – спросил Мэтт, воинственно глядя на странного мальчика.

– Я чер...

– И какого черта ты тут делаешь?

– Я, черт возьми, Шиничи, – сказал парень громко, раздосадованный, что его прервали. И когда Мэтт на него посмотрел, добавил раздраженным голосом:

– Я китсун – дух-лис так сказать – тот, кто орудует в вашем городке, ты идиот. Я пришел с другой части земли, чтобы сделать это. И я думаю, ты уже слышал обо мне, по крайней мере. А это моя любимая сестра Мисао. Мы близнецы.

– Мне плевать даже если вы тройняшки! Елена говорила, что кто-то еще, помимо Деймона, стоит за всем этим. И что Стефан перед... Эй! Что ты сделал со Стефаном? Что ты сделал с Еленой?

Пока двое незнакомых парней ошетинившись, уставились друг на друга – в случае с Шиничи это было буквально, так как его волосы стояли дыбом – Мередит обвела взглядом Бонни, доктора Альперт и миссис Флауэрс. Затем она взглянула на Мэтта, и коснулась слегка своей груди. Она была единственная достаточно сильная для девушки, чтобы справиться с ним, хотя доктор Альперт коротко кивнула, тоже выражая согласие помочь.

А затем, пока парни соревновались в громкости, Мисао хихикала на земле, а Деймон стоял, прислонившись к двери и закрыв глаза, они двинулись. Без сигнала, но одновременно, они побежали, как одна команда, инстинктивно. Мередит и доктор Альперт схватили Мэтта с обеих сторон, и просто свалили его с ног. А Изабелл неожиданно налетела на Шиничи с гортанным криком. Они не ожидали от нее ничего такого и это, безусловно, удобно, думала Бонни, пока бежала сквозь препятствия, даже не глядя на них. Мэтт все еще кричал и пытался вырваться, чтобы дать выход некоторому примитивному чувству фрустрации по отношению к Шиничи. Но он не мог освободиться, чтобы сделать это.

Бонни не могла поверить, что они сделали это, что они снова оказались посреди Леса. Даже миссис Флауэрс справлялась и у многих из них к тому же были фонарики.

Это было чудо. Они сбежали даже от Деймона. Теперь дело было за тем, чтобы вести себя тихо и попытаться пройти через Старый Лес, не потревожив ничего. Возможно, они смогут найти дорогу к настоящему пансиону. Тогда они смогли бы решить, как спасти Елену от Деймона и его двух друзей. Даже Мэтту пришлось признать, что они вряд ли смогут одолеть трех сверхъестественных существ, обладающих Силой.

Бонни было жаль, что им не удалось взять Изабелл с собой.

– Что ж, мы в любом случае должны идти к настоящему пансиону. – Сказал Деймон, наблюдая как Мисао, наконец-то смогла справиться с Изабелл. Теперь та находилась в полубессознательном состоянии. – Именно там будет Кэролайн.

Мисао отвела взгляд от девушки и начала, казалось бы спокойно:

– Кэролайн? Зачем нам Кэролайн?

– Все это является частью веселья, не так ли? – Промолвил Деймон своим самым очаровательным кокетливым голосом. Шиничи перестал выглядеть замученным и улыбнулся.

– Эта девочка... она та, которую ты использовала как переносчика? – он лукаво взглянул на свою сестру, чья улыбка казалась немного напряженной.

– Да, но...

– Чем больше, тем лучше. – Сказал Деймон, веселясь все больше. Он не заметил, как Шиничи ухмыльнулся за его спиной, бросив взгляд на свою сестру.

– Не дуйся, дорогая, – сказал он ей, щекоча ее под подбородком, его золотые глаза сверкали. – Я ни разу не взглянул на девушку. Но если Деймон говорит, что будет весело, значит так и будет. – Ухмылка превратилась в настоящую злорадную улыбку.

– И ни у кого из них нет ни малейшего шанса уйти? – спросил рассеянно Деймон, глядя в темноту Старого Леса.

– Доверься мне, хоть чуть-чуть, пожалуйста... – отрезал китсун. – Вы, вампиры, прокляты, не так ли? Предполагается, что вы не тусуетесь в лесах вообще.

– Это... моя территория, равно как и кладбище, – начал мягко Деймон, однако Шиничи был полон решимости оставить последнее слово за собой, на сей раз.

– Я живу в лесах. – Сказал он. – Мне подчиняются кустарники и деревья. И еще я провел несколько опытов, которые захватил с собой. Результаты ты увидишь очень скоро. И, отвечаю на твой вопрос. Нет, никто из них не сможет сбежать.

– Это все, чего я просил, – ответил Деймон все также мягко, но продолжая пристально всматриваться в золотые глаза. Затем он пожал плечами и отвернулся, глядя на луну, которая просвечивала сквозь вихревые облака на горизонте.

– У нас есть в запасе еще пара часов до начала церемонии. – Сказал Шиничи за его спиной. – Вряд ли мы опаздываем.

– Лучше бы так и было, – пробормотал Деймон. – Кэролайн может произвести ужасно хорошее впечатление на исколотую девочку в истерике, если люди опоздают.

Луна светила высоко на небе, когда Кэролайн вела автомобиль своей матери к пансиону. На ней было вечернее платье, которое выглядело так, словно его на девушке нарисовали, ее любимыми тонами – бронзовыми и зелеными. Шиничи взглянул на Мисао, которая хихикала, зажав рот ладонью, а затем посмотрел вниз.

Деймон проводил Кэролайн на крыльцо к входной двери пансиона и сказал:

– Это лучшие места.

Вышло некоторое недоразумение. Поскольку люди попытались сами разобраться. Деймон весело сказал Тами, Кристин и Эйве:

– Боюсь, вам троим, достались места на галерке. Это значит, что вы будете сидеть на земле. Однако если будете вести себя хорошо, я позволю вам сесть подле нас в следующий раз.

Остальные следовали за ним, иногда восклицая что-то. Но именно Кэролайн раздраженно спросила:

– Почему мы должны заходить внутрь? Я думала, что они как и предполагалось, будут на улице.

– Наближайшие места не опасны, – коротко бросил Деймон. – И сверху у нас будет лучший вид. Королевское ложе, так сказать. Давай иди уже.

Близнецы-лисы и человеческая девочка последовали за ним, включая свет во всем доме, вплоть до вдовьей площадки на крыше.

– Ну и где они? – Спросила Кэролайн, глядя вниз.

– Они будут здесь с минуты на минуту. – Ответил Шиничи, бросив взгляд, который был и озадаченный и упрекающий одновременно, точно говорил: «да что эта девчонка себе думает?» Он не излил никакой поэзии.

– А Елена? Она тоже будет здесь?

Шиничи не стал отвечать на это вовсе, а Мисао только хихикнула. Однако Деймон приблизился губами к уху Кэролайн и что-то прошептал.

После чего глаза Форбс заблестели зеленым словно кошачьи. А улыбка напоминала кота, который только что положил лапу на канарейку.

Елена ждала в своем дереве.

В принципе, это практически не отличалось от того, что она делала все шесть месяцев в мире духов, где большую часть своего времени, она наблюдала за другими людьми, затем ожидала, и еще немного наблюдала. Те месяцы преподали ей терпеливую настороженность, которая изумит любого, кто знал былую, вспыльчивую Елену.

Конечно, прошлая вспыльчивость Елены все еще была в ней, и иногда бунтовала. Насколько она видела, ничего не происходило в темном пансионе. Только луна, казалось, медленно ползла выше в небо.

Деймон сказал, что у Шиничи был пунктик на счет 4:44 утра или вечера, и она задумалась. Может быть, эта Черная магия работала по отличному от ее сведений графику.

В любом случае, все это было ради Стефана. И она подумала, что ждала бы здесь даже в течение многих дней, если это было то, что от нее требовалось. Она, безусловно, могла ждать до рассвета, когда ни один уважающий себя чернокнижник не станет собственно начинать церемонию.

И в конце концов, то чего она ждала, произошло прямо под ногами.

Сначала появились фигуры, степенно выступая из Старого Леса на тропу гравия, ведущую к пансиону. Их не трудно было узнать, даже на большом расстоянии. Одним из них был Деймон, у которого было *je ne sais quoi* [сама не знаю что], чего Елена не могла не заметить даже с расстояния четверти мили. И, конечно же, его ауру, которая была хорошей фальсификацией предыдущей ауры. Тот самый нечитаемый, неразрушимый шар черного камня. Действительно, до отвращения хорошая имитация. Вообще-то, это было почти так же...

Именно тогда, как Елена поняла позже, она почувствовала свой самый первый приступ замешательства.

Но прямо сейчас она была настолько захвачена моментом, что отбросила тревожную мысль. Тот, у кого глубокая серая аура с малиновыми вкраплениями должно быть Шиничи, предположила она. А вторая с той самой аурой, какой охвачены девочки, – какой-то грязный цвет с оранжевыми пятнами, – должна быть сестрой-близнецом Мисао. Только эти двое, Шиничи и Мисао держались за руки, иногда даже тыкаясь носом друг в друга. Елене это хорошо было видно, поскольку они подходили близко к пансиону. Лисы, определенно, не вели себя как брат и сестра, подумала девушка.

Кроме того, Деймон нес практически голую девочку на плече, и Елена не могла вообразить, кто это мог быть.

Терпение, думала она про себя. Терпение. Главные игроки, наконец-то здесь, как и обещал Деймон. И второстепенные игроки...

Хорошо, во-первых, следующими за Деймоном и его группой шли три маленькие девочки. Она признала Тами Брайс быстро, из-за ее ауры, но две другие были незнакомками. Они прыгали, скакали и резвились по дороге из леса к пансиону, где Деймон что-то им сказал, и они прошлись, чтобы сесть в огороде миссис Флауэрс, почти под самой Еленой. Один раз взглянуть на ауры незнакомых девочек было достаточно, чтобы идентифицировать их как вместилища большого количества домашних животных Мисао.

Затем, подъехал очень знакомый автомобиль, принадлежал он миссис Форбс. Из него вышла Керолайн, а помог ей пройти к пансиону Деймон, который что-то сделал со своей ношей, но что именно Елена упустила.

Гилберт радовалась, поскольку видела, как свет двинулся вверх, когда Деймон и его три гостя путешествовали по пансиону, освещая путь которым они следовали. Они вышли на самый верх, и стоя в одном ряду на вдовьей площадке, смотрели вниз.

Деймон щелкнул пальцами, и на заднем дворе зажегся свет, словно это была реплика в шоу.

Но Елена не видела актеров-жертв церемонии, которая вот-вот должна начаться. Они были у далекого угла пансиона. Теперь она увидит их всех: Мэтта, Мередит, и Бонни, и

миссис Флауэрс, и как ни странно пожилую доктора Альперт. Чего Елена не могла понять, так это, почему они не борются жестче. Бонни, безусловно, делала достаточно шума, стараясь за всех, но их поведение наводило на мысль о том, что их толкают вперед против воли.

В тот момент она видела марево темноты позади них. Огромные тени, без особенностей, которые она могла бы идентифицировать.

Даже не смотря на вопли Бонни, это было в области возможностей Елены, то есть если она держала себя в руках и сосредотачивалась достаточно сильно, то могла слышать, что именно каждый говорил на вдовьей площадке. И пронзительный голос Мисао прорезался среди остальных.

– О, повезло! Мы вернули их всех обратно. – Завизжала она, и поцеловала щеку своего брата, несмотря на его беглый взгляд раздражения.

– Конечно, да. Я же сказал. – Начал он, когда Мисао еще раз завизжала.

– Но с кого из них мы начнем? – Она поцеловала брата, и он смягчившись погладил ее волосы.

– Ты выбираешь первого. – Сказал он.

– Душечка. – Бесстыдно ворковала Мисао.

Эти двое, настоящие чародеи. Близнецы, ха? Думала Елена.

– Маленькая шумная. – Сказал Шиничи, твердо указывая на Бонни. – Юрусея, каприза! Заткнись! – Добавил он, когда Бонни была выдвинута или перенесена тенью. Сейчас Елена видела ее более ясно.

И она слышала душераздирающие мольбы Бонни к Деймону, не делать этого... с другими. – Я не прошу за себя. – Кричала она. Поскольку ее вытянули на свет. – Но доктор Альперт хорошая женщина, она не имеет никакого отношения к этому. Ни миссис Флауэрс. А Мередит и Мэтт уже достаточно пострадали. Пожалуйста!

Был оборванный хор голосов, поскольку другие, очевидно, попытались бороться и были подчинены. Однако голос Мэтта возвышался над всеми. – Если тронешь ее, Сальваторе, то лучше бы тебе быть уверенным, мать твою, что ты прикончил меня тоже!

Сердце Елены дрогнуло, когда она услышала голос Мэтта, звучащий настолько сильно и четко. Она, наконец-то высмотрела его, но не могла придумать способ спасти.

– А затем мы должны решить, что с ними делать, с чего начать. – Сказала Мисао, хлопая в ладоши, точно счастливый ребенок на вечеринке по случаю ее дня рождения.

– Выбирай. – Шиничи ласкал волосы сестры и шептал ей на ухо. Она повернулась и поцеловала его в губы. Также не торопиво.

– Что за... Что происходит? – Сказала Кэролайн. Она никогда не была из робкого десятка, подумала Елена. Теперь та двинулась вперед, и уцепилась за незанятую руку Шиничи.

В течение момента Елена думала, что он сбросит ее с вдовьей площадки и будет наблюдать ее падение на землю. В тот миг он повернулся и переглянулся с Мисао, уставившись на нее, как и она на него.

А затем рассмеялся.

– Прости, прости. Это так тяжело, когда ты душа компании. – Сказал он. – Ну, что ты думаешь Каролин... Кэролайн?

Кэролайн уставилась на него. – С какой это стати, она вот так тебя обнимает?

– В Ши но Ши сестры драгоценны. – Сказал Шиничи. – И... ну, я не видел ее долгое время. Мы как бы заново знакомимся. – Но вот поцелуй, который он оставил на ладони Мисао, едва ли был братским. – Продолжай. – Добавил он быстро Кэролайн. – Ты выбираешь первое действие на Праздестве «Moonspire»! Что нам делать с ней?

Кэролайн начала подражать Мисао, целуя щеку и ухо Шиничи. – Я здесь впервые, – сказала она кокетливо. – Я действительно не знаю, что ты хочешь, чтобы я выбрала.

– Глупая Кэролайн. Естественно, то как она ум... – Шиничи внезапно был задушен крепкими объятиями и поцелуем сестры.

Кэролайн, очевидно желая привлечь внимание к выбору, что ей предстояло сделать, даже не понимая его предмета, обиженно сказала: – Хорошо, если ты не говоришь мне, я не могу выбрать. И вообще, где Елена? Я нигде ее не вижу! – Она собиралась продолжить свой каскад, но Деймон скользнул к ней и прошептал что-то на ухо. Тогда она снова улыбнулась, и они оба посмотрели на сосновую рощу, окружающую пансион.

Это был второй приступ замешательства у Елены. Но Мисао уже говорила, и это потребовало полного внимания девушки.

– Везет же! Тогда выберу я. – Мисао наклонилась вперед, заглядывая через край крыши на людей внизу. Ее темные широкие глаза, подводили итог возможностей в том, что было похоже на полную зачистку. Она была настолько деликатна, мила, когда в темпе приподнималась на носочках думая. Ее кожа была настолько прекрасной, а волосы такие темные и глянцевые, что даже Елена не могла отвести от нее взгляд.

Тогда лицо Мисао засветилось, и она заговорила. – Растяните ее на алтаре. Ты привез некоторых из своих гибридов?

Последнее было не столько вопросом, сколько взволнованным восклицанием.

– Мои эксперименты? Конечно, дорогая. Я же говорил тебе. – Ответил Шиничи и добавил, смотря в Лес. – Двое из вас... э-э, мужчина... и старовер! – И он щелкнул пальцами. Было несколько минут путаницы, люди окружающие Бонни были поражены. Они пинались, бросались на землю, топтали, и сокрушались, поскольку боролись с тенями. И затем существа, чьи ноги волочились перед ними, шаркая вышли вперед. Они окружили Бонни с обеих сторон, удерживая ее, вяло висящими тонкими руками.

Гибриды были отчасти мужчинами, отчасти деревьями с полностью ободранными листьями. Если они были сотворены, то кто-то специально сделал это так, чтобы они выглядели гротескными и асимметричными. У одного из них была изогнутая узловатая левая рука, которая свисала к ногам. А правая была толстой бугорчатой, и доставала только до талии.

Они были отвратительными. Их кожа была подобна хитину кожи насекомых, но намного более ухабистой, с сучками и всеми аспектами коры на ветвях направленных наружу. Они были косматыми, и казались незаконченными в некоторых местах.

Они были ужасающими. Их конечности были искривлены. Они шли, волоча ноги вперед как обезьяны, их тела увенчивали подобные деревянным карикатурам человеческих черт лица, над которыми спугывались тонкие ветви, торчащие под странными углами. Они были просчитаны при сотворении, для полного соответствия существам из кошмаров.

И они были голые. На них не было ничегошеньки, чтобы замаскировать ужасные деформации их тел.

Потом Елена действительно знала, каким будет террор, когда два шаркающих существа хромая, понесли Бонни к некому алтарю, которым служил отесанный пень. Они положили ее на него и начали срывать все то множество слоев ее одежды неуклюжими, тощими палкообразными пальцами, которые сломались с треском, когда порвалась ткань. Казалось, их совершенно не заботило то, что они сломали пальцы, пока задача не была выполнена.

А затем еще неуклюжее, они использовали куски разорванного полотна, чтобы привязать распластанную Бонни к четырем шишковатым колам, которые они с треском оторвали от собственных тел. Гибриды вбили колья в землю вокруг пня четырьмя мощными ударами толстой палки.

Тем временем, из дальней тени, третий человек-дерево двинулся вперед. И Елена увидела, что это был, бесспорно, безошибочно мужчина.

В какой-то момент Елена заволновалась, что Деймон может сорваться. Сойти с ума, развернуться и атаковать обоих духов-лис, разоблачая свою истинную преданность. Но его чувства к Бонни очевидно изменились, с тех пор как он спас ее от Кэролайн. Он фигурировал совершенно расслабленно рядом с Шиничи и Мисао, бездельничая и улыбаясь, даже говорил что-то, что заставляло их смеяться.

Внезапно в Елене что-то, словно оборвалось. Это не была тревога. Это был

полномасштабный террор. Деймон никогда не выглядел таким естественным, таким гармоничным, таким счастливым с кем-нибудь, каким он был здесь с Шиничи и Мисао. Они не могли изменить его, это не возможно, она пыталась убедить себя. Они не могли завладеть им снова так быстро, не без нее, Елена знала...

Но когда ты показала ему правду, он был несчастен, шептало ей сердце. Отчаянно несчастным и несчастно отчаянным. Он мог потянуться за одержимостью, как неповинующийся алкоголик тянется к бутылке, желая лишь забвения. Если она знает Деймона, он охотно пригласил темноту обратно внутрь.

Он не смог выстоять стоя на свету, думала она. И вот теперь, он в состоянии смеяться даже над страданиями Бонни.

И с чем она сейчас осталась? С Деймоном перешедшим на другую сторону, уже не союзником, а врагом? Елена начала дрожать от гнева и ненависти, да, и страха, тоже, поскольку она рассмотрела свое положение.

В одиночку бороться против трех сильнейших врагов, и их армией деформированных, бессовестных убийц? Не говоря уже о Кэролайн, чирлидере зла?

И точно в подтверждение ее страхов, словно показывая ей, насколько в действительности малы ее шансы, дерево, за которое она цеплялась, казалось, внезапно отпустило ее. Елена практически свылась с мыслью, что упадет, вращаясь и крича, всю дорогу к земле. Все за что она пыталась ухватиться руками и ногами, тут же исчезало, и она спасла себя только безумным и болезненным карабканием через острые сосновые иглы к рельефной, темной коре.

Ты теперь человеческая девочка, моя дорогая, казалось, говорил ей сильный смолистый запах. И ты по уши в Силе нежити и магии. Зачем бороться? Ты проиграла прежде, чем начала. Сдайся сейчас, и не будет так больно.

Если бы говорила какая-то личность, пытаясь вбить эти слова в голову, тогда возможно, вызов вспыхнул бы от кремния в характере Елены. Но вместо этого появилось чувство, внезапно пришедшее к ней с аурой обреченности – знание о безнадежности ее дела, и неадекватности ее оружия. Это словно окутало ее так нежно и так неизбежно, как туман.

Елена склонила пульсирующую голову к стволу дерева. Она никогда не чувствовала себя настолько слабой, настолько беспомощной или настолько одинокой, не такой какой она была проснувшись вампиром. Она хотела Стефана. Но Стефан был не в состоянии победить этих троих, поэтому она возможно никогда не увидит его снова.

На крыше происходит что-то новое, устало осознала Елена. Деймон смотрел вниз на Бонни лежащую на алтаре, и его выражение было раздражительным. Белое лицо Бонни было решительно обращено взглядом в ночное небо, словно она отказывалась больше плакать или снова просить.

– Но... неужели все закуски настолько предсказуемы? – Спросил Деймон, представляясь искренне скупающим.

Ублюдок, ты включил бы лучшего друга для развлечения, думала Елена. Подожди у меня. Но она знала, что по правде, без него не сможет пустить в ход даже план «А», а тем более бороться против этих китсунов, этих духов-лис.

– Ты сказал мне, что в Ши но Ши, я увидел бы акты подлинной оригинальности. – Продолжал Деймон. – Загипнотизированные девы, режут сами себя...

Елена проигнорировала его слова. Она сконцентрировала всю свою энергию на глухой боли в центре груди. Она чувствовала, что тянет кровь из ее самых крошечных капилляров, из дальних участков ее тела, и собирает здесь в ее центре.

Человеческий разум бесконечен, думала она. Он такой же непознанный и бесконечный как вселенная. И человеческая душа...

Три, самые младшие из одержимых, начали танцевать вокруг распластанной Бонни, напевая фальшиво сладкими голосами маленьких девочек:

– Ты умрешь прямо здесь,

И когда ты собственно умрешь,
Они будут кидать грязь тебе в лицо!

Как очаровательно, думала Елена. Тогда она настроилась обратно на драму, разворачивающуюся на крыше. То, что она увидела, поразило ее. Мередит была теперь на вдовой площадке, и двигалась так, словно она была под водой... околдована. Елена упустила то, как она туда попала – это что, была какая-то магия? Мисао теперь стояла перед Мередит, хихикая. Деймон смеялся тоже, но с насмешливым недоверием.

– И ты ожидаешь, я поверю, что если дам этой девочке ножницы... – сказал он, – она на самом деле отрежет собственный... .

– Попробуй и лично убедишься, – прервал Шиничи, одним из его томных жестов. Он прислонился к куполу в середине вдовой площадки, все еще пытаясь расшевелить Деймона. – Разве ты не видел нашего призера, Изабелл? Ты нес ее всю дорогу сюда. Она хоть раз попыталась заговорить?

Деймон протянул руку в пространство. – Ножницы. – Произнес он, и изящная пара маникюрных ножниц оказалась в его руке. Казалось, что до тех пор, пока у Деймона был волшебный ключ Шиничи, магическое поле вокруг них продолжит повиноваться ему даже в реальном мире. Он засмеялся. – Нет, ножницы взрослого размера, для садоводства. Язык состоит из крепких мышц, не бумаги.

То, что он держал в своей руке теперь, было большими садовыми ножницами, определенно не игрушкой для детей. Он покачал ими, чувствуя их вес. И затем, к чрезвычайному шоку Елены, он без каких-либо поисков, посмотрел прямо на нее в ее убежище на верхушке дерева, и подмигнул.

Елена могла только в ужасе посмотреть в ответ.

Он знал, думала она. Он знал, где я была все время.

Именно об этом он шептал Кэролайн.

Это не сработало... Крылья Искупления, не сработали, думала Елена, и ощутила это, как падение, словно она падала, и будет падать вечно. Я должна была понять, что это будет не к добру. Независимо от того, что с ним сделать, Деймон всегда будет Деймоном. И теперь он предлагает мне выбор: смотреть на двух лучших друзей, замученных и убитых, или шагнуть вперед, и остановить этот ужас, соглашаясь на его условия.

Что она могла сделать?

Он выстроил шахматные фигуры блестяще, думала она. Пешки на двух различных уровнях. И даже если бы Елена смогла каким-то образом спуститься вниз, в попытке спасти Бонни, Мередит была бы потеряна. Бонни была привязана к четырем кольям и охранялась Гибридами. Мередит была ближе, на крыше. Но чтобы спасти ее, Елене нужно пробраться к ней через Мисао, Шиничи, Кэролайн, и непосредственно Деймона.

И Елена должна была выбрать. Выйти вперед теперь, или быть вынужденной выйти мучением одной из двух, являющихся чуть ли частью ее самой.

Ей показалось, она поймала слабое напряжение телепатии, словно Деймон стоял там и излучал – это лучшая ночь в моей жизни.

Ты всегда можешь просто прыгнуть, пришел туманный гипнотический шепот уничтожения еще раз. Покончи с тупиковой дорогой, на которой стоишь. Покончи со своими страданиями. Покончи с болью... Просто так.

– Теперь моя очередь, – говорила Кэролайн, проносясь мимо близнецов, чтобы стоять непосредственно перед Мередит. – Это должен был быть мой выбор, в первую очередь. Так что теперь это моя очередь.

Мисао истерично засмеялась, но Мередит уже выходила вперед, все еще в трансе.

– О, делай это по-своему, – произнес Деймон. Но не двинулся с места, все еще смотря с любопытством, когда Кэролайн сказала Мередит, – У тебя всегда был язык как у гадуки. Почему бы тебе не сделать его раздвоенным для нас прямо здесь, прямо сейчас? Прежде, чем ты разрежешь его на куски.

Мередит молча протянула руку, как на автомате.

Все еще смотря на Деймона, Елена медленно делала вдох. В ее груди начались спазмы, как в тот раз в лесу, когда лозы окутали ее и не давали дышать. Но даже ощущения в ее собственном теле не могли остановить ее. Как я могу выбрать? Думала она. Бонни или Мередит. Я люблю их обеих.

И больше ничего не оставалось делать, осознала она, оцепенев, чувствуя онемение в ее руках и губах. Я не уверена даже, что Деймон спасет их двух, если я соглашаюсь на... подчинение ему. Эти другие – Шиничи, Мисао, даже Кэролайн, они хотят видеть кровь. И Шиничи управляет не только деревьями, но и практически всем в Старом Лесу, включая тех чудовищных гибридов. Возможно, на сей раз Деймон переоценил свои силы, взял больше, чем он мог взять. Он хотел меня, но зашел слишком далеко, чтобы меня получить. Я не вижу никакого выхода.

И тогда она увидела. Неожиданно все стало на свои места и блестяще ясно.

Она знала.

Елена смотрела вниз на Бонни, почти в состоянии шока. Бонни глядела на нее, тоже. Но не было ожидания спасения в том маленьком треугольном лице. Бонни уже приняла свою судьбу: агония и смерть.

Нет, думала Елена, не зная, могла ли Бонни услышать ее.

Верь, говорила она Бонни.

Не слепо, не слепо. Но верь в то, что твой разум говорит правду, и что твое сердце говорит тебе, это правильный путь. Я никогда не позволю тебе уйти – или Мередит.

Я верю, думала Елена, и ее душу качала сила этого. Она почувствовала внезапную волну внутри себя, и знала, что пора идти. Одно слово звонило в ее голове, когда она стояла отпустив руки. И это единственное слово эхом отозвалось в ее разуме, поскольку она нырнула головой вниз с ее шестидесятифутового дерева.

Верь.

Глава 37

Пока она падала, вся жизнь промелькнула перед глазами.

То, как она увидела Стефана в первый раз. Тогда она еще была совершенно другим человеком. Внешне холодная как лед и совершенно безумная внутри. Или наоборот? Все еще в мертвенном оцепенении после смерти родителей. Пересытившаяся жизнью и всем, что связано с парнями. Принцесса в ледяной башне. Похоть была ее оружием, ее силой... пока она не встретила его.

Верь.

Потом мир вампиров... и Деймон. И вся порочная дикость, вдруг проснувшаяся внутри нее, вся страсть. Стефан был ее опорой, но Деймон – огненным дыханием под ее крыльями. Как бы далеко она ни заходила, он всегда мог заманить ее чуточку дальше. И она знала, что в один прекрасный день они бы зашли слишком далеко... для них обоих. Но сейчас все, что ей надо было делать – это просто...

Верить.

Мередит, Бонни, Мэтт. Она изменила отношения с ними, о, наиболее определенно. Поначалу она не понимала, чем заслужила таких друзей, как эти три. И даже не потрудилась относиться к ним так как они того заслуживали. Тем не менее, все они застряли здесь из-за нее. Но теперь она знает, как отплатить им... знает, что если дело дошло до этого – она должна умереть за них.

Снизу Бонни следила за ее прыжком. Аудитория на вдовьей площадке следила тоже, но она смотрела именно в лицо Бонни – ошарашенной, испуганной, не верящей Бонни, жаждущей закричать, но в то же время понимающей, что никакой крик не спасет Елену, с головой нырнувшую в собственную смерть.

Бонни, верь в меня. Я спасу тебя.

Я помню как летать.

Глава 38

Бонни знала, что она умрет.

У нее было четкое предчувствие этого еще до того как жуткие существа – деревьядвигающиеся как люди, с их уродливыми лицами и толстыми, узловатыми конечностями, окружили небольшую группу людей в Старом Лесу. Она услышала вой черной собаки, на миг промелькнувшей в свете ее фонаря, когда девушка обернулась. Собаки в семье Бонни давно. Когда одна из них выла, это означало, что смерть уже в пути.

И она догадалась, что эта – будет ее.

Но она ничего не сказала, даже когда доктор Альперт спросила: – Ради всего святого, что это? – Бонни пыталась быть смелой. Мередит и Мэтт были смелыми. В них словно была встроена эта функция, способность идти вперед даже в тех ситуациях, в которых нормальные люди убежали и спрятались бы. Они оба ставят благо команды выше своего собственного. И конечно, доктор Альперт тоже была храброй и сильной, и миссис Флауэрс, решившая, что подростки нуждаются в заботе, и это ее личная обязанность.

Бонни тоже хотела казаться смелой. Она практиковалась, приподняв голову, прислушиваясь к шорохам в кустах и одновременно к своим психическим способностям на случай знака от Елены. Было трудно совмещать два вида слуха. Слишком много она слышала собственными ушами: различные шорохи в тишине и шепот кустарника, в котором никого не было. От Елены не было ни звука. Даже когда Бонни начала звать ее снова и снова: Елена, Елена, Елена!

Она снова человек, наконец, с грустью поняла Бонни. Она не может меня услышать или вступить в контакт. Из всех нас она единственная, чудом сумевшая спастись.

Это было в тот момент, когда первое Дерево-человек появилось перед группой искателей. Казалось, детский кошмар воплотился в жизнь, когда внезапно дерево-гигант начало двигаться, превращая длинные ветки в руки. И все с криком пытались убежать от него.

Бонни никогда не забудет как Мэтт и Мередит старались помочь ей спастись.

Дерево-человек был нетороплив. Но когда они развернулись, пытаясь сбежать, оказалось, что сзади стоит еще одно. И справа и слева. Они были окружены.

Они были как загнанный скот, как рабы. Тех, кто пытался сопротивляться, деревья били и хлестали колючими ветвями, а затем с помощью гибких отростков обвившихся вокруг шей тащили за собой.

Их поймали, но не убили. Вместо этого их куда-то вели. Не трудно догадаться зачем. И у Бонни было много вариантов разных «почему». Это был просто вопрос выбора, который был страшным.

В конце концов, казалось после часов ходьбы, Бонни начала узнавать окрестности. Они возвращались в пансион снова. Или точнее, они возвращались в реальный пансион в первый раз. Машина Кэролайн была снаружи. В доме горел свет, с первого по последний этаж, хотя несколько окон оставались темными.

Поработители уже ждали их.

И теперь, после взрыва плача и мольбы, Бонни пытается быть храброй снова.

Когда этот парень со странными волосами сказал, что она будет первой, девушка точно поняла, что он имел в виду, и как она умрет. Тогда внезапно она не была больше храброй, совсем. Но она не собиралась кричать.

Она видела вдовью площадку, видела зловещие фигуры на ней, но Деймон смеялся, когда Дерево-люди начали срывать с нее одежду. Теперь он смеялся, когда Мередит держала садовые ножницы. Она не будет умолять его снова, не тогда когда это не будет иметь никакого значения в любом случае.

Теперь она на спине, ее руки и ноги были связаны, чтобы она была беспомощна, в

лохмотьях и тряпках, оставшихся от ее одежды. Она хотела, чтобы ее убили первой, она не желала видеть, как Мередит режет свой язык на куски.

В тот момент, когда она почувствовала, что последний крик ярости поднимался в ней подобно змее взбирающейся по шесту, она увидела Елену, высоко над ней на белой сосне.

– Крылья ветра, – прошептала Елена, когда земля бросилась к ней со страшной скоростью.

Крылья развернулись сразу же, откуда-то изнутри Елены. Они были неосязаемыми, около сорока футов в размахе, и словно сотканы из золотистой паутины, от цвета балтийского янтаря на ее спине, до эфирно бледного цитрина на концах. Они были почти бесшумными, едва поднимаясь и опускаясь, но они помогали ей держаться, так как ветер бросался под них, и они несли ее именно туда, куда ей было нужно.

Не к Бонни. Это то, чего они ожидали. С высоты своего полета она вполне могла вырвать Бонни на свободу, но не имела ни малейшего представления как разрезать ее пути и сможет ли потом снова подняться вверх.

Поэтому в последний момент, Елена вильнула в сторону вдовьей площадки. Она выхватила из поднятой руки Мередит садовые ножницы, и затем ухватила прядь длинных шелковых ало-черных волос. Мисао закричала, а потом...

Это было, когда Елена действительно нуждалась в некоей вере. Пока она просто парила, а не летала. Но сейчас ей нужен был подъем, нужен чтобы крылья заработали... и еще раз, хотя не было времени, она была со Стефаном, и чувствами...

... как она впервые поцеловала Стефана. Другие девушки ждали бы инициативы от парня, но не Елена. Кроме того Стефан считал поцелуи прелюдией для соблазнения жертвы...

... первый раз он поцеловал ее, понимая, что это не было хищными отношениями...

И теперь ей нужен был настоящий полет.

Я знаю, что могу...

Но Мисао была настолько тяжелой, и память Елены не была твердой. Огромные золотые крылья становились меньше. Шиничи пытался направить лозу и схватить ее, а Деймон удерживал Мередит неподвижной.

Слишком поздно Елена поняла, что ее план не сработает.

Она была одна. И она не могла бороться таким способом. Не против такого количества врагов.

Она была одна, и боль, которая заставляла кричать сжала ее спину. Мисао становилась все более увесистой, и через пару минут она станет слишком тяжелой для дрожащих крыльев Елены, чтобы ее удержать.

Она была одна и как все остальные люди, скоро умрет...

И потом, сквозь агонию, которая являлась причиной испарины покрывшей все ее тело, она услышала голос Стефана:

– Елена! Отпусти! Падай, и я поймаю тебя!

Как странно, подумала Елена, словно во сне. Его любовь и паника звучали в голосе, делая его другим. Делая его похожим на...

– Елена! Я с тобой!

... Деймона.

Словно вырвавшись из сна, Елена посмотрела вниз. И там был Деймон, стоял защитно перед Мередит, глядя на Елену вверх, с руками, протянутыми к ней.

Он был с ней.

– Мередит, – продолжил он. – Девушка, сейчас не время страдать лунатизмом! Твои друзья нуждаются в тебе! Елена нуждается в тебе!

Медленно Мередит посмотрела вверх. Елена видела как жизнь и воодушевление, восстанавливаются в ней. Ее глаза сосредоточились на дрожащих золотых крыльях Елены.

– Елена,- прокричала она. – Я с тобой! Елена!

Как она знала, что сказать? Ответ был прост: Мередит на то и Мередит. И она всегда знала что говорить.

Теперь она услышала крик другого голоса. Мэтт.

– Елена, – радостно кричал он своеобразную аккламацию. – Я с тобой! Елена!

И низкий голос доктора Альперт: – Елена, я с тобой! Елена!

И миссис Флауэрс удивительно сильный: – Елена, я с тобой! Елена!

И даже бедняжка Бонни: – Елена, мы все с тобой! Елена!

И в глубине души настоящий Стефан прошептал: «Я с тобой, мой ангел».

– Мы все с тобой, Елена!

Она не бросила Мисао. Ее золотые крылья словно поймали восходящий поток воздуха, едва не подняв ее резко и бесконтрольно. Но каким-то образом Елене удалось сохранить устойчивость. Она по-прежнему смотрела вниз, и почувствовала, как слезы пролились из ее глаз и упали на вытянутые руки Деймона. Елена не знала, почему она плачет, но частью этого была печаль и сожаление о том, что когда-либо сомневалась в нем.

Потому что Деймон был не просто на ее стороне. Если она не ошибалась, он был готов умереть за нее... сразиться со смертью за нее. Он бросался в запутанные лианы и виноградные лозы, что тянулись за Мередит или за Еленой.

Это заняло только мгновение, чтобы схватить Мисао, но Шиничи в образе лисы, уже прыгал к Елене. Губы растянuty в оскале с целью разорвать ей глотку. Это были не обычные лисы. Он был почти таким же большим, как волк... или большая собака... и злющим как росوماха.

Между тем вдовья площадка погрязла в лабиринте лозы, лианы, и волокнистых усиков по которым поднимался Шиничи. Елена не знала, каким образом увильнуть. Ей нужно было время, чтобы собраться с собой и справиться со всем этим.

Все что делала Кэролайн, это кричала.

Елена увидела брешь. Разрыв в лиане, и бросилась туда, подсознательно понимая, что бросается через перила. И зная это так же четко, как и то, что каким-то образом она продолжает удерживать Мисао за волосы. Это должно было быть чрезвычайно болезненным опытом для женщины-лисы, то как она качалась взад-вперед, подобно маятнику, ниже Елены.

Брошенный через плечо взгляд показал Гилберт, Деймона все ещедвигающегося быстрее чего бы то ни было виденного ею. Он с Мередит на руках неся через брешь, ведущую к двери. И как только Мередит вошла в нее, девушка сразу появилась внизу на заднем дворе. Она стремительно направилась к Бонни, распятой на деревянном алтаре, но врезалась в одного из гибридов. В тот самый момент, когда Деймон взглянул в сторону Елены, их пристальные взгляды встретились, и что-то произошло между ними словно удар электричества. Волна вызвала трепет во всем ее теле, и это сделал только лишь взгляд.

Она поспешно отвела глаза и перефокусировалась. Кэролайн снова орала. А Мисао достав свой хлыст, пыталась ухватиться за ноги Елены, подзывая одного из гибридов на помощь в подъеме. Елене нужно было взлететь выше. Она не представляла как управлять своими золотыми крыльями-паутинками, казалось, ничего не сможет подчинить их. Однако они мгновенно повиновались малейшей ее прихоти, словно она всегда имела их при себе. Весь фокус был не в том, чтобы думать, как добраться куда-либо, нет, нужно было просто представить, что ты уже находишься там, куда ты хочешь.

С другой стороны Древо-человек начал расти. Это было похоже на детский кошмар о гигантах, и сначала Елене даже почудилось, что это она уменьшается. Но отвратительное существо уже возвышалось над крышей пансиона, и его верхние змеевидные ветви, полоснули девушку по ногам. Мисао набросилась на Гилберт с кнутом. Джинсы Елены превратились в клочья. Но она проглотила крик боли.

Я должна взлететь выше.
Я смогу сделать это.
Я спасу вас всех.
Я верю.

Быстрее, чем взмах крыла колибри, она взмыла вверх, все еще держа Мисао за ее длинные черно-алые волосы. Мисао закричала, и ее крик эхом вырвался из горла Шиничи, даже когда он сражался с Деймоном.

Как они с Деймоном и планировали, как они и надеялись, Мисао обратилась в свое настоящее обличие и Елена уже держала тяжелую корчащуюся лису-духа за загривок.

Был трудный момент, когда Елена пыталась удержать равновесие. Она должна была помнить, что Мисао весит больше обычной лисицы, так как у нее было шесть хвостов.

К тому времени девушка метнулась обратно к своей ветке на дереве, и стоя там смогла спокойно рассмотреть происходящее ниже. Гибрид был слишком медлительным, чтобы схватить ее. План работал великолепно. За исключением того, что Деймон, один из всех людей, похоже забыл, что именно предполагалось, он должен делать. Великолепно отыграв первый акт с одержимостью, он красиво одурачил Шиничи и Мисао... и Елену тоже. Теперь, в соответствии с их планом, Деймон должен был заботиться о любых невинных мирных жителях, позволяя Елене исполнить роль приманки, и заманить Шиничи.

Но вместо этого что-то внутри него щелкнуло, и он, методично разбивая стену дома головой Шиничи-человека, кричал:

– Черт... ты!... Где... мой... брат?

– Я... могу... убить тебя... прямо сейчас... – закричал в ответ Шиничи. Ему не хватало дыхания, и он не считал Деймона легким оппонентом.

– Ну, давай, – Деймон медленно оборачивался. – И тогда она, – продолжил он, указывая на Елену, стоящую на ветке. – Перережет горло твоей сестренке.

Презрение Шиничи было резким: – Ты думаешь, я поверю, что девушка с такой аурой будет убивать?

Бывает, приходит время, когда нужно быть сильным и крепким. И для Елены, горящей силой и славой, это время пришло. Она глубоко вдохнула, мысленно прося прощения у Вселенной, и наклонилась, поставив ножницы в определенную позицию. А тогда сжала их так сильно, как только смогла.

Черный лисий хвост, с красным кончиком, крутясь упал на землю, в то время как Мисао кричала от боли и ярости. Он упал прямо по центру поляны, извиваясь, словно недобитая змея. А затем стал прозрачным и просто исчез.

Теперь Шиничи действительно закричал.

– Ты хоть знаешь, что ты сделала, ты невежественная сука? Я обрушу это место тебе на голову! Я порву тебя на куски!

– О, да, безусловно, так оно и будет. Однако прежде, – Деймон взвешенно произносил каждое слово, – тебе необходимо пройти мимо меня.

Елена едва отметила их слова, поскольку раздумывала о другом. Для нее сжать ножницы было нелегко. Она думала о Мерedit с ножницами в ее руках. О Бонни, распятой на алтаре. О Мэтте, ранее корчившемся на земле. И о миссис Флауэрс, и о трех потерявшихся маленьких девочках, и о Изабелл, и о... много о чем... о Стефане.

Но когда, впервые за всю ее жизнь Елена пустила чужую кровь своими собственными руками, у нее внезапно появилось новое чувство ответственности... новой подотчетности. Словно ледяной ветер раздувал ее волосы, говоря в ее замороженное, задышающееся лицо: «Никогда, без причины. Никогда, без необходимости. Никогда, только если нет других вариантов».

Елена почувствовала, что внутри нее что-то выросло, все сразу. Слишком быстро, чтобы успеть попрощаться с детством, она стала воином.

– Все вы думали, что я не могу бороться, – обратилась она, к собравшимся. – Вы

ошибались. Вы думали, что я бессильна. Вы снова ошиблись. И я буду использовать последние капли моей Силы в этой борьбе, потому что вы, близнецы, реальные монстры. Нет, вы отвратительны. И если я умру, я буду отдыхать рядом с Онорией Фелл и наблюдать за Феллс Черч снова.

– Феллс Черч будет гнить и умирать пожираемый извивающиеся личинки, – сказал голос около ее уха. Это был низкий бас, не имеющий ничего общего с пронзительными криками Мисао. Даже не оборачиваясь, Елена поняла, что к ней обратилась белая сосна. Жесткий чешуйчатый сук, облепленный теми самыми острыми смолистыми иглами, врезался в ее живот, вырывая ее из равновесия, и девушка невольно разжала руки. Мисао спасалась, зарываясь в ветви рождественского дерева.

– Дрянные... деревья... идите... к... черту. – Елена заплакала, и направила весь свой вес, на работу ножницами в основании ветви, которая пыталась сокрушить ее. Сук пытался вырваться, девушка крутила ножницы в темной раненной коре, и почувствовала огромное облегчение, когда большой кусок древесины упал вниз. Теперь на этом месте была только смолистая рана.

Елена начала искать Мисао. Лисица не считала ситуацию столь простой, как она, должно быть, думала, управляя деревом. Елена посмотрела на гроздь хвостов. Как ни странно, не было ни обрубка, ни крови, ни каких-либо признаков ран на лисе.

Не поэтому ли она не обратилась человеком? Из-за потерянного хвоста? Даже если бы она оказалась голой после превращения, как это происходит с оборотнями, она была бы в лучшем положении, для спуска с дерева.

Поскольку Мисао, похоже, выбрала медленный, но верный способ спуститься – ветвь за ветвью подхватывали ее лисье тело и передавали вниз следующим. То есть, лиса была всего десятью футами ниже Елены.

И все, что нужно было сделать Гилберт, это проскользнуть мимо еловых иголок к ней, а потом затормозить с помощью крыльев или как-то еще. Если она верит в свои крылья. Если дерево не отбросит ее.

– Ты слишком медлительна, – закричала Елена. И начала скольжение, сокращая расстояние до своей цели.

Пока не увидела Бонни.

Бонни все еще лежала на жертвеннике, бледная и холодная на вид. И теперь четверо отвратительных гибридов держали ее за руки и за ноги, растягивая, каждый в свою сторону, с такой силой, что ее тело уже зависло в воздухе.

И Бонни проснулась. Но не кричала. Не поднимала шума, для привлечения к себе внимания, и Елена почувствовала прилив любви, ужаса и отчаяния. Вот почему она не начала шуметь. Она хотела, чтобы главные игроки боролись со своими врагами, не задумываясь о ее спасении.

Гибриды подались назад, и лицо Бонни исказилось от боли.

Елена должна была добраться до Мисао. Ей нужен был двойной лисий ключ, чтобы освободить Стефана, и единственные существа, которые могут сказать ей, откуда именно, – это Мисао и Шиничи. Она обратила свой взор вверх в темноту, отмечая, что небо стало менее темным, чем раньше. Оно казалось темно серым, вместо мертвого черного. Однако не было там никакой помощи. Она посмотрела вниз. Мисао еще немного продвинулась на пути к спасению. Если Елена позволит ей уйти... Стефан был ее любовью. Но Бонни – Бонни была ее подругой с самого детства...

И тогда она увидела план «В».

Деймон сражался с Шиничи. Ну, или пытался.

Шиничи всегда был на сантиметр от кулака Деймона. А кулаки Шиничи каждый раз достигали своей цели, от чего лицо Деймона превратилось в кровавую маску.

– Используй лес, – закричала Мисао командным голосом, ее детский образ внезапно испарился. – Вы мужчины – идиоты! Все о чем вы думаете, это ваши кулаки!

Шиничи сломал колонную опору на вдовьей площадке, одной рукой, демонстрируя

свою истинную силу. Деймон блаженно улыбнулся. Елена знала, он будет наслаждаться этим, даже если это означало множество маленьких ран на его теле, которые повлекут за собой деревянные щепки.

В середине схватки, Елена закричала: – Деймон, посмотри вниз! – Ее голос казался слабым за какофонией воплей, рыданий и криков ярости, разносившихся вокруг. – Деймон, взгляни вниз на Бонни!

Ничего до сих пор не могло сломать концентрацию Деймона. Казалось, он был намерен выяснить, где держат Стефана... или убить Шиничи пытаясь.

Сейчас же, к легкому удивлению Елены, Деймон немедленно резко повернул голову. Он посмотрел вниз.

– Клетку, – орал Шиничи. – Постройте мне клетку.

Ветви деревьев наклонились со всех сторон, заключая лиса и Деймона в их собственном маленьком мире, и удерживали их внутри него.

Тем временем Гибриды откинулись назад сильнее. И призирая себя, Бонни закричала.

– Видишь? – засмеялся Шиничи. – Каждый из твоих друзей будет умирать в муках, если не хуже. Одного за другим, мы сделаем вас!

И тогда Деймон, словно действительно сошел с ума. Он начал двигаться точно ртуть, подобно прыгающему пламени, как некое животное с рефлексамми гораздо более быстрыми, чем у Шиничи. Теперь в его руке появился меч, благодаря магическому ключу, и меч прорезался через ветки, даже когда те тянулись, пытаясь захватить его. И тогда вампир взмыл в воздух, перемахивая через перила второй раз за ночь.

Только на сей раз баланс Деймона был совершенным, без единого шанса для перелома даже самой тонкой кости. Он произвел изящную кошачью посадку рядом с Бонни. И тогда его меч замелькал дугой, сметая все вокруг ведьмы, а жесткие пальцевидные отростки ветвей, державшие ее, были аккуратно обрезаны.

Моментом позже она уже была поднята, и удерживаема Деймоном, когда он с легкостью прыгнул с грубого алтаря и растворился во мраке около дома.

Елена перевела дух и вернулась к своим собственным делам. Но ее сердце билось быстрее и сильнее, с радостью, гордостью и благодарностью, когда она скользнула вниз сквозь болезненно острые иглы, и едва не промелькнула мимо Мисао, которая сматывалась с ее пути... не совсем вовремя.

Елена хорошенько схватила лису за шкурку. Мисао издала странное животное завывание и утопила свои зубы в руке Елены с такой силой, что девушка чувствовала, словно они собираются встретиться. Елена закусил губу, пока ощущала текущую кровь, стараясь не закричать.

«Быть раздавленной и умереть, и превратиться в суглинок» прошептало дерево в ухо Елене: «Ваш вид может питать мою родню лишь однажды». Голос был древним, злорадным и очень, очень страшным.

Ноги Елены среагировали мгновенно, без паузы для консультации с мозгом. Они жестко оттолкнулись, и золотые крылья паутинки раскрылись вновь, не биением, а волнением стойко удерживая Елену над алтарем.

Она подтянула морду рычащей лисицы чуть ближе к своему лицу, на разумное расстояние.

– Где две части лисьего ключа, – потребовали она. – Скажи мне или я отрежу тебе еще один хвост, клянусь, что сделаю это. Не обманывай себя, это не только потерянная гордость, не так ли? Ваши хвосты это ваша Сила. Как бы ты себя чувствовала, не имея ни единого вообще?

– Как человек... но не ты, ты урод, – теперь Мисао расхохоталась снова в своей задыхающейся собачьей манере, ее лисьи уши прижались к голове.

– Просто ответь на вопрос!

– Как будто ты бы поняла ответы, которые я могу дать. Если я скажу тебе что один из них внутри инструмента серебряного соловья, это натолкнет тебя на какие-либо мысли?

– Возможно, если ты объяснишь все чуть более ясно.

– Если бы я сказала, что один из них зарыт в бальном зале Блоддьюведд, сможешь ли ты найти его? – Снова задышающийся оскал, когда лисица давала подсказки, ведущие никуда... или куда угодно.

– И это твои ответы?

– Нет, – вдруг вскрикнула Мисао, пинаясь ногами, так же как собаки скребутся в грязи. За исключением того, что это была не грязь, а живот Елены, и скребущиеся ноги казалось, пытались докопаться до ее кишок. Она почувствовала, как разорвалась ее кофточка.

– Я говорила тебе. Я не в игрушки играю, – Елена плакала. Она подняла лису левой рукой, невзирая на боль от усталости в ней, а правой позиционировала ножницы.

– Где первая половина ключа? – Снова потребовала Елена.

– Поищи сама! Тебе всего-то весь мир обыскать да каждый кустик. – Лисица кинулась к горлу Елены снова, и белые зубы на самом деле царапнули ее плоть.

Елена напрягла руку и вновь подняла лису немного выше.

– Я предупреждала тебя, так что не пытайся отрицать, и не говори, что у тебя есть основания жаловаться!

Она сжала ножницы.

Мисао издала визг, который практически потерялся в сутолоке. Елена чувствуя все большую и большую усталость сказала:

– Ты законченная лгунья, так ведь? Посмотри вниз, если хочешь. Я ничего не отрезала тебе. Ты только что закричала, лишь заслышав звук клацающих ножниц.

Мисао едва не угодила когтем Елене в глаз. Ну, все. Теперь для Елены не существовало ни моральных, ни этических вопросов. Она не была причиной боли, она просто дренировала Силу. Ножницы пошли в ход, клацая еще, еще и еще. Мисао кричала, проклиная ее, но под ними Гибриды быстро уменьшались.

– Где первая часть ключа?

– Отпусти меня и я скажу, – голос Мисао вдруг стал менее пронзительным.

– Слово чести? Если ты можешь говорить о чести без смеха.

– Слово чести, и мое слово китсуна. Пожалуйста! Ты не можешь оставить лису без реального хвоста. Вот почему те, что ты отрезала, не болели. Они символ нашей чести. Но мой настоящий хвост находится посередине, он с белым кончиком, и если ты отрежешь его, то увидишь кровь, и это оставит обрубок. – Мисао выглядела совсем запуганной и полностью готовой к сотрудничеству.

Елена умела оценивать людей посредством интуиции, и как разум, так и сердце, говорили ей не доверять этому существу. Но она так хотела верить, надеяться...

Осуществляя медленное снижение, чтобы лисица оказалась ближе к земле, не поддавшись искушению бросить ее с шестидесяти футов, Елена сказала:

– Ну? слово чести, какими будут твои ответы?

Шестеро гибридов ожили вокруг нее и резко двинулись вперед, жадно хватая девушку своими пальцеобразными ветками.

Но они не застали Елену врасплох. Она не отпустила Мисао, только немного ослабила хватку. Теперь она снова ужесточила свой контроль.

Волны силы начали поднимать Елену, и она вновь взмыла вверх быстро проносясь выше вдовьей площадки мимо взбешенного Шиничи и плачущей Кэролайн. Затем Елена встретила глазами с Деймоном. Его были полны огня и гордости за нее. Ее были полны жаркой свирепой страсти.

– Я не ангел, – объявила она каждому присутствующему, кто не совсем понял этого пока. – Я не ангел и я не дух. Я – Елена Гилберт, побывавшая на Том Свете. И прямо сейчас я готова сделать все, что необходимо, включая, надрать чью-то задницу!

Внизу возник какой-то шум, и она сначала не могла определить что такое. Потом до нее дошло, что это были другие люди,... это были ее друзья. Миссис Флауэрс и доктор Альперт, Мэтт и даже дикая Изабелл. Они аплодировали, и они были видны, поскольку

внезапно задний двор залился дневным светом.

Это я делаю? Девушка удивилась и осознала что каким-то образом она. Елена освещала поляну, вокруг дома миссис Флауэрс, оставляя лес в темноте.

«Может я смогу распространить это»,- думала она.- «Превратить Старый Лес во что-то более молодое и менее зловещее».

Если бы она была более опытной, то никогда не пошла бы на такое. Но прямо здесь и прямо сейчас она чувствовала, что сможет взяться за это. Она посмотрела во все четыре стороны. Вокруг был Старый Лес. Она воскликнула: – Крылья Очищения! – и стала наблюдать за огромными, морозными, радужными крыльями бабочки, простиравшимися все выше и шире, выше и шире.

Вокруг нее была такая удивительная тишина, что даже борьба Мисао не имела никакого значения. Это была тишина, напоминавшая о чем-то: о всех самых красивых музыкальных звуках, слившихся в один единый мощный аккорд.

И затем потоки Силы потекли из нее. Не разрушительной, как та, что Деймон посылал много раз. Силы обновления, весны, любви, молодости и очищения. И она наблюдала, как свет распространялся все дальше и дальше, деревья начали уменьшаться, становясь более привычными, и прояснений между зарослями становилось больше. Колючки и ползучие лианы исчезали. На земле расширяющимся от нее кругом, начали распространяться цветы, любые, всех цветов. Сладкие фиалки, как кружево королевы Анны и дикие розы. Они были повсюду. Это было настолько прекрасно, что у нее защемило в груди.

Мисао зашипела, и Елена окончательно вышла из транса. Она осмотрелась вокруг и увидела, что неуклюжие и отвратительные Гибриды исчезли, под потоком солнечного света, а на их месте был большой участок щавеля, усеянный окаменелыми деревьями причудливой формы. Некоторые даже напоминали людей. Какое-то мгновение Елена рассматривала данную сцену в недоумении, а потом поняла, что было иначе. Все настоящие люди куда-то исчезли.

– Мне никогда не следовало приводить тебя сюда! – И это к удивлению Елены был голос Мисао. Она обращалась к своему брату.- Ты испортил все из-за этой девчонки. Шиничи, no baка!

– Сама идиотка! – Закричал Шиничи на Мисао. – Onore [Дрянъ]! Ты реагируешь именно так, как они хотят...

– Что еще я должна сделать?

– Я слышал, как ты давала девчонке подсказки, – прорычал Шиничи.- Ты готова на все ради своей внешности, эгоистка...

– И это ты мне говорить? Когда ты не потерял ни одного хвоста?

– Только потому, что я быстрее...

Мисао оборвала его. – Это ложь, и ты это знаешь! Забирай свои слова обратно!

– Ты слишком слаба для борьбы! Ты давно должна была сбежать! И не приходи ко мне плакаться.

– Не смей так со мной разговаривать! – И Мисао вырвалась из рук Елены и напала на Шиничи. Он ошибался. Она была хорошим бойцом. Через секунду они уже были в зоне разрушений, клубком катающимся из стороны в сторону. Черно-алый мех летал вокруг. Из шара вращающихся тел, вылетали обрывки фраз:

– ... все равно не найти ключи...

– ... не оба, во всяком случае...

– ... даже если они...

– ... какое это будет иметь значение?

– ... по-прежнему должны найти мальчика...

– ... я говорю это даже спортивней, дать им попытаться...

Ужасно пронзительное хихиканье Мисао: – И увидят, что они найдут...

... в Ши но Ши!

Внезапно бой прекратился, и лисы обратились в людей. Они выглядели изможденными,

но Елена знала, что ничего больше не сможет сделать, если они решат вступить в бой.

Вместо этого Шиничи сказал:

– Я разбиваю свой шар. Вот, – он повернулся к Деймону и закрыл глаза, – где твой драгоценный брат. Я помещу это в твой разум, если ты сможешь расшифровать карту. Но как только вы туда попадете, вы умрете. И не говорите, что я вас не предупреждал.

Елене он поклонился и произнес:

– Я сожалею, что ты тоже умрешь. Но я посвящу тебе оду.

Дикая роза, и сирень
Ромашки, пчелиный бальзам,
Улыбки Елены тень
зиму гонит, дарит лето садам.
Колокольчики и фиалка,
Бегония и душистый ирис,
Смотреть где она ступает,
И как вслед колыхнется рис.
Там где ножки ее проходят,
Цветы белые в травах всходят...

– Я скорее предпочла бы услышать прямое объяснение о том, где ваши ключи, – сказала Елена, обращаясь к Шиничи, зная, что после этой песни она ничего не добьется от Мисао. – Честно говоря, я устала от этого вашего дерьма.

Она заметила, что все вновь устали на нее, и она понимала почему. Она чувствовала разницу в своем голосе, позиции, звучании ее речи. Но в основном, происходящее внутри. И то, что она чувствовала, было свободой.

– Мы дадим вам вот столько, – сказал Шиничи, – мы не прикоснемся к ключам. Найди их с помощью подсказок или другими способами, если сможешь.

Он подмигнул Елене и отвернулся, ... чтобы встретить бледную дрожащую Немезиду.

Кэролайн. Что бы она ни делала в течение последних нескольких минут, она плакала, протирала глаза и заламывала руки... или, как подумала Елена, размазывала макияж по лицу.

– Ты тоже, – спросила она Шиничи. – Ты тоже?

Лис улыбнулся своей томной улыбкой: – И что я оба раза тоже? – Он поднял два пальца, образующих букву V, и продемонстрировал их Кэролайн.

– Ты тоже запал на нее? Посвящаешь ей стихи, даешь подсказки как найти Стефана.

– Это не очень хорошие подсказки, – ободряюще сказал Шиничи и снова улыбнулся.

Кэролайн попыталась ударить его, но он перехватил ее кулак.

– Ты думаешь, что просто возьмешь и уйдешь сейчас? – Она перешла на крик. Не такой высоты, как стеклодробительный вопль Мисао, но все же со своим странным вибратором.

– Я знаю, что мы уйдем, – он взглянул на угрюмую Мисао. – После еще одного параграфа в деле. Но не с тобой.

Елена напряглась, однако Кэролайн попыталась вновь атаковать Шиничи:

– После того, что ты мне говорил? После всего, что ты сказал?

Шиничи осмотрел ее с ног до головы, словно на самом деле увидел впервые. Он даже выразил искреннее недоумение.

– Говорил тебе? – Переспросил он. – Разве мы разговаривали до этой ночи?

Раздалось писклявое хихиканье. Все обернулись. Мисао стояла, смеясь, и прикрывая рот рукой.

– Я использовала твой образ, – сказала она брату, потупив глаза в пол, как бы признавая незначительную вину, – и твой голос. В зеркале, когда давала ей указания. Она была в депрессии из-за какого-то парня, бросившего ее. Я сказала ей, что влюбилась в нее и хочу отомстить ее врагам, если она сделает кое-что для меня.

– Таким образом, и распространяются малахи через маленьких девочек, – мрачно

заметил Деймон.

Мисао вновь хихикнула.

– И мальчик, или два. Я знаю, какого это, когда малахи внутри тебя. Это не больно. Они просто... там.

– А вас когда-нибудь заставляли делать то, чего вы не хотите, – потребовала Елена. Она чувствовала, как в ее голубые глаза пылают. – Как думаешь, это будет больно, Мисао?

– Это был не ты? – спросила Кэролайн, все еще глядя на Шиничи, она очевидно была не в состоянии идти в ногу со сценарием. – Это был не ты?

Он вздохнул слегка улыбаясь.

– Не я. Боюсь, моя погибель золотые волосы. Золотые... или огненно-красные в черных, поспешно добавил он, взглянув на сестру.

– Так все это было ложью, – сказала Кэролайн. И на мгновение отчаянное выражение на ее лице взяло верх над разгневанным. Но грусть побила оба. – Ты всего на всего, еще один фанат Елены.

– Слушай, – прямо сказала Елена. – Он мне не нужен. Я его ненавижу. Единственный парень, который мне не безразличен это Стефан!

– О, он единственный парень, да? – спросил Деймон, бросая взгляд в сторону Мэтта, державшего Бонни на руках, и одобравшегося ближе к ним пока дрались лисы. А миссис Флауэрс и доктор Альперт, последовали за ним.

– Ты знаешь, что я имела в виду, – сказала Елена Деймону.

Деймон пожал плечами.

– Многие златокудрые красавицы заканчивали как дикие безупречные невесты, – потом тряхнул головой. – Почему я фонтанирую этой дрянью как он?

Его компактное тело, казалось, возвышается над Шиничи.

– Это просто остаточный эффект... одержимости... ты же знаешь, – Шиничи развел руками, все еще глядя на Елену. – Мой образ мышления...

Все это выглядело так, словно назревала новая драка, однако затем Деймон лишь улыбнулся и сказал прищурившись.

– Значит, ты отпустил Мисао в город на вольные хлеба, а сам тем временем следил за Еленой и мной.

– И...

– Муттом, – поспешно добавил Деймон на автомате.

– Я хотела сказать Стефаном, – сказала Елена. – Нет, я предположила бы, что Мэтт стал очередной жертвой плана Мисао и Кэролайн до того, как мы с ним наварались на тебя, когда ты был целиком одержим.

– А теперь ты думаешь, что сможешь так просто уйти, – сказала Кэролайн угрожающе дрожащим голосом.

– Мы уходим, – сухо сказал Шиничи.

– Кэролайн, подожди, – сказала Елена. – Я могу помочь тебе своими Крыльями Очищения. Ты под контролем малахов.

– Мне не нужна твоя помощь! Мне нужен муж!

На крыше воцарилась абсолютная тишина. Даже Мэтт приподнялся на этом.

– Или, хотя бы жених, – пробормотала Кэролайн, прикладывая руку к животу. – Моя семья согласилась бы с этим.

– Мы справимся с этим, – мягко сказала Елена, а затем тверже добавила, – Кэролайн, поверь в это.

– Я бы не стала верить в тебя, если...

Ответ Кэролайн был непристойным. Потом она плюнула в сторону Елены. И затихла, сама или же под руководством малаха внутри нее.

– Вернемся к делу, – произнес Шиничи. – Давайте рассмотрим наши цены за подсказки и за размещение маленького блока памяти. Скажем... от того момента, как я встретился с Деймоном впервые, и до сих пор. Забранные из его разума.

Он мерзко улыбнулся.

– Ты не можешь этого сделать, – Елена почувствовала приступ паники, стреляющий сквозь нее, начиная с сердца и долетая до самых отдаленных уголков тела. – Он другой сейчас. Он вспомнил вещи... он изменился. Если ты заберешь эти воспоминания...

– Тогда все его сладкие изменения исчезнут, – сказал ей Шиничи. – Или ты предпочтешь, чтобы я забрал твою память?

– Да!

– Но ты была единственной, кто слышал подсказки о ключах. И в любом случае я не хочу видеть вещи твоими глазами. Я хочу видеть тебя... его глазами.

Теперь Елена была готова начать еще один бой, ее собственный. Но Деймон уже отдалившись, сказал:

– Иди и бери все, что приглянется. Однако если ты не уберешься из сего города сразу же после, я сниму твою голову вот этими ножницами.

– Согласовано.

– Нет, Деймон...

– Ты хочешь вернуть Стефана?

– Не такой ценой!

– Очень жаль, – вмешался в их разговор Шиничи. – Другой сделки не будет.

– Деймон! Пожалуйста, подумай об этом!

– Я думал. Это моя вина, что малахи распространились так скоро, это, во-первых. Моя вина в том, что не расследовал, происходящее с Кэролайн. Мне было плевать на то, что творилось с людьми столь же долго, сколь новорожденные держаться подальше от меня. Однако я могу исправить некоторые свои деяния в отношении тебя, поисками Стефана, – он развернулся к ней вполоборота со старой «пусть дьявол заботится» улыбкой на губах. – В конце концов, забота о брате, это моя работа.

– Деймон... послушай меня.

Но Деймон смотрел на Шиничи.

– Согласовано, – сказал он. – Ты получил свою сделку.

Глава 39

– Мы выиграли сражение, но не войну, – печально произнесла Елена. Кажется, сражение с близнецами-лисами было вчера. Она была ни в чем не уверена – кроме того, что она жива, что Стефан далеко, а Деймон снова вернулся к старому доброму себе.

– Может, потому, что с нами не было моего драгоценного братца, – сказал он, словно доказывая это. Они ехали в Феррари, пытаясь отыскать Ягуар Елены в реальном мире.

Елена проигнорировала его. Она так же игнорировала и тихое, но назойливое шипение, издаваемое установленным Деймоном прибором, который точно не был магнитолой, поскольку из него доносились только голоса или шум помех.

«Новый вид доски для спиритических сеансов? Аудио вместо всего этого утомительно правописания?»

Елена внутренне содрогнулась.

– Ты дал мне слово, что пойдешь со мной и отыщешь его. Я клянусь,... клянусь Тем Светом.

– Ты утверждаешь, что я дал тебе слово, и ты не лгуныя... нет, не со мной. Я могу читать по твоему лицу, теперь, когда ты человек. Если я дал слово, я дал слово.

Человек? – подумала Елена. – Я-то? Что я вообще?... со всеми этими видами Силы, которые у меня есть? Даже Деймон видит, что Старый Лес изменился в реальном мире. Это больше не древний, полумертвый лес. Весенние цветы распустились там в середине лета. Он теперь полон жизни.

– И в любом случае, это даст мне достаточно времени, дабы побыть наедине с тобой, моя принцесса тьмы.

«Ну вот, мы снова здесь», – устало подумала Елена. – «Но он точно бросит меня одну, если я хотя бы намекну, что мы когда-то смеялись и выбрались на поляну вместе... он на коленях, чтобы устроить мне подставку для ног. Даже я начинаю сомневаться, что это было на самом деле».

Послышался небрежный глухой удар – насколько можно было так сказать, учитывая, обычный стиль вождения Деймона.

– Есть! – поздравил он сам себя, и, когда Елена повернулась, готовая вырвать руль, чтобы заставить его остановиться, невозмутимо добавил, –... к сведению, это был кусок покрышки. Не столь уж много животных угольно черных, изогнутых и в несколько десятых долей дюйма.

Елена промолчала. Что можно ответить на насмешки Деймона? Но в глубине души, она почувствовала облегчение, что Деймон не давит маленьких пушистых зверьков на дороге просто ради развлечения.

Нам придется провести вместе немало времени, – подумала она, и тут осознала, что была и еще одна причина, по которой она не могла просто сказать «Деймон, иссохни и сдохни». Шиничи вложил координаты камеры Стефана в память Деймона, а не в ее. Она отчаянно нуждалась в нем, чтобы он доставил ее в это место и помог сражаться с тем, кто бы ни удерживал Стефана в плену.

Но то, что он забыл, о наличии у нее Силы, было даже хорошо. Есть что приберечь на черный день.

В то же мгновение Деймон воскликнул: – Что за..., – и наклонился поближе, чтобы настроить прибор, а не радио.

– ...овторяю; всем патрульным – разыскивается Мэттью Ханикатт, белый мужчина, рост пять футов, одиннадцать дюймов, светлые волосы, голубые глаза...

– Что это такое? – требовательно спросила Елена.

– Полицейский сканер. Если желаешь по-настоящему жить в этой великой стране свободы, то лучше знать, когда сматываться...

– Деймон, не нужно посвящать меня в свой образ жизни. Я имела в виду, что это было про Мэтта?

– Похоже на то, что они все же решили взяться за него. Коль уж Кэролайн не удалось, как следует отомстить вчера ночью, полагаю, она решила повторить попытку и сделать это сейчас.

– Тогда, мы должны добраться до него первыми – может случиться что угодно, если он останется в Феллс Черч. Но свою машину он взять не может, а эта двухместная. Что будем делать?

– Оставим его полиции?

– Не надо, пожалуйста. Мы должны..., – начала Елена, когда слева на поляне, словно видение, посланное, чтобы доказать ее план, появился Ягуар.

– Мы возьмем эту машину, – наотрез заявила она Деймону. – По крайней мере, она просторная. Если ты хочешь свой полицейский сканер зафигачить в нее, то тебе стоит начать выковыривать его отсюда.

– Но...

– Я еду за Мэттом. Я единственная, кого он станет слушать. Потом мы оставим Феррари в Лесу... или сбросим в ручей, если хочешь.

– О, однозначно ручей.

– На самом деле, у нас нет на это времени. Мы просто оставим ее в лесу.

Мэтт уставился на Елену.

– Нет. Я не буду убегать.

Елена прожгла его взглядом синих глаз.

– Мэтт, полезай в машину. Сейчас же. Отец Кэролайн на короткой ноге с Судьей, который подписал ордер на твой арест. Это будет суд Линча, как говорит Мередит. Даже

Мерedit говорит, что пора бежать. Нет, тебе не нужна одежда, мы все достанем.

– Но... но... это же неправда.

– Они сделают из этого правду. Кэролайн будет плакать и рыдать. Я никогда не думала, что девушка может пойти на такое ради мести, но Кэролайн принадлежит особому виду. Она просто спятила.

– Но...

– Я сказала, садись. Они будут здесь с минуты на минуту. Они уже побывали дома у тебя, и у Мерedit. Кстати, что ты делаешь у Бонни?

Бонни и Мэтт переглянулись.

– Ну, просто я смотрел машину мамы Бонни, – пробормотал Мэтт. – Она опять барахлит и...

– Не важно. Давай, идем со мной. Бонни, что ты делаешь? Перезваниваешь Мерedit?

Бонни немножко подскочила.

– Да.

– Тогда попрощайся с ней за нас, и скажи, что мы все ее любим. И пока. Присмотри за городом, мы будем на связи...

Когда красный Ягуар сорвался с места, Бонни произнесла в телефонную трубку: – Ты была права. Она тянет на пятерку с плюсом, причем далеко. Не знаю, куда именно собирается Деймон – в машине его не было.

Пару мгновений она выслушивала ответ, а потом сказала:

– Хорошо, сделаю. Увидимся.

Она положила трубку и принялась за дело.

Дорогой дневник!

Сегодня я убежала из дома.

Хотя едва ли это можно назвать «убежала», когда тебе почти восемнадцать, ты берешь свою собственную машину, а главное, когда никто на самом деле не знал, что ты вообще была дома. Так что я просто скажу, что теперь я в бегах.

Другая немного шокирующая вещь та, что я убежала с двумя абсолютно разными парнями. И ни один из них не мой парень.

Я говорю это, но... я не могу не вспоминать. Тот взгляд в глазах Мэтта на поляне... я совершенно уверена, что он был готов умереть, защищая меня. Я не могу не думать о том, кем мы когда-то были друг для друга. Эти голубые глаза... не знаю, что со мной не так!

И Деймон. Теперь я знаю, что под слоями и слоями камня, за которыми он утаил свою душу, есть живая плоть. Она глубоко спрятана, но она есть. И, если уж быть честной с самой собой, я должна признать, что он затрагивает что-то глубоко во мне, что заставляет меня дрожать... часть меня, ту которую я сама не понимаю.

Ох, Елена! Прекрати сейчас же! Ты не можешь приблизиться к той темной части твоей души, особенно сейчас, когда у тебя есть Сила. Ты не посмеешь подойти! Теперь все иначе. Ты должна быть более ответственной (а в этом ты не очень хороша!).

И Мерedit нет будет рядом, чтобы помочь мне нести ответственность, вообще. Как это, в конце концов, может сработать? Деймон и Мэтт в одной машине? Путешествие втроем? Можешь себе это представить? Сегодня было уже поздно, и Мэтт до сих пор в шоке, от ситуации, в которой он ничего не может сделать. А Деймон только ухмылялся. Но завтра он непременно будет в своей дьявольской форме, это я точно знаю.

Я все еще думаю, эта большая жалость, что Шиничи пришлось забрать Крылья Искупления у Деймона вместе с его воспоминаниями. Но я твердо верю, что в глубине души осталась крошечная часть Деймона, которая помнит, каким он был, когда мы были вместе. И теперь ему пришлось стать еще хуже, чем обычно, только лишь чтобы доказать, что все его воспоминания, это ложь.

Так что пока ты это читаешь, Деймон – я знаю, что ты заполучишь это как-нибудь и подсмотришь – дай-ка я скажу тебе, что ты был милым какое-то время, точнее – МИЛЫМ, и

это было забавно. Мы разговаривали. Мы даже смеялись – над одними и теми же шутками. И ты... ты был нежным.

А сейчас ты снова: «Неа, это просто очередная интрига Елены, с целью заставить меня думать, что я могу развернуться... Однако я знаю, куда иду, и мне плевать». Это не колокол ли звонит, Деймон? Говорил недавно что-то подобное кому-либо? А если нет, то откуда я их взяла? Может, я действительно говорю правду?

А теперь я собираюсь забыть о том, что ты полностью замарал свою честь чтением чужих секретов.

Что еще?

Во-первых, я скучаю по Стефану.

Во-вторых, я толком не собралась. Мы с Мэттом заскочили в пансион, он схватил деньги, которые Стефан оставил мне, а я схватила охапку вещей из шкафа – видит Бог, что я захватила кофты Бонни, штаны Мередит и ни одной приличной ночной рубашки.

Но, по крайней мере, у меня есть ты, мой драгоценный друг, подарок, который Стефан берег для меня. Все равно я никогда не любила печатать в файле под названием «Дневник». Чистые блокноты, вроде тебя, это мой стиль.

В-третьих, я скучаю по Стефану. Я так по нему скучаю, что плачу, когда пишу об одежде. И это выглядит так, будто я плачу из-за одежды, что делает меня крайне поверхностной. Да, иногда мне хочется кричать.

В-четвертых, я хочу закричать прямо сейчас. Только вернувшись в Феллс Черч, мы обнаружили все те ужасы, которые малахи оставили нам. Еще одна маленькая девочка может быть одержима, как Тами, Кристин и Эйва – но я не уверена, поэтому я ничего не смогла сделать. Но у меня такое чувство, что мы еще не сталкивались с четвертой одержимой.

Пятое, но худшее то, что случилось в доме Сэтао. Изабелл в больнице с инфекцией во всех ее проколах. Обаасан, как все называли бабушку Изабелл, не была мертва, как поначалу решили парамедики, первыми добравшиеся до их дома. Она была в глубоком трансе,... пытаясь связаться с нами. Возможно какую-то часть мужества и веры в себя, я получила благодаря исключительно ей, но этого я никогда не узнаю.

В коморке был Джим Брайс. Он... ох, я не могу об этом писать. Он был капитаном баскетбольной команды. Он поедал самого себя. Всю свою левую руку, и пальцы на правой, и губы. И воткнул карандаш через ухо прямо в мозг. Они сказали (я это услышала от Тайрона Альперта, внука доктора), что такое называется синдромом Леша-Нихана (sp? Я только слышала, как об этом говорили), это редкость, но есть и другие, такие как он. Так говорят врачи. А я скажу, что это малах заставил его. Но они бы мне не позволили даже попытаться извлечь это из него.

Я даже не могу сказать, жив ли он. И не могу сказать, мертв ли. Его собираются поместить в спец-заведение, для долгосрочных случаев.

Здесь мы потерпели неудачу. Я потерпела. Это действительно не была вина Джима. Да, он провел с Кэролайн одну ночь, а потом передал малаха его девушке Изабелл и его младшей сестре Тами. Потом Кэролайн и Тами передали его дальше. Они пытались заразить им Мэтта, но он им не позволил.

В-шестых, все три девочки, определенно одержимы малахом, как говорит Шиничи, с подачи Мисао. Они твердят, что не помнят, ни как себя украшали, ни как предлагали себя незнакомцам. Они, кажется, не помнят ничего о времени своей одержимости, и сейчас ведут себя совершенно иначе. Тихо. Спокойно. Если бы я верила, что Мисао может так просто сдаться, я бы сказала, что с ними все будет в порядке.

Хуже всего думать о Кэролайн. Она когда-то была моим другом, а сейчас... сейчас я думаю ей, как никогда, нужна помощь. Деймон заполучил ее дневник – она записывает саму себя на видеокамеру – и мы просмотрели, как она разговаривала с зеркалом,... и как зеркало разговаривало с ней. В основном это был ее собственный образ, но иногда – чаще в начале или в конце сессии – это было лицо Шиничи. Он красив, разве что немного диковат. Я понимаю, как Кэролайн могла запасть на него и согласиться быть носителем малаха в нашем

городе.

С этим все кончено. Я знаю, я использовала все Силы, которые у меня были, чтобы избавить девочек от малаха.

Кэролайн, конечно, и близко бы меня не подпустила.

И еще те обреченные слова Кэролайн: – «Мне нужен муж!». Любая девушка понимает, что это означает. Любая девушка сочувствует той, кто говорит такое, даже если они и недруги.

Кэролайн встречалась с Тайлером Смоллвудом до того дня две недели назад. Мередит говорит, что Кэролайн его бросила, и, похищение ее для Клауса, являлось мстью Тайлера. Но если до этого они спали вместе, не предохраняясь «а Кэролайн достаточно глупа, чтобы пойти на это», она могла точно знать, что беременна, и подыскивала себе нового парня, когда появился Шиничи. (Что было до того, как я воскресла). А теперь она пытается повесить все на Мэтта. Это было банальное черное везение, что малах напал на Мэтта в ту же ночь, когда – как она утверждает – это произошло, и тот старик, соседский сторож, видел Мэтта, подъехавшего к дому и отключившегося на руле, словно он был пьян или под кайфом.

Или, может, это не было просто удачей. Может, это все тоже часть игры Мисао.

Сейчас я собираюсь поспать. Слишком много мыслей, слишком много проблем. И, да, я скучаю по Стефану. Он бы, несомненно, помог мне справиться с беспокойством в своей обычной мягкой, но дальновидной манере.

Я буду спать в машине, заперев все двери. Парни поспят снаружи. По крайней мере, мы с этого начали, – по их настоянию. И по крайней мере, они сошлись во мнениях.

Не думаю, что Мисао и Шиничи оставили Феллс Черч надолго. Не знаю, ушли они на пару дней, недель или месяцев, но Мисао исцелится, и они обязательно вернуться.

Это значит, что Деймон, Мэтт и я – беглецы в обоих мирах.

И я понятия не имею, что произойдет завтра.

Елена.

Продолжение следует...